

СОЧИНЕНІЯ

В. БЪЛНСКАГО.

СОЧИНЕНІЯ
В. БЪЛИНСКАГО

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА И ЕГО ФАКСИМИЛЕ).

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Изданіе пятое

ЦѢНА ЗА КАЖДУЮ ЧАСТЬ 1 Р. 25 К.

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и Б^о, Леонтьевскій пер.. № 5
1891

1843.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

КРИТИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1842 ГОДУ.

Было время, когда журналы, въ Европѣ, по преимуществу назывались «зрителями»; теперь имя «обозрѣній» (revues) осталось за ними исключительно и значить то же самое, что у насъ, на Руси, слово «журналъ», а журналами называются тамъ газеты. Въ этихъ названіяхъ столько же основательности и толку, сколько у насъ неосновательности и безтолковости. Большая часть журналовъ у насъ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, тогда какъ иностранное слово «журналъ» совершенно равнозначительно русскому «дневникъ» или «ежедневникъ». Слово «газета», оставшееся у насъ преимущественно за тѣми періодическими изданіями, которыя за-границею называются «журналами», не выражаетъ никакого смысла, почему почти и оставлено въ Европѣ. Еще болѣе основательности и глубокаго смысла видно въ замѣненіи слова «зритель» словомъ «обозрѣніе»; эта перемѣна, какъ нельзя лучше, характеризуетъ собою двѣ эпохи: одну, когда люди только созерцали и смотрѣли на жизнь, какъ на занимательный спектакль, и другую, когда люди уже не довольствуются только тѣмъ, что смотрятъ глазами, а хотятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, смотрѣть и умомъ. Предшествовавшая эпоха была созерцательная; настоящая эпоха сознательная. Отсюда-то и происходитъ эта живая, беспокойная, тревожная потребность, едва кончивъ дѣло, обозрѣть его поскорѣе, едва

пройдя нѣсколько шаговъ, оглянуться назадъ и отдать себѣ отчетъ въ пройденномъ пространствѣ. Это доказываетъ, что теперь факты—ничто, и одно знаніе фактовъ также ничто, но что все дѣло въ разумѣніи значенія фактовъ. Мы этимъ отнюдь не хотимъ сказать, чтобъ фактическое знаніе было не нужно, бесполезно: мы хотимъ сказать только, что знаніе фактовъ безъ разумѣнія ихъ еще не есть знаніе въ истинномъ и высшемъ значеніи этого слова. Безъ знанія фактовъ невозможно и разумѣніе ихъ, потому что когда нѣтъ фактовъ, какъ данныхъ, какъ предметовъ знанія, тогда нечего и уразумѣвать; слѣдовательно, и фактическое знаніе необходимо; только безъ философскаго знанія оно будетъ такимъ же призракомъ, какъ и философское знаніе безъ фактическаго подготовленія и основанія. И дѣйствительно, въ прежнюю, созерцательную эпоху, только смотрѣли на то, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ и, посмотрѣвъ, записывали, что видѣли; теперь смотрять еще пристальнѣе, еще внимательнѣе, но смотря, вникають и судять, и тогда только почитаютъ себя что-нибудь увидѣвшими, когда откроютъ смыслъ и значеніе увидѣннаго, переведутъ фактъ на идею.

У насъ общественная жизнь преимущественно выражается въ литературѣ. Поэтому, ничего нѣтъ мудренаго, если всѣ наши журналы по преимуществу—журналы литературные, наполняемые или произведеніями литературы, или толками о литературѣ. Наука у насъ еще слишкомъ нѣжное и слабое растеніе, которому еще некогда было даже пустить корней, не только развернуться пышнымъ и благоуханнымъ цвѣтомъ. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобъ у насъ не было науки: это значитъ только, что наука на Руси до сихъ поръ еще что-то въ родѣ элевзинскихъ таинствъ,—исключительное достояніе небольшого избраннаго класса людей, а не цѣлаго общества, какъ въ западной Европѣ. Многіе еще, изъ посвящающихъ себя исключительно наукѣ, у насъ учатся не для знанія, а для аттестатовъ, открывающихъ путь къ разнымъ

преимуществамъ по службѣ. Засѣданія ученыхъ обществъ въ глазахъ нашей публики—родъ спектакля, на который должно смотрѣть съ приличною важностію, не зѣвая. Самъ Араго не привлекъ бы, своими чтеніями и отчетами, разнообразной и полной просвѣщеннаго интереса толпы. Вотъ почему мы говоримъ, что наука на Руси пока еще—нѣжное и слабое растеніе, не успѣвшее еще пустить корней въ новую, неразработанную для него почву, и поддерживаемое только благородными, великодушными усиліями просвѣщеннаго правительства. За то литературныя публичныя чтенія, затѣянные сколько-нибудь извѣстнымъ въ литературѣ лицомъ, у насъ могутъ привлекать разнородную толпу, которая готова стекаться на нихъ всегда съ бѣльшимъ или меньшимъ интересомъ, и не только (такъ или сякъ) будетъ понимать ихъ, но еще и принимать ихъ съ этимъ восторгомъ, или съ этимъ неудовольствіемъ, которые всегда означаютъ живое участіе къ дѣлу литературы. Ужъ нечего и говорить о томъ, что всѣ сколько-нибудь замѣчательныя литературныя произведенія находятъ себѣ у насъ покупателей и почитателей; нѣкоторые журналы поддерживаются значительнымъ числомъ подписчиковъ, журнальныя мнѣнія раздѣляютъ публику на литературныя котеріи. Послѣднее обстоятельство особенно важно. Безъ литературнаго мнѣнія, сколько-нибудь оригинальнаго и самобытнаго, высказываемаго съ бѣльшимъ или меньшимъ умомъ и талантомъ, теперь и у насъ журналъ уже не можетъ имѣть успѣха. Критика, въ отношеніи къ успѣху и вліянію журнала, начинаетъ становиться едва ли не важнѣе самихъ повѣстей. Правда, подъ «критикою» у насъ еще не всѣ разумѣютъ разсмотрѣніе произведеній искусства на основаніи науки изящнаго; напротивъ, большая часть публики добродушно почитаетъ критикою всякую болтовню о литературныхъ предметахъ, всякую рецензію на пустую книжонку,—и потому у насъ стѣдитъ только назвать себя критикомъ, чтобъ прослыть критикомъ. Такъ, иной правоописательный сочинитель, въ

жизнь свою ненаписавшей ни одной критической статьи, никогда и неслыхивавшей, что есть на свѣтѣ наука изящнаго, философія искусства, совершенно чуждый какого-нибудь взгляда на поэзію, какого-нибудь убѣжденія, тѣмъ не менѣе гордо величаетъ себя «критикомъ», потому только, что давно уже марааетъ статейки въ плохой газетѣ, гдѣ бранить съ плеча всякій талантъ, всякій успѣхъ, заслоняющій его, или, помирившись съ подобнымъ себѣ витяземъ, потомъ бранить его, а послѣ опять мирится съ нимъ—до новой размолвки и новой мировой сдѣлки, и постоянно хвалить только себя и свои книжныя издѣлія. Но все это нисколько не противорѣчитъ высказанному нами мнѣнію о важной роли, которую играетъ критика въ нашихъ журналахъ, какъ выраженіе литературныхъ понятій, убѣжденій и мнѣній, притомъ же, наша критика состоитъ не изъ однихъ такихъ жалкихъ явленій, но по справедливости можетъ гордиться и утѣшительными исключеніями. И такъ, этотъ успѣхъ журналистики, душа которой—критика, служитъ самымъ яснымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что литература наконецъ укоренилась на почвѣ русской національности, вошла въ жизнь общества, сдѣлалась его обычаемъ и живою потребностію и уже перестала быть внѣшнимъ нововведеніемъ, модою, или книжнымъ педантизмомъ. Поэтому, ничего нѣтъ удивительнаго, что у нашего общества литература стоитъ на первомъ планѣ, и что у насъ съ важностію разсуждаютъ и съ горячностію спорятъ о томъ, о чемъ за-границею говорятъ хладнокровно, какъ объ интересѣ важномъ, но уже второстепенномъ и отнюдь не исключительномъ.

Послѣ всего этого, должно казаться страннымъ, что въ современныхъ русскихъ журналахъ, за исключеніемъ «Отечественныхъ Записокъ», нѣтъ ни историческихъ, ни годовыхъ и никакихъ обзорній русской литературы? И это тѣмъ страннѣе, что съ небольшимъ за десять лѣтъ назадъ, обзорнія такого рода были въ большомъ ходу: ими

наполнялись журналы, безъ нихъ не могли обходиться альманахи. Потомъ вдругъ какъ и не бывало литературныхъ обозрѣній! Кромѣ равнодушія къ дѣлу литературы, этому не можетъ быть другой причины: по словамъ мудрой русской пословицы — что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить. Скажутъ: вольно же ребячиться и толковать о пустякахъ! Хорошо; но если литература для кого-нибудь — пустяки, такъ пусть же тотъ и не издастъ литературныхъ журналовъ, чтобъ не противорѣчить самому себѣ и не обнаружить, противъ своей воли, какихъ-нибудь совѣмъ не литературныхъ цѣлей, а на примѣръ, торговыхъ и т. п. Кто на литературу смотритъ какъ на что-то важное, въ глазахъ того обозрѣнія литературы не могутъ не имѣть большой важности. Литературныя обозрѣнія — это живая лѣтопись мнѣній различныхъ эпохъ; а какъ Россія во многихъ отношеніяхъ развивается непомѣрно быстро, то у насъ что годъ, то и эпоха, слѣдовательно, и лѣтописи нашей литературы не могутъ не быть разнообразны, живы и интересны. Любопытно наблюдать за процессомъ мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ въ разное время, у разныхъ поколѣній; любопытно видѣть какъ думали, на примѣръ, о Ломоносовѣ или Державинѣ въ ихъ время, и какъ думаютъ о нихъ теперь. Любопытно видѣть итоги каждаго года, и по нимъ слѣдить за каждымъ успѣхомъ литературы, за каждымъ ея шагомъ впередъ. И потому мы думаемъ, что публика не можетъ не одобрить принятаго нами намѣренія — начинать каждую первую книжку новаго года «Отечественныхъ Записокъ» взглядомъ на прошлогоднюю литературу, — намѣреніе, которое уже сряду третій годъ постоянно выполняется нами, не въ примѣръ прочимъ журналамъ.

Литературныя обозрѣнія первый началъ Марлинскій. Его статьи въ этомъ родѣ имѣли чрезвычайный успѣхъ въ публикѣ. На нихъ смотрѣли какъ на что-то необыкновенное, гениальное. Теперь они не болѣе, какъ интересный фактъ

для исторіи русской литературы. Теперь уже никого не изумять фразы, что Ломоносовъ озарилъ своимъ явленіемъ Русь подобно сѣверному сіянію, что стихи Пушкина—жемчугъ, разсыпанный по бархату и т. п. Но въ свое время, обозрѣнія Марлинскаго были дѣйствительно необыкновеннымъ явленіемъ, которое не могло не показаться великимъ. Критика, до Марлинскаго, была книжною и педантическою, безъ истинной учености, безъ всякаго отношенія къ современному состоянію науки объ изящномъ. Истинному глубокомыслію и истинной учености прощается и тяжеловатость и педантизмъ, если они какъ-нибудь приросли къ ней; но педантизмъ и школьничество, невыкупаемые мыслію и основательностію — самая отвратительная вещь въ мірѣ. Наша ученая критика того времени не справлялась съ ходомъ времени и повторяла избытка общія мѣста о старыхъ писателяхъ, упорно не признавая въ Пушкинѣ ни таланта, ни заслуги. Марлинскій заговорилъ о литературѣ языкомъ свѣтскаго человѣка, умнаго, образованнаго и талантливаго, заговорилъ языкомъ новымъ, небывалымъ, острымъ, блестящимъ. Ради этихъ, новыхъ тогда, достоинствъ, никто не замѣтилъ жидкости содержанія въ его часто до изысканности оригинальныхъ и блестящихъ фразахъ, неопредѣленности въ его характеристикахъ. Удержавъ, по старой памяти, кое-что изъ мнѣній прежняго времени, Марлинскій все это выражалъ однакожь новымъ образомъ, отъ чего и старыя мысли приняли у него видъ новыхъ; увлекаясь очень понятнымъ пристрастіемъ къ современному, онъ иное хвалилъ не по достоинству, но за то умѣлъ восхищаться всѣмъ истинно-прекраснымъ, и тяжело поражалъ своимъ фейерверочнымъ остроуміемъ посредственность и бездарность. Одно уже то, что онъ былъ страшнымъ врагомъ ложнаго классицизма и сильнымъ союзникомъ плохо понимаемаго и новаго, тогда такъ называемаго романтизма,—одно уже это облекало въ ми-

стическое величіе его достоинство какъ критика. Послѣ Марлинскаго неутомимымъ «обозрѣвателемъ» былъ весьма извѣстный въ свое время, но теперь совершенно забытый г. Орестъ Сомовъ. Въ его статьяхъ не было никакого литературнаго мнѣнія, никакого основанія, никакого блеска, и они скоро всѣмъ надоѣли и обратились въ предметъ насмѣшекъ со стороны всѣхъ журналовъ. Потомъ, замѣчательнѣйшею статьею въ этомъ родѣ было «Обозрѣніе русской словесности 1829 года» г. И. Кирѣвскаго, напечатанное въ «Денницѣ» г. Максимовича. Въ статьѣ г. Кирѣвскаго чувствуется присутствіе мысли; по крайней мѣрѣ, есть нѣсколько отдѣльныхъ мыслей, вѣрныхъ и оригинальныхъ; но приложеніе ихъ отзывается неопредѣленностію и не идетъ къ дѣлу. Г. Кирѣвскій не только безусловно и безотчетно превознесъ, а не оцѣнилъ, — ибо оцѣнка есть сужденіе, а не гимнъ хвалебный, — исторію Карамзина, но и разныя маленькія знаменитости того времени. Такъ, напр., онъ накинулъ «душегрѣйку новѣйшаго унынія» на греческую музу Дельвига, между тѣмъ, какъ въ подражаніяхъ Дельвига древнимъ еще менѣе античнаго, пластическаго и антологическаго, чѣмъ русскаго въ его русскихъ пѣсняхъ. Даже въ стихотвореніяхъ г. Шевырева г. Кирѣвскій нашелъ только одинъ недостатокъ — не отсутствіе поэзіи, которой въ нихъ совершенно нѣтъ, не дикую вычурность абстрактныхъ идей и напряженнаго выраженія, а — «излишество мысли»!... Это обозрѣніе возбудило противъ себя сильную враждебность въ журналахъ, сколько по своимъ парадоксамъ, столько и по нѣкоторымъ истинамъ, горькимъ и рѣзко-высказаннымъ, которыя не всѣмъ могли понравиться. — Вообще, главный отличительный характеръ всѣхъ прежнихъ литературныхъ обозрѣній состоитъ въ томъ, что они обольщались мнимыми литературными сокровищами. Отрывокъ изъ неоконченной поэмы считался важнымъ пріобрѣтеніемъ для литературы; плаксивая элегія, напечатанная въ альманахѣ, возбуждала

толки и споры; всякая повѣстка считалась дивомъ. Теперь смѣшно и вспомнить, какъ всё были заинтересованы коротенькими отрывочками изъ повѣсти Байскаго «Гайдамаки», повѣсти, дѣйствительно не дурной по разсказу, но тянувшейся нѣсколько лѣтъ и оставшейся безъ конца и связи. Даже романъ г. Б. Ф(Ѳ)едорова «Андрей Курбскій» возбуждалъ ожиданіе и толки. Числительное богатство принималось за качественное, и этому богатству конца не видѣли. Книгъ было немногимъ больше теперешняго, но за то почти каждая книга считалась важнымъ явленіемъ въ литературѣ; крохотные отрывочки въ крохотныхъ альманахахъ, каждое стихотвореніе, даже эпиграмма,—все это поименовывалось въ «обозрѣніяхъ» и причислялось къ общей суммѣ литературнаго богатства. Иначе и быть не могло. Всякая важная новость, смѣняющая собою надобвшую старину, принимается за одно съ достоинствомъ и совершенствомъ. Такъ называемый романтизмъ былъ тогда еще новостію, и потому почти всякое «романтическое» произведеніе считалось «превосходнымъ» произведеніемъ. Восхищеніе отнимало способъ думать и судить.

Въ чемъ же долженъ состоять характеръ литературныхъ обозрѣній нашего времени? И даже есть ли теперь что-нибудь, чтó обозрѣвать! Вѣдь теперь и книгъ меньше, и журналовъ меньше, стало-быть, и литература вообще бѣднѣе?

Такъ можетъ казаться, но не такъ это на дѣлѣ. Мы сейчасъ сказали, что богатство прежняго періода нашей литературы было больше числительное, нежели качественное, больше воображаемое, нежели существенное. Истинное ея богатство состояло въ произведеніяхъ Пушкина, да въ «Горѣ отъ Ума» Грибоѣдова; кое-что изъ остальнаго имѣло свое относительное достоинство, а бѣдшая часть—ровно никакого, между тѣмъ, какъ все это принималось тогда почти съ такимъ же энтузіазмомъ, какъ и новыя произведенія Пушкина. Кто не считался тогда поэтомъ, кто не былъ знаменитъ?—Теперь

едва ли повѣрять, если сказать, что съ небольшимъ лѣтъ за десять, имена гг. Олина, Кардьгофа, Сомова, Писарева, Аладьина, Раича, Погорѣльскаго, Яковлева (автора «Удивительнаго Человѣка»), Иличевскаго. Ротчева, Глаголева, и многихъ, многихъ другихъ считались чуть не знаменитостями литературными... Что касается до журналовъ, — ихъ было больше, потому что ихъ легче было издавать. Страсть печататься доставляла издателямъ или за самую умѣренную цѣну, или—и это бѣдшею частію,—совершенно безденежно переводныя и оригинальныя статьи, которыми они и наполняли тощенькія и маленькія книжки своихъ журналовъ. «Телеграфъ» столько же по величинѣ своихъ книжекъ и по внѣшнему изяществу изданія, сколько и по внутреннему достоинству, справедливо считался первымъ и лучшимъ журналомъ въ Россіи; а между тѣмъ, каждый томъ «Телеграфа», заключавшій въ себѣ четыре книжки за два мѣсяца, едва ли не въ половину меньше былъ каждой книжки «Отечественныхъ Записокъ», выходящей одинъ разъ въ мѣсяцъ. Если разница во внѣшнемъ изяществѣ изданія «Телеграфа» не слишкомъ велика съ нынѣшними журналами, то взгляните на картинки модъ «Телеграфа» и сравните ихъ съ нынѣшними. Конечно, все это не составляетъ сущности журнала, но мы и говоримъ не о сущности, а о трудности, съ которою, по причинѣ усилившихся требованій со стороны публики, теперь сопряжено изданіе журнала сравнительно съ прежними временами. Что же касается до сущности, то и тутъ какая огромная разница! Тогда «Телеграфъ» щеголялъ повѣстями Марлинскаго, которыя считались созданіями величайшаго генія и приводили въ восторгъ и изумленіе почти всю читающую публику. Повѣсти г. Полеваго почитались тоже такими произведеніями, которыя могли бы служить украшеніемъ любому европейскому журналу,—и вѣрно многіе, подобно намъ, не могутъ теперь вспомнить безъ улыбки живѣйшаго удовольствія, какой сильный интересъ возбудили въ публикѣ «Живо-

писецъ», «Блаженство Безумія» и «Эмма»: воспоминанія дѣтства такъ отрадны и сладостны, что мы не безъ сердечнаго трепета вспоминаемъ иногда романы Радклифъ, Дюкре-дю-Мениля и Августа Лафонтена и, смѣясь надъ ними, все-таки любимъ ихъ, какъ добрыхъ друзей нашего мечтательнаго дѣтства, какъ ослѣпшую отъ старости собачку, съ которою мы играли, когда она была еще щенкомъ!... И что говорить о повѣстяхъ г. Полеваго:—повѣсти г. Погодина многимъ нравились въ свое время; трудно повѣрить, а это было точно такъ: «Черная Немочь» надѣлала шуму... И вотъ оно — то богатство, какимъ горда была наша литература предшествовавшаго періода, который можно, не рискуя ошибиться, назвать «романтическимъ»!

Добрый и невинный романтизмъ! какъ боялись тебя классическіе парики, какимъ буйнымъ и неистовымъ почитали они тебя, сколько зла пророчили они отъ тебя,—тебя, бывшаго въ ихъ глазахъ страшнѣе чумы, опаснѣе огня! А ты, добрый и невинный романтизмъ, ты былъ просто—рѣзвое, шаловливое дитя, проказливый школьникъ, который смѣтилъ, что его «классическій» учитель ужасно глупъ, да и давай надъ нимъ потѣшаться, сдергивая колпакъ съ его дремлющей лысой головы, и нацѣпляя бумажки на заднія пуговицы его старомоднаго кафтана... И что же такое сдѣлалъ, если разсмотрѣть хорошенько, ты, такъ гордившійся и величавшійся своими заслугами!—Черезъ г. Летурнѣра, поправленнаго, съ грѣхомъ пополамъ, г-мъ Гизо, ты кое-какъ познакомился съ Шекспиромъ, да и началъ, съ голосу парижскихъ романтиковъ, кричать о сердцевѣдѣніи, о глубинѣ идей, о силѣ страстей, о вѣрномъ изображеніи дѣйствительности; а вѣдь—признайся (дѣло прошлое!): тебѣ въ Шекспирѣ полюбились только побранки мужиковъ и солдатъ, разнообразіе и множество персонажей, да несоблюденіе, дѣйствительно нелѣпаго, драматическаго тріединства?... Написалъ ли ты хоть одну драму въ родѣ Шекспировыхъ драмъ? Перевелъ

ли ты одну изъ нихъ такъ, чтобъ можно было видѣть, что ты понялъ Шекспира? Правда, переведены у насъ двѣ драмы Шекспира достойнымъ его образомъ, да не тобою, мой верхоглядый романтизмъ: ты только изуродовалъ «Гамлета» да «Виндзорскихъ Проказницъ», позволивъ себѣ передѣлывать ихъ по своему идеалу... Такъ или сякъ познакомился ты и съ Шиллеромъ; но что понялъ ты въ немъ!—ты понялъ, и то по своему, по дѣтски, «дѣву неземную», да «любовь идеальную», а вѣчнаго глагола разума, а божественной любви къ человѣчеству—ты и не предчувствовалъ въ Шиллерѣ; ты и не подозрѣвалъ въ немъ провозвѣстника двухъ великихъ словъ великаго будущаго—разума и человѣчества... И вотъ ты, съ радости, что не понялъ Шиллера, давай писать, благозвучными Расиновскими стихами, Шиллеровскую драму, гдѣ донскіе казаки мечтаютъ «о Шиллерѣ, о славѣ, о любви»... Также, сводилъ тебя съ ума и «Гецъ фонъ-Берлихингенъ» Гёте—и ты пренелѣпо перевелъ его романтическимъ языкомъ русскихъ мужичковъ... Много ты слышалъ и о «Фаустѣ» Гёте, наболталъ о немъ съ три короба, и наконецъ (не дрогнула же у тебя рука на такое незаконное дѣло!)—и его перевелъ... Частію по французскимъ переводамъ, частію по дряннымъ російскимъ предложеніямъ, ты познакомился съ Вальтеръ-Скоттомъ, и тебѣ, самонадѣянному юношѣ-самоучкѣ, показалось, что ты разгадалъ тайну таланта великаго Шотландца, и что тебѣ ничего не стѣдуетъ самому сдѣлаться такимъ же «романтикомъ».—И вотъ ты началъ тайкомъ перелистывать исторію Карамзина, браня ее въ слухъ (какъ «классическое» произведеніе), и, бывало, возьмешь изъ нея на-прокатъ какое-нибудь событіе, да лица два-три, завяжешь имъ глаза, да ипустишь ихъ играть въ жмурки съ картонными марьйонетками собственнаго твоего изобрѣтенія... И сколько повѣстей надѣлалъ ты изъ степенной русской исторіи, заставивъ чинныхъ русскихъ бояръ мстить по-черкески, клясться не иначе, какъ смертью и

адамъ, и кричать на каждой страницѣ: га!... Злодѣй, ты уцѣпился за новѣйшую исторію, которую изучилъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей»; ты не пощадилъ и Наполеона, не убоился оскорбить его развѣнчанной тѣни, и смѣло заставилъ его играть престранную роль въ твоихъ площадныхъ сказкахъ, сводить и знакомить его съ разными романтическими чудаками, незаконными дѣтьми твоей фантазіи... На горе себѣ, какъ-то познакомился ты съ гениальнымъ сумасбродомъ, съ Нѣмцемъ Гофманомъ, забредилъ «фантастическимъ, переболталъ его съ «идеальнымъ», подбавивъ въ эту амальгаму сантиментальной водицы изъ, памятныхъ тебѣ по дѣтству, романовъ Августа Лафонтена,—и потянулись у тебя длиною вереницею безобразныя повѣсти и романы: съ блаженствующими отъ сумасшествія, съ лунатиками, сомнамбулами, магнетизёрами, идеальными кухарками, мѣщанскими поэтами, мечтателями, пряничными Аббаддонами, сахарною любовью, мышинымъ героизмомъ, и тому подобнымъ разнымъ вздоромъ... Но всѣхъ болѣе виновать ты передъ пѣвцомъ «Гяура» и «Манфреда»: лишь только слышалъ ты о немъ, какъ и началъ проклинать жизнь, ненавидѣть человѣчество, любоваться адамъ и вяло воспѣвать.

. . . Поблекшій жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ восемнадцать лѣтъ...

Ты провозгласилъ Байрона пѣвцомъ отчаянія и эгоизма, блуждающею кометою, озарившею міръ кровавымъ заревомъ... Добрякъ! говорю тебѣ—ты не понялъ его, этого Байрона, ты не понялъ ни его идеала, ни его паюса, ни его генія, ни его кровавыхъ слезъ, ни его безотраднaго и гордаго, на самомъ себѣ опершагося отчаянія, ни его души, столько же нѣжной, кроткой и любящей, сколько могучей, непреклонной и великой! Байронъ—это былъ Прометей нашего вѣка, прикованный къ скалѣ, терзаемый коршуномъ: могучій гений,

на свое горе, заглянулъ впередъ,—и не разсмотрѣвъ, за мерцающею далью, обѣтованной земли будущаго, онъ проклялъ настоящее и объявилъ ему вражду непримиримую и вѣчную; нося въ груди своей страданія милліоновъ, онъ любилъ челоувѣчество, но презиралъ и ненавидѣлъ людей, между которыми видѣлъ себя одинокимъ и отверженнымъ, съ своею гордою борьбою, съ своею безсмертною скорбію... Не кометою, блуждающею и безобразною, былъ онъ, а новымъ духомъ, поборавшимъ за челоувѣчество, въ огнепернатомъ шлемѣ на головѣ, съ пламеннымъ мечемъ въ рукѣ, съ эгидою будущей побѣды, близкаго торжества... А ты, добрый и невинный романтизмъ русскій, создалъ себѣ, въ своемъ ребячествѣ, какой-то призракъ Байрона, столько же похожій на Байрона, сколько тѣнь, отбрасываемая на солнцѣ челоувѣкомъ, похожа на челоувѣка. Да и гдѣ, изъ чего было тебѣ создать истинный идеалъ Байрона?—гдѣ взялъ бы ты глубокаго сочувствія ко всему челоувѣческому, глухихъ рыданій, никому невидныхъ, но тѣмъ болѣе сокрушительныхъ,—ты, добрый юноша, съ глазами унылыми, но отъ модной тоски,—съ щеками нѣсколько блѣдными, но отъ ночныхъ пировъ и дикихъ хоровъ московскихъ Египтянокъ, въ просторѣчиі называемыхъ Цыганками,—съ характеромъ раздражительнымъ и нѣсколько нелюдимымъ, но отъ разстроеннаго пищеваренія, вслѣдствіе неразчитаннаго усердія къ Вахху и Кому,—съ душою праздною и скучною, но отъ излишней любви къ «сладостной лѣни»?... Не только ты добрый и невинный романтизмъ, не только ты не понялъ новаго воителя: его не понялъ и тотъ великій русскій поэтъ, котораго такъ несправедливо называлъ ты своимъ отцомъ, и котораго еще несправедливѣе называлъ ты то сѣвернымъ, то русскимъ Байрономъ...

И такъ, гдѣ же твои заслуги, о нашъ безвременно скончавшійся романтизмъ? Ужь не разгульные ли пѣсни, писанныя бойкимъ четырехстопнымъ ямбомъ, «торопливымъ скорохо-

домъ», въ которыхъ все такъ исполнено невинности и романтизма—и похмѣлье, и звонъ разбиваемаго стекла, и разгульный вѣнокъ, и пламенныхъ восторговъ кипятюкъ?... Ужь не подражанія ли древнимъ, въ которыхъ греческаго—одни гексаметры, да и то русскіе, одни длинные составные эпитеты, клонящіе ко сну? Ужь не...

Но довольно. Всѣхъ проказъ нашего романтизма не перескажешь. Какъ всѣ эпохи переходныя, когда старое безусловно отрицается во имя новаго, которое непонятно,—романтизмъ нашъ былъ пустъ и бесплоденъ; отъ этого изъ него и не вышло ничего, кромѣ великолѣпнаго вздора программъ и подписокъ на ненаписанныя и неоконченныя сочиненія... И не у насъ однихъ романтизмъ былъ такъ бесплоденъ, но и у Французовъ, у которыхъ онъ также былъ переходнымъ моментомъ и не чѣмъ-нибудь положительнымъ, а только реакціе псевдо-классицизму. Въ самомъ дѣлѣ, что прочнаго, великаго, вѣковаго и безсмертнаго произвели эти мнимо-геніяльные представители юной Франціи? Люди они были, дѣйствительно, съ блестящими дарованіями, въ ихъ произведеніяхъ много блеска ума, живости, увлеченія: но эти легкія и скороспѣлыя произведенія были литературныя подсыжники, пророчившіе весну, а не пышныя, благоуханныя розы роскошнаго мая. Минута родила ихъ—съ минутой и исчезли они, и кто теперь взглянетъ на эти увядшіе, высохшіе и выдохшіеся цвѣты, кто питается ими, кромѣ тѣхъ, кому сама природа назначила въ пищу—сѣно?... Что такое теперь колоссальный геній—Викторъ Гюго?—человѣкъ, у котораго когда-то былъ блестящій талантъ, человѣкъ, который написалъ нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, вмѣстѣ съ множествомъ посредственныхъ и плохихъ, и котораго лирическая поэзія; взятая какъ нѣчто цѣлое, какъ отдѣльный міръ творчества, чужда всякаго характера, всякаго значенія, всякаго общаго паюса. Что такое его препрославленная «Notre Dame de Paris?» Тяжелый плодъ

напряженной фантазіи, *tour de force* блестящаго дарованія, которое раздувалось и пыжилось до генія; пестрая и лишенная всякаго единства картина ложныхъ положеній, ложныхъ страстей и ложныхъ чувствъ; океанъ изящной риторики, дикихъ мыслей, натянутыхъ фразъ, словомъ, всего, что способно приводить въ бѣшенный восторгъ только пыжкихъ мальчиговъ... Что такое его драмы?—жалкія усилія безпокойнаго самолюбія, уродливыя клеветы на природу человѣка... А этотъ «скромный» Дюма, этотъ полу-Негръ, полу-Французъ, который такъ гордъ бѣшенствомъ и свирѣпостію своихъ ощущеній, который, по собственному признанію, бралъ у Шекспира свое, какъ скоро находилъ его, и который съ добродушною наглостію и невиннымъ безстыдствомъ говорить о самомъ себѣ, какъ о великомъ геніи; этотъ Жанень, авторъ сатанинскихъ романовъ и паянническихъ фѣльетоновъ? этотъ господинъ *de*-Бальзакъ, Гомеръ Сень-Жерменскаго предмѣстья, знакомаго ему только съ улицы; этотъ чопорный *de*-Виньи, съ его вѣчнымъ идеаломъ страждущаго поэта, съ его вѣчною враждою къ успѣхамъ времени и постоянною вѣрностію вѣку маркизовъ и аббатовъ; этотъ мрачный Эжень Сю, этотъ неистовый Жаковъ Библиофилъ, съ шутовскою макабрскою пляскою его фантазіи, прикованной къ мусору историческихъ древностей; этотъ сладко-мечтательный Ламартинъ... что такое теперь всѣ они? Они такъ шумѣли, такъ силились выдать себя за титановъ, осаждающихъ Зевеса на его неприступномъ Олимпѣ! Всѣ думали, что они поворотятъ землю на ея оси; а вышло, что они—просто маленькіе-великіе люди, добрые ребята, которые очень довольны жизнію, когда у нихъ есть деньги, и которые, еще до гроба, пережили и свою славу, и свои творенія, и, не доживъ до старости, дожили до равнодушія и презрѣнія той толпы, которая нѣкогда видѣла въ нихъ своихъ идоловъ... А кто пережилъ свои творенія и свою славу, тотъ не великій писатель: велико только то, что переходитъ въ потомство... Величе-

ственный дубъ растеть медленно, но живеть долго; осина быстро бѣжить въ вышину, но не бываетъ огромнымъ деревомъ, и не вѣками, а годами измѣряется ея краткое существованіе. Въ то время, какъ французскіе романтики, эти маленькіе-великіе люди, уже пользовались всемірною извѣстностію, на судъ современнаго общества предстала женщина, съ великимъ, истиннымъ дарованіемъ; ея не поняли и, за это, оклеветали. Но она шла своимъ путемъ, и рядъ созданий, одно другаго глубже, ознаменовалъ ея побѣдоносное шествіе, — и ея слава началась только съ того времени, какъ слава маленькихъ-великихъ людей уже кончилась. Причина этой разности очевидна: тамъ начало внѣшнее, снѣговое; тутъ—подземное, родниковое, внутреннее... Такъ называемый романтизмъ хлопоталъ изъ формъ, не понимая сущности дѣла, — и для формы онъ дѣйствительно много сдѣлалъ: онъ развязалъ руки таланту, спеленатому ложными правилами преданія. И нашъ романтизмъ принесъ такую же пользу нашей литературѣ: онъ разчистилъ ея арену, заваленную соромъ и дрязгомъ псевдо-классическихъ предразсудковъ; онъ далеко разметалъ ихъ деревянные барьеры, уничтожилъ ихъ австралійскіе табу, и тѣмъ предуготовилъ возможность самобытной литературы. Теперь едва ли повѣрятъ тому, что стихи Пушкина классическимъ колпакамъ казались вычурными, бессмысленными, искажающими русскій языкъ, нарушающими завѣтныя правила грамматики; а это было дѣйствительно такъ, и между тѣмъ колпакамъ вѣрили многіе; но когда расходились на просторѣ «романтики», то всѣ догадались, что стихъ Пушкина благороденъ, изящно-простъ, національно-вѣренъ духу языка. Очевидно, что въ этомъ случаѣ романтики играли роль шакаловъ, наводящихъ льва на его добычу. Равнымъ образомъ, теперь едва ли повѣрятъ, если мы скажемъ, что созданія Пушкина считались нѣкогда дикими, уродливыми, безвкусными, неистовыми; но произведенія романтиковъ скоро показали всѣмъ, какъ созданія Пуш-

кина чужды всего дикаго, неистоваго, какимъ глубокимъ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ запечатлѣны они. Очевидно, что въ этомъ случаѣ самое злоупотребленіе романтической свободы послужило къ утверженію истинной свободы творчества. Кто воспитанъ на Корнелъ и Расинъ, тому помѣшаетъ понять Шекспира одна уже новостъ формы его драмъ; кто привыкъ къ формамъ, нерѣдко дикимъ, чудовищнымъ и нелѣпымъ «романтиковъ», кто восхищался съ молодю драмами Гюго, Дюма, Вернера, Грильпаера и т. п.,—тому легко будетъ понять потомъ Шекспира; ибо того уже никакая форма не поразитъ изумленіемъ, отрицающимъ способность вникнуть въ сущность поэтическаго созданія.

И что бы, вы думали, убило нашъ добрый и невинный романтизмъ, что заставило этого юношу скоропостижно скончаться во цвѣтѣ лѣтъ? — Проза! Да, проза, проза и проза. Общество, которое только и читаетъ, что стихи, для котораго каждое стихотвореніе есть важный фактъ, великое событіе, — такое общество еще молодо до ребячества; оно еще только забавляется, а не мыслить. Переходъ къ прозѣ для него—большой шагъ впередъ. Мы подъ «стихами» разумѣемъ здѣсь не однѣ размѣренные, заостренные рифмою строчки: стихи бывають и въ прозѣ, такъ же, какъ и проза бываетъ въ стихахъ. Такъ, напр., «Русланъ и Людмила», «Кавказскій Плѣнникъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ» Пушкина—настоящіе стихи; «Онѣгинъ», «Цыганы», «Полтава», «Борисъ Годуновъ»—уже переходъ къ прозѣ, а такія поэмы, какъ «Сальери и Моцартъ», «Скупой Рыцарь», «Русалка», «Галубъ», «Каменный Гость» — уже чистая, безпримѣсная проза, гдѣ уже совсѣмъ нѣтъ стиховъ, хоть эти поэмы писаны и стихами. Напротивъ, повѣсти и романы г. Полеваго: «Симеонъ Кирдяпа», «Живописецъ», «Блаженство Безумія», «Эмма», «Дурочка», «Аббадонна», и пр., чистѣйшіе стихи, безъ всякой примѣсы прозы, хоть

писаны и прозою, и хотя въ нихъ нѣтъ ни одного стиха, развѣ только въ эпиграфахъ... Мы, право, не шутимъ, и вы сами согласитесь, если не захотите прозу принимать какъ что-то противоположное стихамъ, а стихи—какъ что-то противоположное прозѣ. Стихи и проза — тутъ вся разница только въ формѣ, а не въ сущности, которую составляютъ не стихи и не проза, а поэзія. Вотъ другое дѣло, если прозу противопогать поэзіи, а поэзію—прозѣ; но мы здѣсь имѣемъ въ виду и не эту противоположность: мы подь «прозою» разумѣемъ богатство внутренняго поэтического содержанія, мужественную зрѣлость и крѣпость мысли, сосредоточенную въ самой себѣ силу чувства, вѣрный тактъ дѣйствительности; а подь «стихами» разумѣемъ неземную дѣву, идеальную любовь, дѣтское порываніе къ высокому и прекрасному, въ которыхъ нѣтъ никакого содержанія, прекрасныя, но чуждыя мысли чувства, глубокія, но лишеныя чувства и богатыя словами мысли, и т. п. Но какъ же, въ такомъ случаѣ, первыя поэмы Пушкина попали въ одну категорію съ повѣстями и романами г-на Полеваго? О, сохрани Богъ! Стихи въ стихахъ могутъ имѣть свои достоинства, какъ-то: богатство фантазіи, жаръ чувства, художественность формы, и т. п., но стихи въ прозѣ, по крайней мѣрѣ теперь, рѣшительно никуда не годятся: они походятъ то на младенца въ англійской болѣзни, то на старца съ нарумяненными щеками, то на юношу добраго, чувствительнаго, живаго, пламеннаго, мечтательнаго, но тѣмъ не менѣе пустаго, — нѣчто въ родѣ того, что называется «ни рыба, ни мясо»...

Но наша мысль можетъ показаться многимъ не совсѣмъ ясною, и потому прибавимъ еще нѣсколько словъ. Всякая идея проявляется въ двухъ крайностяхъ и серединѣ. Поэтому, есть люди, которые какъ будто совершенно лишены души и сердца, въ которыхъ нѣтъ никакого порыва къ міру идеальному — это крайность; другіе, напротивъ, какъ-будто

состоять только изъ души и сердца и какъ-будто родятся гражданами идеальнаго міра—это другая крайность; между ими занимають мѣсто люди ни то, ни сѣ, люди недоноски, люди, которые по-немножку понимаютъ все истинное, никогда не проникая въ глубь его, люди, у которыхъ есть чувство, но похожее на нервическую раздражительность. есть умъ, но похожій на мечтательность, есть порывы къ высшему міру, но у которыхъ этотъ «высшій міръ» внѣ дѣйствительности, что-то въ родѣ мечты, выражаемой словами: «куда-то, гдѣ-то, тамъ» и т. п.—это середина. Несносны люди перваго разряда; эти послѣдніе еще несноснѣе. У нихъ все слова, столько же громкія и отборныя, сколько и неопредѣленныя, но дѣла никогда не бываетъ; они исключительно преданы чувству, отъ ума ихъ вѣтъ холодомъ, отъ дѣйствительности—разочарованіемъ; мечта составляетъ блаженство ихъ жизни; мысли они не любятъ и не понимаютъ. Подобные люди бываютъ такими или по натурѣ (и это самыя несносныя существа въ мірѣ), или вслѣдствіе неразвитости, ложнаго развитія и т. п. Тѣ и другіе вѣчно исполнены глубокихъ чувствъ и мыслей, для выраженія которыхъ, по ихъ словамъ, бѣденъ языкъ человѣческій. Но это клевета на языкъ человѣческій: что прочувствуетъ и пойметъ человѣкъ, то онъ выразитъ; словъ недостаетъ у людей только тогда, когда они выражаютъ то, чего сами не понимаютъ хорошенько. Человѣкъ ясно выражается, когда имъ владѣетъ мысль, но еще яснѣе, когда онъ владѣетъ мыслию. Если, напр., какой-нибудь критикъ, длинно и широко разглагольствуя о Державинѣ, наполнить свою статью одними возгласами о величїи этого поэта, не опредѣливъ ни содержания, ни характера его поэзи, а произведенія его будетъ уподоблять алмазамъ, рубинамъ, сапфирамъ, изумрудамъ и другимъ предметамъ ископаемаго царства (вмѣсто того, чтобъ раскрыть содержаніе этихъ произведеній и показать отношеніе содержанія къ формѣ), и потомъ все это сдобритъ фра-

зами: «сѣверный бардъ, потомокъ Багрима» и т. п., такъ что читатель, прочтя длинную критику, не въ состояніи будетъ передать изъ нея другому ни одной мысли,—это значитъ, что нашъ критикъ ровно ничего не понялъ въ Державинѣ, или свои ощущенія, возбужденныя въ немъ поэзіею Державина, принялъ за мысли, да и давай жаловаться на бѣдность языка человѣческаго... Есть и поэты, похожіе на такихъ критиковъ: вотъ у нихъ-то и въ прозѣ выходятъ все стихи, хотя безъ мѣры и безъ рифмъ... Говорятъ они—любо слушать; замолчать—никакъ не сообразишь, что они хотѣли сказать, и поневолѣ принимаешь ихъ прозу за стихи... Теперь самое неблагоприятное время для такихъ поэтовъ, ибо теперь никто не признаетъ великимъ полководцемъ того, кто не одержалъ ни одной побѣды, ни великимъ писателемъ — того, кто, за бѣдностію человѣческаго языка, не сказалъ того, что силится сказать. Такіе люди теперь напоминаютъ собою знаменитаго Ивана Александровича Хлестакова, который сказалъ о себѣ, въ письмѣ къ другу своему Тряпичкину, что онъ «хотѣлъ бы заняться чѣмъ-нибудь высокимъ, но свѣтская чернь не понимаетъ его». Другими словами, такіе люди—настоящіе «романтики», хотя бы они и выдавали себя за людей съ высшими взглядами..

И такъ, романтизмъ нашъ убитъ прозою. Съ 1829 года, всѣ писатели наши бросились въ прозу. Самъ Пушкинъ обратился къ ней, Альманахи, какъ игрушки, всѣмъ надоѣли и вышли изъ моды. Цѣна на стихи вдругъ упала. Вскорѣ явился новый поэтъ, сильное вліяніе котораго на литературу не замедлило обнаружиться. Вслѣдствіе этого вліянія, ужасно понизилась цѣна на русскіе историческіе и особенно нравственно-сатирическіе романы; прежнія повѣсти, особенно идеальныя — тѣ, которыхъ проза такъ похожа на стихи, совсѣмъ вышли изъ моды; противъ Марлинскаго началась сильная оппозиція; всѣ романисты и нувеллисты пустились въ юморъ, начали брать содержаніе для своихъ повѣстей

изъ дѣйствительной жизни, рисовать чудаковъ и оригиналовъ; герои добродѣтели были отпущены на отдыхъ. 1835 и 1836 года были эпохою для русской литературы: въ первомъ вышли въ свѣтъ «Миргородъ» и «Арабески», во второмъ появился и въ печати и на сценѣ «Ревизоръ»... Въ то же время напечатались стихотворенія г. Бенедиктова, надѣлавшія столько шуму въ Петербургѣ и возбудившія такой восторгъ въ одномъ московскомъ критикѣ, что онъ поставилъ г. Бенедиктова выше Жуковского и Пушкина... Стихотворенія г. Бенедиктова были важнымъ фактомъ въ исторіи русской литературы: они повершили вопросъ о стихахъ, и съ того времени стихи (въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы принимаемъ это слово) совершенно окончили на Руси свое земное поприще... Являлись и другіе, находили себѣ даже поклонниковъ, но на минуту — отъ нихъ скоро отступали самые друзья ихъ: то были послѣднія вспышки угасающей лампы... По смерти Пушкина, начали печататься въ «Современникѣ» оставшіяся послѣ него въ рукописи послѣднія произведенія его; но то была уже чистая проза въ стихахъ и ужасный ударъ стихамъ. Явился Лермонтовъ, съ стихами и съ прозою, — и въ его стихахъ и прозѣ была—чистая проза! Прощайте, стихи! Будетъ ребячиться нашей литературѣ, довольно пошалила — пора и дѣломъ заняться...

И дѣйствительно, послѣдній періодъ русской литературы, періодъ прозаическій, рѣзко отличается отъ романтическаго какою-то мужественною зрѣlostію. Если хотите, онъ не богатъ числомъ произведеній, но за то, все, что явилось въ немъ посредственнаго и обыкновеннаго, все это или не пользовалось никакимъ успѣхомъ, или имѣло только успѣхъ мгновенный; а все то немногое, что выходило изъ ряда обыкновеннаго, ознаменовано печатью зрѣлой и мужественной силы,—осталось навсегда, и въ своемъ торжественномъ, побѣдоносномъ ходѣ, постепенно приобрѣтая вліяніе, про-

рѣзывало на почвѣ литературы и общества глубокіе слѣды. Сближеніе съ жизнію, съ дѣйствительностію, есть прямая причина мужественной зрѣлости послѣдняго періода нашей литературы. Слово «идеаль» только теперь получило свое истинное значеніе. Прежде, подъ этимъ словомъ разумѣли что-то въ родѣ не любо не слушай, лгать не мѣшай — какое-то соединеніе въ одномъ предметѣ всевозможныхъ добродѣтелей или всевозможныхъ пороковъ. Если герой романа, такъ ужъ и собой-то красавецъ, и на гитарѣ играетъ чудесно, и поетъ отлично, и стихи сочиняетъ, и дерется на всякомъ оружіи, и силу имѣетъ необыкновенную:

Когда жъ о честности высокой говорить,
Какимъ-то демономъ внушаемъ —
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!

Если же злодѣй, то и не подходите близко: съѣсть, непременно съѣсть васъ живаго, извергъ такой, какого не увидишь и на сценѣ Александринскаго театра, въ драмахъ нашихъ доморощенныхъ трагиковъ. Теперь подъ «идеаломъ» разумѣютъ не преувеличеніе, не ложь, не ребяческую фантазію, а фактъ дѣйствительности, такой, какъ она есть; но фактъ, не списанный съ дѣйствительности, а проведенный черезъ фантазію поэта, озаренный свѣтомъ общаго (а не исключительнаго, частнаго и случайнаго) значенія, «возведенный въ перлъ созданія», и потому болѣе похожій на самого себя, болѣе вѣрный самому себѣ, нежели самая рабская копія съ дѣйствительности вѣрна своему оригиналу. Такъ на портретѣ, сдѣланномъ великимъ живописцемъ, человѣкъ болѣе похожъ на самого себя, чѣмъ даже на свое отраженіе въ дагерротипѣ, ибо великій живописецъ рѣзкими чертами вывелъ наружу все, что таится внутри того человѣка и что, можетъ-быть, составляетъ тайну для самого этого человѣка. Теперь дѣйствительность относится къ искусству и литера-

турѣ, какъ почва къ растеніямъ, которыя она возвращаетъ на своемъ лонѣ.

Все сказанное нами, для людей мыслящихъ не можетъ показаться отступленіемъ отъ предмета статьи, потому что все это не отступленіе, а характеристика и исторія послѣдняго періода русской литературы, въ отношеніи къ которому 1842 годъ былъ блистательнѣйшимъ пополненіемъ. Мы уже выше сказали, что обозрѣвать не значитъ пересчитывать по пальцамъ все, что вышло въ продолженіе извѣстнаго времени, но указать на замѣчательныя произведенія и опредѣлить ихъ значеніе и цѣну, — а этого мы не могли сдѣлать, не опредѣливъ предварительно характера и значенія всей литературы послѣдняго времени. При обозрѣніи поименномъ, не на многое прійдется намъ указывать и не о многомъ говорить. Причина этого — немногочисленность замѣчательныхъ явленій въ литературѣ прошлаго года, также принадлежащая къ особымъ чертамъ всей русской литературы послѣдняго ея періода. Но эта бѣдность не должна насъ печаливать: это благородная бѣдность, которая лучше мнимаго богатства прежняго времени. Появленіе въ одномъ году «Миргорода» и «Арабесокъ», въ другомъ «Ревизора» стоить огромнаго количества даже хорошихъ, но обыкновенныхъ произведеній за многіе годы. Такимъ образомъ 1840 годъ былъ ознаменованъ выходомъ «Героя Нашего Времени» и перваго собранія стихотвореній Лермонтова; 1841 — изданіемъ трехъ томовъ посмертныхъ сочиненій Пушкина; 1842 — выходомъ «Мертвыхъ Душъ», одного изъ тѣхъ капитальныхъ произведеній, которыя составляютъ эпохи въ литературахъ.

Много было писано во всѣхъ журналахъ о «Мертвыхъ Душахъ»; много говорили и мы о нихъ. Повторять сказанное, и нами и другими, нѣтъ никакой надобности. Впрочемъ, изъ этого еще нисколько не слѣдуетъ, чтобъ о «Мертвыхъ Душахъ» было сказано все, какъ нами, такъ и другими:

мы собственно и не говорили еще о нихъ, а только спорили съ другими по поводу ихъ, и намъ еще предстоитъ впереди изложеніе окончательнаго, критически высказаннаго мнѣнія объ этомъ произведеніи; чтò касается до другихъ, они не перестали и долго еще не перестанутъ говорить о «Мертвыхъ Душахъ», всѣми силами стараясь увѣрить себя, что имъ нечего бояться этого произведенія... И такъ, скажемъ здѣсь лишь нѣсколько словъ для уясненія—не произведенія Гоголя, а вопроса, возникшаго о немъ и въ публикѣ и въ литературѣ.

Какъ мнѣніе публики, такъ и мнѣніе журналовъ о «Мертвыхъ Душахъ» раздѣлились на три стороны: одни видятъ въ этомъ твореніи произведеніе, котораго хуже еще не писывалось ни на одномъ языкѣ человѣческомъ? другіе, наоборотъ, думаютъ, что только Гомеръ да Шекспиръ являются, въ своихъ произведеніяхъ, столь великими, какимъ явился Гоголь въ «Мертвыхъ Душахъ»; третьи думаютъ, что это произведеніе дѣйствительно великое явленіе въ русской литературѣ, хотя и не идущее, по своему содержанію, ни въ какое сравненіе съ вѣковыми всемірно-историческими твореніями древнихъ и новыхъ литературъ западной Европы. Кто эти,—одни, другіе и третьи, публика знаетъ, и потому мы не имѣемъ нужды никого называть по имени. Всѣ три мнѣнія равно заслуживаютъ большаго вниманія и равно должны подвергаться разсмотрѣнію, ибо каждое изъ нихъ явилось не случайно, а по необходимымъ причинамъ. Какъ въ числѣ изступленныхъ хвалителей «Мертвыхъ Душъ» есть люди, и не подозревающие въ простотѣ своего дѣтскаго энтузіазма истиннаго значенія, слѣдовательно, и истиннаго величія этого произведенія, такъ и въ числѣ ожесточенныхъ хулителей «Мертвыхъ душъ» есть люди, которые очень и очень хорошо смекаютъ всю огромность поэтическаго достоинства этого творенія. Но отсюда-то и выходитъ ихъ ожесточеніе. Нѣкоторые сами когда-то тянулись въ храмъ поэтиче-

скаго безсмертія; за новостію и дѣтствомъ нашей литературы, они имѣли свою долю успѣха, даже могли радоваться и хвалиться, что имѣютъ поклонниковъ,—и вдругъ является, неожиданно, непредвидѣнно, совершенно новая сфера творчества, особенный характеръ искусства, вслѣдствіе чего идеальныя и чувствительныя произведенія нашихъ поэтовъ вдругъ оказываются ребяческою болтовнею, дѣтскими невинными фантазіями... Согласитесь, что такое паденіе, безъ натиска критики, безъ недоброжелательства журналовъ, очень и очень горько?... Другіе подвизались на сатирическомъ поприщѣ, если не съ славою, то не безъ выгодъ инаго рода; сатиру они считали своей монополіей, смѣхъ — исключительно имъ принадлежащимъ орудіемъ,—и вдругъ остроты ихъ не смѣшны, картины ни на что не похожи, у ихъ сатиры какъ будто выпадали зубы, охрипъ голосъ, ихъ уже не читаютъ, на нихъ не сердятся, они уже стали употребляться вмѣсто какого-то аршина для измѣренія бездарности... Что тутъ дѣлать? перечинить перья, начать писать на новый ладъ? — но вѣдь для этого нуженъ талантъ, а его не купишь, какъ пучокъ перьевъ... Какъ хотите, а осталось одно: не признавать талантомъ виновника этого крутаго поворота въ ходѣ литературы и во вкусѣ публики, увѣрять публику, что все написанное имъ — вздоръ, нелѣпость, пошлость... Но это не помогаетъ: время уже рѣшило страшный вопросъ — новый талантъ торжествуетъ, молча, не отвѣчая на брани, не благодаря за хвалы, даже какъ будто вовсе отстраняясь отъ литературной сферы; надо перемѣнить тактику: является новое твореніе таланта, далеко оставившее за собою всѣ прежнія его произведенія — давай жалѣть о погибшемъ талантѣ, который такъ много обѣщаль, такъ хорошо писалъ нѣкогда (именно тогда, когда эти господа утверждали, что онъ писалъ все вздоры и нелѣпости); его, видите, захвалили пріятели, а ихъ у него такъ много, что иныхъ онъ и въ лицо не знаетъ, съ иными же едва знакомъ... На что бы такое напасть въ новомъ твореніи та-

ланта?—на сальности, на дурной тонъ; это понравится тѣмъ людямъ, которые никогда и во снѣ не выдавъ большаго свѣта, только о немъ и хлопочуть, какъ-будто бы считая себя принадлежащими къ нему... Не мѣшаетъ замѣтить, что эти витязи большаго свѣта чрезвычайно довольны были тономъ и остротами враговъ новаго таланта: живя въ неизмѣримой дали отъ большаго свѣта, они считали этихъ сатирическихъ сочинителей людьми большаго свѣта... Второй пунктъ—грамматика: къ ней прибѣгли, при этомъ важномъ случаѣ, даже тѣ, которые отвергали ея существованіе... Третій пунктъ:—незнаніе русскаго языка; за этотъ аргументъ ухватились даже тѣ, которые пишутъ: «морь (вм. морей), мозговъ человѣческихъ, мечть» и т. п. Нападки на незнаніе грамматики и искаженіе языка—характеристическая черта исторіи русской литературы: славянофилы утверждали, что Карамзинъ не зналъ духа и правилъ русскаго языка и ужасно искажалъ его въ своихъ сочиненіяхъ; классики въ томъ же самомъ обвиняли Пушкина; теперь очередь за Гоголемъ... Вспомнили мы еще довольно забавную черту въ этомъ родѣ: гг. Гречъ и Булгаринъ доказывали нѣкогда печатно, что г. Полевой не знаетъ грамматики, а г. Калайдовичъ напечаталъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» статью объ «Исторіи Русскаго Народа» въ отношеніи къ грамматикѣ и языку, и на каждой страницѣ этого превосходнаго, но, къ сожалѣнію, по-сю пору неконченнаго творенія, нашель, по крайней мѣрѣ, по десяти грубыхъ ошибокъ противъ грамматики и языка... Господа! не пора-ли бросить эту старую замашку? У какого писателя нѣтъ ошибокъ противъ грамматики, да только чьей?—вотъ вопросъ! Карамзинъ самъ былъ грамматикъ, передъ которой всѣ ваши грамматики ничего не значать; Пушкинъ тоже стоить любой изъ вашихъ грамматикъ...

Твореніе, которое возбудило столько толковъ и споровъ, раздѣлило на котеріи и литераторовъ, и публику, приобрѣло себѣ и жаркихъ поклонниковъ, и ожесточенныхъ враговъ,

на долгое время сдѣлалось предметомъ сужденій и споровъ общества; твореніе, которое прочтено и перечтено не только тѣми людьми, которые читаютъ всякую новую книгу, или всякое новое произведеніе, сколько-нибудь возбуждившее общее вниманіе, но и такими лицами, у которыхъ нѣтъ ни времени, ни охоты читать стихи и сказочки, гдѣ несчастные любовники соединяются законными узами брака, по претерпѣніи разныхъ бѣдствій, и въ довольствѣ, почетѣ и счастіи проводятъ остальное время жизни;—твореніе, которое, въ числѣ почти 3,000 экземпляровъ, все разошлось въ какіе-нибудь полгода:—такое твореніе не можетъ не быть неизмѣримо выше всего, что въ состояніи представить современная литература, не можетъ не произвести важнаго вліянія на литературу.

Полное собраніе стихотвореній покойнаго Лермонтова вышло въ послѣдней половинѣ декабря прошлаго года, и должно быть причислено къ литературнымъ явленіямъ новаго года.

Сборниками стихотвореній прошлый годъ очень небогатъ. Самымъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ явленіемъ въ этомъ родѣ, безъ всякаго сомнѣнія, была книжка «Стихотвореній Аполлона Майкова». Этотъ молодой поэтъ одаренъ отъ природы живымъ сочувствіемъ къ эллинской музѣ; онъ овладѣлъ всею полнотою, всею свѣжестью и роскошью антологическаго стиха,—такъ что антологическія стихотворенія г. Майкова не только не уступаютъ въ достоинствѣ антологическимъ стихотвореніямъ Пушкина, но еще едва ли и не превосходятъ ихъ. Это большое пріобрѣтеніе для русской поэзіи, важный фактъ въ исторіи ея развитія. Но жаль было бы, еслибъ только на этомъ остановился г. Майковъ. Антологическія стихотворенія, какъ бы ни были хороши, — не болѣе, какъ пробный камень артистическаго элемента въ поэтѣ. Ихъ можно сравнить съ ножкою Психеи, рукою Венеры, головою Фавна, превосходно высѣченными изъ мрамора. Конечно, превосходно сдѣланная ножка, ручка, грудь, или головка, каждая изъ этихъ деталей можетъ служить доказательствомъ необычно-

венныхъ скульптурныхъ дарованій, чувства пластики, изученія древняго искусства; но еще не составляетъ скульптуры, какъ искусства, и превосходно сдѣлать ножку, ручку, грудь, или головку далеко не то, чтѣ создать цѣлую статую. Сверхъ того, исключительная преданность древнему міру (и притомъ далеко неполнѣ понятому), безъ всякаго живаго, кровнаго сочувствія къ современному міру, не можетъ сдѣлать великимъ, или особенно замѣчательнымъ поэта нашего времени. Къ этому еще должно присовокупить, что одно да одно, теряя прелесть новости, теряетъ и свою цѣну. И такъ, мы желали бы, чтобъ г. Майковъ или передался основательному и обширному изученію древности и передавалъ на русскій языкъ своимъ дивнымъ стихомъ вѣчныя, неумирающія созданія эллинскаго искусства, или обрѣлъ въ тайникѣ духа своего тѣ сердечныя, задушевыя вдохновенія, на которыя радостно и привѣтливо отзывается поэту современность. Покоряясь требованіямъ справедливости, мы не можемъ не повторять здѣсь уже сказаннаго нами въ статьѣ о стихотвореніяхъ г. Майкова, что почти всѣ его не антологическія стихотворенія пока не обѣщаютъ въ будущемъ ничего особеннаго. Намъ было бы очень пріятно ошибиться въ этомъ приговорѣ, — и мы первые вспомнили бы съ радостію о своей ошибкѣ, еслибъ г. Майковъ подарилъ русскую публику такими стихотвореніями, которыя обнаружили бы въ немъ столь же примѣчательнаго и столь же много обѣщающаго въ будущемъ современнаго поэта, сколько и антологическаго. Антологическая муза г. Майкова не ослабѣла ни въ силѣ, ни въ дѣятельности, и, послѣ выхода книжки его стихотвореній, публика прочла въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Библиотекѣ для Чтенія» нѣсколько прелестнѣйшихъ его стихотвореній въ любимомъ его антологическомъ родѣ, но они уже не возбудили въ ней прежняго восторга. А между тѣмъ — повторяемъ — они также прекрасны, какъ и прежнія, въ доказательство чего достаточно привести изъ нихъ слѣдующее — «Барельефъ»:

Вотъ безжизненный отрубокъ
Серебра: стопи его
И въѣстительный мнѣ кубокъ
Слей искусно изъ него.
Ни Кипридиныхъ голубокъ,
Не медвѣдицъ, ни плеядъ,
Ни лѣпи по стѣнкамъ длиннымъ
Нарисуй въ саду пустынномъ,
Между розъ, толпы менадъ,
Выжимающихъ созрѣлый,
Налитой и пожелтѣлый
Съ пышной вѣтки виноградъ;
Вкругъ сидятъ, умно и чинно,
Дѣти передъ бочкой винной,
Фавны съ хмѣлемъ на челъ,
Вакхъ подъ тигровую кожей,
И Силенъ румянорожій
На споткнувшемся ослѣ.

За то, вотъ еще одно изъ послѣднихъ стихотвореній г. Майкова, доказывающихъ, что чуть только выйдетъ онъ изъ сферы антологическаго созерцанія, какъ изъ его стихотворенія тотчасъ же ничего не выйдетъ:

Море бурно, небо въ тучахъ.
Онъ примчался на конѣ
Прямо къ брызгамъ водъ кипучихъ.
«Старый! чолнъ скорѣе мнѣ!»
И старикъ *затылокъ чешетъ*....
— «Полно, будетъ, господинъ!
Полно, *баринъ* (?), *бьса тышитъ* (?),
Нашихъ въ моръ не одинъ (?)—
«Пусть ихъ гибнуть! Подъ водою
Рыбъ рыбы и гроба!
Знай, я Цезарь: а со мною,
Мнѣ послушна и судьба!»

Странная фантазія—свести Цезаря съ русскимъ мужикомъ и заставить его объясняться до такой степени посредственными стихами...

«Сумерки», маленькая книжка г. Баратынского, заключающая въ себѣ едва ли не послѣднія стихотворенія этого поэта, тоже принадлежит къ немногимъ примѣчательнѣйшимъ явленіямъ по части поэзіи въ прошломъ году. По поводу ея, мы обозрѣли всю поэтическую дѣятельность г. Баратынскаго (ч. VI, стр. 280). Теперь же, прибавимъ только, что едва ли это и дѣйствительно не послѣднія стихотворенія знаменитаго поэта; вотъ піеса изъ «Сумерокъ», доказывающая это:

На что вы, дни? юдольный міръ явленья
Свои не измѣнить!
Всѣ вѣдомы и только повторенья
Грядущее сулитъ.
Не даромъ ты металась и кипѣла.
Развитіемъ спѣша,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безсмертная душа!
И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,
Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно
Безсмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ холодный вечеръ канетъ,
Вънецъ пустаго дня!

Страшно чувство, которымъ внушено это выстраданное стихотвореніе! не общаетъ оно новыхъ и живыхъ вдохновеній, и лучше совсѣмъ не писать поэту, чѣмъ писать такія, на-
примѣръ, стихотворенія:

Сначала мысль воплощена
Въ поэму сжатаго поэта,
Какъ дѣва юная *темна*
Для невнимательнаго свѣта;
Потомъ, осмѣлившись, она
Уже увертлива рѣчиста,
Со всѣхъ сторонъ своихъ видна,
Какъ искушенная жена,

Въ свободной прозѣ романиста;
Болтуня старая, за тѣмъ
Она, подьемля крикъ нахальный,
Плодить въ полемиѣ журнальной
Давно ужъ въдомое всемъ.

Что это такое? неужели стихи, поэзія, мысль?...

Вышедшая въ прошломъ же году маленькая книжечка стихотвореній Полежаева, подъ названіемъ «Часы Выздоровленія», подала намъ поводъ, въ отдѣльной критической статьѣ, обозрѣть всю поэтическую дѣятельность этого замѣчательнаго поэта (ч. VI, стр. 167).—Первая часть стихотвореній г. Бенедиктова, изданная въ 1835 году, достигла втораго изданія въ прошломъ 1842 году. Наше мнѣніе объ этомъ поэтѣ извѣстно публикѣ.

Вообще, прошлый годъ былъ не богатъ стихами, а будущій—это можно сказать смѣло—будетъ еще бѣднѣе... Лермонтова уже нѣтъ, а другаго Лермонтова не предвидится... хоть всемъ не пиши стиховъ... И ихъ, въ самомъ дѣлѣ, пишутъ, или по крайней мѣрѣ, печатаютъ теперь меньше. Столичные поэты сдѣлались какъ-то умѣреннѣе—оттого ли, что одни уже повыписались, а другіе догадались, что стихи должны быть слишкомъ и слишкомъ хороши, чтобъ ихъ стали теперь читать, не только хвалить... За то, господа провинціальныя поэты годъ отъ году становятся неустомимѣе. Публика ничего не знаетъ о ихъ пламенномъ усердіи къ дѣлу истребленія писчей бумаги; но журналисты—увы!—слишкомъ знаютъ это и дорого платятъ за это знаніе—платятъ деньгами за доставленіе къ нимъ на домъ этихъ страшныхъ пакетовъ, платятъ временемъ, скукою и досадою, прочитывая эти груды рифмованнаго вздору...

Теперь обратимся къ прозѣ по части изящной словесности. Г. Загоскинъ каждый годъ даритъ публику новымъ романомъ; не знаемъ, какимъ новымъ романомъ обрадуетъ онъ ее въ 1843 году, а въ 1842 году онъ утѣшилъ ее «Кузь-

мою Петровичем Мирошевымъ». Собственно, это не романъ, а повѣсть, до того мѣстами растянутая, что изъ нея вытянулся романъ въ четырехъ частяхъ, т. е. въ четырехъ маленькихъ книжкахъ, красиво и разгонисто напечатанныхъ. Въ «Мирошевѣ» тѣ же достоинства и тѣ же недостатки, какими отличались всѣ прежніе романы г. Загоскина: т. е. съ одной стороны, истинно русское радушіе и хлѣбосолюство, съ какимъ почтенный авторъ угощаетъ читателя издѣліями своей фантазіи, добродушное восхищеніе созданными имъ характерами слугъ, дядекъ и мамокъ, добродушная умѣренность, что добродѣтельные люди въ его романѣ — точно добродѣтельны, а злодѣи — не шутя злодѣи; мѣстами веселенькія сцены въ забавномъ родѣ, вездѣ искреннее увлеченіе въ пользу старины и ея немножко дикихъ для нынѣшняго времени понятій, гладкій, пловучій слогъ; съ другой стороны — бѣдность содержанія, отсутствіе идеи, повтореніе того, что читатель знаетъ уже по прежнимъ романамъ автора. — «Альфъ и Альдона» г. Кукольника обнаружили было большія претензіи на титуло историческо-поэтическаго романа, но историческая часть въ этомъ романѣ похожа на сказочную, а поэтическая — на самую скучную и вялую прозу. Одна изъ четырехъ частей «Альфы и Альдоны» больше всѣхъ четырехъ частей «Мирошева»; но «Мирошевъ» былъ прочитанъ до конца всѣми, кто только рѣшался его читать, а «Альфъ и Альдона» испугалъ читателей на половинѣ же первой части, и остался недочитаннымъ. Но неутомимый г. Кукольникъ этимъ не удовольствовался и тиснулъ въ «Библіотекѣ для Читенія» новый романъ свой «Дурочка Луиза». Этотъ романъ — близнецъ съ «Эвелиною де Вальероль»: тамъ пружиною всѣхъ дѣйствій служить цыганъ Гойко, здѣсь жидъ Бенке, тамъ множество лицъ, такъ похожихъ одно на другое, что и отличить нельзя — и здѣсь тоже! разница въ томъ, что тамъ скучно, а здѣсь скучише, тамъ еще на что-нибудь похоже, а здѣсь ни на что не похоже. Героиня романа, дурочка Луиза, еще довольно

похожа на дурочку — умною ее, дѣйствительно, никто не назоветъ, но курфирсть Фридрихъ-Вильгельмъ изображенъ какимъ-то сантиментальнымъ повѣреннымъ въ любовныхъ тайнахъ своихъ приближенныхъ, всеобщимъ сватомъ и отцомъ-пасаженнымъ, и только мимоходомъ силится авторъ выказать его героемъ и великимъ государемъ. Вообще, сантиментальность, приторная, сладенькая, составляетъ главный характеръ этой безсвязной, пустой по содержанию, натянутой въ изображеніи характеровъ сказки. Теперь того только и ждемъ, что «Дурочка Луиза» появится отдѣльною книжкою въ двухъ частяхъ; но мы рады, что заблаговременно отдѣлались отъ нея. — Какими романами еще ознаменовался 1842 годъ? — «Два Призрака», «Сердце Женщины», «Человѣкъ съ высшимъ взглядомъ», «Любовь музыканта»; вновь изданные романы г. Калашникова: «Дочь Купца Жолобова» и «Камчадалка», «Московская Сказка о Чудѣ Поганомъ», «Козель Бунтовщикъ», «Грошевый Мертвецъ», «Гуакъ, рыцарская повѣсть», и пр. и пр. Все это едва ли принадлежитъ къ какой-нибудь литературѣ, и еще менѣе къ той, которой характеръ опредѣляли мы въ началѣ статьи... Что дѣлать? У каждаго дома бываетъ два двора — передній и задній; у каждой литературы двѣ стороны — лицевая и изнанка...

На повѣсти 1842 годъ былъ счастливѣе, чѣмъ на романы. Въ «Москвитянинѣ» было напечатано начало новой повѣсти Гоголя «Римъ», равно изумляющее и своими достоинствами, и своими недостатками. Въ «Современникѣ» была помѣщена уже извѣстная, но передѣланная вновь повѣсть Гоголя «Портретъ», отличающаяся нѣкоторыми превосходно конципированными и отдѣланными подробностями, и неудачная въ цѣломъ. — Графъ Соллогубъ напечаталъ въ прошломъ году только одну повѣсть «Медвѣдь», которая заставляетъ искренно сожалѣть, что ея даровитый авторъ такъ мало пишетъ. «Медвѣдь» не есть что-нибудь необыкновенное и, можетъ-быть, далеко уступить въ достоинствѣ «Аптекарьшѣ», повѣсти того же автора;

но въ «Медвѣдѣ» образованное и умное эстетическое чувство не можетъ не признать тѣхъ характеристическихъ чертъ, которыми мы, въ началѣ этой статьи, опредѣлили послѣдній періодъ русской литературы. Отличительный характеръ повѣстей графа Соллогуба состоитъ въ чувствѣ достовѣрности, которое охватываетъ всего читателя, къ какому бы кругу общества ни принадлежалъ онъ, если только у него есть хоть немного ума и эстетическаго чувства: читая повѣсть графа Соллогуба, каждый глубоко чувствуетъ, что изображаемые въ ней характеры и событія возможны и дѣйствительны, что они — вѣрная картина дѣйствительности, какъ она есть, а не мечты о жизни, какъ она не бываетъ и быть не можетъ. Графъ Соллогубъ часто касается, въ своихъ повѣстяхъ, большаго свѣта, но хоть онъ и самъ принадлежитъ къ этому свѣту, однакожь повѣсти его тѣмъ не менѣе — не хвалебные гимны, не апоѳеозы, а безпристрастно вѣрныя изображенія и картины большаго свѣта. Здѣсь кстати замѣтить, что страсть къ большому свѣту — что-то въ родѣ болѣзни въ русскомъ обществѣ: всѣ наши сочинители такъ и рвутся изображать въ своихъ романахъ и повѣстяхъ большой свѣтъ. И, надо сказать, ихъ усилія не остаются тщетными; въ повѣстяхъ графа Соллогуба только немногіе узнаютъ большой свѣтъ, а большая часть публики видитъ его въ романахъ и повѣстяхъ именно тѣхъ сочинителей, для которыхъ большой свѣтъ истинная terra incognita, истинная Атлантида до открытія Америки Колумбомъ, и которые рисуютъ большой свѣтъ по своему идеалу, добродушно вѣруя въ сходство аляповатаго списка съ невиданнымъ оригиналомъ. Такъ, недавно, въ одномъ журналѣ романъ «Два Призрака» торжественно объявленъ произведеніемъ челоуѣка, принадлежащаго къ большому свѣту и знающаго его. Всѣ толкуютъ о свѣтскости, — и піеса Гоголя падаетъ на Александринскомъ театрѣ, а «Комедія о войнѣ Ѳеодосіи Сидоровны съ Китайцами» и «Русская Боярыня XVII столѣтія» возбуждаютъ фуроръ въ записныхъ посѣтителяхъ

того же театра,—и все по причинѣ «свѣтскости». А между тѣмъ, дѣло кажется такъ очевиднымъ: стоило бы только сравнить, напр., повѣсти графа Соллогуба съ романами и повѣстями нашихъ «свѣтскихъ» сочинителей, чтобъ окончательно рѣшить вопросъ о дѣлѣ, къ которому такъ многіе и такъ напрасно считаютъ себя прикосновенными.

Простота и вѣрное чувство дѣйствительности составляютъ неотъемлемую принадлежность повѣстей графа Соллогуба. Въ этомъ отношеніи, теперь, послѣ Гоголя, онъ первый писатель въ современной русской литературѣ. Слабая же стороны его произведеній заключается въ отсутствіи личнаго (извините—субъективнаго) элемента, который бы все проникалъ и отбѣнялъ собою, чтобъ вѣрныя изображенія дѣйствительности, кромѣ своей вѣрности, имѣли еще и достоинство идеальнаго содержанія. Графъ Соллогубъ, напротивъ, ограничивается одною вѣрностію дѣйствительности, оставаясь равнодушнымъ къ своимъ изображеніямъ, каковы бы они ни были, и какъ-будто находя, что такими они и должны быть. Это много вредитъ успѣху его произведеній, лишая ихъ сердечности и задушевности, какъ признаковъ горячихъ убѣжденій, глубокихъ вѣрованій.

Болѣе субъективности, но менѣе такта дѣйствительности, менѣе зрѣлости и крѣпости таланта, чѣмъ въ повѣстяхъ графа Соллогуба, видно въ повѣстяхъ г. Панаева. Вообще, г. Панаевъ гораздо болѣе общается въ будущемъ, нежели сколько исполняетъ въ настоящемъ. Что-то нерѣшительное, колеблющееся и неустановившееся замѣтно и въ его созерцаніи, какъ идеальной сторонѣ его повѣстей, и въ ихъ практическомъ выполненіи; каждая новая повѣсть его далеко оставляетъ за собою всѣ прежнія: очевидное доказательство таланта замѣчательнаго, но еще не опредѣлившагося. Въ прошломъ году, онъ напечаталъ только одну повѣсть «Актеонъ» въ «Отечественныхъ Запискахъ», которая возбудила живѣйшее вниманіе и интересъ со стороны публики, и далеко оставила за

собою всё прежнія его повѣсти, такъ же, какъ и «Барыня», написанная имъ незадолго передъ «Актеономъ», далеко оставила за собою всё другія, прежде ея написанныя. Вѣроятно, чувство своей неопредѣленности препятствуетъ г. Панаеву писать столько, сколько отъ его таланта въ правѣ ожидать публика: въ такомъ случаѣ, самый недостатокъ въ дѣятельности заслуживаетъ уваженія, какъ залогъ будущей многоплодной дѣятельности.

Три новыя повѣсти напечатаны въ прошломъ году даровитою и безвременно угасшею г-жею Ганъ (Зенеидою Р-вою): «Напрасный Даръ» и «Любонька» въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Ложа въ Одесской Оперѣ» — въ «Дагеротипѣ». «Любонька» принята публикою съ восторгомъ, въ которомъ не должно мѣшать ей оставаться; «Напрасный Даръ», сверкающій искрами высокаго таланта, хотя и невыдержанный въ цѣломъ, восхитилъ только немногихъ: такова участь всѣхъ произведеній, въ которыхъ, при блескахъ яркаго вдохновенія, есть что-то недоговоренное, какъ бы неравное самому себѣ. Въ такомъ случаѣ, чѣмъ сильнѣе и выше взмахъ, тѣмъ недоступнѣе для всѣхъ и каждаго внутреннее значеніе произведенія: толпа видитъ одни внѣшніе недостатки... «Ложа въ Одесской Оперѣ» принадлежитъ къ самымъ слабымъ произведеніямъ г-жи Ганъ. Впрочемъ, по выходѣ полнаго собранія ея сочиненій, мы скоро будемъ имѣть случай подробно изложить наше мнѣніе объ этой необыкновенно даровитой писательницѣ.

Г. Кукольникъ напечаталъ въ прошломъ году нѣсколько повѣстей, изъ которыхъ двѣ заслуживаютъ почетнаго упоминенія: «Благодѣтельный Андроникъ, или романическіе характеры стараго времени» (въ «Библіотекѣ для Чтенія») и «Позументы» (во II томѣ «Сказки за Сказкою»). Содержаніе обѣихъ этихъ повѣстей взято талантливимъ авторомъ изъ эпохи Петра великаго. Мы уже не разъ имѣли случай говорить о неподражаемомъ мастерствѣ, съ какимъ г. Куколь-

никъ изображаетъ въ своихъ повѣстяхъ, нравы этого интереснѣйшаго момента русской исторіи и, вѣрные нашему правилу—*suī cuique*, не разъ отдавали должную справедливость достоинству повѣстей г. Кукольника въ этомъ, посчастливившемся ему, родѣ. Еслибъ г. Кукольникъ издалъ отдѣльно эти повѣсти, разсѣянные въ журналахъ и альманахахъ, — они имѣли бы большой, и притомъ заслуженный успѣхъ въ публикѣ. Не понимаемъ, что за охота ему, вмѣсто того, что такъ сродно его таланту, тратить время и бумагу на романы и повѣсти, въ которыхъ онъ изображаетъ страны, имъ невиданныя, и эпохи, знаемыя имъ только по изученію и какому-то отвлеченному представленію?... — Ужъ если писать романъ, не лучше ли писать его изъ временъ столь живо и ясно присутствующихъ въ созерцаніи автора.—Г. А. Н. (авторъ «Звѣзды» и «Цвѣтка») напечаталъ въ прошломъ году только одну повѣсть — «Живая картина» (въ «Отечественныхъ Запискахъ»), впрочемъ, уступающую въ достоинствѣ прежнимъ его повѣстямъ.—Г. Вельтманъ помѣстилъ въ «Библіотекѣ для Читенія» весьма занимательный и живо написанный рассказъ «Карьера», которому, впрочемъ, какъ типическому очерку, приличнѣе было бы явиться въ «Нашихъ». — Казакъ Луганскій напечаталъ въ прошломъ году только одну повѣсть «Савелій Грабъ или Двойникъ» (во II томѣ «Сказки за Сказкою»); въ Библіографической Хроникѣ этой книжки (въ библіографическомъ отдѣлѣ этой части) читатели найдутъ нашъ отзывъ объ этой повѣсти.—Къ замѣчательнѣйшимъ повѣстямъ прошлаго года принадлежитъ повѣсть графа Растопчина «Охъ, Французы!» (въ «Отечественныхъ Запискахъ»). Въ этой повѣсти совсѣмъ нѣтъ никакихъ Французовъ, но за то, она сама есть вѣрное зеркало нравовъ старины и дышитъ умомъ и юморомъ того времени, котораго знаменитый авторъ былъ изъ самыхъ примѣчательнѣйшихъ представителей.—Юмористическія статьи, печатавшіяся въ «Нашихъ», всѣ болѣе или менѣе замѣчательны по

ихъ стремленію—быть выраженіемъ дѣйствительности, а не пустыхъ фантазій.

Вотъ и полный бюджетъ всего, что было самаго замѣчательнаго по части повѣстей въ прошломъ году. Немного, очень немного, но, какъ сказалъ поэтъ:

Быть такъ—спасибо и за то!

Изъ сборниковъ, самымъ примѣчательнѣйшимъ былъ «Утренняя Заря», альманахъ г. Владиславева. «Утренняя Заря» на нынѣшній 1843 годъ, по содержанію, гораздо выше всѣхъ предшествовавшихъ годовъ. Еслибъ въ этомъ альманахѣ была только одна статья покойнаго генерала М. Ѳ. Орлова «Капитуляція Парижа», а все остальное не превышало посредственности,—и тогда бы онъ былъ замѣчательнымъ явленіемъ; но въ «Утренней зарѣ», кромѣ превосходной во всѣхъ отношеніяхъ статьи М. Ѳ. Орлова, есть еще повѣсть графа Соллогуба, о которой мы говорили выше, большое стихотвореніе Лермонтова и два очень интересные разсказа гг. Кукольника и Гребенки.—Третій томъ «Русской Бесѣды», вышедшій въ прошломъ году, не оправдалъ ожиданій публики: онъ состоялъ изъ разнаго хлама нѣкоторыхъ старыхъ и уже выписавшихся сочинителей, которые были рады куда-нибудь сбросить жалкіе плоды своихъ старыхъ досуговъ, и разныхъ новыхъ сочинителей, которые рады были, что наконецъ нашли пріютъ своимъ литературнымъ уродцамъ и недоноскамъ.—«Альманахъ въ память 200-лѣтняго юбилея Александровскаго университета» былъ изданъ по случаю и содержитъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ статей, относящихся къ странѣ и событію, которое было причиною его появленія.

Роскошныя изданія болѣе и болѣе входятъ въ обычай въ нашей литературѣ. Успѣхъ «Нашихъ» возбудилъ и въ другихъ охоту издавать нѣчто въ томъ же родѣ, подъ названіемъ «Картинокъ Русскихъ Правовъ», которыя, какъ краси-

венькія игрушки, имѣютъ свое достоинство, но какъ книги—никакого, ибо это сборъ или стараго, давно извѣстнаго, или новыя пустяки, на скорую руку намазанна для такого казуса. Успѣхъ, изданной г. Семеновко-Крамаревскимъ «Исторіи Наполеона» съ политипажными картинъ Ораса Верне, породилъ компиляцію г. Ламбина, съ чудовищными политипажными работы плохихъ рисовальщиковъ, и «Исторію Суворова» г. Полеваго—нѣчто въ родѣ обыкновенной компиляціи съ посредственными по изобрѣтенію и довольно недурными по выполненію политипажными; и еще другую исторію Суворова, которая грозитъ скоро появиться... «Театральный Альбомъ» — истинно великолѣпное изданіе, имѣетъ свое значеніе и идетъ своимъ путемъ. Доселѣ вышло его два выпуска. «Константинополь и Турки» тоже принадлежитъ къ хорошимъ и полезнымъ изданіямъ съ картинками. «Картины Русской Живописи» представляютъ собою изданіе, заслуживающее вниманія и участія публики. Къ такого же рода изданіямъ должно отнести и «Архитектурныя Фантази» г. Шрейдера. Великолѣпное изданіе «Робинзона Крузо» Даніеля Дефо, съ рисунками Гранвиля, въ переводѣ съ англійскаго г. Корсакова, принадлежитъ къ числу дѣйствительно роскошныхъ и полезныхъ книгъ.

Шумно затѣянный какими-то молодыми людьми переводъ всѣхъ сочиненій Гете, остановился на второмъ выпускѣ. Едва ли кто пожалѣетъ о прекращеніи этой дѣтской затѣи. Напротивъ, переводъ «Шекспира», предпринятый г. Кетчеромъ, хотя не быстро, но тѣмъ не менѣе прочно подвигается впередъ. Прошлый годъ оставилъ его на десятомъ выпускѣ. Драматическія хроники Шекспира уже кончены, и скоро появятся «Комедія Ошибокъ» и «Макбетъ». — Изъ отдѣльно вышедшихъ книгъ по части изящной словесности, почти не о чемъ и упомянуть, кромѣ того, о чемъ мы уже говорили, приступая къ этому обзорѣ. Можно только вспомнить развѣ о второй части «Парижа въ 1836 и 1839 годахъ» г. В. Строева; впрочемъ, эта вторая часть вышла вмѣстѣ съ первою, напечатанною въ

1841 году.— Неужели говорить о «Комарахъ», «о Снопахъ», «о Дагеротипахъ» и тому подобныхъ плевелахъ на полѣ русской литературы?... Если еще можно о чемъ упомянуть здѣсь кстати, такъ развѣ о «Драматическихъ Сочиненіяхъ и Переводахъ» г. Полеваго, — и то для того только, чтобъ замѣтить, что наша драматическая литература составляетъ какую-то особую сферу внѣ русской литературы. Геній ея—г. Кукольникъ; ея первоклассные таланты—гг. Полевой и Ободовскій; за ними идетъ уже мелочь...

Изъ отдѣльно вышедшихъ книгъ серьезнаго содержанія, нельзя не упомянуть о слѣдующихъ: «Кесари» Шампаньи (Неронъ); «Римскіе Папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ» (последняя изъ этихъ книгъ столь же дурно переведена, сколько первая хорошо); «Политическая и Военная Жизнь Наполеона» (часть 6 и последняя); «Юридическія Записки» г. Рѣдкина (томъ II); «Всеобщая Географія» Бланка (томъ I,—переводъ небреженъ, изданіе неопрятно); «Сочиненія Платона» (т. II); «Филологическія Наблюденія протоіерея Г. Павскаго надъ составомъ русскаго языка» (три части); «Замѣчанія объ Осадѣ Троицкой Лавры»; «Записки Данилова» (любопытнѣйшая картина нравовъ русскаго общества за сто лѣтъ передъ симъ); «Записки Нащокина», изд. Языковымъ, съ примѣчаніями издателя; «Священная Исторія» (автора «путешествія ко Святымъ Мѣстамъ»); «Историческое Описаніе Одеждъ и Вооруженія Россійскихъ Войскъ» съ превосходно налитографированными рисунками—одно изъ тѣхъ монументальныхъ изданій, какія могутъ предприниматься, особенно у насъ, только развѣ правительствомъ. Текстъ этого превосходнаго творенія—трудъ г. Висковатаго. Вышли вторымъ изданіемъ «Сказанія Князя Курбскаго». Пятое изданіе (компактное, въ 4 томахъ). «Исторія Государства Россійскаго», предпринятое г. Эйнерлингомъ, было бы истиннымъ подвигомъ со стороны издателя, еслибъ дешевизна изданія соответствовала красотѣ, изяществу, удобству и полнотѣ.

Теперь слова два о журналахъ. Кромѣ ичисленныхъ выше сочиненій по части изящной словесности, въ «Отечественныхъ Запискахъ» были помѣщены еще слѣдующія: «Бѣснующіеся. Орлахская Крестьянка», князя Одоевскаго, помѣщающаго статьи свои подъ псевдонимомъ Безгласнаго; «Сеня», повѣсть г. Гребенки; «Ямщикъ, или Шалость Гусарскаго Офицера», драматическая картина въ одномъ дѣйствіи, графа Соллогуба. Изъ переводныхъ статей по части изящной словесности—романъ Диккенса «Бэрнеби Роджъ»; романъ Жоржъ Занда «Орасъ», повѣсть ея же «Мельхиоръ»; повѣсти и романы: Эли Берте «Соколъ»; Фредерика Сулье «Маргарита»; Огюста Арну «Колесо Фортуны»; Артюра Дюдэ «Красная Звѣзда», и испанская драма, переведенная съ подлинника: «Никто, кромѣ Короля». По части наукъ и искусствъ, публикою, вѣроятно, были замѣчены статьи: «Гёте», г. Липперта; «Коперникъ», Д. М. Перовошикова; «Система Желѣзныхъ Дорогъ въ Германіи» Фридриха Листа; «Изъ Записокъ Оренбургскаго Старожилка»; разсказъ и повѣствованіе, касающіеся Афганистана, В. И. Даля; «Осада Силистріи въ 1828 году» и «Дунайская Экспедиція 1829 года», П. Н. Глѣбова; «Выставка Санктпетербургской Академіи Художествъ въ 1842 году», В. П. Б—на; «Лѣченіе Болѣзней Искусствомъ и Натурою» (-и—о-), и пр. По части домоводства, сельскаго хозяйства и промышленности вообще: статьи Пензенскаго Земледѣльца, статью Русскаго Помѣщика (XI книжка). «Замѣчанія на статью г. Хомякова: «О Сельскихъ Условіяхъ»; «О Пьянствѣ въ Россіи» Н. Б. Герсеванова, и пр. Такъ какъ критическія статьи всегда бываютъ выраженіемъ мнѣнія самой редакціи, то мы можемъ называть, въ отдѣлѣ критики нашего журнала, интересными статьями только статьи гг. Герсеванова и Мордвинова о Сибири, г-на Галахова о грамматикахъ г. Перевлѣскаго, какъ доставленныя въ редакцію отъ постороннихъ сотрудниковъ; а нѣкоторыя изъ прочихъ почитаемъ себя въ правѣ поименовать, предоставляя самой публикѣ судить о ихъ достоин-

ствѣ, или недостаткахъ: «Русская Литература въ 1841 году», «Стихотворенія Апполона Майкова», «Руководство къ «Всеобщей Исторіи Фридриха Лоренца», «Стихотворенія Полежаева», «Кесари Ф. де-Шемпани», «Рѣчь о Критикѣ, профессора А. В. Никитенко» (три статьи), «Объясненіе на Объясненіе по поводу поэмы Гоголя «Мертвыя души», «Стихотворенія Баратынскаго», и пр. Равнымъ образомъ, мы имѣемъ право, не нарушая скромности, сказать, что Библиографическая Хроника въ «Отечественныхъ Запискахъ» всегда была— живою современною лѣтописью русской литературы; въ ней не пропущено ни одной книги, изданной въ Россіи на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, и потому, полнотою она превосходитъ всѣ подобные отдѣлы въ другихъ журналахъ. Въ отдѣлѣ «Иностранной Литературы» редакція всегда старалась представлять своимъ читателямъ по возможности полную картину современныхъ литературъ Франціи, Англіи и Германіи. Въ смѣси читатели наши находили подробный отчетъ о русской драматической литературѣ; и много интересныхъ оригинальныхъ статей, изъ которыхъ достаточно указать на рядъ статей подъ рубрикою «Поѣздка въ Китай», которыя будутъ продолжаться и въ нынѣшнемъ году.

Судить о духѣ и направленіи «Отечественныхъ Записокъ», характерѣ критики, сравнительно съ критикою другихъ журналовъ,—предоставляемъ публикѣ.

«Библиотека для Чтенія» дебютировала, въ своей первой книжкѣ за прошлый годъ, второю частію повѣсти барона Брамбеуса «Идеальная Красавица, или Дѣва Чудная», которой первая часть была напечатана въ послѣдней книжкѣ «Библи. для Чтенія» за 1841 годъ. При первой части было замѣчено, что повѣсть выйдетъ въ 1843 году вполнѣ и отдѣльно. Не знаемъ, съ нетерпѣніемъ ли ждетъ публика выхода окончанія «Дѣвы Чудной», или, подобно намъ, вовсе не ждетъ ея; но знаемъ, что повѣсть скучна и незанимательна, и что въ ней нѣтъ никакой повѣсти, есть только длинныя разглагольство-

ванія о томъ, о семь, а больше ни о чемъ. Кромъ «Дѣвы Чудной», въ «Библиотекѣ для Чтенія» прошлаго года были напечатаны и еще двѣ повѣсти, тоже, кажется, барона Брамбеуса: «Паденіе Ширванскаго Царства» и «Лукій, или первая повѣсть». Первая очень потѣшна, а вторая—довольно неудачное искаженіе извѣстной сказки Апулея «Золотой Осель», переведенной по-русски Ермиломъ Костровымъ, еще въ 1780 году, подъ титуломъ: «Луція Апулея платонической секты Философа превращеніе, или Золотой Осель. Перевелъ съ Латинскаго Императорскаго Московскаго Университета бакалавръ Ермилъ Костровъ. Въ Москвѣ въ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1780 года». Кромъ этихъ повѣстей, «Дурочки Луизы», «Благодѣтельнаго Андроника» г. Кукольника и «Карьеры» г. Вельтмана, въ «Библиотекѣ для Чтенія» прошлаго года находятся еще: «Три Жениха», италіянская повѣсть г. Каменскаго, «Закубанскій Харамзадѣ», отрывокъ изъ романа псевдонима Хамаръ-Дабанова», не лишенный нѣкотораго интереса, и «Мамзель Бабетъ и ея Альбомъ» г. С. Побѣдоносцева, тоже отрывокъ изъ большаго сочиненія, но представляющій собою нѣчто цѣлое—родъ юмористическаго очерка, игриво написаннаго, которому настоящее мѣсто было бы въ «Нашихъ», ибо это совсѣмъ не повѣсть. Изъ отдѣла «Иностранной Словесности» въ «Библиотекѣ для Чтенія» замѣчательна драма Бернара фонъ-Бескова «Густавъ Адольфъ», переведенная съ шведскаго г. В. Дерикеромъ. Это одно изъ прекраснѣйшихъ, возвышеннѣйшихъ и благороднѣйшихъ созданій скандинавской музы, въ которомъ просто, но вѣрно и рельефно воспроизведенъ историческій образъ рыцарственнаго короля Швеціи—утѣшенія и чести человѣчества, славы и гордости XVII вѣка. Жалѣемъ, что время и мѣсто не позволяютъ намъ распространиться объ этомъ произведеніи. Чтобъ познакомиться нѣсколько съ его духомъ и паѳосомъ, выпишемъ нѣсколько строкъ. Оксеншиерна отговариваетъ Густава-Адольфа отъ союза съ Франціею и вообще отъ

вмѣшательства въ дѣла Германіи. «Теперь (говорить Оксеншерна) вся Германія пылаетъ какъ Гекла и выбрасываетъ раскаленные каменья въ сосѣднія страны. Но большая часть этихъ изверженій все-таки падаетъ назадъ въ горящее жерло. Волкана не погасишь; онъ самъ долженъ выгорѣть. Этого требуетъ природа». Густавъ-Адольфъ отвѣчаетъ своему министру и другу: «Но спасти изъ лавы что возможно велить человѣколюбіе. Землетрясеніе—біеніе сердца земли. Времена тоже страдаютъ этою болѣзнью. Цѣлыя поколѣнія гибнутъ для спасенія другихъ поколѣній. И когда, въ эту бурю, ударить священный набатъ, каждый, въ комъ есть благородное мужество, спѣшитъ въ бой за правое дѣло. Мы пойдемъ, будемъ биться, и если падемъ, то новая рать, съ новыми знаменами, пойдетъ по нашимъ трупамъ. Пусть человѣкъ умираетъ, но человѣчеству должно жить! Пусть сердце разрывается, но цѣль должна быть достигнута!» Превосходно изображено въ этой драмѣ мрачное лицо свирѣпаго и невѣжественнаго фанатика и великаго полководца—Тилли. Вообще, публика должна быть вдвойнѣ благодарна г. Дерикеру—и за прекрасный переводъ, и за прекрасный выборъ такого освѣжающаго душу произведенія.—Изъ статей ученаго отдѣла, въ «Библіотекѣ для Чтенія» не на что указать въ особенности. Статья «Жизнь Шиллера» была бы чрезвычайно интересна, ибо заимствована изъ прекрасно составленной книги Гофмейстера, обнимающей жизнь великаго германскаго поэта до самыхъ мелочныхъ и тѣмъ еще болѣе интересныхъ подробностей, но чего можно ожидать и требовать отъ статьи въ два печатные листа, въ которую скомкано содержаніе огромныхъ четырехъ томовъ? Самое лучшее въ этой статьѣ—ея заглавіе, а сама статья—фальшивая тревога. Въ отдѣлѣ «Наукъ и Художествъ» помѣщена также статья г. Сенковского. «Сокъ достопримѣчательнаго. Записки Ресми-Ахмедъ Эфендія, турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, о сущности, началѣ и важнѣйшихъ событіяхъ войны, происходившей между Высо

кою Портою и Россіей отъ 1182 по 1190 годъ гиджры (1768—1776)». Мнѣніе объ этой статьѣ раздѣлено на двѣ крайности: одни думаютъ, что это—повѣсть, и притомъ фантастическая, во вкусъ барона Брамбеуса; другіе убѣждены, что это—переводъ историческаго сочиненія съ турецкаго подлинника. Не зная турецкаго языка, мы не можемъ рѣшить вопроса и держимся середины, т. е. думаемъ, что это дѣйствительно переводъ съ историческаго сочиненія, но украшенный, въ приличныхъ мѣстахъ, Брамбеусовскимъ юморомъ, выдумками и шутками, для красоты слогу. Статья «Александрійская Школа» интересна фактически, но лишена истиннаго взгляда на этотъ величайшій фактъ въ исторіи древняго міра. Александрійская школа — это послѣдній плодъ философіи древняго міра, и ея исторія — исторія философіи древняго міра, а «Библиотека для Чтенія», какъ извѣстно всѣмъ, не любитъ, не знаетъ и не понимаетъ никакой философіи — ни древней, ни новой. — Прочія ученые статьи въ «Библиотеку для Чтенія», каковы: «Лапласъ», «Вольта», «Тихонъ Браге», «Іоаннъ Кеплеръ» и т. п., которыми этотъ журналъ съ особеннымъ усердіемъ угощаетъ своихъ читателей, должны были бы давно уже выйдти изъ моды, какъ бесполезныя и скучныя. Смѣшно и думать, чтобъ можно было слѣдить по журнальнымъ статьямъ за ходомъ такихъ наукъ, какъ математика, астрономія, физика, химія, фізіологія, естествознаніе, особенно разсматриваемыя исключительно съ эмпирической точки зрѣнія. Чтобъ сдѣлать такую статью доступною для публики, читающей исключительно литературные журналы, надо устроить ее до такой степени, что въ ней не останется никакого ученаго содержанія; а изложить ее для ученыхъ—значить сдѣлать ее недоступною для публики: въ обоихъ случаяхъ выходитъ много шума изъ пустяковъ. Для всякаго интересна біографія такого человѣка, какъ, напримѣръ, Галилей; но въ ней великій ученый преимущественно долженъ быть изображенъ съ его нравственной стороны, какъ чело-

вѣкъ, какъ мученикъ знанія, дышавшій религіознымъ благоговѣніемъ къ святости истины, которая составляетъ предметъ науки. Такая біографія будетъ имѣть интересъ общій, будетъ всѣмъ доступна и полезна. Біографія же, имѣющая предметомъ показать и оцѣнить ученныя заслуги великаго человѣка, можетъ имѣть мѣсто только въ спеціально-ученыхъ изданіяхъ, гдѣ нѣтъ нужды разжижать и опошлять ихъ строго-ученаго содержанія. А вотъ такія статьи, гдѣ Сократъ представляется надувалою, по настоящему, не должны бы имѣть мѣста ни въ какомъ журналѣ... О критикѣ «Библіотеки для Чтенія» нечего говорить: всѣмъ извѣстно, что это критика сухая, состоящая болѣею частію изъ выписокъ, и притомъ занимающаяся книгами, которыя не могутъ возбуждать общаго интереса. Литературная Лѣтопись въ «Библіотекѣ» совсѣмъ было заснула, еслибъ ее не разбудили «Мертвыя Души»: тогда она проснулась, начала вопить, кричать; но въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ отвѣтъ на эти крики была пропѣта такая пѣсенка, отъ которой Лѣтопись, повидимому, снова погрузилась въ летаргическій сонъ. «Смѣсь» въ «Библіотекѣ» по прежнему состояла изъ разныхъ переводныхъ статей, болѣею частію касающихся до разныхъ предметовъ физики, химіи, медицины и естествознанія.

Въ «Современникѣ» по прежнему помѣщались стихотворенія Баратынскаго, Языкова, кн. Вяземскаго, графини Растопчиной, г. Мятлева, г. Айбулата и проч., и интересные рассказы и повѣсти Основьяненка, барона Корфа и другихъ; ученныя статьи гг. Невѣдомскаго, Петерсона, критика и бібліографія, отличались по прежнему сжатою краткостію слога. Самыми замѣчательными статьями въ «Современникѣ» прошлаго года были «Хроника Русскаго въ Парижѣ», «Нибелунги», критика, «Мертвыя Души» и «Портретъ», повѣсть Гоголя.

• Въ «Москвитянинѣ» бездна стиховъ: это оттого, что въ Москвѣ вообще много пишется стиховъ; а гдѣ пишутъ много стиховъ, тамъ почти совсѣмъ не пишутъ прозы, или отда-

ють ее въ петербургскіе журналы, — и потому въ «Москвитянинѣ» почти совсѣмъ нѣтъ прозы. «Римъ» Гоголя попалъ въ этотъ журналъ не изъ Москвы, а изъ Рима. Кромѣ этой повѣсти, въ «Москвитянинѣ» есть еще: отрывокъ изъ «Мирошева», прибывшій въ Петербургъ вмѣстѣ съ цѣлымъ и отдѣльно вышедшимъ «Мирошевымъ»; «Сердечная Оксана», переводъ малороссійской повѣсти г-на Основьяненка; «Мѣсяць въ Римѣ», изъ дорожныхъ записокъ г. Погодина, которыя всѣмъ доставили столько разнообразнаго удовольствія красотою слога, энергической краткостью выраженія и необычайной еще въ подлунномъ мірѣ оригинальностью мыслей; «Колшичизна и Степи», разсказъ Эдуарда Тартье, переведенный съ польскаго; «Черная Маска»; повѣсть барона Розена; «Неаполь» (еще изъ записокъ г. Погодина); «Вологда» (еще таки изъ записокъ г. Погодина); «Одна изъ женщинъ XIX вѣка»; повѣсть Б...; «Женщина, Поэтъ и Авторъ» отрывокъ изъ романа г-жи А. Зражевской. Это, должно быть, пріинтересный романъ: въ немъ изображено высшее общество — дѣйствуютъ все князья и княжны, графы и графини; имена героевъ самыя романическія—Лировы, Альмскіе, Сенирскіе, Минвановы, Днѣстровскіе, Пермскіе и т. п. Тутъ изображена «поэтка», выражаясь языкомъ сочинительницы, которая пишетъ и читаетъ вслухъ, впрочемъ, довольно плохіе стихи. Жалѣемъ, что, по недостатку мѣста, не можемъ сдѣлать выписокъ изъ этого отрывка; за то, когда выйдетъ романъ, мы вдоволь насытимся этимъ удовольствіемъ. По отрывку видно, что такихъ романовъ, послѣ дѣвицы Марьи Извѣковой, на Руси еще не было. Мы сказали, что прозы въ «Москвитянинѣ» мало, а сами выписали столько заглавій статей: это не покажется противорѣчіемъ для тѣхъ, кто читалъ эту коротенькую «прозу». Изъ ученыхъ статей въ «Москвитянинѣ» замѣчательна статья профессора Лунина «Взглядъ на исторіографію древнѣйшихъ народовъ Востока». Критика «Москвитянина» составляетъ душу этого журнала и

замѣчательна въ той же мѣрѣ, какъ и онъ самъ. Притомъ только критика да стихи и представляютъ собою литературную сторону «Москвитянина»; все остальное въ немъ какая-то пестрая смѣсь неважныхъ историческихъ матерiаловъ съ газетными извѣстiями. Изумительнѣе всѣхъ возможныхъ матерiаловъ—«Письма Пушкина къ Погодину» (№ 10 «Москвитянина»); мы думаемъ, прахъ Пушкина пошевелился въ могилѣ отъ напечатанiя въ журналѣ этихъ писемъ, писанныхъ совсѣмъ не для печати. Въ нихъ Пушкинъ увѣряетъ г. Погодина, что его «Марѳа Посадница» — великое Шекспировское произведенiе; это, вѣрно, иронiя, которая непонята авторскимъ самолюбиемъ... «Москвитянинъ» взялъ на себя рѣшенiе важной задачи о самобытности русскаго развитiя, мимо Запада, и вѣроятно, рѣшитъ ее удовлетворительно и положительно въ нынѣшнемъ году, а въ прошломъ замѣтно только отрицательное рѣшенiе. Подождемъ. Богъ не безъ милости, а «Москвитянинъ» не безъ средствъ и не безъ охоты рѣшить всѣ интересные для себя вопросы.

О «Сынѣ Отечества» и «Русскомъ Вѣстникѣ» мы можемъ сказать только, что первый изъ этихъ журналовъ запоздалъ въ прошломъ году четырьмя книжками; а «Русскiй Вѣстникъ», запоздавшiй въ 1841 году двумя книжками, въ прошломъ запоздалъ шестью, выдавъ въ одной книжкѣ 5 и 6 нумера и помѣстивъ въ нихъ «Мать-Испанку», драму г. Полеваго.

«Репертуаръ, по свидѣтельству собственныхъ опекуновъ своихъ, былъ такъ плохъ въ прошломъ году, что совершенно охладилъ къ себѣ публику. См. № 256 «Сѣверной Пчелы».

Кстати о «Сѣверной Пчелѣ»: она все та же, какою была и всегда, и потому, не желая повторять сказаннаго о ней въ прошлогоднемъ обзорѣни русской литературы (Ч. VI, стр. 87), мы ни слова о ней не скажемъ. Лучше, вмѣсто того, пожелаемъ, чтобы преобразовываемый съ начала нынѣшняго года «Русскiй Инвалидъ» былъ во всѣхъ отношенiяхъ настоящею официальною, политическою и учено-ли-

тературною газетою, чего мы имѣемъ полное право надѣяться.

«Литературная Газета» была вѣрна своему назначенію. Представляя публикѣ повѣсти и рассказы, она исправно извѣщала ее обо всѣхъ литературныхъ и театральныхъ новостяхъ, и разсуждала съ дамами о модахъ.

Новый дѣтскій журналъ «Звѣздочка», издаваемый г-жею Ишимовою, оправдалъ ожиданія публики и рекомендаціи другихъ журналовъ. Вѣрный своему назначенію, онъ доставлялъ своимъ маленькимъ читателямъ сколько пріятное и разнообразное, столько и полезное чтеніе. Слогъ статей его не оставляетъ желать ничего лучшаго.

—

Можетъ-быть, многіе увидятъ противорѣчіе въ нашемъ воззрѣніи на русскую литературу въ послѣднее время съ отчетомъ о ея бюджетѣ за прошлый годъ, бѣдности котораго мы сами не скрываемъ. Для такихъ читателей замѣтимъ, что мы въ своемъ воззрѣніи руководствовались не числомъ, а качествомъ произведеній. Сущность и духъ литературы выражаются не во всѣхъ ея произведеніяхъ, а только въ избранныхъ. Пусть число этихъ «избранныхъ» будетъ невелико, но какъ они лучшія, то они и представители литературы. Когда литература умираетъ на своей засохшей почвѣ, тогда не можетъ явиться ни одного превосходнаго творенія, а прошлый годъ подарилъ насъ «Мертвыми Душами...» Притомъ же, если теперь и много представляется явленій посредственныхъ и плохихъ, — то развѣ нельзя назвать успѣхомъ литературы и общественнаго вкуса то обстоятельство, что такія произведенія тотчасъ же оцѣниваются, какъ слѣдуетъ, и не пользуются никакимъ успѣхомъ?...

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА. *Четыре части. Спб. 1843.*

1.

Съ іюля 3-го текушаго года начнется второе столѣтіе отъ дня рожденіи Державина... Итакъ, цѣлый вѣкъ раздѣляетъ молодыя поколѣнія нашего времени отъ пѣвца Екатерины... Но отъ смерти Державина едва прошло четверть вѣка, и, не смотря на то, кажется, цѣлые вѣка легли между имъ и нами... Читая его стихотворенія, теперь уже почти ничего не понимаешь въ нихъ безъ историческихъ нраво-описательныхъ комментарій на вѣкъ, котораго онъ былъ органомъ... Языкъ, образъ мыслей, чувства, интересы—все, все чуждо нашему времени... Но не умеръ Державинъ, такъ же, какъ не умеръ вѣкъ, имъ прославленный; вѣкъ Екатерины приготовилъ вѣкъ Александра, приготовившій нашъ вѣкъ, — между Державинымъ и поэтами нашего времени существуетъ та же кровно-родственная историческая связь, которая существуетъ и между этими тремя эпохами русской исторіи...

Искусство, какъ одна изъ абсолютныхъ сферъ сознанія, имѣетъ свои законы, въ его собственной сущности заключенные, и внѣ себя не признаетъ никакихъ законовъ. Кто, уже по натурѣ своей, или по духовной своей неразвитости, не въ состояніи постигать законовъ искусства въ его идеѣ, — тотъ не въ состояніи ни цѣнить искусства въ фактѣ, ни наслаждаться имъ. До постиженія идеи мы доходимъ искусственнымъ путемъ отвлеченія: слѣдовательно, идея сама по себѣ есть только одна сторона предмета, искусственно отдѣляемая нами отъ живой всецѣлости предмета, для того, чтобъ намъ можно было отрѣшиться отъ непосредственнаго, эмпирическаго способа понимать этотъ предметъ. И потому нѣтъ идей, которыя и оставались бы идеями; но всякая идея осуществляется, какъ фактъ — какъ предметъ, или какъ дѣйствіе.

Осуществленіе идеи въ фактъ имѣеть свои непреложные законы, изъ которыхъ главнѣйшій—послѣдовательность и постепенность. Ничто не является вдругъ, ничто не рождается готовымъ; но все, имѣющее идею своимъ исходнымъ пунктомъ, развивается по моментамъ, движется діалектически, изъ низшей ступени переходя на высшую. Этотъ непреложный законъ мы видимъ и въ природѣ, и въ человѣкѣ, и въ челоѣчествѣ. Природа явилась не вдругъ готовая, но имѣла свои дни, или свои моменты творенія. Царство ископаемое предшествовало въ ней царству прозябаемому, прозябаемое—животному. Каждая былинка проходитъ черезъ нѣсколько фазисовъ развитія,—и стебель, листъ, цвѣтъ, зерно, суть не что иное, какъ непреложно-послѣдовательные моменты въ жизни растенія. Человѣкъ проходитъ черезъ физическіе моменты младенчества, отрочества, юношества, возмужалости и старости, которымъ соотвѣтствуютъ нравственные моменты, выражающіеся въ глубинѣ, объемѣ и характерѣ его сознанія. Тотъ же законъ существуетъ и для обществъ, и для челоѣчества. Тотъ же законъ существуетъ и для искусства. У искусства есть свой вѣчный, неизмѣнный идеалъ совершенства, составляющій предметъ эстетики, какъ науки изящнаго; но искусство не вдругъ, а постепенно достигаетъ своего идеала,—и исторія искусства есть картина моментовъ его развитія. Такъ, напримѣръ, Индія—страна, гдѣ впервые пробудилось въ людяхъ стремленіе къ сознанію абсолютной истины, и въ которой это сознаніе остановилось на своемъ первомъ моментѣ, и какъ бы окаменѣлое, дошло до насъ, черезъ рядъ тысячелѣтій, почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ первоначально возникло, подобно вершинамъ Гиммалаи, которыя и теперь почти тѣ же, какими узрѣлъ ихъ міръ въ первые дни своего созданія. Подобно религіи и философіи, искусство въ Индіи представляется на первой ступени своего проявленія, въ первомъ моментѣ своего существованія: оно носитъ тамъ характеръ чисто-символическій, ибо его образы

условно, а не непосредственно выражают идею. Таково должно быть, и иным не может быть искусство въ своемъ началѣ. Чтобъ образы выражали идею не условно, а непосредственно, для этого необходимо идеѣ быть полною и ясною для художника; но какъ идеи первобытныхъ и младенствующихъ обществъ состоятъ изъ темныхъ предощущеній и неопредѣленныхъ, смутныхъ предчувствій, то и выраженіе идеи у нихъ, естественно, должно состоять изъ однихъ намековъ, иносказаній и затѣйливыхъ символовъ. Въ Египтѣ искусство сдѣлало уже большой шагъ, приблизившись нѣсколько къ простотѣ и природѣ, по крайней мѣрѣ, египетскія изваянія представляютъ уже не однихъ сфинксовъ, но и людей, хотя эти люди еще массивны, грубы, неподвижны. Въ Греціи, искусство уже отрѣшилось символизма, и его образы облеклись въ простоту и истину, которыя составляютъ высочайшій идеалъ красоты.

Искусство никогда не развивается независимо-одиноко: напротивъ, его развитіе всегда бываетъ связано съ другими сферами сознанія. Въ эпоху младенчества и юношества народовъ, искусство всегда, болѣе или менѣе—выраженіе религиозныхъ идей, а въ эпоху возмужалости — философскихъ понятій. Индійскій пантеизмъ есть обожествленіе природы, и потому даже въ поэзіи индустанской играютъ такую важную роль растенія, змѣи, птицы, коровы, слоны и прочія животныя, а изваянія боговъ представляютъ дикую и уродливую смѣсь членовъ человѣческаго тѣла съ членами животныхъ. Индійское искусство не могло возвыситься до изображенія красоты человѣческой, ибо въ пантеистической религіи Индусовъ богъ есть природа, а человѣкъ — только ея служитель, жрецъ и жертва. Египетская мифологія занимаетъ уже середину между индійскою и греческою: среди животночудовищныхъ образовъ ея боговъ уже замѣтны и человѣческіе лики, послужившіе типомъ для изваяній греческихъ; между Озиридомъ и Аполлономъ есть сродство, и мифъ Ѡеба,

который сражаетъ Пифона, занять Греками у Египтянъ. Однакожь, это бореніе между животнымъ и человѣкомъ разрѣшилось только въ сфинкса — чудовище съ женоподобною головою и грудью, съ туловищемъ звѣря. Сфинксъ египетскій мудрѣе человѣка: онъ загадываетъ человѣку хитрыя загадки и пожираетъ его за неумѣніе разгадать ихъ. Но Грекъ Эдипгъ разгадалъ мысль и нашелъ слово; звѣрь бросился въ море и утонулъ: человѣкъ вступилъ въ свои права, — и боги Греціи не что иное, какъ образы идеальнаго человѣка, обоженіе человѣка. Звѣри вошли въ искусство какъ выраженіе силъ природы, повинующихся человѣку: кони возятъ колесницу Аполлона, Церберъ стережетъ входъ въ царство Ада, отвратительныя гарпіи служатъ бичомъ злодѣйства; Зевсъ принимаетъ образы вола и лебеда для скрытія отъ Геры такихъ похощеній, источникомъ которыхъ были чисто естественныя поползновенія. Образъ человѣческой просвѣтленъ и возвышенъ? его назначеніе въ греческомъ искусствѣ — выражать высшую идеальную красоту. Въ греческомъ искусствѣ символика и аллегорія кончились; искусство стало искусствомъ. Объясненія этого должно искать въ греческой религіи и глубоко въ полномъ развитіи и опредѣлившемся смыслѣ ея мірообъемлющихъ мѣровъ.

Кромѣ всего этого, на развитіе и характеръ искусства много имѣютъ вліянія еще разныя совершенно случайныя обстоятельства, особенно же природа и мѣстность страны, климатъ, и проч. Огромность архитектурныхъ зданій, колоссальность статуй индійскихъ — явно отраженіе гигантской природы страны Гиммалаевъ, слоновъ и удавовъ. Нагота греческихъ изваяній находится въ болъшей или меньшей связи съ благословеннымъ климатомъ Эллады. Гармоническая природа этой страны, чуждая всякой чудовищной громадности, всякихъ чудовищныхъ крайностей, не могла не имѣть вліянія на чувство соразмѣрности и соотвѣтственности, словомъ, гармоніи, которое было какъ бы врожденно Грекамъ. Бѣдная и величаво

дикая природа Скандинавіи была для Нормановъ откровеніемъ ихъ мрачной религіи и сурово-величавой поэзіи. Политическія обстоятельства также имѣють вліяніе на развитіе и характеръ искусства: Римляне заняли у Грековъ классическую гармонію и благородную простоту архитектуры, но прибавили къ ней отъ себя огромность и громадность размѣровъ, какъ бы выразившихъ колоссальность ихъ государства и ихъ политическаго величія.

Изъ этого видно, какъ жестоко ошибаются тѣ умозрительныя судіи изящнаго, которые хотять видѣть въ искусствѣ совершенно отдѣльный міръ, существующій независимо отъ другихъ сферъ сознанія и отъ исторіи. Основываясь на томъ, что предметъ искусства не временное и относительное, а вѣчное и безусловное, они думаютъ, что искусство унижаетъ себя, если подчиняется какимъ бы то ни было историческимъ и временнымъ вліяніямъ. Но это значить смотрѣть на «вѣчное» и «безусловное», какъ на отвлеченныя понятія, чуждыя всякаго содержанія, какъ на логическія построенія, лишеныя всякой жизненности: ибо «вѣчное» выражается во времени, «безусловное» ограничивается формою проявленія, «безконечное» дѣлается доступнымъ созерцанію въ конечномъ. Если эстетика возьметъ за основаніе однѣ идеи и ихъ діалектическое развитіе, оставивъ въ сторонѣ вѣрованія и исторію, — то по ней выйдетъ, можетъ-быть, что произведенія греческаго искусства прекрасны, а индійскаго и египетскаго не имѣють ничего общаго съ творчествомъ и суть порожденія невѣжества и дикости; готическая архитектура — воплощенное безвкусіе; французская литература хороша, а нѣмецкая — вздоръ, или наоборотъ, смотря по тому, отъ какого начала отправится эстетика. Задача истинной эстетики состоитъ не въ томъ, чтобъ рѣшить, чѣмъ должно быть искусство, а въ томъ, что такое искусство. Другими словами: эстетика не должна разсуждать объ искусствѣ, какъ о чемъ-то предполагаемомъ, какъ о какомъ-то идеалѣ, который мо-

жетъ осуществиться только по ея теоріи: нѣтъ, она должна разсматривать искусство, какъ предметъ, который существовалъ давно прежде ея, и существованію котораго она сама обязана своимъ существованіемъ.

Другіе знатоки и любители искусства начинаютъ съ противоположной крайности, думая, что изящное не имѣетъ никакихъ непреложныхъ законовъ, и что стѣдуетъ только изучить исторію и нравы какого угодно народа, чтобъ понять его искусство. Узнавъ изъ біографіи какого-нибудь художника, что онъ былъ несчастенъ, они думаютъ, что нашли ключъ къ тайнѣ его грустныхъ созданій. «Видите ли,—говорятъ они,—онъ былъ несчастенъ въ жизни, и оттого меланхолія составляетъ отличительный характеръ его произведеній». Коротко и ясно! Этакъ легко можно объяснить и мрачный характеръ поэзіи Байрона: критика будетъ и не долга и удовлетворительна. Но что Байронъ былъ несчастенъ въ жизни—это уже старая новость: вопросъ въ томъ, отчего этотъ одаренный дивными силами духъ былъ обреченъ несчастію? Эмпирическіе критики и тутъ не задумаются: раздражительный характеръ, иппохондрія, скажутъ одни изъ нихъ,—и расстройство пищеваренія, прибавятъ, пожалуй, другіе, добродушно не догадываясь въ низменной простотѣ своихъ гастрическихъ воззрѣній, что такія малыя причины не могутъ имѣть своимъ результатомъ такія великія явленія, какъ поэзія Байрона. Всякому извѣстно, что иной меланхоликъ отъ природы бываетъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ счастливъ и что самый веселый человѣкъ дѣлается иппохондриккомъ отъ несчастія, что раздражительность нервовъ служитъ не только къ живѣйшему ощущенію горестей, но и къ живѣйшему ощущенію радости. Всякому также извѣстно, что великіе комики по большей части бываютъ людьми раздражительными и склонными къ иппохондрії, и что весьма рѣдко появляется улыбка на устахъ тѣхъ, которые заставляютъ другихъ хохотать до слезъ... Ни одинъ поэтъ не можетъ быть

великъ отъ самого себя и черезъ самого себя, ни черезъ свои собственныя страданія, ни черезъ свое собственное блаженство, всякій великій поэтъ потому великъ, что корни его страданія и блаженства глубоко вросли въ почву общественности и исторіи, что онъ, слѣдовательно, есть органъ и представитель общества, времени, человѣчества. Только маленькіе поэты и счастливы и несчастливы отъ себя и черезъ себя; но за то только они сами и слушаютъ свои птичьи пѣсни, которыхъ не хочетъ знать ни общество, ни человѣчество. Чтобъ разгадать загадку мрачной поэзіи такого необъятно-колоссальнаго поэта, какъ Байронъ, должно сперва разгадать тайну эпохи, имъ выраженной, а для этого должно факеломъ философіи освѣтить историческій лабиринтъ событий, по которому шло человѣчество къ своему великому назначенію—быть олицетвореніемъ вѣчнаго разума, и должно опредѣлить философски градусъ широты и долготы того мѣста пути, на которомъ засталъ поэтъ человѣчество, въ его историческомъ движеніи. Безъ того всѣ ссылки на событія, весь анализъ нравовъ и отношеній общества къ поэту и поэта къ обществу и къ самому себѣ—ровно ничего не объясняютъ.

Но прежде, чѣмъ опредѣлить историческое значеніе поэта, должно опредѣлить его чисто-художественное значеніе: безъ этого никто не пойметъ, почему критика или эстетика признаетъ одного поэта поэтомъ, другаго нѣтъ, и почему въ одномъ она видитъ великаго, а въ другомъ обыкновеннаго поэта. Вотъ здѣсь эстетика имѣетъ право основываться на одномъ философскомъ началѣ искусства, не относясь ни къ исторіи, ни къ другимъ сферамъ сознанія. Здѣсь получаетъ свой великій смыслъ искусство, какъ искусство, какъ такая сфера дѣятельности, которая сама себѣ цѣль и внѣ себя цѣли не имѣетъ. Естественно, прежде, чѣмъ опредѣлить, къ роду честву какого народа, какой эпохи, какого стиля принадлежатъ зданія такого-то архитектора, и великій ли онъ архитекторъ, должно показать, есть ли въ его зданіяхъ творче

ство, полеть фантазиі, словомъ, поэзія, или эти зданія— только груды камней, складенныя по правиламъ архитектуры трудолюбивымъ ремесленникомъ, тщательно изучившимъ техническую сторону искусства, или, пожалуй, и опытнымъ академикомъ... А этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только на основаніи философіи изящнаго—эстетики. Но здѣсь и оканчивается работа эстетики, какъ эстетики собственно, и отсюда вступаетъ въ свои права исторія и философія исторіи. Это не значитъ, чтобы эстетика въ какомъ бы то ни было случаѣ, отказывалась отъ правъ, неотъемлемо принадлежащихъ ей въ дѣлѣ искусства: это значитъ только, что эстетика, окончивъ разсмотрѣніе художественной стороны искусства, обращается къ другой сторонѣ, столько же присущей искусству, какъ и сторона художественная—къ сторонѣ его содержанія, и, нисколько не отказываясь отъ своихъ законныхъ и неотъемлемыхъ правъ, вступаетъ въ союзъ съ другою родственною ей сферою — сферою исторіи. Всѣ сферы высшаго сознанія такъ родственны и тѣсно связаны между собою, что только чрезъ искусственное дѣйствіе разума можно раздѣлять ихъ; показать же точныя ихъ границы такъ же трудно, какъ и показать, гдѣ въ человѣкѣ оканчивается тѣло и начинается душа, гдѣ конецъ чувства и начало ума, и т. д.

А между тѣмъ, какъ въ понятіи о природѣ человѣка существуютъ преданные отвлеченіямъ идеалисты, которые, за душою, не замѣчаютъ организма, и матеріалисты, которые за массою тѣла не могутъ провидѣть душу,—такъ и въ понятіи объ искусствѣ существуютъ свои идеалисты (умозрители) и свои матеріалисты (эмпирики). Мы показали, въ чемъ состоитъ ученіе тѣхъ и другихъ; прибавимъ къ этому, что эмпирики, не признающіе эстетики и превращающіе ее въ сухой, неоживленной мыслию каталогъ изящныхъ произведеній, съ практическими и случайными комментаріями,—лишаютъ искусство его высокаго значенія! Не признавая содержаніемъ искусства той же вѣчной, въ свободной необходимости діалек-

тически развивающейся идеи, которая составляет содержание и истории и философии, эмпирики низводят творческие произведения на степень предметов, имеющих целью приятно развлекать скуку и занимать праздное бездельствие, — а это значит ставить их в один ряд с изящно-сделанною мебелью и теми красивыми безделками, которыми мода и прихоть украшают в комнатах камин, столы и этажерки. Идеалисты доходят до той же крайности, только противоположным путем. По их учению, жизнь должна идти своею дорогою, а искусство своею, не соприкасаясь друг с другом, не завися друг от друга и не имея никакого влияния друг на друга. Буквально-верные своему основному положению, что искусство само себя цель, они доходят наконец до того, что лишают искусство не только цели, но и всякого смысла. Сначала они доводят искусство до аскетизма, а наконец и до индифферентизма, — что весьма естественно: Индия ясно доказывает, что отшельничество и равнодушье гораздо ближе друг к другу, нежели как кажется с первого взгляда.

Отвлекающий идеализм во всем ведет к произвольности в воззрениях и построениях, потому что факты отвергаемой им действительности не мешают ему принимать свои карточные домики за настоящие рыцарские замки. Кто смотрит на искусство исключительно с эстетической точки, не принимая в соображение ни его истории, ни истории развития человечества, — тому весьма легко открыть тождество между «Илиадою» Гомера и «Мертвыми Душами» Гоголя. Заблуждение глубокое, но понятное! Оно может происходить не от ограниченности умственной, а только от одностороннего взгляда на предмет. Приняв за непреложную истину какое-нибудь на досуге придуманное положение и отвергнув историческую сторону предмета, можно надѣлать десятки и сотни Гомеров и Шекспировъ: идеализм знает, что законы творчества всегда и вездѣ одинаковы, что они в Россіи тѣ

же, что были въ Греціи, — ерго почему жъ и въ Россіи не быть Гомеру и Софоклу?... Отсюда проистекаетъ всевозможная ложь и неправда въ сужденіяхъ о достоинствѣ поэтовъ: какъ легко превознести одного, такъ легко и унижить другаго, и въ обоихъ случаяхъ — замѣтьте — на основаніи мысли и ея строгаго діалектическаго развитія...

Очевидно, что какъ эмпиризмъ, такъ и идеализмъ (отвлеченный) суть односторонности, равно чуждыя истины: истина же состоитъ въ свободномъ примиреніи обоихъ этихъ крайностей. Но кромѣ того, что такое примиреніе не такъ - то легко для всякаго, — и сама истина, еслибы кто и нашелъ ее, принимается съ большимъ трудомъ, и то весьма немногими. Это потому именно, что живая истина состоитъ въ единствѣ противоположностей. Чѣмъ одностороннѣе мнѣніе, тѣмъ доступнѣе оно для большинства, которое любитъ, чтобъ хорошее непременно было хорошимъ, а дурное — дурнымъ, и которое слышать не хочетъ, чтобъ одинъ и тотъ же предметъ вмѣщалъ въ себѣ и хорошее и дурное. Вотъ почему толпа, узнавъ, что за какимъ-нибудь великимъ человѣкомъ водились слабости, свойственныя малымъ людямъ, всегда готова сбросить великаго съ его пьедестала и ославить его негодяемъ и безнравственнымъ человѣкомъ. Толпа не понимаетъ, что все живое тѣмъ и отличается отъ мертваго, что въ самой сущности своей заключаетъ начало противорѣчія. Толпа не понимаетъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ отличаться и великими добродѣтелями и великими пороками, что одно хорошее начало въ немъ могло быть развито, а другое задавлено и заглушено въ самомъ зародышѣ своемъ; что одно дурное начало въ немъ могло быть подавлено еще въ зернѣ, а другое развито; что причины этого должно отыскивать и въ духѣ времени, когда явился великій человѣкъ, и въ общественности, среди которой возросъ и воспитался онъ, и что, на основаніи этихъ причинъ, иные пороки его можно извинить, а иные даже и поставить ему въ заслугу

такъ же точно, какъ иныя добродѣтели его возвысить, а съ иныхъ сбавить цѣну. Еслибъ въ наше время какой-нибудь воинъ сталъ метить за падшаго въ честномъ бою друга или брата своего, зарѣзывая на его могилѣ плѣнныхъ враговъ, — это было бы отвратительнымъ, возмущающимъ душу звѣрствомъ; а въ Ахиллѣ, умиляющимъ тѣнь Патрокла убійствомъ обезоруженныхъ враговъ, это мщеніе — доблесть, ибо оно вышло изъ нравовъ и религіозныхъ понятій общества его времени. Не понимая этого, толпа признаетъ наукою одну математику, которая дѣйствительно никогда себя не противорѣчитъ, а исторію и философію считаетъ вздоромъ, ибо, по ея мнѣнію, онѣ на каждомъ шагу противорѣчатъ себя... Между тѣмъ въ глазахъ той же толпы, мертвецъ, лежащій въ гробу, уже не такъ важенъ, какъ живой человекъ, хотя первый ни въ чемъ не противорѣчитъ самому себѣ, а другой на каждомъ шагу противорѣчитъ... Такова ужъ видно натура толпы!...

У насъ можно смѣло говорить о всякомъ писателѣ, о которомъ мнѣніе еще не успѣло установиться въ толпѣ; но бѣда говорить о писателѣ старинномъ, о которомъ въ любомъ учебникѣ можно найти однѣ и тѣ же напыщенные фразы и общія мѣста... Въ такомъ случаѣ, безопаснѣе всего сказать рѣзкую односторонность: если одни осердятся, за то другіе согласятся, и обѣ стороны по крайней мѣрѣ поймутъ, въ чемъ дѣло. Такъ точно, у насъ ужъ лѣтъ шестьдесятъ повторяются однѣ и тѣ же фразы о Державинѣ, что выше его не было и не будетъ поэта въ подлунномъ мірѣ, что онъ пѣвецъ сѣвера и потомокъ Багрима... Съ этимъ всѣ согласны, тѣмъ болѣе, что до этого никому нѣтъ дѣла, ибо Державина давно уже никто не читаетъ, и всѣ знаютъ его только по журнальнымъ фразамъ да школьнымъ воспоминаніямъ. Но люди такъ устроены, что если они привыкли о какомъ-нибудь предметѣ думать такъ, то хотя бы они уже и совсѣмъ не заботились о немъ, однакожъ непремѣнно осердятся на васъ, если

вы осмѣлитесь думать объ этомъ предметѣ иначе. Когда въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ первый разъ было сказано, что Державинъ для нашего времени уже не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для своего, и что хотя онъ былъ одаренъ и великими поэтическими силами, однако не создалъ ничего такого, что прошло бы чрезъ вѣка въ нетлѣнной красотѣ, — тогда на «Отечественныя Записки» не шутя разсердились даже такіе люди, которые не прочли въ жизнь свою ни одного стиха Державинскаго, и, въ слѣдъ за другими, съ важностью стали повторять: «Какъ же можно такъ дерзко отзываться о такомъ великомъ поэтѣ? — вѣдь пѣвецъ сѣвера, потомокъ Багрима»... И причину этого неудовольствія легко понять: еслибъ «Отечественныя Записки» совершенно отняли у Державина всякое достоинство, поставили бы этого богатыря поэзіи русской на ряду съ Тредьяковскимъ, тогда имъ меньше было бы хлопотъ; потому что еслибъ одни еще сильнѣе ожесточились бы противъ нихъ, за то нашлось бы много другихъ, которые ухватились бы за ихъ мнѣніе съ радостію лѣнивыхъ и немыслящихъ любителей новыхъ идей. Но въ мнѣніи «Отечественныхъ Записокъ» было противорѣчіе: у Державина не отнималось его величіе, а о поэзіи его говорилось только какъ объ историческомъ фактѣ: не понятно, а потому и досадно!... Правда, потомъ, какъ привыкли къ новому мнѣнію, то стали повторять его и печатно, хотя и не поняли...

Дѣйствительно, ни объ одномъ поэтѣ не можетъ существовать столь противоположныхъ мнѣній, какъ о Державинѣ. Если разсматривать его съ эмпирически-исторической точки, то каждый стихъ его окажется чудомъ совершенства, а самъ онъ явится однимъ изъ величайшихъ поэтовъ древняго и новаго міра. Если же взглянуть на него съ чисто-эстетической точки, то можно поставить его чуть-чуть не наравнѣ съ Сумароковымъ. Но то и другое заключеніе равно будутъ ложны и нелѣпы: для того-то мы и почли за нужное пред-

варительно сказать нѣсколько словъ о недостаточности и ложности эмпирической и (отвлеченно) идеальной точки зрѣнія на искусство.

Какъ обще-человѣческое искусство, такъ и искусство каждаго народа, отдѣльно взятаго, имѣеть свою исторію, которая есть не что иное, какъ картина развитія искусства отъ его первоначальнаго исходнаго пункта до послѣдняго заключительнаго звена. Постепенность и послѣдовательность—законъ всякаго развитія. Если бы кто-нибудь напечаталъ въ газетахъ, что посаженное имъ въ землю зерно изъ яблока возшло не стебелькомъ, а прямо яблокомъ,—всѣ стали бы надъ этимъ смѣяться какъ надъ нелѣпостью, хотя бъ это и было напечатано. Но когда писали и печатали, что лѣтъ черезъ тридцать послѣ первой оды Ломоносова («На взятіе Хотина»), явился на Руси поэтъ, одинъ совмѣстившій въ себѣ и Пиндара, и Горация, и Анакреона, и превзошедшій всѣхъ ихъ, порознь и вмѣстѣ взятыхъ,—надъ этимъ и теперь еще не смѣются, какъ надъ нелѣпостію...

Мы сказали выше, что ни одно стихотвореніе Державина не выдержитъ самой снисходительной эстетической критики. Дѣйствительно, ничего не можетъ быть слабѣе художественной стороны стихотвореній Державина. Содержаніе ихъ, по большей части, составляютъ нравственныя сентенціи, расположенныя и распространенныя риторически, въ формѣ разсужденія, или диссертациі. Отъ этого, многія оды его непомѣрно длинны, непомѣрно прозаичны и... непомѣрно скучны. Истина составляетъ такъ же содержаніе поэзіи, какъ и философіи, и, со стороны содержанія, поэтическое произведеніе—то же самое, что и философскій трактатъ; въ этомъ отношеніи, нѣтъ никакой разницы между поэзіею и мышленіемъ. И, однакоже, поэзія и мышленіе далеко не одно и то же: они рѣзко отдѣляются другъ отъ друга своею формою, которая и составляетъ существенное свойство каждаго. Философія, или (выразимъ это понятіе болѣе общимъ терминомъ) мышле-

ніе дѣйствуетъ прямо черезъ разумъ и на разумъ; и если мыслитель, или ораторъ, проникаясь эѳирнымъ пламенемъ изслѣдуемой имъ истины, иногда возвышается до пафоса, прибѣгаетъ къ посредству фантазіи и говоритъ огненнымъ языкомъ чувства и радужными образами фантазіи—у него, и въ такомъ случаѣ, чувство и фантазія являются второстепенными элементами,—первое, какъ результатъ глубокаго проникновенія въ истину, раскрытую путемъ анализа, а вторая—какъ вспомогательное средство сдѣлать истину оцѣтительною и видимою. Въ мышленіи разумъ лицомъ къ лицу становится къ мысли, не нуждаясь въ посредствѣ чувства и фантазіи, но только допуская ихъ по собственной волѣ, какъ слѣдствіе мгновенно охватившаго душу мыслителя увлеченія, надъ которымъ разумъ не перестаетъ однакоже царить и котораго обаятельной силы онъ уже не боится, какъ произведенія собственной своей діалектики, И подобное увлеченіе бываетъ не опасно только тѣмъ мыслителямъ, которые окрѣпли и закалились гимнастикой строгой логической мысли, обнаженной отъ всѣхъ покрововъ не посредственнаго представленія, и которые уже не могутъ покоряться авторитету ощущеній, чувствъ и готовыхъ идей, но всегда повѣряютъ ихъ діалектикою разума. Въ поэзіи, напротивъ, фантазія является главною дѣйствующею силою, черезъ которую исключительно совершается процессъ творчества. Поэзія разсуждаетъ и мыслить, это правда, ибо ея содержаніе есть такъ же истина, какъ и содержаніе мышленія; но поэзія разсуждаетъ и мыслить образами и картинами, а не силлогизмами и дилеммами. Всякое чувство и всякая мысль должны быть выражены образно, чтобъ быть поэтическими. Нѣкоторые аристархи, сами писавшіе нѣкогда стишонки, которые въ свое время считались недурными, думали уронить Пушкина, говоря, что его поэзія чисто земная, ибо «оземленяетъ» безплотную чистоту идей; такой взглядъ на поэзію обнаруживаетъ на этихъ аристархахъ рѣшительное отсутствіе эстетическаго чув-

ства, натуру грубо-прозаическую и чуждую всякаго предощущенія поэзіи. Нападать на поэзію за то, что она оземляетъ идеи,—все равно, что нападать на математику за то, что она все исчисляетъ и измѣряетъ. Въ томъ-то и состоитъ сущность поэзіи, что она безплотной идеѣ даетъ живой, чувственный и прекрасный образъ. Въ этомъ случаѣ, идея есть только морская пѣна, а поэтическій образъ—богиня любви и красоты, родившаяся изъ морской пѣны. Кто не одаренъ творческою фантазією, способною превращать идеи въ образы, мыслить, разсуждать и чувствовать образами, тому не помогутъ сдѣлаться поэтомъ ни умъ, ни чувство, ни сила убѣжденій и вѣрованій, ни богатство разумно-историческаго и современнаго содержанія. И еслибы не такъ, то всего легче было бы сдѣлаться поэтомъ: стоило бы только узнать правила версификаціи, да, благословясь, и начать писать диссертациі размѣренными строчками, заостренными рифмою.

Одно изъ главнѣйшихъ условій всякаго художественнаго произведенія есть гармоническая соотвѣтственность идеи съ формою и формы съ идеею, и органическая цѣлостность его созданій. Поэтому, всякое художественное произведеніе прежде всего должно отличаться строгимъ единствомъ лежащаго въ его основаніи чувства, или мысли, а слѣдовательно и формы. Мысль въ піесѣ можетъ быть схвачена или въ одномъ своемъ моментѣ, или развита во всѣхъ ея моментахъ, но она должна быть одна, и ея развитіе должно относиться къ ней самой, какъ относятся въ музыкальномъ произведеніи варіаціи къ мотиву. Если мысль піесы переходитъ въ другую, хотя бы и имѣющую къ ней отношеніе мысль,—тогда нарушается единство художественнаго произведенія, а слѣдовательно, единство и сила впечатлѣнія, производимаго имъ на читателя. Прочтя такое произведеніе, чувствуешь себя только обезпокоеннымъ, но неудовлетвореннымъ; утомленіе и досада заступаютъ мѣсто наслажденія.

Если мысль поэтическаго произведенія истинна въ самой

себѣ, ясна и опредѣленна для поэта, если произведеніе вѣрно концепировано и достаточно выношено въ душѣ поэта,—то въ немъ не можетъ быть ни уродливыхъ частныхъ, ни слабыхъ мѣстъ, ни темныхъ и непонятныхъ выраженій. ни недостатка во внѣшней отдѣлкѣ. Произведеніе, въ такомъ случаѣ, органически цѣлостно: въ немъ нѣтъ ничего ни излишняго, ни недостающаго; оно округлено: его начало вводитъ читателя въ его смыслъ, послѣднее слово замыкаетъ собою все его содержаніе, такъ что читатель вполне удовлетворенъ и не можетъ спросить: «что же дальше?»

Стихотворенія Державина не выполняютъ ни одного изъ этихъ условій. Во-первыхъ, всѣ они болѣе или менѣе отличаются характеромъ риторическимъ, и, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ походитъ на диссертации въ стихахъ. Мы не можемъ подкрѣпить выписками этого мнѣнія, ибо, въ такомъ случаѣ, намъ пришлось бы перепечатать почти всего Державина. Книга у всѣхъ передъ глазами, и каждый самъ можетъ повѣрить справедливость нашей мысли. Впрочемъ, при разборѣ нѣкоторыхъ стихотвореній, мы будемъ имѣть случай, мимоходомъ, указывать на эту черту недостатка поэзіи Державина; пока ограничимся только указаніемъ на нѣкоторыя, особенно замѣчательныя въ этомъ отношеніи піесы, каковы, на примѣръ: «Безсмертіе Души» (192 стиха), «Величество Божіе» (132 ст.), «Христосъ» (320 ст.), «Слѣпой Случай» (200 ст.), «Успокоенное Невѣріе» (108 ст.), «Истина» (144 ст.), «Гимнъ Богу» (96 ст.), «Тоска Души» (104 ст.), «Добродѣтель» (120 ст.), «Слава» (112 ст.), «Цѣленіе Саула» (450 ст.), «Гимнъ Солнцу» (100 ст.), «Облако» (80 ст.), «Громъ» (90 ст.), «На умѣренность» (110 ст.), и пр. Такихъ піесъ у Державина гораздо больше можно начесть. Читать ихъ — тяжело. Это все равно, что читать ариѳметику, написанную стихами: читатель согласенъ съ нею, что дважды два—четыре, но онъ тѣмъ не менѣе въ отчаяніи, что такія простыя, почтенныя и съ малолѣтства всякому извѣстныя истины не изложены обык-

новенною прозою, безъ поэтическихъ затѣй. Такъ и въ поименованныхъ нами стихотвореніяхъ Державина всѣ мысли столько же справедливы, сколько и стары и общи: ихъ можно найти у любого плохого стихотворца того времени. А это уже признакъ отсутствія поэзіи: у истиннаго поэта и старая мысль является новою, ибо истинный поэтъ даетъ чувствовать живую сущность мысли, которую толпа бессмысленно повторяетъ, какъ мертвую букву. По величинѣ своей, поименованные нами оды Державина рѣшительно не имѣютъ ничего общаго съ лирическою поэзіею. Лирика есть выраженіе преимущественно чувства, и въ этомъ отношеніи она приближается къ музыкѣ, которая, исключительно изъ всѣхъ искусствъ, дѣйствуетъ прямо и непосредственно на чувство. Одна піеса не можетъ быть выраженіемъ двухъ различныхъ чувствъ, а чувство проходитъ по душѣ мгновенно, какъ тотъ трепетъ восторга, отъ котораго священной холодъ пробѣгаетъ по тѣлу и «встревоженною ратью» поднимаетъ волосы на головѣ человѣка... И если такое чувство неослабно будетъ владѣть читателемъ во все время, необходимое для прочтенія даже восьмидесяти, не только четырехъ-сотъ-пятидесяти стиховъ, — человѣческая натура читателя не выдержитъ этого, и результатомъ восторженнаго чтенія должна быть болѣзнь, утомленіе... Поэма, драма, и особенно романъ — другое дѣло: тамъ умъ часто даетъ отдыхать чувству; тамъ, комическія сцены и, по сущности выражаемыхъ предметовъ, прозаическія мѣста возбуждаютъ въ читателѣ разнообразныя ощущенія. Но держаться, въ продолженіе добраго получаса, или болѣе, въ одномъ чувствѣ, въ одинаковой настроенности души, — это неестественно, и потому невозможно. Державинъ въ поименованныхъ нами піесахъ, кажется, всего менѣе рассчитывалъ на чувство: стихотворенія эти холодны и прозаичны, какъ школьная диссертация, стихи въ нихъ дурны до послѣдней степени, и рѣдко, очень рѣдко кой-гдѣ проблескиваютъ искорки одушевленія, сейчасъ и погасая въ водѣ риторики. Кажется, главною его

заботою было высказать о предметъ все, что только могъ онъ придумать о немъ. Порядка въ его мысляхъ нѣтъ никакого, и потому его длинныя и резонёрствующія оды не имѣютъ достоинства даже хорошо расположеннаго и округленнаго школьнаго разсужденія.

Конечно, не всѣ оды Державина таковы, какъ тѣ, на которыя мы сейчасъ указали, но главный характеръ указанныхъ нами — длиннота, резонёрство, риторика, безъобразность — болѣе или менѣе преобладаютъ рѣшительно во всѣхъ одахъ. Гармонической соотвѣтственности идеи съ формою, пластичности образовъ — въ нихъ нечего и искать. Читая иную оду Державина, иногда вы вдругъ увлекаетесь возвышенностію мысли, энергіею чувства, размашистымъ полетомъ фантазіи, — и вдругъ неловкій стихъ, натянутый оборотъ, странное выраженіе, а иногда и риторика охлаждають вашъ восторгъ, — и вы испытываете это нѣсколько разъ, при чтеніи одной и той же оды, и по окончаніи ея чувствуете себя утомленнымъ и встревоженнымъ, но не удовлетвореннымъ и услажденнымъ. Такъ, напримѣръ, «Водопадъ» принадлежитъ къ числу блистательнѣйшихъ созданій Державина, — а между тѣмъ въ немъ-то и увидите вы полное оправданіе нашей мысли объ общихъ недостаткахъ его поэзіи. Уже самая огромность этой оды показываетъ, что въ ея концепціи участвовала не одна фантазія, но и холодный разсудокъ. Поводомъ къ этой одѣ была вѣсть о кончинѣ Потемкина, поразившая поэта скорбнымъ чувствомъ и представившая его духовному оку въ новомъ свѣтѣ колоссальный образъ величайшаго изъ современныхъ ему героевъ. Это скорбное чувство, это возвышенное созерцаніе и должно было бы составлять содержаніе оды. Но поэтъ приплелъ сюда же и Румянцева, который, сидя подъ наклоннымъ кедромъ, мечтаетъ о славѣ и времени, потомъ засыпаетъ и видитъ во снѣ свои подвиги; потомъ просыпается отъ грома сокрушенной ели и падшаго холма и видитъ передъ собою Россію въ образѣ воинственной жены, которая

взываетъ къ нему «проснись!»; при видѣ ея онъ

Вдохнулъ, и испустя слезъ дождь,
Възглаголю: «Знать умеръ нѣкій вождь!»

и началъ разсуждать объ обязанностяхъ истиннаго вождя, о томъ, что лучше быть «менѣе извѣстнымъ, но болѣе полезнымъ» и т. п. Весь этотъ эпизодъ занимаетъ тридцать одну строфу, т. е. сто восемьдесятъ шесть стиховъ!!... Конечно, въ этомъ эпизодѣ, невыдержанномъ въ цѣломъ, есть прекрасныя мѣста; но онъ не идетъ къ дѣлу, безъ нужды плодитъ оду и охлаждаетъ восторгъ читателя,—такъ что прочесть «Водопадъ» съ одного раза, да еще вслухъ—трудъ изнурительный и для ума и для груди... Всѣ эти 186 стиховъ можно выкинуть, и ода ничего не проиграетъ, напротивъ, много выиграетъ: въ ней будетъ меньше риторики и больше поэзіи... Первые семь строфъ, заключающія въ себѣ картину водопада посреди дикой и мрачной природы въ осеннюю ночь, прекрасно настроиваютъ душу читателя къ возвышенно-скорбному чувству, которымъ должна поразить его мысль о внезапномъ паденіи колосса,—и послѣ седьмой строфы:

Ретивый конь осанку горду
Храня, порой къ тебѣ идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прыдетъ,
И подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится...

можно прямо перейти къ тридцать девятой:

Но кто идетъ тамъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяць, въ воды черны;
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ
Въ воздушныя жилища, горны:
На темномъ взорѣ и челвѣ
Сидитъ глубоко дума въ мглѣ!

А тридцать одну строфу, между седьмою и тридцать девятою, можно не читать: тогда впечатлѣніе отъ «Водопада» бу-

дѣть гораздо сильнѣе; тогда останется, для чтенія, сорокъ шесть строфъ, или двѣсти семдесятъ шесть стиховъ... И тутъ, сколько еще воды риторической! Какъ часто изнемогающее отъ возвышеннаго наслажденія чувство внезапно охладѣваетъ? Но чтобъ мнѣніе наше не показалось произвольнымъ, подкрѣпимъ его выписками.

Какой чудесный духъ крылами
Отъ Сѣвера парить на Югъ?
Внутрь медленъ течъ его стезями:
Обозрѣваетъ царство вдругъ,
Шумить, и какъ звѣзда блистаетъ,
И искры въ слѣдъ свой разсыпаетъ.

Этотъ духъ — тѣнь Потемкина; но чтѣ же это за прозаическое описаніе, ничего не выражающее! И неужели духъ Потемкина непремѣнно долженъ обгонять вѣтеръ, обозрѣвать царства вдругъ, шумѣть, блистать, подобно звѣздѣ, и сыпать искрами по своему слѣду? Риторика!

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежить на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ ленты покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвуютъ отверсты!

Чей одръ — земля; кровь — воздухъ синь;
Чертоги — вкругъ пустыни виды?
Не ты ли, счастья, славы сынъ,
Великомынный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Недавно палъ среди степей?

Не ты ль наперсникомъ близъ трона
У сѣверной Минервы былъ;
Во храмъ музъ, другъ Аполлона,
На полъ Марса вождемъ слылъ;
Рышитель думъ въ войны и мирь,
Моушъ — хотя и не въ порфирь?

Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознестъ свой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?

Не ты ль, который орды сильны
Сосѣдей хищныхъ истребилъ,
Пространны области пустыни
Во грады, въ нивы обратилъ,
Покрывъ Понтъ Черный кораблями,
Потрясъ среду земли громами?

Не ты ль, который зналъ избрать
Достойный подвигъ русской силъ,
Стихиі самыя попать
Въ Очаковъ и въ Измаилъ,
И твердой дерзостью такой
Быть дивомъ храбрости самой?

*Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средъ путей извѣстныхъ
Но проложилъ ихъ самъ,—и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки,
Се ты, о чудный вожь Потемкинъ!*

Се ты, которому врата
Торжественныя созидали;
Искусство, разумъ, красота—
Недавно лавръ и миртъ сплетали;
Забавы, роскошь вокругъ цвѣли
И счастье съ славой слѣдомъ шли!

Вотъ это поэзія, не риторика! Правда, и въ этихъ стихахъ не безъ недостатковъ; но они извиняются духомъ времени. Во времена Державина нельзя было сказать: «достойный подвигъ русской силы»: это было бы низко и не согласно съ пареніемъ оды; непременно нужно было сказать: «достойный подвигъ русской силы»: слова «русскій» и «Россѣ» казались

тогда не только необыкновенно звучными, но и отчётливо умными... Выраженія: «наперсникъ у сѣверной Минервы, другъ Апполона во храмѣ музъ, вождь на полѣ Марса» для насъ слишкомъ прозаичны, но, по понятіямъ того времени, въ нихъ-то и заключалась вся сущность поэзіи. За этими прекрасными поэтическими строками, опять слѣдуетъ риторика, и притомъ довольно нескладная:

Се ты, небеснаго плодъ дара
Кому едва я посвятилъ;
Въ созвучность громкаго Пиндара
Мою настроить лиру мнилъ;
Воспѣлъ побѣду Измаила,
Воспѣлъ... Но смерть тебя скосила!

Увы! и хоромъ сладкихъ звукъ
Моихъ въ стenanъ превратился;
Свалилась мира съ слабыхъ рукъ,
И я тамъ въ слезы погрузился,
Гдѣ бездна разноцвѣтныхъ звездъ
Чертогъ являли райскихъ мѣстъ.

За этою риторикою опять слѣдуетъ поэзія:

Увы! и громы онѣмѣли,
Ревущіе тебя вокругъ;
Полки твои осиротѣли,
Наполнили рыданьемъ слухъ;
И все, что близь тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ,—
Екатерина возрыдала!
Полсвѣта потряслося за ней
Незванной смертію твоей!

Теперь опять голая риторика:

Оливы свежи и зелены
Принесъ и бросилъ Миръ изъ рукъ
Родства и дружбы вопли, стоны,
И музъ ахейскихъ жалкій звукъ
Вокругъ Перикла раздается:
Маронъ по Меценатъ рвется.

Который почестей въ лучахъ,
Какъ нѣкій царь, какъ бы на тронъ.
На сребророзовыхъ коняхъ,
На золотозарномъ фазтонъ,
Во сонмъ всадниковъ блисталь,
И въ смертный, черный одръ упаль!

За риторикою опять слѣдуютъ проблески поэзіи:

Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человекъ?
Маеусайла долголѣтье
Лишь было бѣ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ;
Вся наша жизнь ничто иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое,
Иль нѣтъ! тяжелый нѣкій шаръ.
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ.
И, ахъ! зеиры легки рвутъ.

А вотъ и чистая поэзія:

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царства поразить,
Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразить;
Ихъ ищутъ мѣста—и не знаютъ:
Въ пыли героевъ попираютъ!

Героевъ? Нѣтъ! но ихъ дѣла
Изъ мрака и вѣковъ блистаютъ:
Нетлѣнна память, похвала
И изъ развалинъ вылетаютъ;
Какъ холмы, гробы ихъ цветутъ:
Напишется Потемкинъ трудъ

Теперь опять риторика:

Театръ его былъ край Эвксина,
Сердца обязанныя — храмъ;
Рука съ вѣнцомъ—Екатерина;
Гремяща слава—фиміамъ;
Жизнь — жертвенникъ торжествъ и крови,
Гробница—ужаса, любви.

Слѣдующія за тѣмъ пять строфъ, изображающія страхъ Тур-
ковъ при мысли объ Измаилѣ и радость «Россіянь» при
взглядѣ на русскій флотъ въ Черномъ Морѣ,—преисполнены
риторики и въ мысли и въ исполненіи. Остальныя девять
строфъ исполнены поэзіи, особливо эти двѣ:

По утру солнечнымъ лучемъ
Какъ монументъ златой зажжется,
Лежать объята серны сномъ,
И паръ вокругъ холмовъ вѣется,
Пришедши, старецъ надпись зритъ:

„Здѣсь трупъ Потемкина сокрытъ!“
Алцибиадовъ прахъ! И смѣть
Червь ползати вкругъ его главы?
Взять шлемъ Ахилловъ не робѣть.
Нашедши въ полѣ, Фирсъ? Увы!
И плоть и трудъ коль истлѣваетъ:
Что жь нашу славу составляетъ?..

Мы розобрали одно изъ лучшихъ стихотвореній Державина
и это даетъ намъ право не дѣлать дальнѣйшихъ разборовъ
такого рода, ибо они загромодили бы статью выписками.
И такъ, повторяемъ, что невыдержанность въ цѣломъ и ча-
стностяхъ, преобладаніе дидактики, сбивающейся на резонёр-
ство, отсутствіе художественности въ отдѣлкѣ, смѣсь рито-
рики съ поэзіею, проблески геніяльности съ непостижимыми
странностями—вотъ характеръ всѣхъ произведеній Державина

Какая же, спросить насъ, причина этого: та ли, что Державинъ не поэтъ; та ли, что его талантъ былъ незначителенъ, или, что у него вовсе не было таланта? Ни то, ни другое, ни третье... Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже сдѣланъ нами въ началѣ статьи: чтó было тамъ высказано нами въ общихъ чертахъ, какъ теорія, то приложимъ мы теперь къ вопросу о поэзіи Державина, какъ къ факту. Державинъ былъ человѣкъ, одаренный великими творческими силами,—и онъ сдѣлалъ все, чтó можно было ему сдѣлать въ то время. Не его вина, что онъ явился въ то, а не въ наше время; не его вина, что поэзія не падаетъ готовая прямо съ неба, а вырастаетъ на землѣ, переходя черезъ всѣ степени развитія, какъ все растущее.

Поэзія въ каждой странѣ имѣетъ свою исторію; поэтому неудивительно, что и въ Россіи она имѣла свою исторію. Отецъ русской поэзіи, патріархъ русскихъ поэтовъ былъ не столько поэтъ, сколько ученый: мы говоримъ о Ломоносовѣ. Поэзія русская не была туземнымъ свѣтомъ, свободно и самобытно развившимся изъ почвы національнаго духа; но, подобно нашей европейской цивилизаци и нашему европейскому просвѣщенію, она была прививнымъ, или—еще вѣрнѣе сказать—пересаженнымъ растеніемъ. И вотъ здѣсь-то заключается живая связь Петра Великаго съ Ломоносовымъ, какъ причины съ слѣдствіемъ. Наши критики обыкновенно упускаютъ изъ виду это обстоятельство: они обвиняютъ русскую литературу въ подражательности, въ отсутствіи оригинальности, и въ то же время признаютъ Пушкина, Грибоѣдова и другихъ новѣйшихъ писателей оригинальными поэтами, не понимая того, что еслибъ наша поэзія до Пушкина не была подражательною, то и поэзія отъ Пушкина не могла бы быть оригинальною и народною... Да, подражательность первыхъ нашихъ поэтовъ искупила оригинальность послѣдующихъ. И это обстоятельство даетъ особенный характеръ нашей поэзіи и ея историческому развитію. Исторія нашей поэзіи до Пуш-

кина вся заключается—въ усилии изъ риторики сдѣлаться поэзіею, изъ книжной и школьной стать естественною, изъ подражательной—оригинальною. Ломоносовъ сообщилъ русской поэзіи характеръ чисто-риторическій, чисто-школьный и книжный,—и велико дѣло его, святъ его подвигъ! Намъ нужна была поэзія, во что бы то ни стало, — и Ломоносовъ далъ намъ именно такую поэзію, кромѣ которой ни ему, ни другому кому, хотя и великому гению, дать было невозможно. ☉ Ломоносовѣ вообще утвердилось мнѣніе, что онъ былъ ученый и нисколько не поэтъ: этого мнѣнія нельзя опровергнуть, но едва ли можно и доказать его справедливость. Положимъ, что Ломоносовъ былъ столь же поэтическая натура, какъ и самъ Пушкинъ; но вотъ вопросъ: какъ и въ чемъ бы высказалась его поэтическая натура? Откуда бы почерпнулъ онъ сознательную идею о существованіи поэзіи и о своемъ поэтическомъ призваніи?—Изъ общества? Но тогдашнее общество не имѣло никакого понятія о поэзіи и еще менѣе потребности въ ней, и если оно смотрѣло на стихи Ломоносова не какъ на пустое балагурство, а на него самого не какъ на шута, такъ причиною этому былъ не талантъ Ломоносова, а покровительство Шувалова, вниманіе императрицы... Слѣдовательно, для сознательной идеи поэзіи, Ломоносову былъ одинъ путь—книга, ученіе, наука, знакомство съ Европою. Такъ оно и было. Теперь вопросъ: могъ ли Ломоносовъ не подчиниться вліянію своихъ нѣмецкихъ учителей, и образцы тогдашней нѣмецкой поэзіи могли ли дать поэтической дѣятельности Ломоносова другое направленіе, нежели то, которое они дали ей? Скажутъ: истинный гений не покоряется чуждому вліянію и руководствуется только собственнымъ творческимъ духомъ. Да, это правда, но только тогда, когда уже выработаны матеріялы, изъ которыхъ гений можетъ творить; иначе въ историческомъ процессѣ не бываетъ. И вотъ почему иногда пришествіе одного гения приуготовляется столькими другими, изъ которыхъ иные, можетъ-быть, потому

только кажутся меньше его, что явились прежде его, что исторія осудила ихъ на низшія предварительныя работы. Петръ Великій, въ одно и то же время, работавшій и умомъ и топоромъ, представляетъ собою, въ этомъ отношеніи, дивное исключеніе изъ общаго правила. И такъ, чтѣ же оставалось дѣлать Ломоносову? Прежде всего ему надо было подумать о теоріи, тогда какъ въ поэзіи другихъ народовъ практика родила теорію, фактъ возбудилъ потребность сознанія. И вотъ Ломоносовъ думаетъ о томъ, чтѣ такое поэзія, какъ она должна быть, и, разумѣется, смотритъ на этотъ предметъ, какъ смотрѣли на него Нѣмцы того времени. Потомъ, ему; нужно было подумать о языкѣ, о версификаціи, ибо до него не было на Руси ни грамматики, ни одного стиха, написаннаго не силлабическимъ размѣромъ, чуждымъ духу и несвойственнымъ гибкости и богатству русскаго языка. (Тредьяковскаго тутъ нечего брать въ расчетъ). Чтѣ же было ему пѣть? Любовь?—но для выраженія той любви, которая знакома была современному ему обществу, достаточно было и народныхъ свадебныхъ пѣсенъ, а о другой оно и не заботилось. Нѣтъ, Ломоносовъ пѣлъ то, чтѣ было ближе къ дѣлу, чтѣ заключалось въ самой дѣйствительности. Солнце русской жизни надолго закатилось со смертію Петра Великаго и освѣтило ее вновь только съ восшествіемъ на престолъ Екатерины Великой; послѣ ужасовъ Бироновской тираніи, царствованіе Елизаветы по справедливости казалось эпохою столь же счастливою, сколько и славною,—и Ломоносовъ пѣлъ «блаженство дней своихъ», пѣлъ «любезныя ему науки въ дражайшемъ отечествѣ». Больше нечего было бы пѣть въ то время и самому Шекспиру. Говорятъ, стихи его обличаютъ оратора, а не поэта; да иначе и быть не могло даже и въ такомъ случаѣ, еслибы Ломоносовъ былъ столько же поэтическая натура, какъ и Пушкинъ. Но вотъ еще вопросъ: почему стихи Ломоносова такъ необыкновенно хороши по своему времени? Почему изъ его современниковъ никто не пи-

салъ такихъ хорошихъ стиховъ? Почему стихи Сумарокова, болѣе, чѣмъ Ломоносовъ, преданнаго поэзіи и явившагося послѣ него, такъ далеко хуже Ломоносовскихъ стиховъ? Отчего стихи Державина сдѣлали, послѣ стиховъ Ломоносова, такой малый шагъ впередъ, и то въ самыхъ лучшихъ его стихотвореніяхъ, тогда какъ въ бѣльшей части не лучшихъ, они хуже, чѣмъ стихи Ломоносова въ одѣ «Къ Іову», въ «Утреннемъ» и «Вечернемъ» размышленіи о величествѣ Божіемъ», которыя отличаются чистотою языка, обличающею въ творцѣ ихъ человѣка ученаго? Конечно, «Мокрый Амуръ» Ломоносова далеко не пойдетъ въ сравненіе съ анакреонтическими стихотвореніями Державина, но, по своему времени, это удивительное стихотвореніе. И такъ, вопросъ о поэтическомъ призваніи и талантѣ Ломоносова пока все еще только — вопросъ, и едва ли есть возможность рѣшить его положительно или отрицательно.

Обратимся къ Державину. Никто самъ собою ничего не дѣлаетъ ни великаго, ни малаго; но, оглядѣвшись вокругъ себя, всякій начинаетъ или продолжать, или отрицать сдѣланное прежде его: это законъ историческаго развитія. Чувствуя наклонность къ поэзіи, имя которой было уже печатно выговорено въ Россіи, и о которой носились уже темные слухи въ небольшомъ грамотномъ кругѣ людей общества того времени, — Державинъ, естественно, не могъ не остановить своего вниманія на Ломоносовѣ, и не подчиниться его вліянію. И Державина за это такъ же можно упрекать, какъ младенца за то, что онъ лепечетъ языкомъ отца своего, звуки котораго впервые огласили его слухъ, а не языкомъ, котораго онъ звуковъ не могъ слышать. Державинъ добродушно удивлялся генію Хераскова, высокому паренію Петрова; но его чутью дѣлаетъ большую честь, что онъ рѣшился подражать только одному Ломоносову. Еще большую честь дѣлаетъ Державину то, что съ 1779 года, онъ пошелъ собственнымъ своимъ путемъ. Не думайте, однакожъ, чтобъ онъ на это рѣ-

шился по сознанию недостатковъ поэзіи Ломоносова, или по убѣжденію, что подражаніе ни къ чему не ведетъ, а надо всякому быть самимъ собою: нѣтъ! для такого сознанія и такого убѣжденія еще не наставало время, и Державину не откуда было взять ихъ. Вотъ что говоритъ онъ самъ о произведеніяхъ первой своей эпохи до 1779 года: «Всѣхъ сихъ произведеній своихъ авторъ самъ не одобрялъ, потому что хотѣлъ подражать Ломоносову, но чувствовалъ, что талантъ его не былъ внушаемъ одинаковымъ гениемъ: онъ хотѣлъ парить, но не могъ постоянно выдерживать, красивымъ наборомъ словъ, свойственнаго единственно россійскому Пиндару велелѣпія и пышности; а для того въ 1779 году избралъ онъ совершенный особый путь, будучи предводимымъ наставленіями Баттѣ и совѣтами друзей своихъ: Николая Александровича Львова, Василья Васильевича Капниста и Ивана Ивановича Хемницера». Не думайте также, чтобы «совершенно особый путь» означалъ полную независимость отъ Ломоносова и совершенную самобытность: такой быстрый переходъ въ то время былъ бы скачкомъ, а въ исторіи нѣтъ скачковъ. Державинъ дѣйствительно пошелъ своимъ особымъ путемъ, но не выходя изъ-подъ вліянія Ломоносовской поэзіи; въ поэзіи Державина явились впервые яркія вспышки истинной поэзіи, мѣстами даже проблески художественности, какая-то, ему одному свойственная, оригинальность во взглядѣ на предметы и въ манерѣ выражаться, черты народности, столь неожиданныя и тѣмъ болѣе поразительныя въ то время, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, поэзія Державина удержала дидактическій и риторическій характеръ въ своей общности, который былъ сообщенъ ей поэзією Ломоносова. Въ этомъ виденъ естественный историческій ходъ.

Кстати о дидактикѣ. Она была явленіемъ неизбѣжнымъ и необходимымъ. Занятіе поэзією должно было чѣмъ-нибудь быть оправдано въ глазахъ общества. Теперь всякій бумаго-маратель, назвавшись поэтомъ, найдетъ кружокъ, который

будеть смотрѣть на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ за то, что онъ—не простой человѣкъ, а «поэтъ». Но это мистическое уваженіе къ слову «поэтъ» не вдругъ же явилось въ русскомъ обществѣ: оно развилось въ немъ временемъ, и конечно, составляетъ его прогрессъ, въ сравненіи съ предшествовавшими эпохами. Во время Ломоносова, слова «поэзія» и «поэтъ» или, по тогдашнему, «питъ», звучали довольно дико и были, къ тому же, нѣсколько опошлены характерами первыхъ двухъ русскихъ «питовъ» Тредьяковскаго и Сумарокова. Если на поэтовъ общество обратило вниманіе, то не иначе, какъ вслѣдствіе покровительства, которое оказывалось имъ высшею властію. «Даютъ чины, подарки за стихи,—стало-быть, стихи что-нибудь да значать же»: такъ думало само съ собою тогдашнее общество. Но надобно же было ему представить пользу отъ поэзіи, чтобъ оно не считало поэзію за одно съ шутовствомъ. Да чтѣ общество!—сами поэты того времени не умѣли объяснить себѣ свою страсть къ поэзіи иначе, какъ ея высокимъ признаніемъ—быть полезною для нравовъ общества. И если хотите, они были правы: поэзія дѣйствительно есть провозвѣстница великихъ истинъ, въ историческомъ движеніи человѣчества развивающихся; но прежде всего она—поэзія, свободное творчество, самостоятельная сфера сознанія, которой нельзя и не должно смѣшивать съ философій, хотя у нихъ обѣихъ одно и то же содержаніе. Но наши первые поэты стараго времени поняли поэзію, какъ пріятное нравоученіе,—и Мерзляковъ, теоретикъ этой поэзіи, такъ выразилъ ея сущность и цѣль, въ стихахъ, заимствованныхъ имъ у Тасса:

Такъ врачъ болящаго младенца ко устамъ
Несетъ фіалъ, сладьми упитанъ по краямъ:
Счастливецъ, обольщенъ, пьетъ горькое цѣленье,
Обманъ ему даль жизнь, обманъ ему спасенье!

Выражаясь прозою, это значитъ, что поэзія есть позолота

на горькой пилюльѣ правоученія... Мнѣніе ограниченное и жалкое, но подъ его эгидою начинается всякая поэзія, возникающая не непосредственно изъ народной жизни, а явившаяся какъ пововеденіе, какъ какое-то общественное учрежденіе.... И за то спасибо ему: оно, это мнѣніе, поддержало у насъ и дало укрѣпиться зародышу поэзіи Ломоносова и Державина. Послѣ этого понятна дидактическое и риторическое направленіе поэзіи Ломоносова и Державина. Было бы крайне несправедливо ставить имъ въ вину это. Въ дѣйствіяхъ великихъ людей бываетъ два рода недостатковъ и ошибокъ: одни происходятъ отъ ихъ личнаго произвола, ихъ личной ограниченности; другіе—изъ духа и потребностей самого времени. За недостатки и ошибки перваго рода можно и должно обвинять великихъ дѣйствователей; недостатки же и ошибки втораго рода можно и должно называть ихъ собственными именами, т. е., недостатками и ошибками, но ставить ихъ въ вину великимъ дѣйствителямъ не можно и не должно.

И такъ, очевидно, что Державинъ не могъ быть, а потому и не былъ поэтомъ-художникомъ; его поэзія—лепетъ младенческой, исполненной жизни и прелести, но не рѣчь разумная мужа. И откуда же взялъ бы онъ художественность образовъ, пластическую отдѣлку формы, если въ его время о такихъ хитростяхъ не было понятія, а слѣдовательно, не было въ нихъ и потребности? И потомъ, можно ли винить его за риторику и дидактику, входящія, какъ элементъ, во всѣ, даже лучшія его созданія, а въ посредственныхъ и слабыхъ играющія первую роль?

Конечно, за это никто и не обвинить его: но, съ другой стороны, есть ли какой-нибудь смыслъ обвинять, какъ въ преступленіи, какъ въ дерзкомъ неуваженіи къ священнымъ предметамъ, людей, которые называютъ вещи собственными ихъ именами и не хотятъ видѣть въ нихъ больше того, что есть въ нихъ на самомъ дѣлѣ? Можно насчитать болѣе полусотни стихотвореній Державина, въ которыхъ нѣтъ и искры поэзіи,

и въ которыхъ злоупотребленіе «іітической вольности» съ языкомъ доведено до крайней степени: неужели грѣхъ и преступленіе сказать объ этомъ прямо! неужели критика должна состоять изъ однѣхъ лицемѣрныхъ фразъ и натянутаго восторга, выражаемаго общими мѣстами дрянныхъ учебниковъ по части словесности? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, — тѣмъ болѣе нѣтъ, что подобная искренность нисколько не можетъ повредить славу Державина, ни затмить его великаго таланта, ни унижить его великихъ заслугъ! Неудачныя стихотворенія могутъ быть у всякаго великаго поэта, и если у Державина ихъ больше, чѣмъ у другихъ — это вина времени (если только время можетъ быть въ чемъ-нибудь виновато), а не поэта. Жуковскій — тоже поэтъ необыкновенный; онъ явился уже послѣ Державина, когда самый языкъ сдѣлалъ большіе успѣхи черезъ Карамзина и Дмитріева; Жуковскій самъ подвинулъ языкъ впередъ и много сдѣлалъ для стиха и для поэзіи; но и у Жуковскаго есть длинныя посланія, которыхъ достоинство заключается совсѣмъ не въ поэзіи, а развѣ въ звучности стиха и краснорѣчіи, и которыя, въ сущности, не многимъ важнѣе риторическихъ и дидактическихъ разсужденій въ стихахъ Державина, добродушно называемымъ имъ одами. И въ этихъ длинныхъ посланіяхъ Жуковскаго виденъ историческій ходъ развитія нашей поэзіи: у Пушкина уже нѣтъ подобныхъ произведеній, но потому именно и нѣтъ, что они уже были у Жуковскаго, и что уже пришло время кончиться имъ.

И такъ, некого обвинять и нечего жалѣть, что Державинъ не былъ поэтомъ-художникомъ; лучше подивиться тѣмъ свѣтозарнымъ проблескамъ поэзіи и художественности, которыми такъ часто и такъ ярко вспыхиваетъ дидактическими, по обладающему элементу своему, поэзія этого могучаго таланта. Натура Державина по преимуществу поэтическая и художественная, но время и обстоятельства положили неодолимыя преграды ея развитію, и потому въ созданіяхъ Державина нѣтъ поэзіи, какъ искусства, — есть только элементы

и проблески истинной поэзии. Это уже не чисто-подражательная поэзия, какъ у Ломоносова: въ ней уже слышатся и чуются звуки и картины русской природы, но перемѣшанные съ какою-то искаженною, на французскій манеръ, греческою мифологіею. Возьмемъ для примѣра прекрасную оду «Осень во время осады Очакова»: какая странная картина чисто русской природы съ Богъ-вѣдаетъ какой природою, — очаровательной поэзіи съ непонятною риторикою:

Спустилъ съдой Эоль Борей
Съ цѣпей чугуновыхъ изъ пещеръ;
Ужасны крылья расширяя,
Махнулъ по свѣту богатырь;
Погналъ стадами воздухъ синій,
Сгустилъ туманы въ облака
Давнулъ—и облака разсѣлись,
Спустился дождь и восшумѣлъ.

Къ чему тутъ Эоль, къ чему Борей, пещеры и чугунныя цѣпи? Не спрашивайте. Къ чему нужны были пудра, мушки и фижмы? Во время оно, безъ нихъ нельзя было показаться въ люди... И какъ нейдетъ русское слово «богатырь» къ этому Нѣмцу «Борею»!... Можно ли гонять стадами синій воздухъ? И чтѣ за картина: Борей, сгустивъ туманы въ облака, давнулъ ихъ; облака разсѣлись, и оттого спустился дождь и восшумѣлъ?... Вѣдь это—слова, слова, слова!... Но далѣе:

Уже румяна осень носить
Снопъ златые на гумно,

Какіе прекрасные два стиха! По нимъ, вы думаете, что вы въ Россіи...

И роскошь винограду просятъ
Рукою жадной на вино;

Тожѣ прекрасные стихи; но куда они переносятъ васъ — Богъ вѣсть!

Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степимъ;
Шумящи красножелты листья
Разстлались всюду по тропамъ.
Въ опушкѣ заяцъ быстроногій,
Какъ колпикъ посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги,
И выжлять лай и гуль гремитъ;
Запасиися крестьянинъ хлѣбомъ,
Бѣтъ добры щи и пиво пьеть;
Обогащенный добрымъ небомъ...

Тутъ вы ожидаете, что онъ благословляетъ, въ простотѣ сердца, имя Божіе за дары его: ничуть не бывало: онъ —

Блаженство дней своихъ поеть!

Не на лирѣ ли?...

Борей на осень хмурить брови,
И Зиму съ Сѣвера зоветь:
Идетъ съдая чародѣйка,
Косматымъ машеть рукавомъ,
И снѣгъ, и мразъ, и иней сыплеть,
И воды претворяеть въ льды;
Отъ хладнаго ея дыханья
Природы взоръ оцѣненъль.
На мѣсто радугъ испещренныхъ
Виситъ на небѣ мгла вокругъ,
А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежить разсыпанъ бѣлый пухъ:
Пустыни стѣтуютъ и доли,
Голодны волки воютъ въ нихъ;
Древа стоятъ и холмы голы,
И не пасется стадъ при нихъ.
Ушелъ олень на тундры мшисты
И въ логовище легъ медвѣдь.

И вслѣдъ за этими чудными стихами —

По селамъ нимфы голосисты
Престали въ хороводахъ пѣть,
Небесный Марсъ оставилъ громы,
И легъ въ туманы отдохнуть...

Какой «небесный Марсъ» и въ какіе «туманы» легъ онъ на отдыхъ? Чтò за «Нимфы голосисты» — ужь не крестьянки ли?... Но называть нашихъ крестьяногъ нимфами все равно, чтò назвать Меланіей Маланью...

Что въ Державинѣ былъ глубоко-художественный элементъ, это всего лучше доказываютъ его такъ называемыя «анакреонтическія» стихотворенія. И между ними нѣтъ ни одного, вполне выдержаннаго; но какое созерцаніе, какіе стихи! Вотъ, на примѣръ, «Побѣда красоты»:

Какъ храмъ Ареопагъ Палладѣ,
Нептуна презря, посвятилъ,
Притекъ къ аѳинской левъ оградѣ,
И ревомъ городу грозилъ.
Она кошь непобѣдима
Ко ополченю не взяла,
Противу льва неукротима
Съ Олимпа Гебу призвала.
Пошла,—и подѣ оливой стала,
Блестая легкою броней:
Младую нимфу обнимала,
Сидящую въ тѣни вѣтвей.
Левъ шелъ,—и подѣ его стопю
Приморскій влажный берегъ дрожалъ,
Но встрѣтись вдругъ со красотою,
Какъ солнцемъ пораженный, сталъ.
Вздыхалъ и палъ къ ногамъ левъ сильный,
Прелестну руку лобызалъ
И чувства кроткія, умильны,
Въ сверкающихъ очахъ являлъ.
Стыдлива дѣва улыбалась
На молодого льва смотря,
Кудрявой гривой забавлялась
Сего звѣрнаго царя.
Минерва мудрая познала
Его родящуюся страсть,
Цвѣтчной цѣпью привязала
И отдала любви во власть.
Не разъ потомъ уже случалось,

Что умъ смирялъ и ярость львовъ,
Красою мужество сражалось,
А побѣждала все любовь.

Изъ этого стихотворенія видно въ Державинѣ живое сочувствіе къ древнему міру, какъ свидѣтельство глубоко-художественнаго элемента въ натурѣ поэта. Но піеса «Рожденіе Красоты» еще болѣе обнаруживаетъ это артистическое сочувствіе поэта къ художественному міру древней Греціи, хотя эта піеса и еще менѣе выдержана, чѣмъ первая. Доказательствомъ же того, какими превосходными стихами могъ писать Державинъ, служить его стихотвореніе «Русскія Дѣвушки»:

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ іііескій,
Какъ въ лугу, весной, бычка
Пляшутъ дѣвушки *россійски*
Подъ свирелью пастушка?
Какъ, склонясь *мавами*, ходятъ,
Башмачками въ лады стучатъ,
Тихо *руки, взоръ поводятъ*,
И плечами говорятъ?
Какъ ихъ лентами златыми
Чела бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышатъ?
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланитахъ огневая
Ямки врѣзала любовь!
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ,
Ихъ усмѣшка—души львины
И сердца орловъ разятъ?
Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
Ты-бъ Гречанокъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой Эротъ прикованъ былъ.

Оставимъ въ сторонѣ достолюбезную наивность мысли—заставить Анакреона удивляться россійскимъ дѣвушкамъ, пля

шущимъ весною на лугу «бычка», и отдать имъ первенство передъ богинями и нимфами древней Эллады; оставимъ также въ сторонѣ книжное и не идущее къ дѣлу слово «главами», ошибку противъ языка, который велитъ поводить руками и взорами и не позволяетъ «поводить руки и взоры», оставимъ все это въ сторонѣ, какъ погрѣшности, неизбѣжныя по духу времени, и спросимъ: можно ли согласиться, что стихи этой піесы, какъ стихи—прекрасны? Стало быть, Державинъ могъ всегда писать прекрасными стихами?—Конечно могъ, ибо онъ по натурѣ своей былъ великій поэтъ.—Отчего же онъ такъ рѣдко писалъ хорошими стихами?—Оттого, что въ его время не было ни понятія о необходимости прекрасныхъ стиховъ, ни потребности въ нихъ; оттого, что въ его время, о поэзии всего менѣе думали, какъ о красотѣ, не подозрѣвая, что поэзія и красота—одно и то же. Поэтому, Державинъ всего менѣе заботился о стихѣ, а такъ какъ онъ началъ писать очень поздно, то и не могъ овладѣть ни языкомъ, ни стихомъ, обладаніе которыми и величайшимъ поэтамъ достается не безъ тяжкаго труда. Оттого же, Державину такъ трудно было поправлять свои піесы, и всѣ его поправки были большею частію неудачны. Что касается до неточности въ выраженіи,—отъ того времени и требовать невозможно точности, а страшное насилуваніе языка, т. е. произвольныя усѣченія, ударенія, часто искаженіе слова, должно приписать тому, что Державинъ въ молодости не имѣлъ возможности пріобрѣсти по части языка, ни познаній, ни навыка.

Сколько бы ни разобрали мы піесъ Державина,—все пришли бы къ одному и тому же результату: великъ былъ естественный талантъ Державина, а поэтомъ-художникомъ онъ все-таки не былъ; и цѣлый кругъ его поэтической дѣятельности представляетъ собою только порываніе къ поэзіи и достиженію ея лишь мгновенными вспышками и неожиданными проблесками. Даже лучшія, самыя поэтическія его произведенія, какъ, напримѣръ, «Фелица», могутъ намъ нравиться

не иначе, какъ только подъ условіемъ изученія, какъ факты историческаго развитія русской поэзіи. Читая ихъ, мы должны оторваться отъ своего времени и своихъ понятій, и силою размысленія, такъ сказать, заставить себя видѣть поэзію и талантъ въ томъ, что въ современномъ намъ писателѣ назвали бы мы прозою и бездарностію. Однимъ словомъ, стихотворенія Державина, разсматриваемыя съ эстетической точки, суть не что иное, какъ блестящая страница изъ исторіи русской поэзіи, — некрасивая куколка, изъ которой должна была выпорхнуть, на очарованіе глазъ и умиленіе сердца, роскошно-прекрасная бабочка... Повторяемъ: талантъ Державина великъ; но онъ не могъ сдѣлать больше того, что позволили ему его отношенія къ историческому положенію общества въ Россіи. Державинъ великъ и въ томъ, что онъ сдѣлалъ: зачѣмъ же приписывать ему больше того, что могъ онъ сдѣлать? Державинъ великій поэтъ русскій, — и этого довольно, нѣтъ никакой нужды величать его Пиндаромъ, Анакреономъ и Гораціемъ, съ которыми у него нѣтъ ничего общаго. Пиндаръ, Анакреонъ и Горацій дѣйствовали на почвѣ всемірно-исторической жизни и были по превосходству художниками, какъ органы художественнаго древняго міра, особенно Пиндаръ и Анакреонъ — пѣвцы народа эллинскаго, народа-художника...

Во второй статьѣ, мы рассмотримъ стихотворенія Державина съ исторической точки, безъ которой всякое сужденіе о такомъ поэтѣ было бы односторонне и неполно.

2.

Такъ какъ искусство, со стороны своего содержанія, есть выраженіе исторической жизни народа, то эта жизнь и имѣетъ на него великое вліяніе, находясь къ нему въ такомъ же отношеніи, какъ масло къ огню, который оно поддерживаетъ

въ лампѣ, или, еще болѣе, какъ почва къ растеніямъ, которымъ она даетъ питаніе. Сухая и каменистая почва неблагоприятна для растительности; бѣдная содержаніемъ историческая жизнь неблагоприятна для искусства. Содержаніе исторической жизни составляютъ идеи, а не одни факты. Всѣ великіе народы, въ исторіи которыхъ міродержавный промыслъ осуществилъ судьбы человѣчества, жили и живутъ идеею, и умираютъ, какъ скоро ихъ историческая идея изжита ими вполне. Но такіе народы умираютъ только эмпирически: идеально же ихъ существованіе безсмертно. Доказательство этому—древній міръ. Доселѣ вновь прорытая улица Помпей, вновь открытый домъ въ ней, съ его утварью и мельчайшими признаками быта жителей,—для насъ, гражданъ новаго міра, составляютъ важное событіе, возбуждая вниманіе всѣхъ образованныхъ людей во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. А какое было бы торжество для образованныхъ міра, если бы нашлись утраченныя части твореній Геродота, Эсхила, Софокла, Эврипида, Плутарха, Тита Ливія, Тацита и другихъ?... Многіе негодуютъ на то, что наши дѣти прежде именъ отечественныхъ героевъ узнаютъ имена Солоновъ, Ликуровъ, Фемистокловъ, Аристидовъ, Перикловъ, Алкивіадовъ, Александровъ и Цезарей: негодованіе несправедливое и неосновательное!—въ деспотизмѣ такого умственного, идеальнаго владычества древняго міра нѣтъ ничего оскорбительнаго и возмущающаго: это власть законная, почеть заслуженная! Идея древне-эллинской жизни была такъ глубока и многостороння, что нѣтъ никакой возможности даже намекнуть на нее въ нѣсколькихъ словахъ, — особенно, если говоришь о пей мимоходомъ, какъ говоримъ мы теперь. Другое дѣло—идея исторической жизни Римлянъ: она сколько глубока, столько же и одностороння, и по тому самому даетъ возможность сколько-нибудь удовлетворительнаго на неѣ намека. Пульсъ исторической жизни Рима, ея сокровенный тайникъ, ея животворная идея, ея альфа и омега, ея первое и послѣднее

слово,—это право (jus). Что было одною изъ многихъ сторонъ исторической жизни Греціи,—то было единою, исключительною и полною жизнію Рима, — и за то, Римъ вполнѣ развилъ, разработалъ и изжилъ этотъ основной элементъ своей жизни. Скажутъ: Римляне велики еще и какъ народъ воинственный, какъ всемірные завоеватели. Такъ! но и кромѣ Римлянъ много было народовъ-завоевателей, а одни только Римляне, умѣя завоевывать, умѣли и упрочивать свои завоеванія. Чѣмъ же упрочивали они ихъ? — своимъ правомъ, своею гражданственностію. Побѣжденные народы принимали ихъ законы, обычаи и нравы, даже самый языкъ ихъ, по тому, непреложному вѣчному закону историческаго развитія, по которому тьма уступаетъ мѣсто свѣту, невѣжество—разуму. Право было источникомъ всѣхъ событій, всѣхъ волненій и переворотовъ въ исторической жизни Римлянъ, и вся исторія ихъ—развитіе идеи права въ хронологической послѣдовательности фактовъ; оно, это право, было вѣчнымъ двигателемъ и рычагомъ государственной и общественной жизни Римлянъ; изъ него и для него длилась эта упорная борьба патриціевъ и плебеевъ, за него волновался народъ и умирали Гракхи; пріобщенія къ нему добивались побѣжденные города и народы. Процессъ гражданской борьбы и внѣшней войны почти всегда имѣлъ въ Римѣ своимъ результатомъ—успѣхъ права. Скажутъ: несмотря на то, что въ основѣ исторической жизни Римлянъ лежала идея, ихъ искусство было подражательное, не оригинальное? Такъ, но причина этого заключалась, можетъ-быть, въ односторонности и исключительности ихъ идеи, равно какъ и въ томъ, что Римляне были по преимуществу народъ практическій, чуждый всякой созерцательности. Поэзія явилась у нихъ, какъ наслѣдіе умершей Греціи, на закатѣ ихъ собственной жизни, когда уже дряхлое общество не могло быть питательною почвою для цвѣтовъ поэзіи. Оттого латинская поэзія и носитъ на себѣ отпечатокъ не только подражательности, но и старческой дряхлости:

отпущенникъ Мецената, Горацій, добровольно остался рабомъ и холопомъ своего милостивца, и создалъ меценатскую поэзію, воспѣвая миръ и тишину Рима, купленные цѣною упадка доблести и добродѣтели. Впрочемъ, и кромѣ Virgilія, этого поддѣльнаго Гомера римскаго, Римляне имѣли своего истиннаго и оригинальнаго Гомера въ лицѣ Тита Ливія, котораго исторія есть національная поэма, и по содержанию, и по духу, и по самой риторической формѣ своей. Но высшею поэзію Римлянъ была и навсегда осталась поэзія ихъ дѣль, поэзія ихъ права: первая и теперь возвышаетъ и укрѣпляетъ всякую благородную душу въ святомъ чувствѣ патриотическаго героизма, а Юстиніановъ кодексъ—зрѣлый плодъ исторической жизни Римлянъ—освободилъ Европу отъ оковъ феодальнаго права. Сначала принятый ею какъ фактъ, онъ потомъ вошелъ въ ея жизнь и, въ свою очередь, принялъ въ себя христіанскіе элементы и теперь продолжаетъ развитіе своего бессмертнаго существованія: въ немъ-то и чрезъ него-то доселѣ живетъ древній Римъ въ новомъ мірѣ.

Изъ народовъ новаго человѣчества, Испанцы первые выступили на поприще всемірно-исторической жизни. Нація экзальтированная и фантастическая, Испанія должна была на время слиться съ чуждымъ ей по происхожденію, но родственнымъ ей (по пылкости чувства и воображенія) племенемъ Аравитянъ, и сдѣлалась представительницею рыцарственности среднихъ вѣковъ, съ ея восторженными понятіями о чести, о достоинствѣ привилегированной крови, о любви, о храбрости, о великодушіи, съ ея фантастическою и суевѣрною религіозностію. Отсюда это множество рыцарскихъ романовъ и еще большее множество романсовъ на испанскомъ языкѣ; отсюда же объясняется и появленіе Сервантесова «Донъ-Кихота»: ибо всякая крайность тамъ же, гдѣ возникла, и вызываетъ противъ себя реакцію.

Италія была второю страной новой Европы, гдѣ загорѣлся свѣтъ просвѣщенія. Италію можно назвать, не боясь слыш-

комъ ошибиться, христіанскою реставраціею изящнаго міра древняго. И потому, какъ Испанія представляла собою чудесное зрѣлище фантастическаго сліянія аравійскаго духа съ европейскимъ христіанствомъ, такъ Италія представляла не менѣе чудное зрѣлище фантастическаго сліянія древняго съ европейскимъ христіанствомъ, котораго «вѣчный городъ» былъ главою и представителемъ. Возникшая на классической почвѣ, среди развалинъ и памятниковъ древняго искусства, тевтонская Италія возродилась въ чувствѣ красоты и изящества. Отъ этого, идея искусства сдѣлалась источникомъ жизни Итальянца, и каждый Итальянецъ сталъ или художникомъ, или диллетантомъ. Итальянское искусство осталось вѣрно своему классическому небу, своей классической природѣ, и въ новыхъ формахъ отразило древнюю жизнь, съ ея изящною нѣгою, съ ея обаятельными формами. Самое богословіе католицизма какъ-то чудно слилось съ преданіями классической древности: *Виргилій* чуть-чуть не считался святымъ, и въ «*Божественной Комедіи*» онъ провожаетъ великаго творца ея по мрачнымъ областямъ ада и чистилища. Чувственный и соблазнительный пѣвецъ рыцарскихъ и любовныхъ похощеній, *Аріостъ*, больше *Тасса* былъ итальянскимъ *Гомеромъ*. У самого *Тасса* героемъ поэмы скорѣе можно назвать *Армиду*, чѣмъ *Годфреда*: обольстительный образъ первой есть болѣе искренное и задушевное, а слѣдовательно, и живое созданіе поэта, чѣмъ суровый образъ втораго. Критики новѣйшаго времени изъявили большія сомнѣнія на счетъ «идеальности» мадоннъ, созданныхъ кистию великихъ художниковъ Италіи; сверхъ того, они видятъ въ этихъ модоннахъ болѣе дань понятіямъ времени, чѣмъ свободное творчество, которому были посвящены другія творенія болѣе искреннія и задушевные, и потому болѣе близкія къ типу обаятельной и совершенно земной красоты.

Въ наше время три націи являются по преимуществу представителями челоуѣчества—Германія, Франція и Англія. Въ

идеализмъ заключается источникъ раціональной жизни Германіи. Міръ идей составляетъ сферу, которою, такъ сказать, дышитъ Нѣмецъ. Цѣль жизни Нѣмца—знаніе, и знаніе его заключено въ идеѣ; постичь идею предмета, для него—значить овладѣть предметомъ. И потому, только въ знаніи и соприкасается Нѣмецъ съ міромъ и жизнью. Отсюда его нравственный аскетизмъ: понявъ идею предмета, онъ равнодушенъ къ тому, что этотъ предметъ не сообразенъ съ своимъ идеаломъ. Отсюда и аскетическій характеръ поэзіи Нѣмцевъ: мірообъемлющая по идеямъ, воплощеннымъ въ ней, она призываетъ къ миру съ дѣйствительностію, какова бы ни была эта дѣйствительность; она настраиваетъ человѣка къ одинокой созерцательной жизни внутри самого себя, дѣлаетъ его властелиномъ въ сферѣ мысли и машиною въ сферѣ дѣйствительности. И оттого-то нѣмецкая поэзія такъ любитъ избирать своимъ исключительнымъ предметомъ или внутренніе процессы въ духѣ человѣка, или мистику сердца человѣческаго. А отсюда объясняются великіе успѣхи Нѣмцевъ въ лирической поэзіи и музыкѣ, и ихъ неуспѣхи въ другихъ родахъ поэзіи. Но уже аскетическая поэзія Нѣмцевъ изчерпала все свое содержаніе и совершила полный кругъ свой: теперь жаждетъ она иныхъ элементовъ, иныхъ мотивовъ. Какъ бы то ни было, но внутренний міръ души человѣка—великій міръ, и Нѣмцы оказали человѣчеству великую услугу ученою и поэтическою разработкою этого міра. Конечно, великое достоинство аскетической поэзіи Нѣмцевъ составляетъ и великій недостатокъ ея, какъ всего односторонняго и исключительнаго; но все же сфера этой поэзіи—сфера всемірно-историческая, и въ ней не могли не явиться великіе, міровые поэты.

Совсѣмъ иной характеръ имѣютъ жизненная идея и паеосъ французской націи: это вѣчно - тревожное стремленіе къ идеалу и уравненію съ нимъ дѣйствительности. Искусство во Франціи всегда было выраженіемъ основной стихіи ея національной жизни: въ вѣкѣ отрицанія, въ XVIII вѣкѣ, оно

было исполнено ироніи и сарказма; теперь оно одно исполнено страданіями настоящаго и надеждами на будущее. Всегда было оно глубоко-національнымъ, даже во времена псевдо-классицизма, натянутаго подражанія древнимъ,—и Корнель, Расинъ, Мольеръ столько же національные поэты Франціи, сколько Вольтеръ, Руссо, а теперь Беранжé и Жоржъ Зандъ.

Англія составляетъ прямую противоположность и Германіи и Франціи. Сколько Германія идеальна, столько Англія практически положительна; какъ велики успѣхи Нѣмцевъ въ философіи, такъ ничтожны попытки Англичанъ въ абсолютной наукѣ; у Англичанъ источникомъ всѣхъ ихъ историческихъ событій бываетъ польза общества. Человѣкъ въ этомъ обществѣ ничего не значитъ самъ по себѣ, но получаетъ большее или меньшее значеніе отъ того, что онъ имѣетъ, или чѣмъ онъ владѣетъ. Покореніе силъ природы на службу обществу, побѣда надъ матеріею, пространствомъ и временемъ, развитіе промышленности, какъ основной общественной стихіи, какъ краеугольнаго камня зданія общества, — вотъ въ чемъ сила и величіе Англіи и ея заслуги передъ человѣчествомъ. Во многомъ похожая на древній Римъ, практическая Англія довершаетъ свое сходство съ нимъ и огромными завоеваніями, причина которыхъ—корыстные расчеты, а результатъ—распространеніе цивилизаціи по всему міру. Но въ отношеніи къ искусству, Англія ничего общаго съ древнимъ Римомъ не имѣетъ: тевтонское племя, двумя слоями — саксонскимъ и нормандскимъ—легшее на почвѣ ея историческаго формированія, и христіанство, какъ глубоко вошедшій въ жизнь ея элементъ, заропили въ національный духъ Англичанъ плодотивыя сѣмена поэзіи. Но и въ поэзіи, Англія рѣзко отличается отъ Германіи и отъ Франціи. Какъ въ странѣ по превосходству общественной и практической, въ Англіи особенно развились драма и романъ, недоступные для Нѣмцевъ; отъ французской же поэзіи англійская отличается и своей художественностію и своимъ равнодушіемъ къ вѣрно-изображаемой

ею дѣйствительности, безъ скорби о неразумности и безъ радости о разумности этой дѣйствительности, безъ порыванія подвигнуть ее возвыситься до идеала. Но какъ Англія есть страна всевозможныхъ противорѣчій нравственныхъ, то и невозможно подвести явленій ея поэзіи подъ какую-либо опредѣленную точку зрѣнія: такъ, на примѣръ, объ руку съ ея равнодушіемъ къ добру и злу дѣйствительности идетъ самый глубокой юморъ, а въ Байронѣ Англія имѣла поэта, который, по паѳосу своей поэзіи, всего родственнѣе Франціи и всего враждебнѣе своему отечеству. Правда, Вольтеръ и Руссо имѣли сильное вліяніе на Байрона; но правда и то, что юморъ, мрачная глубина и колоссальная сила духа Байрона явно обличаютъ въ немъ сына Британіи. Вообще, Байронъ также есть намекъ на будущее Англіи, какъ Шиллеръ—на будущее Германіи: оба эти поэта были рѣзкими противорѣчіями національному духу своихъ странъ, и, въ то же время, каждый изъ нихъ могъ явиться только въ своей странѣ. Но съ Шиллеромъ скоро помирилась его Германія, которую сначала такъ дико озадачило его явленіе; Байронъ же и умеръ въ непримиримой враждѣ съ своей родиною, и великая нація, въ свою очередь, двинулась въ срѣтеніе только гробу его...

Если въ этомъ очеркѣ національностей, игравшихъ или играющихъ первыя роли на позорищѣ всемірной исторіи, и въ очеркѣ отношенія исторической идеи жизни народовъ къ поэзіи, мы не выразили опредѣлительно нашей мысли (чего невозможно было сдѣлать, говоря мимоходомъ о такомъ предметѣ, котораго стало бы на огромное отдѣльное сочиненіе), то по крайней мѣрѣ сдѣлали на него опредѣлительный, сколько могли, намекъ. Прибавимъ къ сказанному, что основная идея національно-исторической жизни народа существуетъ всегда, какъ сумма понятій и правилъ общества; она даетъ себя чувствовать даже въ самыхъ, повидимому, мелочныхъ обычаяхъ и нравахъ общества. Такъ, на примѣръ, страсть Французовъ къ баламъ, театрамъ и всякаго рода публичнымъ увеселе-

ніямъ, ихъ природная вѣжливость и любезность, охота и умѣніе вести легкой и бѣглый свѣтскій разговоръ, ихъ искусство популяризовать всякое знаніе, дѣлать доступнымъ черезъ ясное изложеніе всякій предметъ, самое непостоянство ихъ модъ въ одеждѣ и житейскихъ удобствахъ,—все вытекаетъ изъ основной идеи ихъ національно-исторической жизни. Англичане суровы, важны и недоступны въ обществѣ; они легче сходятся другъ съ другомъ въ парламентѣ, въ трибуналѣ, на биржѣ, чѣмъ въ салонѣ, и въ послѣднемъ они этикетны: ихъ пиры и обѣды выражаютъ не свѣтскую, а политически-гражданскую общительность; они преданы семейной жизни, гдѣ глава семейства является маленькимъ деспотомъ, и гдѣ основные принципы отзываются маленькимъ варварствомъ феодальныхъ временъ; въ свѣтской же жизни Англичане этикетны и скучны съ достоинствомъ. Въ общественныхъ нравахъ ихъ царствуетъ чопорность, pruderie, и самая ограниченная, самая мелкая стѣснительная моральность. Что-то жесткое и грубое есть въ ихъ нравахъ, какъ необходимый результатъ вѣчнаго торгашества и вѣчной борьбы промышленнаго духа съ внѣшними препятствіями. Энергія національнаго духа Англичанъ, которой они обязаны своимъ государственнымъ величіемъ, своею всемірной торговлею и своими всемірными завоеваніями и поселеніями, трагически выражалась въ политическихъ и религіозныхъ переворотахъ. Отсюда эта мрачность и суровое величіе ихъ поэзій; отсюда же происходятъ и ихъ великіе успѣхи въ драматической поэзій: сама исторія Англій есть рядъ трагедій, и Шекспиру легко могла войти въ голову мысль писать трагическія хроники Англій: матеріалы были у него подъ рукою,—стѣило только оживить ихъ духомъ поэзій. Нѣмецъ не рожденъ ни для свѣтской, ни для политически-гражданской общительности: что для Француза салонъ, маскарадъ, театръ, гулянье, бульваръ, что для Англичанина парламентъ и биржа,—то для Нѣмца, университетъ, ученый съѣздъ, ученый комитетъ. Отсюда это

удивительное множество университетовъ, существующихъ цѣ-
лые вѣка; отсюда эта особенность университетскихъ нравовъ
и обычаевъ, эта противоположность буршества съ филистер-
ствомъ. До тридцати лѣтъ, Нѣмецъ бываетъ буршемъ, и какъ
скоро часовая стрѣлка станетъ на послѣдней минутѣ его трид-
цати лѣтъ, онъ тотчасъ же дѣлается филистеромъ. Многіе
изъ Нѣмцевъ даже рождаются филистерами, и ни одной минуты
въ своей жизни не бываютъ буршами, тогда какъ буршами
они никогда не рождаются, а только прикидываются ими на
время—ужь никакъ не долѣе тридцати лѣтъ. Нѣмецъ ужи-
вется гдѣ угодно; ему вездѣ хорошо, вездѣ отечество, и при
всемъ этомъ онъ вездѣ вѣренъ себѣ, вездѣ тотъ же углова-
тый и странный Нѣмецъ. Это явленіе въ самой живой связи
съ основною идеею національно-исторической жизни Нѣм-
цевъ: они въ знаніи признаютъ то, чего еще нѣтъ, но что
должно быть по разуму, и отвергаютъ то, что есть въ дѣй-
ствительности, но чего бы не должно быть по разуму, а жи-
вуть въ ладу и въ мирѣ со всякою дѣйствительностію; для
Нѣмца знать и жить двѣ совершенно различныя вещи. Нѣ-
мецъ болѣе семьянинъ, чѣмъ кто-нибудь, и ничего не мо-
жетъ быть возвышеннѣе и сладостнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и
пошлѣе его семейнаго счастья: таково свойство всякой одно-
сторонности и исключительности!... Сахаръ хорошая вещь,
но попробуйте сдѣлать обѣдъ изъ одного сахара или на одномъ
сахарѣ—будетъ и приторно и нездорово. Ни на одномъ языкѣ
нѣтъ столь высокихъ пѣсенъ любви, какъ на нѣмецкомъ, и
на немъ же больше, чѣмъ на другихъ, написано приторныхъ
до пошлости сердечныхъ изліяній. И это относится не къ
однимъ мелкимъ талантамъ, не къ одной бездарности: что
можетъ быть приторнѣе и пошлѣе «Стеллы», «Брата и Се-
стры», «Германа и Доротеи?» — а Гёте былъ великій гений!

Такимъ образомъ, основная идея національно-историческаго
значенія народа, какъ воздухъ — основной элементъ всякаго
существованія, проникаетъ насквозь и внутреннюю и внѣш-

нюю жизнь народа, давая себя чувствовать, и какъ сумма нравственныхъ убѣжденій и принциповъ общества, и какъ образъ и форма жизни, то-есть, какъ нравы и обычаи народа. Великій поэтический талантъ, являющійся среди такого народа, такъ сказать, съ молокомъ своей матери всасываетъ въ себя готовое уже содержаніе для своей будущей поэзіи, для своихъ будущихъ твореній, — и свободно, безъ всякихъ усилій и натяжекъ, выражаетъ въ нихъ и достоинство и недостатки основной идеи національно-исторической жизни своего народа.

Смотря на Державина какъ на русскаго Пиндара, Горация и Анакреона вмѣстѣ, должно прежде рѣшить вопросъ: были ли, въ его время, историческіе и общественные элементы, которые могли бы дать готовые матеріалы для его таланта, готовое содержаніе для его поэзіи? Вотъ въ чемъ вопросъ, а совѣтъ не въ томъ, что Державинъ былъ потомокъ Багрима, сѣверный бардъ, и что въ его поэзіи щедрою рукою разсыпаны алмазы, сапфиры, изумруды и яхонты...

Какую идею предназначено выражать Россіи—опредѣлить это тѣмъ труднѣе и даже невозможнѣе, что европейская исторія Россіи началась только съ Петра Великаго, и что, поэтому, Россія есть страна будущаго. Россія въ лицѣ образованныхъ людей своего общества, носитъ въ душѣ своей непобѣдимое предчувствіе великости своего назначенія, великости своего будущаго. И не увлекаясь ни дѣтскими фантазіями, ни ложнымъ патріотизмомъ, можно сказать смѣло, что есть факты, превращающіе это предчувствіе въ убѣжденіе. Всѣ великіе народы имѣли своихъ великихъ представителей или въ историческихъ, или въ мифическихъ лицахъ. Много имѣла первыхъ древняя Греція, но ни одинъ изъ нихъ не выразилъ собою такъ полно національнаго духа, какъ мифическое лицо божественнаго Ахилла, воспѣтаго царемъ греческихъ поэтовъ — Гомеромъ. Мы, Русскіе, имѣли своего Ахилла, который есть неопровержимо историческое лицо,

ибо отъ дня его смерти протекло только 118 лѣтъ, но который есть мнѣшеское лицо со стороны необъятной великости духа, колоссальности дѣлъ и невѣроятности чудесъ, имъ произведенныхъ. Петръ былъ полнымъ выраженіемъ русскаго духа, и еслибы между его натурою и натурою русскаго народа не было кровнаго родства—его преобразования, какъ индивидуальное дѣло сильнаго средствами и волею человѣка, не имѣли бы успѣха. Но Русь неуклонно идетъ по пути, указанному ей творцомъ ея. Петръ выразилъ собою великую идею самоотрицанія случайнаго и произвольнаго въ пользу необходимаго, грубыхъ формъ ложно развившейся народности въ пользу разумнаго содержанія національной жизни. Этою высокою способностію самоотрицанія обладаютъ только великіе люди и великіе народы, и ею-то русское племя возвысилось надъ всѣми славянскими племенами; въ ней-то и заключается источникъ его настоящаго могущества и будущаго величія. До Петра, русская исторія вся заключалась въ одномъ стремленіи къ сочлененію разъединенныхъ частей страны и сосредоточенія ея вокругъ Москвы. Въ этомъ случаѣ помогло и татарское иго, и грозное царствованіе Іоанна. Цементомъ, соединившимъ разрозненныя части Руси, было—преобладаніе московскаго великокняжескаго престола надъ удѣлами, а потомъ уничтоженіе ихъ, и единство патріархальнаго обычая, замѣнявшаго право. Но эпоха Самозванцевъ показала, какъ еще не довольно твердъ и достаточенъ былъ этотъ цементъ. Въ царствованіе Алексія Михайловича обнаружилась живая необходимость реформы и сближенія Руси съ Европою. Было сдѣлано много попытокъ въ этомъ родѣ; но для такого великаго дѣла нуженъ былъ и великій творческій гений, который и не замедлил явиться въ лицѣ Петра. Со смертію его, надолго закатилось солнце русской жизни, и до царствованія Екатерины II-й едва поддерживались установленныя Петромъ формы, безъ дальнѣйшаго развитія, движенія впередъ. Ве-

ликая продолжила дѣло Великаго, и Русь быстро двинулась по пути преуспѣянія. Екатерина II заботилась не о поддержаніи уже устарѣвшихъ формъ эпохи Петра, а о ихъ развитіи. Это была великая эпоха въ исторіи Руси, хотя, въ то же время, эта эпоха почти столько же домашнее дѣло, въ отношеніи къ Руси, сколько и эпоха Петра: обѣ онѣ были залогомъ будущаго всемірно - историческаго содержанія. Но для поэзіи просто, безъ дальнѣйшихъ европейскихъ претензій, эпоха Екатерины II была благоприятна: въ продолженіе ея могъ явиться по крайней мѣрѣ зародышъ поэзіи, — и онъ явился.

Скажутъ: Россія, еще до Екатерины Великой, держала твердый голосъ на сеймѣ европейскомъ, и ея политическое значеніе тяжело лежало на вѣсахъ европейской политики. Это совершенная правда, которой мы и не думаемъ оспаривать; но мы говоримъ не о политическомъ всемірно-историческомъ значеніи, а о нравственномъ всемірно-историческомъ значеніи, которое проявляется въ наукѣ, въ искусствѣ, въ современно исторической идеѣ самого политическаго стремленія. Намъ опять скажутъ, что въ царствованіе Екатерины II, Россія была уже образованною страной, и что духъ XVIII вѣка въ ней такъ же отражался, какъ и въ Пруссіи при Фридрихѣ II; что Россія не только читала въ подлинникѣ тогдашнихъ знаменитыхъ писателей Франціи, но что эти знаменитые писатели даже переводились на русскій языкъ. Это справедливо, только съ этимъ нельзя согласиться безусловно. Въ царствованіе Екатерины II, просвѣщеніе и образованность были дѣйствительно европейскія и болѣе или менѣе въ духѣ XVIII вѣка; но они сосредоточивались при дворѣ, не выходя за его предѣлы. Тогда только одинъ классъ общества былъ причастенъ европейскому просвѣщенію и образованности: это высшее дворянство, имѣвшее доступъ ко двору, или, лучше сказать, вельможество, не имѣвшее въ этомъ отношеніи ничего общаго съ другими классами общества. Но одинъ, и при-

томъ самый меньшій по числу классъ общества еще не составляетъ цѣлаго общества, особенно, если онъ своимъ высокимъ положеніемъ разъединенъ съ другими классами. Въ царствованіе Александра Благословеннаго и среднее дворянство, значительное по числу, явилось просвѣщеннѣйшимъ и образованнѣйшимъ сословіемъ сравнительно съ другими. Поэтому очень понятно, что въ то время всѣ замѣчательнѣйшіе писатели наши принадлежали исключительно этому сословію. Въ настоящее благополучное царствованіе, просвѣщеніе и образованность замѣтно распространились не только между среднимъ сословіемъ (разумѣя подъ этимъ словомъ такъ называемыхъ «разночинцевъ»), но и между низшими классами: по крайней-мѣрѣ теперь не рѣдкость образованные и даже просвѣщенные люди изъ купеческаго и мѣщанскаго сословія, изъ которыхъ нѣкоторые даже пользуются болѣе или менѣе почетною извѣстностію въ литературѣ. И потому никакъ нельзя сказать, чтобы теперь не было въ Россіи общества и даже общественнаго мнѣнія. Но въ царствованіе Екатерины ничего этого и быть не могло, по закону исторической послѣдовательности. Тогда дѣйствительно переводили по-русски философскія сказки Вольтера и «Новую Элоизу» Руссо, но ихъ читали, какъ читали «Несчастнаго Никанора, Русскаго Дворянина», «Приключенія Мирамонда» Эмина, «Письмовникъ» Курганова и тому подобныя книги, добродушно не подозрѣвая никакой разницы между тѣми европейскими твореніями и этими самодѣльными произведеніями домашнейстряпни. И XVIII вѣкъ отразился только на одномъ вельможествѣ, какъ мы выше замѣтили. Но какъ Державинъ, за свой талантъ, вошелъ въ знать, то и на немъ не могъ не отразиться, болѣе или менѣе, XVIII вѣкъ. Можно сказать, что въ твореніяхъ Державина ярко отпечатлѣлся русскій XVIII вѣкъ. Но прежде, нежели разсмотримъ мы, какъ и до какой степени отпечатлѣлся этотъ вѣкъ на Руси Екатерининской эпохи, и какъ тотъ же вѣкъ отразился на поэзій Державина.

жавина, скажемъ, что всѣ сочиненія Державина, вмѣстѣ взятыя, далеко не выражаютъ въ такой полнотѣ и такъ рельефно русскаго XVIII вѣка, какъ выраженъ онъ въ превосходномъ стихотвореніи Пушкина «Къ Вельможѣ». Этотъ портретъ вельможи стараго времени — дивная реставрація руины въ первобытный видъ зданія. Это могъ сдѣлать только Пушкинъ. Кромѣ его художнической способности переноситься всюду и во все по волѣ фантазіи своей, ему помогла и отдаленность его отъ того времени, представлявшагося ему въ перспективѣ. Прошедшее всегда и виднѣе и понятнѣе настоящаго. Отъ Державина, какъ современника, нельзя и требовать такой мастерской картины русскаго XVIII вѣка, который много разнился отъ европейскаго XVIII вѣка. Эта разность вѣрно схвачена Пушкинымъ, въ строкахъ—

. . . И скромно ты внималъ
За чашей медленной аею иль деисту,
Какъ любопытный Скиѣзъ аеинскому софисту.

Но Державинъ не могъ стать наравнѣ и съ этимъ Скиѣзомъ: онъ относится къ этому Скиѣзу, какъ тотъ Скиѣзъ къ аеинскому софисту. Лишенный всякаго образованія, не зная французскаго языка, Державинъ, не былъ слишкомъ причастенъ ни нравственной порчѣ, ни истинному прогрессу того времени, и въ сущности нисколько не понималъ его. Хвала добро того времени, онъ не прозрѣвалъ связи его со зломъ, и нападая на зло не провидѣлъ связи его съ добромъ.

Съ двухъ сторонъ отразился русскій XVIII вѣкъ въ поэзіи Державина: это со стороны наслажденія и пировъ, и со стороны трагическаго ужаса при мысли о смерти, которая махнетъ косою—и

Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики.

Державинъ любилъ воспѣвать «умѣренность»; но его умѣренность похожа на гораціанскую, къ которой всегда примѣ-

шивалось фалернское... Бросимъ взглядъ на его прекрасную оду «Приглашеніе къ Обѣду».

Шексинска стерлядь золотая,
Кайманъ и борщъ уже стоятъ;
Въ графинахъ вина, пушшъ, блистая
То льдомъ, то искрами манить;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзины смѣются,
Не смѣютъ слуги идохнуть,
Тебя стола вокругъ ожидая,
Хозяйка статная, младая,
Готова руку протянуть.
Приди, мой благодѣтель давній,
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра!
Приди — и домъ хоть неарядный,
Безъ рѣзбы, злата и сребра,
Мой поѣсти: его богатство —
Пріятный только вкусъ, опрятство,
И твердый мой, нелстивый нравъ.
Приди отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться,
Безъ вредныхъ здравію приправъ!

Какъ все дышитъ въ этомъ стихотвореніи духомъ того времени — и пиръ для милостивца, и умѣренный столъ, безъ вредныхъ здравію приправъ, но съ золотою шексинскою стерлядью, съ винами, которыя «то льдомъ, то искрами манить», съ благовоньями, которыя льются съ курильницъ, съ плодами, которыя смѣются въ корзинкахъ, и особенно — съ слугами, которые не смѣютъ идохнуть!... Конечно, понятіе объ «умѣренности» есть относительное понятіе, — и въ этомъ смыслѣ, самъ Лукуллъ былъ умѣренный человекъ. Нѣтъ, люди нашего времени искреннѣе: они любятъ и поѣсть и попить, и за столомъ любятъ поболтать не объ умѣренности, а о роскоши. Впрочемъ, эта «умѣренность» и для Державина существовала больше, какъ «піитическое украшеніе для оды». Но

вотъ, словно мимолетное облако печали, пробѣгаетъ въ веселой одѣ мысль о смерти:

И знаю я, что вѣкъ нашъ — тѣнь;
Что лишь младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ,
И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ.

Это мысль искренняя; но поэтъ въ ней же и находитъ способъ къ утѣшенію:

Увы! то какъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ?

За тѣмъ, опять грустное чувство:

Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда грустить и царь:
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь,
Хотя онъ громкой славой знатенъ.
Но ахъ! и тронъ всегда ль приятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зреть обманъ, тамъ зреть упадокъ:
*Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!*

Но не бойтесь: грустное чувство не овладѣетъ ходомъ оды, не окончитъ ея элегическимъ аккордомъ, — что такъ любить наше время; поэтъ опять находитъ поводъ къ радости въ томъ, что на минуту повергло его въ унылое раздумье:

И такъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней
И приголубливаетъ счастье
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколь не пришли морозы,

Въ саду благоухаютъ розы,—
Мы поспѣвшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ утѣшаться,—
По платью ноги протягать.

Заключеніе оды совершенно неожиданно, и въ немъ видна характеристическая черта того времени, непременно требовавшего, чтобы сочиненіе окончивалось моралью. Поэтъ нашего времени кончилъ бы эту піесу стихомъ «по платью ноги протягать»; но Державинъ прибавляетъ:

А если ты, иль кто другіе
Изъ званныхъ милыхъ мнѣ гостей,
Чертоги предпочтя златыя
И яства сахарны царей,
Ко мнѣ не срядитесь откушать,
Извольте вы мой толкъ прослушать:
Блаженство не въ лучахъ порфиръ,
Не въ вкусъ яствъ, не въ нѣгъ слуха,
Но въ здравьи и въ спокойствѣ духа.
Умѣренность есть лучшій пиръ.

Ту же мысль находимъ мы во многихъ стихотвореніяхъ Державина; но съ особенною рѣзкостью высказалась она въ одѣ «Къ Первому Сосѣду», одномъ изъ лучшихъ произведеній Державина.

Кого роскошными пирами,
На влажныхъ невскихъ островахъ,
Между тѣнистымъ древамъ,
На муравъ и на цвѣтахъ,
Въ шатрахъ персидскихъ, златошвенныхъ,
Изъ глинь китайскихъ драгоценныхъ,
Изъ вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,—
Кого столь славно угощаешь,
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?

Гремитъ музыка; слышны хоры,
Вокругъ лакомыхъ твоихъ столовъ.
Сластей и ананасовъ горы,
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувство и питаютъ;
Младья двѣ угощаютъ,
Подносятъ вина чередой—
И азіатико съ шампанскимъ,
И пиво русское съ британскимъ.
И мозель съ зельтерской водой.
Въ вертепъ мраморномъ, прохладномъ,
Въ которомъ льется водоскатъ,
На ложъ розъ благоуханномъ,
Средь нѣги, лѣни и отрадъ,
Любовью распаленный страстной,
Съ молодой, веселою, прекрасной
И съ нѣжной нимфой ты сидишь,
Она поетъ,—ты страстно таешь,
То съ ней въ весельи утопаешь,
То, утомленъ весельемъ, спишь.

Сколько въ этихъ стихахъ одушевленія и восторга, свидѣтельствующихъ о личномъ взглядѣ поэта на пиршественную жизнь такого рода! Въ этомъ виденъ духъ русскаго XVIII вѣка, когда великолѣпіе, роскошь, пиры, казалось, составляли цѣль и разгадку жизни. Со всѣми своими благо-разумными толками объ «умѣренности», Державинъ невольно, можетъ-быть, часто безсознательно, вдохновляется восторгомъ при изображеніи картинъ такой жизни,—и въ этихъ картинахъ гораздо больше искренности и задушевности, чѣмъ въ его философскихъ и нравственныхъ одахъ. Видно, что въ первыхъ говоритъ душа и сердце; а во вторыхъ—резонѣтствующій холодный разумъ. И это очень естественно: поэтъ только тогда и искрененъ, а слѣдовательно, только тогда и вдохновененъ, когда выражаетъ непосредственно присуція душѣ его убѣжденія, корень которыхъ растетъ въ почвѣ исторической общественности его времени. Но, какъ мы замѣтили

прежде,—пиршественная жизнь была только одною стороною того времени; на другой его сторонѣ вы всегда увидите грустное чувство отъ мысли, что нельзя же вѣкъ пировать, что переверотъ колеса фортуны, или беспощадная смерть положить же, рано или поздно, конецъ этой прекрасной жизни. И потому, остальная половина этой прекрасной оды растворена грустнымъ чувствомъ, которое, однакоже, не только не вредитъ внутреннему единству оды, но въ себѣ-то именно и заключаетъ его причину, ибо оно, это грустное чувство, является необходимымъ слѣдствіемъ того весело-восторженнаго праздничнаго чувства, которое высказалось въ первой половинѣ оды.

Ты спишь—и сонъ тебѣ мечтаетъ,
Что въ вѣкъ благополученъ ты;
Что само небо разсыпаетъ
Блаженства вокругъ тебя цвѣты;
Что парка дней твоихъ не косить;
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебра,
И дождь златой къ тебѣ лѣтся.
Блаженъ, кто поутру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!
*Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безпрерывно въ жизни сей!*
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурно дышать непогоды,
Горамъ подобно гонять воды
И съ пѣною песокъ мутять.
Петрополь сосны осыняли,
Но вихремъ пораженны пали:
Теперь корнями вверхъ лежать.
Непостоянство—доля смертныхъ:
Въ премѣнахъ вкуса—счастье ихъ;
Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.
Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны

Престануть граціи трепать;
И, можетъ-быть, съ тобой въ разлукѣ,
Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ
Коверъ не будетъ распускать;
Не будетъ, можетъ-быть, лелѣять
Судьба ужъ болѣе тебя,
И вѣтръ благопріятный вѣять
Въ твой парусъ: — береги себя!

Въ заключительныхъ стихахъ оды, Державинъ особенно вѣренъ духу своего времени:

Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя, —
Лей, лишь и веселись, сосѣдь!
На свѣтъ жить намъ время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

Чувство наслажденія жизнью принимало иногда у Державина характеръ необыкновенно пріятный и граціозный, — какъ въ этомъ прелестномъ стихотвореніи — «Гостю» дышащемъ, кромѣ того, боярскимъ бытомъ того времени:

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ отдохни;
Въ семь тонкомъ пологу перловомъ,
И въ зеркалахъ вокругъ усни:
Вздремни послѣ стола немножко;
Пріятно часикъ похрапѣть;
Златой кузнечикъ, сѣра мошка,
Сюда не могутъ залетѣть.
Случится, что изъ сновъ прелестныхъ
Приснится здѣсь тебѣ какой:
Хоть кладъ изъ облаковъ небесныхъ
Златой посыплется рѣвкой,
Хоть дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнутъ, — я радъ:
Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ.

И такъ, вотъ созерцаніе, составляющее основной элементъ поэзіи Державина; вотъ гдѣ и вотъ въ чемъ отразился на русскомъ обществѣ XVIII вѣкъ; и вотъ гдѣ является Державинъ выразителемъ русскаго XVIII вѣка. И ни въ одномъ изъ его стихотвореній этотъ мотивъ не высказался съ такою полною идеи, такою торжественностію тона, такою полѣтностію и яркостію фантазіи и такимъ громозвучіемъ слова, какъ въ его превосходной одѣ «На смерть князя Мещерскаго», которая вмѣстѣ съ «Водопадомъ» и «Фелицею» составляетъ ореолъ поэтическаго генія Державина, — лучшее изъ всего, написаннаго имъ. Несмотря на нѣкоторую напряженность, на нѣсколько риторическій тонъ, составлявшіе необходимое условіе и неизбѣжный недостатокъ поэзіи того времени, — сколько величія, силы чувства, и сколько искренности и задушевности въ этой чудной одѣ! Да и какъ не быть искренности и задушевности, если эта ода — исповѣдь времени, вопль эпохи, символъ ея понятій и убѣжденій! Какъ колоссаленъ у нашего поэта страшный образъ этой беспощадной смерти, отъ роковыхъ когтей которой не убѣгаетъ никакая тварь! Сколько отчаянія въ этой характеристикѣ вооруженнаго косою скелета: и монархъ и узникъ — снѣдь червей; злость стихій пожираетъ самыя гробницы; даже славу зіяетъ стереть время; словно быстрыя воды льются въ море — льются дни и годы въ вѣчность; царства глотаетъ алчная смерть; мы стоимъ на краю бездны, въ которую должны стремглавъ низринуться; съ жизнію получаемъ и смерть свою — родимся для того, чтобъ умереть; все разить смерть безъ жалости:

И звѣзды ея сокрушятся,
И солнцы ея потушятся,
И всемъ мірамъ она грозитъ!

Отъ этого страшнаго міросозерцанія, потрясенный отчаяніемъ духъ поэта обращается уже собственно къ человѣку, о жалкой участи котораго онъ слегка намекнулъ:

Не мнить лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ частъ,—
Приходить смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапно похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ горнымъ вышнямъ.

Что же навело поэта на созерцаніе этой страшной картины жалкой участи всего сущаго и человѣка въ особенности?— Смерть знакомаго ему лица. Кто же было это лицо? Потемкинъ, Суворовъ, Безбородко, Бецкій, или другой кто изъ историческихъ дѣйствователей того времени?— Нѣтъ: то былъ—

Сынъ роскоши, прохлады и нѣтъ!

О, XVIII вѣкъ! о, русскій XVIII вѣкъ!...

*Сынъ роскоши, прохлады и нѣтъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни берегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ? — онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!»*

Вникните въ смыслъ этой строфы—и вы согласитесь, что это вопль подавленной ужасомъ души, крикъ, нестерпимаго отчаянія.. А между тѣмъ, исходнымъ пунктомъ этого страшнаго созерцанія жалкой участи человѣка—не иное что, какъ смерть богача. Можно подумать, что бѣднякъ, умершій съ голоду, среди оборванной семьи, въ предсмертной агоніи просящій хлѣба, не возбудилъ бы въ поэтѣ такихъ горестныхъ чувствъ, такихъ безотрадныхъ воплей. Что дѣлать! у всякаго времени своя болѣзнь и свой недостатокъ. Время наше лучше прошло, а не мы лучше отцовъ нашихъ; если мотивы нашихъ страданій выше и благороднѣе, если ропотъ

отчаянія вырывается изъ стѣсненной, сдавленной груди нашей не при видѣ богача, умершаго отъ индигестіи, а при видѣ непризнаннаго таланта, страждущаго достоинства, сраженнаго благороднаго стремленія, несбывшихся порывовъ къ великому и прекрасному.

*Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ кунно съ здравіемъ блистаемъ,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣтъ кровь
И духъ мятется отъ печали:
Гдѣ столъ былъ яствъ —тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались клики—
Надгробные тамъ воють лики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...*

Здѣсь опять непосредственнымъ источникомъ отчаянія—противоположность между утѣхами, радостію, любовію и здравіемъ и между зрѣлищемъ смерти, между столомъ съ яствами и столомъ съ гробомъ, между кликами пиршествъ и воемъ надгробныхъ ликовъ... Дѣти пировали за столомъ—грянулъ громъ и обратилъ въ прахъ часть собесѣдниковъ: остальные въ ужасѣ и отчаяніи... И какъ не быть имъ въ ужасѣ, когда ихъ поразила ужасная мысль: къ чему же и пиры, если и ими нельзя спастись отъ смерти,—а безъ пировъ къ чему же и жизнь?... Да, наше время лучше времени отцовъ нашихъ... Если хотите, и мы жадно любимъ пиры, и многіе изъ насъ только и дѣлаютъ, что пируютъ; но счастливы ли они пирами своими? Увы, пиры никогда не прерывались и съ усердіемъ продолжаются и въ наше время,—это правда; но отчего же это уныніе, это чувство тяжести и утомленія отъ жизни, эти изнуренныя блѣдныя лица, омраченныя тоскою и заботою, этотъ—

. . . . Увядшіи жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ восемнадцать лѣтъ?...

Нѣтъ, намъ жалки эти веселенькіе старички, упрекающіе насъ, что мы не умѣемъ веселиться, какъ веселились въ старые, давніе годы...

И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ...

Говоря о невѣрности и скоротечности жизни человѣка, поэтъ обращается къ себѣ самому,—и его слова полны вдохновенной грусти:

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Изчезла и моя ужъ младость;
Не сильно нѣжить красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ;
Желаніемъ честей размученъ,
Зоветь, я слышу, славы шумъ.

И такъ, вотъ новое оболщаніе на вечерней зарѣ дней поэта; но, увы! его разочарованное чувство уже ничему не довѣряетъ,—и онъ восклицаетъ въ порывѣ грустнаго негодованія:

Но такъ и мужество пройдетъ,
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленіе;
Богатствъ стяжаніе минетъ
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненъе
Прейдетъ, преидетъ въ чреду свою.
Подите счастья прочъ возможны!
Вы всѣ претѣнчивы и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою!

Казалось бы, что здѣсь и конецъ одѣ; но поэзія того времени страхъ какъ любила выводы и заключенія, словно послѣ порядковой хриі, гдѣ въ концѣ повторялось, другими словами, уже сказанное въ предложеніи и приступѣ. И такъ, какой же выводъ сдѣлалъ поэтъ изъ всей своей оды?—по-смотримъ:

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильевъ, должно намъ конечно:
Почто жь терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилья не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою,
И съ чистою твоею душою
Благословляй судьбъ ударъ.

Видите ли: поэтъ остался вѣренъ духу своего времени и самому себѣ: оно, конечно, тяжело, а все-таки не худо подумать о томъ, чтобъ жизнь-то устроить себѣ къ покою... Не таковы поэты нашего времени, не таковы и страданія ихъ; вотъ какъ живописалъ картину отчаянія одинъ изъ нихъ:

То было тьма безъ темноты;
То было бездна пустоты,
Безъ протяженья и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть — какъ сонмъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой.

Прочитавъ такіе стихи, право, потеряешь охоту устроить жизнь себѣ къ покою...

Мысль о скоротечности и преходящности всего существующаго тяготила Державина. Она высказывается во многихъ его стихотвореніяхъ, и ее же силились выразить хладѣющіе персты умирающаго поэта, въ этихъ послѣднихъ стихахъ его:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ все дѣла людей,
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

А если что и остается
Через звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется—
И общей не уйдетъ судьбы!

Мысль эта также принадлежала XVIII вѣку, когда не понимали, что проходить и мѣняются личности, а духъ человѣческой живетъ вѣчно. Идея о прогрессѣ еще только возникла; когда немногіе только умы понимали, что въ потокѣ времени тонуть формы, а не идея, переходятъ и мѣняются личности человѣческія. И въ этой мысли о скоротечности и преходящности всего земнаго, такъ томившей Державина, такъ неразлучно жившей съ его душою, мы видимъ отраженіе на русское общество XVIII вѣка. Но здѣсь и конецъ этому отраженію: Державинъ совершенно чуждъ всего прочаго, чѣмъ отличается этотъ чудный вѣкъ. Впрочемъ, XVIII вѣкъ выразился на Руси еще въ другомъ писателѣ, не разсмотрѣвъ котораго нельзя судить о степени и характерѣ вліянія XVIII вѣка на русское общество: мы говоримъ о Фонъ-Визинѣ. Конечно, и на немъ вѣкъ отразился довольно поверхностно и ограниченно; но въ другомъ характерѣ и другою стороною, чѣмъ на Державинѣ.

Чѣмъ разнообразнѣе произведенія поэта, тѣмъ болѣе критика должна заботиться объ опредѣленіи ихъ достоинства относительно однихъ къ другимъ. Въ этомъ случаѣ, критика должна принимать въ соображеніе, какія изъ произведеній поэта особенно нравились его современникамъ, какія особенно уважались ими; равнымъ образомъ, какими изъ своихъ произведеній особенно дорожилъ самъ поэтъ, или на какихъ онъ особенно основывалъ заслуги свои передъ искусствомъ. Но критика должна принимать къ свѣдѣнію подобныя обстоятельства и основывать на нихъ свое сужденіе тогда только, когда они не противорѣчатъ высшему критериуму достоинства всякихъ поэтическихъ произведеній, то-есть — искренности ихъ и задушевности. Случается иногда, что поэтъ, по духу своего вре-

мени, особенно дорожить самыми холодными и сухими своими произведениями, въ которыхъ участвовалъ одинъ разсудокъ, и нисколько не участвовали чувство и фантазія. То же случается и въ отношеніи къ современникамъ поэта. Въ эту ошибку обыкновенно вводитъ ихъ содержаніе, или предметъ произведенія. Они не думаютъ о томъ, что предметъ стихотворенія можетъ быть важенъ, великъ, даже священнъ, а само стихотвореніе тѣмъ не менѣе можетъ быть очень плохо. Такъ, напримѣръ, никто не станетъ спорить, чтобъ содержаніе «Александрюиды» г. Свѣчина не было неизмѣримо выше содержанія «Руслана и Людмилы», или «Графа Нулина» Пушкина; но никто также не станетъ спорить, что «Русланъ и Людмила» и «Графъ Нулинъ» — прекрасныя поэтическія произведенія, а «Александрюида» — образецъ бездарности и ничтожности. Въ первомъ томѣ «Русской Бесѣды» напечатана большая ода Державина «Слѣпой Случай», мысль которой — несомнѣнность личнаго безсмертія, — и тогда же нѣкоторые изъ господъ-сочинителей какого-то плохаго періодическаго изданія раскричались объ этой новонайденной одѣ, словно о новооткрытой Колумбомъ Америкѣ. Они увидѣли въ этой одѣ величайшее созданіе величайшаго поэта, не замѣтивъ, какъ люди безъ эстетическаго чувства, что дѣльная и высокая мысль этой оды высказана до крайности плохими стихами, и что, по своей поэтической отдѣлкѣ и самому расположенію мыслей, вся эта ода очень похожа на школьное риторическое упражненіе, холодное, сухое и общими мѣстами наполненное. Таковы почти всѣ Державинскія переложенія псалмовъ: мало сказать, что они ниже своего предмета — можно сказать, что они рѣшительно недостойны своего высокаго предмета, — и кто знакомъ съ прозаическимъ переложеніемъ псалмовъ, какъ на древне-церковномъ, такъ и на русскомъ языкѣ, — тотъ въ переложеніяхъ Державина не узнаетъ высокихъ, боговдохновенныхъ гимновъ порфириноснаго пѣвца Божія. Исключеніе остается только за переложеніемъ 81-го псалма «Властителямъ и Су-

діямъ», въ которомъ талантъ Державина умѣлъ приблизиться къ высотѣ подлинника:

Возсталъ всевышній Богъ, да судить
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
„Доколѣ“, рекъ „доколѣ вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ.
Вашъ долгъ есть: охранять законы,
На лица сильныхъ не взирать;
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ: спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ“.
Не внемлють!—видать и не знаютъ!
Покрыты мглою очеса!
Злодѣйствы землю потрясають,
Неправда зыблетъ небеса.

Переложеніе псалмовъ и подражаніе имъ, въ собраніяхъ сочиненій Державина, обыкновенно помѣщаются вмѣстѣ съ его одами духовнаго и нравственнаго содержанія, и вмѣстѣ съ ними образуютъ какъ-бы особенный отдѣлъ Державинской поэзіи. Весь этотъ отдѣлъ, обыкновенно высоко цѣнимый критиками добраго стараго времени, отличается одними и тѣми же качествами: длиннотою, вялостію, водяностію и плохими стихами. Рѣдко, рѣдко вспыхиваютъ въ одахъ этого отдѣла искорки поэзіи. Одна изъ этихъ одъ очень и очень замѣчательна по поэтическимъ мѣстамъ и даже по высотѣ мыслей; но неопредѣленность идеи цѣлаго повредила и поэтическому достоинству цѣлаго. Мы говоримъ объ одѣ «Безсмертіе Души». Явно, что поэтъ смѣшалъ въ ней два совершенно различныя понятія — безсмертіе идеи, не умирающей въ преходящихъ фактахъ, и личное безсмертіе человѣка, или безсмертіе души. Оттого, въ одной одѣ очутились двѣ оды, несвязанныя внутреннимъ единствомъ, перебитыя и перемѣшанныя одна съ

другую. И что же?—тѣ строфы этой оды, въ которыхъ про-
блескиваетъ первая идея, столько исполнены поэзіи и мысли,
сколько строфы, выражающія вторую мысль, прозаичны и по-
верхностны. Говоря о прекрасныхъ мѣстахъ оды «Безсмертіе
Души», нельзя не указать на 8, 17, 18 и 19 строфы.

За то нѣкоторыя изъ одъ духовнаго и нравственнаго со-
держанія поражаютъ невообразимыми странностями. Кто бы,
напримѣръ, подумалъ, что вотъ эти стихи — Державина, а
не Тредьяковскаго:

Какъ птица въ мглѣ унывна,
Оставлена на здѣ (*на кровль*).
Иль схоженна, пустынна
Сядяща на гнѣздѣ
Въ нощи, въ лѣсу, въ тущобѣ,
Лію стenanъежъ гуль.

А между тѣмъ это дѣйствительно стихи Державина изъ оды
«Сѣтованье», начинающейся стихами:

Услышь, Творецъ, моленье,
И вопль моей души!

Но огромная—поэма а не ода «Цѣленіе Саула» представляетъ
собою примѣръ особенной нестройности. Она состоитъ болѣе,
чѣмъ изъ 400 стиховъ, которые всѣ въ родѣ слѣдующихъ:

Внимаетъ пѣснь монархъ: но сила звуковъ, словъ,
Такъ отъ него скользпитъ, какъ лучъ отъ холма *льдяна*;
Снѣдаетъ грусть его, мысль черная, *печальна*,
Пѣвецъ то зреть—и взявъ другихъ строй голосовъ,
Поеть ужъ хоромъ всѣмъ, но сонно, полутонно,
Смятенью тартара, душъ смятенной сходно.

И кто бы могъ думать, чтобъ за такими стихами слѣдовали
вотъ какіе:

На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тѣмѣ возносился
Какъ орелъ надъ яйцомъ, подъ зародышемъ вкругъ
Тварей всѣхъ теплотой, такъ крылами гнѣздилися.

Огнь, земля и вода, и весь воздухъ въ борьбѣ
Межъ собой, внутрь и внѣ, безпрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣмъ являли въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались;
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ,
Какъ катясь, какъ вращаясь, даль и близъ оглушали;
Бездны безднѣ, хляби хлябѣ, колебавъ въ тишинѣ
Безъ устройствъ естество, ужасъ, мрака представляли.

Впрочемъ, эти стихи прекрасные и сильные, несмотря на свою грубую отдѣлку, суть единственный оазисъ въ песчаной пустынѣ этой поэмы.

Ода «Богъ» считалась лучшею не только изъ одъ духовнаго и нравственнаго содержанія, но и вообще лучшею изъ всѣхъ одъ Державина. Самъ поэтъ былъ такого же мнѣнія. Какимъ мистическимъ уваженіемъ пользовалась встарину эта ода, можетъ служить доказательствомъ нелѣпая сказка, которую каждый изъ насъ слышалъ въ дѣтствѣ, будто ода «Богъ» переведена даже на китайскій языкъ и, вышитая шелками на щитѣ, поставлена надъ кроватью богдыхана. И дѣйствительно, это одна изъ замѣчательнѣйшихъ одъ Державина, хотя у него есть много одъ и высшаго, сравнительно съ нею, достоинства.

Изъ одъ Державина нравственно-философическаго содержанія особенно замѣчательны сатирическія оды—«Вельможа» и «На счастье». При разсматриваніи первой, должно забыть эстетическія требованія нашего времени и смотрѣть на нее, какъ на произведеніе своего времени: тогда эта ода будетъ прекраснымъ произведеніемъ, несмотря на ея риторическіе приемы. Первые восемь строфъ просто превосходны, особенно вотъ эти:

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь плѣняетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,

Се глыба грязи позлащенной!
И вы безъ благодсти душевной
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Не перлы перскіе на васъ
И не бразильски звѣзды—ясны:
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны,—
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула, твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла!

Осель всегда останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онѣ только хлопаютъ ушами.
О, тщетно счастья рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца ридить въ господина,
Или въ шумиху дурака.

Какихъ не вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ сопостатовъ:
Всеякъ думаетъ, что я Чупятовъ
Въ мароккскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ,
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбыя лести
Не обуяла бъ умъ надменный:

Что наше благородство, честь,
Коль не изящности душевны?
Я князь—коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю;
Боляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Да, такіе стихи никогда не забудутся! Кромѣ замѣчательной силы мысли и выраженія, они обращаютъ на себя вниманіе еще и какъ отголосокъ разумной и нравственной стороны прошедшаго вѣка. Остальная и большая часть оды отличается риторическими распространеніями и добродушнымъ морализмомъ, которой объ истинахъ въ родѣ дважды два—четыре говоритъ, какъ о важныхъ открытіяхъ. Впрочемъ, 10, 11 и 12-я строфы, изображающія вельможескую жизнь людей XVIII вѣка, отличаются значительнымъ поэтическимъ достоинствомъ. Въ одѣ «На Счастіе» виденъ русскій умъ, русскій юморъ, слышится русская рѣчь. Кромѣ разныхъ современныхъ политическихъ намековъ, въ ней много рѣзкихъ и удачныхъ юмористическихъ выходовъ, свидѣтельствующихъ какое-то добродушіе, какъ, на примѣръ, это обращеніе къ счастію:

Катаешь кубаремъ весь миръ:
Какъ рѣзвости твоей примѣрявъ,
Полна земля вся кавалеровъ,
И цѣлый свѣтъ сталь бригадиръ.

Тонко хваля Екатерину, поэтъ говоритъ:

Изволить царствовать правдиво,
Не жгетъ, не рубить безъ суда;
А развѣ кое-какъ вельможи,
И такъ и сякъ, нахмура рожи,
Тузятъ. инова иногда.

Сатирически описывая свое прежнее счастіе, когда, бывало, все удавалось ему, и въ милости бояръ, и въ любви, и въ

игрѣ, и въ поэзіи, поэтъ очень забавно и вмѣстѣ колко жа-
луется на безвременье преклонныхъ лѣтъ своихъ:

А нынѣ пятьдесятъ мнѣ било;
Полетъ свой счастье премѣнило;
Безъ латъ я горе-богатырь;
Прекрасный полъ меня лишь бѣситъ,
Амуръ безъ перьевъ нетопырь,
Едва вспорхнетъ и носъ повѣситъ.
Сокрылся и въ игрѣ мой кладъ:
Не страстны мной, какъ прежде музы:
Бояре понадули пузы,
И я у всѣхъ сталъ виноватъ.

Умоляя счастье снова осыпать его своими дарами, поэтъ
остроумно подшучиваетъ надъ Гораціемъ обѣщаясь писать
школярнымъ слогомъ:

*„Беатусъ — братъ мой, на волахъ
Собою самъ поля орущей,
Или стада свои пасущій!“*
Я буду восклицать въ пирахъ.

Къ числу, такихъ же одъ принадлежитъ и «Мой Истуканъ». Въ ней особенно замѣчательны нѣкоторыя черты характера поэта и его образа мыслей. Таковы два превосходнѣйшіе стиха:

Злодѣйства малаго мнѣ мало,
Большаго дѣлать не хочу.

Замѣчательна и слѣдующая строфа: поэтъ говоритъ, что ни
за какія дѣла не стѣдилъ бы онъ кумира—

Не стоилъ бы: всѣ знаки чести,
Дозволены самимъ себѣ,
Плоды тщеславія и лести,
Монархъ! постыдны и тебѣ.
Желаетъ хвалъ, благодаренья
Лишь низкая себѣ душа,
Живущая изъ награжденья:
*По смерти слава хороша,
Заслуги въ гробъ созрѣваютъ,
Герои въ вѣчности сіяютъ!*

Доселѣ говорили мы о Державинѣ, какъ о русскомъ поэтѣ, въ извѣстной степени, и въ извѣстномъ характерѣ отразившемъ на себѣ XVIII вѣкъ, въ той степени, въ какой отразило его на себѣ тогдашнее русское общество. Теперь намъ слѣдуетъ показать Державина, какъ пѣвца Екатерины, какъ представителя цѣлой эпохи въ исторіи Россіи. Царствованіе Екатерины Великой, послѣ царствованія Петра Великаго, было второю великою эпохою въ русской исторіи. Доселѣ для него еще не настало потомства. Мы, люди настоящей эпохи, такъ близки къ временамъ Екатерины, что не можемъ судить о нихъ безпристрастно и вѣрно. Эта близость лишаетъ насъ возможности видѣть ясно и опредѣленно то, что обнаруживается только въ одной исторической перспективѣ, на достаточномъ отдаленіи. И потому, мы, съ одной стороны, слишкомъ увлекаемся громомъ побѣдъ, блескомъ завоеваній, многосложностію преобразованій, множествомъ людей замѣчательныхъ, и не видимъ изъ-за всего этого, внутренняго быта того времени. Съ другой стороны, справедливо гордясь нашимъ общественнымъ и гражданскимъ счастіемъ, мы, можетъ-быть, слишкомъ строго судимъ лезть, низкопоклонство, патронажество, милостивцевъ и отцовъ-благодѣтелей, составлявшихъ характеристику быта того времени. Мы не можемъ живо представить себѣ тогдашняго историческаго положенія Россіи, того рѣзкаго контраста между тираніею Бирона и труднымъ, по бесплодной, хотя и блистательной войнѣ съ Пруссіею, временемъ, — и между царствованіемъ Екатерины — этою эпохою блестящихъ и великихъ дѣлъ, мудрыхъ преобразованій, разумнаго и гуманнаго законодательства, котораго основою было: «лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго», — возникшаго просвѣщенія и возникавшей литературы, какъ плодовъ нравственнаго простора, смѣнивашаго удушающую тѣсноту, какъ творенія мудрости и благодати, воцарившейся на тронѣ. Близкіе къ тѣмъ временамъ, мы такъ далеки отъ нихъ усовершенствованіями всякаго рода, такъ горды и такъ

счастливы великими успѣхами двухъ послѣднихъ царствованій, что не можемъ смотрѣть на наше прошедшее, не сравнивая его съ настоящимъ,—а это сравненіе, разумѣется, выгодноѣ для настоящаго. И потому, намъ теперь должно не столько судить объ эпохѣ Екатерины-Великой, сколько изучать ее, чтобъ приобрести данныя для сужденія о ней. Къ числу такихъ данныхъ, безъ сомнѣнія, принадлежать свидѣтельства современниковъ,—а всѣмъ извѣстно, какъ великъ былъ ихъ энтузіазмъ къ своему времени и творцу его — Екатеринѣ. Здѣсь мы говоримъ о царствованіи Екатерины только въ отношеніи къ поэзіи. Поэзія Державина — самое живое и самое вѣрное свидѣтельство того, до какой степени эта эпоха была благопріятна поэзіи и до какой степени могла она дать поэзіи разумное содержаніе. Въ этомъ отношеніи, должно обращать вниманіе не на похвалы Екатеринѣ пѣвца ея, которыя, какъ похвалы современника, не могутъ имѣть той непоподозрѣваемой достовѣрности и искренности, какъ голосъ потомства; но здѣсь должно обращать вниманіе на ту свѣжесть, ту теплоту искренняго и душевнаго чувства, которыми проникнуты гимны Державина Екатеринѣ, на тотъ смѣлый и благородный тонъ, которымъ они отличаются. И такъ, намъ остается только выбрать тѣ строфы изъ разныхъ одъ его, которыя представляютъ особенно характеристическія черты громко и торжественно воспѣтаго имъ царствованія.

Ода «Фелица» — одно изъ лучшихъ созданій Державина. Въ ней полнота чувства счастливо сочеталась съ оригинально-стію формы, въ которой виденъ русскій умъ и слышится русская рѣчь. Несмотря на значительную величину, эта ода проникнута внутреннимъ единствомъ мысли, отъ начала до конца выдержана въ тонѣ.

Олицетворяя въ себѣ современное общество, поэтъ тонко хвалитъ Фелицу, сравнивая себя съ нею и сатирически изображая свои пороки. Исповѣдь его заключается стихами:

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.

Не оставляя шуточного тона, необходимаго ему для того, чтобы похвалы Фелицѣ не были рѣзки, поэтъ забываетъ себя и такъ рисуетъ для потомства образъ Фелицы:

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого:
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь;—
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волъ,
Но Богу правосудну болъ,
Живущему въ законахъ ихъ.

.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И былъ и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься протить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей
О сколь счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангель кроткій, ангель мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ объѣдахъ
За здравіе царей не пить.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебѣ шутовскихъ не парять,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарять,
Не щолкаютъ въ усы вельможъ;
Князя насѣдками не клохчуть
Любимцы въявь имъ не хохочуть,
И сажей не мараютъ рожь.

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачешь такъ людей;
Въ твой отъ дѣлъ отдохновенъ,
Ты пишешь въ сказкахъ поученья,
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худаго—
И самого сатира злаго
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь“.

Заключительная строфа оды дышитъ глубокимъ благоговѣй-
нымъ чувствомъ.

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслажусь!
Небесныя прошу я силы,
Да ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранять
Отъ всѣхъ болѣзней, золь и скуки,
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

Оду эту Державинъ писалъ не думая, чтобъ она могла быть
напечатана; всѣмъ извѣстно, что она случайно дошла до свѣ-
дѣнія государыни. И такъ, есть и внѣшнія доказательства
искренности этихъ, полныхъ души стиховъ:

Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки, иль бешмета
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство —
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Ода «Изображеніе Фелицы» растянута и разведена водою риторики; но въ ней есть превосходныя строфы въ pendant къ одѣ «Фелица», почему мы и выписываемъ ихъ здѣсь.

Припомни, что Она вѣчала
Безчисленнымъ Ея ордамъ:
«Я счастья вашего искала
И въ васъ его нашла я вамъ:
Ставъ сами вы себѣ послушны.
Живите, славьтесь въ мой вѣкъ.
И будьте столь благополучны,
Колико можетъ человекъ».

«Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя, цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить.
И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать».

«Даю вамъ право собираться.
И въ думахъ золото копить,
Ко мнѣ послами отправляться
И не всегда меня хвалить;
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать,
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать и окончать».

„Не воспрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху и лесть»,

Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ
Махать съ духами, пить и ѣсть;
Но я во всемъ, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть;
Великолѣпно и спокойно
Мои благодарѣнья лить».

.
Рекла бѣ! «Почто писать уставы,
Коль ихъ въ дивапахъ не творять?
Развратные вельможей нравы—
Народа цѣлаго разврать».

«Вашъ долгъ монарху, Богу, царству
Служить и клятвой не играть;
Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
Пути повсюду пресѣкать:
Пристрастный судъ разбоя злѣе;
Судьи—враги, гдѣ спитъ законъ:
Предъ вами гражданина шея
Протянута безъ оборонъ».

.
Представъ, чтобъ всѣ царевна средства
Въ пособіе себѣ брала
Предупреждать народа бѣдства
И сохранять его отъ зла;
Чтобъ отворила всѣмъ дороги
Черезъ почту письма къ ней писать;
Велѣла бы въ свои чертоги
Для объясненья допускать».

«Видѣніе Мурзы» принадлежитъ къ лучшимъ одамъ Державина. Какъ всѣ оды къ Фелицѣ, она написана въ шуточномъ тонѣ; но этотъ шуточный тонъ есть истинно высокій лирическій тонъ — сочетаніе, свойственное только Державинской поэзіи и составляющее ея оригинальность. Какъ жаль, что Державинъ не зналъ или не могъ знать, въ чемъ особенно онъ силенъ и что составляло его истинное призваніе. Онъ самъ свои риторически-высокопарныя оды предпочиталъ этимъ

шуточнымъ, въ которыхъ онъ былъ такъ оригиналенъ, такъ народень и такъ возвышенъ,— тогда какъ въ первыхъ онъ и надуть и натянуть, и безцвѣтенъ. «Видѣніе Мурзы» начинается превосходною картиною ночи, которую созерцалъ поэтъ въ комнатѣ своего дома; поэтическая ночь настроила его къ пѣснопѣнію, и онъ воспѣлъ тихое блаженство своей жизни:

Что карлой огъ и великаномъ
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ
И оныхъ чтить не принужденъ.

Далѣе заключается превосходный, поэтически и ловко выраженный намекъ на подарокъ, такъ неожиданно полученный имъ отъ монархини, за оду «Фелица»:

Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды,
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И сребророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ-будто изъ улусовъ дальныхъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ,
За розказни, за растобары,
За вирши, иль за что-нибудь,
Изподтишка другіе дары
И въ досканцахъ червонцы шлютъ.

Явленіе гнѣвной Фелицы, во всѣхъ атрибутахъ ея царственного величія, прерываетъ мечты поэта. Фелица укоряетъ его за лесть; она говоритъ ему:

. Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ: тогда
Сей даръ боговъ, кромѣ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ,—не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта люди тѣ же,
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести имъ вредить не рѣже:
А гдѣ поэты не льстецы?

Отвѣтъ поэта на укору исчезнувшаго видѣнія Фелицы дышитъ искренностію чувства, жаромъ поэзіи и заключаетъ въ себѣ и автобіографическія черты и черты того времени:

Возможно ль, кроткая царевна!
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту,
За каждую мысль, за каждый стихъ,
Отвѣтствовать лихому свѣту,
И отъ сатиръ считаться злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадѣевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
*Иной отнесъ себѣ къ безчестию,
Что не дерутъ его усомъ;
Иному показалось больно,
Что онъ наслѣдкой не сидитъ;
Иному очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ:*
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленьс,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньи
И лилъ въ восторгъ токи слезъ;
И словомъ: тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ—соленыхъ огурцовъ;
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ амбаровъ

Тебѣ наряды я крою;
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лезть я пѣль и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я тѣль, пою и тѣть ихъ буду.
И въ шуткахъ правду возвѣщу;
Татарски пѣсни изъ подъ студу,
Какъ мучь потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ муну поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ,
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Пророческое чувство поэта не обмануло его: поэзія Державина, въ тѣхъ немногихъ чертахъ, которыя мы представили здѣсь нашимъ читателямъ, есть прекрасный памятникъ славнаго царствованія Екатерины II и одно изъ главныхъ правъ пѣвца на поэтическое безсмертіе.

Другое значеніе имѣютъ теперь для насъ торжественныя оды Державина. Въ нихъ онъ является болѣе официальнымъ, чѣмъ истинно вдохновеннымъ поэтомъ. Въ этомъ отношеніи, онъ рѣзко отдѣляется отъ одъ, посвященныхъ Фелицѣ. И не мудрено: послѣднія имѣли корень свой въ дѣйствительности, а первыя были плодомъ похвального обычая согласовать лирный звукъ съ громомъ пушекъ и блескомъ плешекъ и шкаликовъ. Притомъ же, легче было чувствовать и понимать мудрость и благость монархини, чѣмъ провидѣть значеніе войнъ и побѣдъ ея, объясняющихся причинами чисто политическими. Политическіе вопросы тогда только могутъ служить содержаніемъ поэзіи, когда они вмѣстѣ и вопросы историческіе и нравственные. Такова была великая война 1812 года, когда обѣ изъ тяжущихся сторонъ—и колоссальное могущество Наполеона и національное существованіе Россіи, сошлись рѣшить вопросъ: быть, или не быть! Побѣды надъ турками, какъ бы ни блистательны были онѣ,

могутъ дать прекрасное содержаніе для реляцій, но не для одъ. Сверхъ того, торжественныя оды Державина еще и потому утратили теперь свою цѣну, что самыя событія, породившія ихъ, намъ уже не могутъ казаться такими, какими видѣли ихъ современники. Типомъ всѣхъ торжественныхъ одъ Державина можетъ служить ода «На Взятіе Варшавы». Она такъ всѣмъ извѣстна, что мы не почитаемъ за нужное дѣлать изъ нея выписки. Ее можно раздѣлить на три части: первая изъ нихъ есть экстастическое изліяніе чувства удивленія къ Суворову и Екатеринѣ II. Дѣйствительно, вступленіе оды восторженно; но этотъ восторгъ весь заключается не въ мысляхъ, а въ восклицаніяхъ, и въ немъ есть что-то напряженное. Мѣсто, начинающееся стихомъ «Черная туча, мрачныя крыла» долго считалось въ нашихъ риторикахъ и пиитикахъ образцомъ гиперболы, какъ выраженія высочайшаго восторга: теперь эта гипербола можетъ служить образцемъ натянутого восторга, стихотворнаго крика—не больше. Поэтъ чувствовалъ самъ пустоту всѣхъ этихъ громкихъ фразъ, и потому хотѣлъ, во второй части своей оды, занять умъ читателя какимъ-нибудь содержаніемъ. Что же онъ сдѣлалъ для этого?—онъ показываетъ сонмъ русскихъ царей и вождей, сидящій въ «небесномъ вертоградѣ, на злчныхъ холмахъ, въ прохладѣ благоуханныхъ рощъ, въ прозрачныхъ и радужныхъ шатрахъ»; передъ ними поетъ нашъ звучный Пиндаръ, Ломоносовъ, и его хвала пронзаетъ ихъ грудь, какъ молнія; въ ихъ «пунцовыхъ» устахъ «блистаетъ златъ медь», а на щекахъ играютъ зари; возлеги на «мягкихъ зыблущихъ (ся)» перловыхъ облакахъ, они внимаютъ тихострунный хоръ небесныхъ арфъ и поющихъ дѣвъ (что однакожь не мѣшаетъ имъ внимать и лирѣ нашего звучнаго Пиндара, Ломоносова): что это за языческая валгалла для христіанскихъ царей и вождей? Для этого подлуннаго мира стихи Ломоносова, конечно, имѣютъ свое назначеніе; но безпрестанно слушать ихъ и на томъ свѣтѣ — воля ваша, скучно. Далѣе, поэтъ

заставляет Петра Великаго проговорить рѣчь къ Пожарскому, и потомъ скрыться въ «сѣнь». Все это — голая риторика, свидѣтельствующая о затруднительномъ положеніи поэта, задавшаго себѣ воспѣть предметъ, котораго идеи онъ не прочувствовалъ въ себѣ. Третья часть оды кончилась даже смѣшно плохими четверостишіями съ припѣвомъ къ каждому:

Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Въ первой части оды поэтъ называетъ своего героя, т. е. Суворова, «Александромъ по бранямъ»: сравненіе крайне неудачное! Можно называть Наполеона Цезаремъ, ибо въ жизни и положеніяхъ обоихъ этихъ лицъ было много общаго; но что же общаго между дѣйствительно великимъ полководцемъ русской монархини, превосходнымъ исполнителемъ ея политическихъ предначертаній, и между монархомъ-завоевателемъ, героемъ древняго міра, связавшимъ Востокъ съ Европою?... Вообще, Державинъ не умѣлъ хвалить Суворова: онъ восхищается только его непобѣдимостію, забывая, что этимъ были славны и Тамерланы и Атиллы, и что въ Суворовѣ было что-нибудь замѣчательное и кромѣ этого. Хвала Суворова, Державинъ долженъ былъ бы настроить лиру на тотъ чисто-русскій ладъ, которымъ воспѣвалъ онъ Фелицу; но онъ хотѣлъ видѣть своего героя въ риторической апоэозѣ, и потому въ его одахъ, Суворовъ не возбуждаетъ къ себѣ никакого сочувствія.

У Пушкина есть два стихотворенія, порожденныя почти такимъ же событіемъ, какъ и ода Державина, о которой мы говоримъ. Даже по тону оба эти стихотворенія Пушкина напоминаютъ торжественную музу Державина; но какая же разница въ содержаніи! Пушкинъ поднимаетъ историческія вопросы, говоря, что это—

. . . . споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою.

Пушкинъ не изрекаетъ оскорбительныхъ приговоровъ падшему врагу, но благородно, какъ представитель великой націи, восклицаетъ:

Въ бореньи падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахъ не топтали;
.
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Оды «На Взятіе Измаила» и «Переходъ Альпійскихъ Горъ», по объему своему — цѣлыя поэмы, герой которыхъ — Суворовъ. О нихъ можно сказать то же, что и обо всѣхъ торжественныхъ одахъ Державина: онѣ исполнены вдохновенія, но риторическаго, и ихъ можно сравнить съ похвальными словами Ломоносова — много грома, много блеска, но мало души. И потому, въ чтеніи онѣ утомительны и даже скучны. Что корень ихъ былъ не въ жизни, не въ дѣйствительности, а въ піитикѣ и риторикѣ того времени, могутъ служить доказательствомъ эти стихи изъ оды «На взятіе Измаила».

Злодѣйство что ни вымышляло,
Поверглось, Россы, все на васъ!
Зрю ядры, камни, варъ и бревны.

Какъ! неужели защищать отчаянно крѣпость всѣми въ войнѣ употребляемыми средствами отъ осаждающихъ ее враговъ, отчаянно биться съ ними и честно умирать за свою вѣру и своего государя, есть злодѣйство?... О, нѣтъ! Державинъ этого не думалъ, но это требовалось высокимъ пареніемъ оды, по піитикѣ того времени. Впрочемъ, эта ода не безъ замѣчательныхъ частныхъ, какъ, напримѣръ, слѣдующая строфа:

Чего же можетъ родъ сей славный,
Любя царей своихъ, свершить?

Умѣйте лишь, главы вѣнчанны,
Его безцѣнну кровь щадить;
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту,
И правойой сердца плѣнить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь мѣръ себя заставить чтить.
Война, какъ съверно сіянье,
Лишь удивляетъ чернь одну:
Какъ свѣтлой радуги блистанье,
Всякъ мудрый любить тишину.

Державинъ былъ пѣвцомъ всѣхъ замѣчательныхъ людей, которыми такъ богатъ былъ вѣкъ Екатерины; всѣхъ чаще и охотнѣе онъ пѣлъ Суворова—это былъ его любимый герой; но лучше всѣхъ воспѣлъ онъ Потемкина. И не мудрено: этотъ «кипящій замыслами умъ, не ходившій по пробитымъ дорогамъ, но пролагавшій ихъ самъ», былъ дивнымъ, поэтическимъ явленіемъ. Это не былъ любимецъ счастья, какъ привыкли величать его: счастье любить больше глупцовъ и дюжинныхъ людей, нежели геніевъ,—а Потемкинъ былъ геній, заставившій преклоняться передъ собою счастье. Это была натура одного типа съ Наполеоновскою: Потемкинъ могъ жить только въ замыслахъ и замыслами, и отсюда его апатія въ бездѣйствіи. Видѣть невозможность дѣйствовать—приговоръ къ смерти для такихъ людей. Каждый изъ нихъ хотѣлъ бы покорить всю землю, и палъ бы отъ своего успѣха, еслибы не нашель средства сдѣлать высадку на луну и взять ее приступомъ. Являясь во времена отживающаго историческаго міра, и не предчувствуя новаго, они дѣлаютъ себя центромъ всей вселенной, и падаютъ жертвами своего грандіознаго эгоизма. Такъ палъ и Наполеонъ. Нашъ русскій «сынъ судьбы» не могъ быть понять своимъ временемъ; но въ самыхъ его странностяхъ было что-то таинственно-высокое, и всѣ смотрѣли на него со страхомъ и любопытствомъ. Поэтическая

натура Державина глубже другихъ прозрѣла въ тайникъ этого великаго духа, хотя вполне и не разгадала его — и «Водопадъ» остался навсегда свидѣтельствомъ этого поэтическаго полусознанія и одного изъ лучшихъ одъ Державина. — Державинъ былъ пѣвцомъ царствующаго дома въ Россіи, и нельзя съ удивленіемъ не остановиться на его пророческихъ одахъ на рожденіе царственныхъ младенцевъ, впоследствии Александра Благословеннаго и нынѣ благополучно царствующаго императора Николая. Кому не извѣстна прекрасная ода. «На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока»; въ ней есть два стиха, невольно останавливающіе на себѣ вниманіе изумленнаго читателя:

Будь страстей своихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человекъ!

Другая пророческая ода Державина — «На крещеніе Великаго Князя Николая Павловича»; въ ней поражаютъ стихи:

Дити равняется съ царями!
Родителямъ по крови,
По сану — исполинъ;
По благи, любви,
Посвѣта властелинъ!
Онъ будетъ, будетъ славень
Душой Екатеринѣ равенъ.

Державинъ пѣлъ воцареніе Александра и многія событія его царствованія, особенно событія 1812—1814 годовъ. Въ послѣднихъ, слышны уже слабѣющіе звуки нѣкогда громкой лиры; но въ одахъ, которыми онъ привѣтствовалъ новое благодтворное свѣтило Руси, мѣстами проблескиваютъ искры поэзіи. Таково, напримѣръ, начало оды «На восшествіе на престолъ императора Александра 1-го»:

Вѣкъ новый! Царь молодой, прекрасный
Пришелъ днесъ къ намъ весны стезей!

Мои предвѣстья велегласны
Уже сбылись, сбылись судьбой.

Въ одѣ «Царевичу Хлору» старикъ Державинъ настроилъ свою музу на прежній ладъ, которымъ хвалилъ Екатерину, и воспѣлъ Александра. Въ поэтическомъ отношеніи, эта ода далеко не то, что «Фелица» и кажется подражаніемъ ей; но по мыслямъ, по содержанию, это одна изъ замѣчательнѣйшихъ одъ Державина. Ее стоило бы выписать здѣсь всю, до послѣдняго стиха. Она лучше всякихъ разсужденій показываетъ, въ какой связи находится поэзія съ положеніемъ общества. Но это была пѣснь лебедя: знаменитый и прославленный въ царствованіе Александра болѣе, чѣмъ въ царствованіе Екатерины, Державинъ былъ человѣкомъ, отжившимъ свой вѣкъ. Явленіе Крылова, Карамзина, Дмитріева, потомъ Озерова и наконецъ Жуковскаго и Батюшкова, показало, что въ обществѣ уже созрѣли новые элементы для поэзіи, и что, по мѣрѣ полноты этихъ элементовъ, являлись и пѣвцы разнообразныя, а не поющіе, какъ прежде, всѣ на одинъ голосъ. Это былъ успѣхъ времени, и не вина Державина, что онъ принадлежалъ къ другому вѣку и остался ему вѣренъ въ чуждомъ для него новомъ времени: онъ сдѣлалъ все, что могъ въ то время сдѣлать человѣкъ съ такимъ огромнымъ дарованіемъ. Не будь Екатерины, не было бы и Державина: цвѣты его поэзіи распустились отъ луча ея просвѣщеннаго вниманія. Этому вниманію онъ былъ обязанъ и своею славою: общество не нуждалось въ стихахъ Державина и не понимало ихъ, а имя его знало, дивясь, что за стихи даютъ и золотыя табакерки, и чины, и мѣста, дѣлаютъ вельможею бѣднаго и незнатнаго дворянина. Но таковъ ходъ идеи: она идетъ къ своей цѣли, даже и такими путями, которые, казались бы, скорѣе отвели ее отъ цѣли, чѣмъ привели къ ней: простое любопытство многихъ незамѣтно познакомилось со стихами и пристрастило къ нимъ. И когда, чрезъ размноженіе училищъ и гимназій, чрезъ основаніе новыхъ университетовъ

въ царствованіе Александра, распространилось просвѣщеніе, тогда Державина стали читать, и узнали его, какъ поэта, а не только какъ знатнаго человѣка.

Во многихъ стихотвореніяхъ Державина, личный характеръ его какъ человѣка, является съ весьма хорошей стороны. Несмотря на то, что его вѣкъ былъ вѣкъ милостивцевъ, и что лесть и угодничество считались добродѣтелями, онъ льстилъ больше какъ риторъ, чѣмъ какъ поэтъ. Когда Суворовъ, въ отставкѣ, передъ походомъ въ Италію, проживалъ въ деревнѣ безъ дѣла, Державинъ не боялся хвалить его печатно. Ода «На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи» принадлежитъ къ такимъ же смѣлымъ его поступкамъ. «Водопадъ», написанный послѣ смерти Потемкина, есть, безъ сомнѣнія, столько же благородный, сколько и поэтический подвигъ. Судя по могуществу Потемкина, можно было бы предположить, что большая часть стихотвореній Державина посвящена его прославленію; но Державинъ, при жизни Потемкина, очень мало писалъ въ честь его. Онъ упоминаетъ о немъ въ одѣ «Осень, во время осады Очакова»; его воспѣлъ онъ подъ именемъ Рѣшемысла, прилично и скромно; есть еще ода, подъ названіемъ «Побѣдителю»: въ ней Потемкинъ превознесенъ превыше звѣздъ, довольно плохими стихами. Но вотъ и все: а это слишкомъ немного, даже слишкомъ мало для такого могущества, какое представляетъ собою Потемкинъ! Сверхъ того, въ отношеніи къ лести, нельзя строго судить Державина: онъ жилъ въ такія торжественныя и хвалебныя времена, когда пѣть и льстить значило одно и то же, и когда никакая сила характера не могло спасти человѣка отъ необходимости уклоняться лестью отъ бѣдъ. Должно сказать правду: за многія дѣла и самый сатирикъ не можетъ не чтить Державина. Къ числу такихъ дѣлъ принадлежитъ его ода «Памятникъ Герою», написанная въ честь Рѣшнину, который находился въ то время подъ опалою у Потемкина, и который впоследствии очень дурно запла-

тилъ за нее поѣту. По службѣ, въ дѣлѣ правосудія, Державинъ прослылъ даже «безпокойнымъ» человѣкомъ—эпитетъ, который, какъ извѣстно, дается только такимъ людямъ, которые безъ ужаса и негодованія не могутъ видѣть подлостей и несправедливостей, именемъ правосудія и закона совершаемыхъ ябедниками и крючкотворцами...

Чтобъ вѣрно характеризовать и опредѣлить значеніе Державина, какъ поэта, должно обратить вниманіе на его собственный взглядъ на поэзію и поэта. Въ артистической душѣ Державина пребывало глубокое предчувствіе великости искусства и достоинства художника. Это доказывается многими истинно-вдохновенными мѣстами въ его произведеніяхъ и даже превосходными отдѣльными стихотвореніями. Мы непременно должны указать на нихъ, какъ на факты для сужденія о Державинѣ, какъ поэтѣ. Въ одѣ «Любителю художествъ», неудачной и даже странной въ цѣломъ, вниманіе мыслящаго читателя не можетъ не остановиться на слѣдующихъ стихахъ:

Боги взоръ свой отвращаютъ
Отъ нелюбимаго музъ;
Фуріи ему влагаютъ
Въ сердце чорство грубый вкусъ.
Жажду злата и серебра.
Врагъ онъ общаго добра!

Ни слеза вдовицъ не тронетъ,
Ни сиротъ несчастныхъ стонъ:
Пусть въ крови вселенна тонетъ,
Быль бы счастливъ только онъ;
Больше бъ собралъ серебра.
Врагъ онъ общаго добра!

Напротивъ того, взираютъ
Боги на любимца музъ;
Сердце нѣжное влагаютъ
И изящный нѣжный вкусъ:
Всѣмъ душа его щедра.
Другъ онъ общаго добра!

Еслибъ эти стихи прозаичностію и шероховатостію выраженія не поражали нашего вкуса, избалованнаго изяществомъ новѣйшей поэзіи, ихъ можно было бы принять за переводъ изъ какой-нибудь піесы Шиллера въ древнемъ вкусѣ. Сознаніе высокаго своего призванія Державинъ выразилъ особенно въ трехъ піесахъ. Странная и невыдержанная въ цѣломъ піеса «Лебедь» есть какъ-бы прелюдія къ превосходному стихотворенію «Памятникъ»:

Необычайнымъ я паренемъ
Отъ тѣна міра отдѣлюсь,
Съ душой безсмертною и пѣнемъ.
Какъ лебедь въ воздухъ поднимусь.

Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный,
Не задержусь въ вратахъ мытарствъ;
Надъ завистью превознесенный,
Оставляю подъ собой блескъ царствъ.

Да, такъ! хотъ родомъ я не славень;
Но, будучи любимецъ музъ,
Другимъ вельможамъ я не равенъ
И самой смертью предпочтусь.

Не заключить меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая пѣвица,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.

Затѣмъ, поэтъ воображаетъ, что его станъ обтягиваетъ пернатая кожа, на груди является пухъ, а спина становится крылата, и что онъ лоснится лебязьею бѣлизною; въ видѣ лебеда паритъ онъ надъ Россією, и всѣ племена, населяющія ее, указываютъ на него и говорятъ:

„Вотъ тотъ летитъ, что строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ,
И проповѣдья миръ міру
Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ!“

Мысль изысканная и неловко выраженная; но послѣдній куплетъ очень замѣчательнъ:

Прочь съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ,
Друзья мои! Хоръ музъ не пой!
Супруга! облекись терпѣньемъ!
Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой!

«Памятникъ» такъ хорошо извѣстенъ всѣмъ, что нѣтъ нужды выписывать его. Хотя мысль этого превосходнаго стихотворенія взята Державинымъ у Горация, но онъ умѣлъ выразить въ такой оригинальной, одному ему свойственной формѣ, такъ хорошо примѣнить ее къ себѣ, что честь этой мысли такъ же принадлежитъ ему, какъ и Горацию. Пушкинъ повсюду воспользовался, по примѣру Державина, примѣненіемъ къ себѣ этой мысли, въ собственной оригинальной формѣ. Въ стихотвореніи того и другаго поэта рѣзко обозначился характеръ двухъ эпохъ, которымъ принадлежать они: Державинъ говоритъ о безсмертіи въ общихъ чертахъ, о безсмертіи книжномъ; Пушкинъ говоритъ о своемъ памятникѣ: «Къ нему не заростетъ народная тропа», и этимъ стихомъ олицетворяетъ ту живую славу для поэта, которой возможность настала только съ его времени.

Не менѣе «Памятника» замѣчательно стихотворное посвященіе Державина Екатеринѣ II собранія своихъ сочиненій: оно дышитъ и благоговѣйною любовію поэта къ великой монархинѣ и пророческимъ сознаніемъ своего поэтическаго достоинства:

Что смѣлая рука поэзіи писала,
Какъ Бога истинну Фелицу во плоти
И добродѣтели твои изображала,
Держаю къ твоему престолу принести.
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ тебѣ души моей.
Какъ жертву чистую, возженную для Бога,

Прими съ небесною улыбкою твоей.
Прими и освяти своимъ благоволеньемъ,
И музъ будь моей опорой и щитомъ,
Какъ мнѣ была и есть ты отъ клеветъ спасеньемъ.
Да веселясь она и съ бодрственнымъ челомъ,
Пройдетъ сквозь тьму времени и станетъ средь потомковъ,
Суда ихъ не страшась, твои хвалы вѣщать;
И алчный червь когда, межъ гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глотать:
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима
И древнихъ струнь ея гдѣ голосъ прозвонитъ,
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою—твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и тѣчювъ вселенна не забудетъ:
Въ могилъ буду я, но буду говорить.

И однакожь, въ стихотвореніяхъ того же Державина есть мѣста, доказывающія, что онъ очень невысоко цѣнилъ поэзію и свое поэтическое призваніе. Такъ, въ одѣ «Фелица», онъ говорилъ:

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ тѣломъ вкусный лимонадъ.

Въ одѣ «Мой Истуканъ» онъ говоритъ:

. . . Мои бездѣлки
Безумно столько уважать,

и если считаетъ себя достойнымъ мраморнаго бюста, то развѣ за то, что воспѣвалъ Фелицу, а не за то, какъ воспѣвалъ ее, слѣдовательно, за предметъ, а не за талантъ пѣснопѣній. Такихъ мѣстъ много можно найти въ его стихотвореніяхъ. Сверхъ того, извѣстно всѣмъ, — да и есть стихотвореніе, подтверждающее этотъ фактъ («Храповицкому») — что Державинъ свое чиновническое поприще считалъ выше, т. е. дѣльнѣе своего поэтического поприща.

Но что же все это доказывает? то ли, что Державинъ былъ измѣнивъ въ своихъ мнѣнiяхъ, или что онъ только въ стихахъ, а не на дѣлѣ, высоко думалъ о стихотворствѣ? Ни то, ни другое! Въ этомъ видна нерѣшительность, неопредѣленность идеи поэзіи въ то время. Державинъ дѣйствительно въ разныя времена думалъ о ней розно: то приходилъ въ восторгъ отъ своего призванiя, гордяся имъ въ свѣтломъ и вдохновенномъ созданiи, то погружался въ уныніе при мысли о немъ, стыдяся его, какъ пустой забавы. Въ первомъ случаѣ, скрывалась его глубоко-поэтическая натура; во второмъ, высказывалось въ немъ общество нашего времени. Теперь всякій посредственный писака съ гордостью говоритъ о себѣ, что онъ литераторъ, или поэтъ, и находитъ добродушныхъ людей, которые, даже и подсмѣиваясь надъ нимъ, все-таки увиваются подлѣ него, чтобъ, при случаѣ, похвастать своимъ знакомствомъ или прiязнію съ литераторомъ и поэтомъ. Истинный талантъ теперь вездѣ и всегда смѣло можетъ назвать себя по имени; а гений, въ области поэзіи, теперь—сила и власть въ сферѣ общественнаго мнѣнiя. Но это сдѣлалось не вдругъ, а постепенно. Державинъ не имѣлъ враговъ своему таланту: ему не могли простить не таланта, котораго не понимали, а полученныхъ имъ знаковъ почестей. Среди невѣждъ, и умному человѣку легко можетъ прійти въ голову мысль: ужъ не онъ ли глупъ, и не эти ли люди умны, ибо какъ же могутъ ошибаться всѣ, и быть правъ одинъ?..

Вотъ откуда происходили противорѣчiя Державина въ его понятiяхъ о поэзіи. Это можетъ служить ключомъ и ко множеству другихъ его противорѣчiй. На иную прекрасную оду его можно насчитать нѣсколько плохихъ, какъ будто написанныхъ въ опроверженіе первой. Причина этого та, что не было общества, не было общественнаго мнѣнiя,—были только умныя личности, изрѣдка сталкивавшiяся другъ съ другомъ на необъятномъ пространствѣ. Всякая истинная поэзія есть

идеальное зеркало дѣйствительности, а разумная сторона дѣйствительности того времени выражалась только въ нѣкоторыхъ людяхъ, близкихъ къ монархинѣ; но нѣсколько людей не составляютъ общества. Мы видѣли, что въ поэзіи Державина отразился XVIII вѣкъ односторонно и слабо отразившійся на высшемъ кругѣ русскаго общества,—кругѣ, съ которымъ все остальное не имѣло ничего общаго, ни чѣмъ не было связано: а этого было слишкомъ мало, чтобъ дать такое содержаніе поэзіи, которое упрочило бы за нею безсмертіе, сообщивъ ей, неумирающей отъ переменъ нравовъ и отношеній интересъ. Мы видѣли, что Державинъ понималъ великую монархиню и вѣрно изобразилъ ее въ нѣсколькихъ чертахъ; но онъ выразилъ свое понятіе о ней, а не понятіе цѣлаго общества, которое не умѣло понимать тѣхъ благъ, которыми пользовалось—и потому мы дивимся образу Екатерины только въ немногихъ стихотвореніяхъ Державина, и именно только въ тѣхъ, гдѣ изображалъ онъ ее подъ именемъ Фелицы. Ода его «Фелица» превосходна и въ цѣломъ и въ частностяхъ; такъ же прекрасно «Видѣніе Мурзы»; но въ «Изображеніи Фелицы» прекрасны только нѣкоторыя строфы. Торжественныя оды его потеряли весь свой интересъ для нашего времени. Такъ называемыя анакреонтическія оды Державина свидѣтельствуютъ о его артистической натурѣ; но ни содержаніе ихъ, всегда одностороннее и не глубокое, ни ихъ форма, всегда невыдержанная въ цѣломъ и плѣняющая только частностями, тоже не могутъ быть предметомъ эстетическаго наслажденія въ наше время. Драматическіе опыты его не стѣять и упоминовенія.

Мы уже доказали въ первой статьѣ, что, въ эстетическомъ отношеніи, поэзія Державина, представляетъ собою богатый зародышъ искусства, но еще не есть искусство. Это блестящая страница изъ исторіи русской поэзіи, но еще не самая поэзія. Читая даже лучшія оды Державина, мы должны дѣлать надъ собою усиліе, чтобъ стать на точку зрѣнія его вре-

мени, относительно поэзіи, и должны научиться видѣть прекрасное во многомъ, что въ то время казалось безусловно прекраснымъ. И такъ, Державинъ и въ эстетическомъ отношеніи есть поэтъ историческій, котораго должно изучать въ школахъ, котораго стыдно не знать образованному Русскому, но который уже не можетъ быть и для общества тѣмъ же, чѣмъ можетъ и долженъ быть для людей, посвящающихъ себя основательному изученію роднаго слова, отечественной поэзіи. Ломоносовъ былъ предтечею Державина; а Державинъ—отецъ русскихъ поэтовъ. Если Пушкинъ имѣлъ сильное вліяніе на современныхъ ему и явившихся послѣ него поэтовъ, то Державинъ имѣлъ сильное вліяніе на Пушкина. Поэзія не родится вдругъ, но, какъ все живое, развивается исторически: Державинъ былъ первымъ живымъ глаголомъ юной поэзіи русской. Съ этой точки зрѣнія должно опредѣлять его достоинства и его недостатки, — и съ этой точки зрѣнія его недостатки явятся также необходимыми, какъ и его достоинства. Называть Державина русскимъ Пиндаромъ, Анакреономъ и Гораціемъ могли только во времена дѣтства нашей критики. Пиндара, Анакреона и Горація читаетъ весь просвѣщенный міръ на ихъ родныхъ языкахъ, и въ безчисленномъ множествѣ переложеній: въ Державинѣ ничего не найдетъ ни Французъ, ни Англичанинъ, ни Нѣмецъ. Богатырь поэзіи по своему природному таланту, Державинъ, со стороны содержанія и формы своей поэзіи, замѣчательнъ и важнъ для насъ, его соотечественниковъ: мы видимъ въ немъ блестящую зарю нашей поэзіи, а поэзія его, — «это (какъ справедливо сказано въ предисловіи къ изданнымъ нынѣ его сочиненіямъ) сама Россія Екатерина вѣка— съ чувствомъ исполинскаго своего могущества, съ своими торжествами и замыслами на востокъ, съ нововведеніями европейскими и съ остатками старыхъ предрасудковъ и повѣрій — это Россія пышная, роскошная, великолѣпная, убранная въ азіятскіе жемчуги и камни, и еще полудикая, полуварварская, полу-

грамотная, — такова поэзія Державина, во всёхъ ея красотахъ и недостаткахъ».

СОЧИНЕНІЕ ЗЕНЕИДЫ Р—ВОЙ. *Спб. 1843. Четыре части.*

Въ Россіи женщины мало пишутъ. Впрочемъ, этому нечего удивляться: въ Россіи и мужчины почти совсѣмъ не пишутъ. Смотри съ этой точки зрѣнія, вы увидите, что у насъ женщины пишутъ именно не больше и не меньше того, сколько могутъ онѣ писать. Званіе писательницы пока еще контрабанда не у однихъ насъ. Живой взглядъ на женщину осуждаетъ ее на молчаніе. Этотъ взглядъ, запрещающій женщинѣ выходить изъ заколдованнаго круга протыхъ свѣтскихъ отношеній, не есть принадлежность собственно русскаго общества: онъ равно принадлежитъ и просвѣщенному западу Европы. Правда, тамъ, какъ и у насъ, женщина давно уже приобрѣла право говорить печатно, — но какъ и о чемъ говорить? вотъ вопросъ, подробное рѣшеніе котораго завело бы далеко-далеко... въ самую Азію. Никакая пишущая женщина въ Европѣ не избѣгнетъ пошлыхъ намековъ и названій сянга чулка, каковъ бы ни былъ ея талантъ, равно всѣми признанный. Никто тамъ не оспариваетъ у женщины права высказаться печатно и возможности быть одаренною даже великимъ творческимъ талантомъ; никого не оскорбляетъ и не соблазняетъ зрѣлище пишущей женщины; но въ то же время едва ли кто упуститъ случай, говоря о пишущей женщинѣ, посмѣяться надъ ограниченностію женскаго ума, болѣе, будто-бы, приноровленнаго для кухни, дѣтской, шитья и вязанья, чѣмъ для мысли и творчества. Это уже такая привычка у мужчинъ: если они давно перестали бить женщинъ, то еще не отстали отъ привычки грозить имъ кулакомъ, или дразнить языкомъ, въ ознаменованіе

права своей силы. Привычка—вторая натура, и потому отстать отъ нея трудно. Для женщины-писательницы это первое, и притомъ еще самое меньшее зло. Хуже всего, что она осуждена общественнымъ мнѣніемъ на самыя невинныя литературныя занятія, именно — вѣчно повторять старыя обветшалыя истины, которымъ не вѣрятъ даже и дѣти, но которыя тѣмъ не менѣе считаются почтенными. Нельзя употребить большаго насилія надъ женщиною, нельзя оказать ей большаго презрѣнія? Конечно, ей не воспрещается закономъ быть оригинальною и глубокою въ своихъ мысляхъ, могущею и великою въ творчествѣ, — по крайней мѣрѣ на столько, на сколько не воспрещается это закономъ мужчинѣ; но если законъ оставитъ женщину въ покоѣ, тогда противъ нея дѣйствуетъ общественное мнѣніе. Тысячеглавое чудовище объявляетъ ее безнравственною и безпутною, грязнить ея благороднѣйшія чувства, чистѣйшіе помыслы и стремленія, возвышеннѣйшія мысли, — грязнить ихъ грязью своихъ комментаріевъ; объявляетъ ее безобразною кометою, чудовищнымъ явленіемъ, самовольно вырвавшимся изъ сферы своего пола, изъ круга своихъ обязанностей, чтобъ упоить свои разнузданныя страсти и наслаждаться шумною и позорною извѣстностью. Не правда ли, что это возмутительно несправедливо?... А вотъ вамъ и смѣшное: то же самое общество не читаетъ женщинъ, пишущихъ въ духѣ его же собственной морали, и обходитъ ихъ самымъ презрительнымъ невниманіемъ, потому что оно само не вѣритъ своей морали и смѣется надъ нею. Впрочемъ, оно противорѣчитъ такимъ образомъ самому себѣ не въ отношеніи къ однѣмъ только женщинамъ. Возьмемъ, на примѣръ, современное французское общество. Представители его—набитые золотомъ мѣшки, пріобрѣтатели, люди, поклоняющіеся золотому тельцу. Кого читаетъ это общество!—писателей въ духѣ чуждой ему морали. Это общество недавно восхищалось двумя романами Эжена Сю «Mathilde и Mystères de Paris», а эти романы не что иное,

какъ страшный доносъ на это общество. Это же общество не хотеть уже читать какого-нибудь мосьё *de* Бальзака, до сихъ поръ вѣрнаго моральному принципу выскочившаго въ люди богатаго мѣщанства, оно смѣется надъ нимъ, презираетъ его, и, вмѣсто его, читаетъ Жоржъ Занда, въ которомъ имѣло бы право видѣть своего обвинителя, изобличителя и нравственную кару. Послѣ этого, извольте угождать обществу и сообразоваться съ его моралью! Всѣ явленія дѣйствительности внутри себя самихъ заключаютъ свою необходимость: вотъ отчего люди толкуютъ свое, а дѣйствительность идетъ своею дорогою, не спрашиваясь у людей, но заставляя людей спрашиваться у нея. Привычка мало-помалу дѣлаетъ людей равнодушными къ явленію, которое вначалѣ поразило ихъ, и, со временемъ, они начинаютъ не только считать это явленіе естественнымъ, но даже и приносить ему дань удивленія и восторженныхъ похвалъ. Таково теперь во Франціи положеніе Жоржъ Занда, какъ писательницы; но не таково было ея положеніе назадъ тому нѣсколько лѣтъ. И что же?—явись другая писательница съ такимъ же гениемъ,—и на нее сперва польется обильный дождь клеветъ, браней, оскорбленій, лжи,—и все это во имя будто бы оскорбленной ею морали, и при всемъ этомъ будутъ раскупать ея сочиненія и твердить ихъ наизусть; а потомъ клеветы, лжи и брани умолкнутъ, смѣнившись на восторгъ и удивленіе... А въ то же время, сколько женщинъ писательницъ въ духѣ общественной морали, пичкающихъ свои сочиненія пошлыми сентенціями, пройдутъ незамѣченныя, недостойныя ничего вниманія!...

Сказанное нами не можетъ имѣть примѣненія къ русской литературѣ. У насъ, литература имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ старой Европѣ. Тамъ она—выраженіе мысли, служащей источникомъ жизни для общества въ каждую эпоху его историческаго развитія. У насъ, литература — приятное и полезное, невинное и благородное препровожденіе времени,

и для писателя и для читателя. Исключенія изъ этого правила такъ рѣдки, что не стоить упоминать о нихъ. Наши писатели (и то далеко не всѣ) только одною ступенью выше обыкновенныхъ изобрѣтателей и пріобрѣтателей; наши читатели (и то далеко не всѣ) только одною ступенью выше людей, которые въ преферансѣ и сплетняхъ видятъ самое естественное препровожденіе времени. Оттого, у насъ всѣ писатели, и хорошіе и худые, равно читаются и почитаются, равно имѣютъ ограниченный кругъ нравственнаго вліянія, и равно скоро забываются. Исключеніе остается только за писателями, которые ужъ слишкомъ по плечу обществу и слишкомъ хорошо угодили его вкусу, удовлетворили его потребностямъ: таковы, напримѣръ, Марлинскій и Бенедиктовъ, которыхъ и теперь еще очень любятъ даже въ столицахъ, а въ провинціи знаютъ наизусть. Поэтому, женщина, у насъ, смѣло можетъ пускаться въ писательство: если она не всегда можетъ надѣяться стать слишкомъ высоко, за то никогда не должна бояться затеряться въ заднихъ рядахъ писакъ. Это тѣмъ вѣрнѣе, что женщины, которыя когда-либо пускались на Руси въ авторство, всегда обладали извѣстною степенью образованности, знаніемъ хоть французскаго языка; при этомъ имъ не мало служить и врожденный женской натурѣ тактъ приличія и здраваго смысла; тогда какъ несравненно бѣльшая часть пишущихъ въ Россіи мужчинъ попала въ писатели нечаянно и безъ всякаго приготовленія, а потому и не знаютъ даже первыхъ основаній грамматики своего роднаго языка, да и принадлежатъ еще къ такому кругу понятій, изъ котораго совсѣмъ не слѣдовало бы показываться въ печати. Въ доказательство справедливости нашихъ словъ, указываемъ на длинную вереницу сочинителей въ родѣ гг. Мильгѣва, Славина, Кузьмичева, Зотова, Воскресенскаго, Классена, Сигова, Антипы Огородника, Тимоѣева, Зражевской, Бурачка, Мартынова, Кропоткина, Скосырева, Жданова, Шелехова, Куражковскаго, Ильина и многихъ иныхъ, которыхъ пере-

честь не достанетъ ни терпѣнія, ни времени, ни мѣста въ статьѣ. Скажутъ: бездарные люди всегда заваливали литературу мусоромъ своихъ сочиненій. Правда, и прежде — въ доброе классическое время нашей литературы, бездарныхъ писаекъ, такъ же, какъ и теперь, было больше, чѣмъ даровитыхъ писателей; но тогда не было между пишущимъ народомъ людей безграмотныхъ; тогда всѣ старались писать въ тонѣ порядочнаго общества, и не воспѣвали въ стихахъ «россійскаго символдая» и «кабаковъ» (какъ это недавно сдѣлалъ г. Милькѣевъ), и не восхищались тѣмъ, что Ломоносовъ былъ подверженъ несчастной страсти невоздержанія, отъ которой и погибъ рано. Въ прежнія времена, пришли бы въ ужасъ отъ такого романтизма. Но въ наше время, такъ называемый романтизмъ освободилъ писаекъ отъ здраваго смысла, вкуса, грамматики, логики, порядочнаго тона, даже опрятности и чистоплотности, и всѣ эти господа-сочинители стали выѣзжать, въ своихъ романтически-народныхъ произведеніяхъ, на разбитыхъ носсахъ, фонаряхъ подъ глазами, зипунахъ; лаптяхъ, мужицкихъ рѣчахъ и поговорахъ, кабакахъ и харчевняхъ. И все это ими представляется и описывается безъ всякаго юмора, безъ всякой сатирической, цѣли, но съ добродушнымъ и добросовѣстнымъ восторгомъ и удивленіемъ къ своимъ неопрятнымъ вымысламъ: ссылаемся опять на того же г. Милькѣева, который, вдохновившись сивухою, воспѣлъ ее въ дивирамбѣ безъ всякой ироніи, важнымъ торжественнымъ и патетическимъ тономъ.

Къ чести русскихъ женщинъ-писательницъ надобно сказать, что между ними примѣры подобнаго романтизма, или безграмотности, составляютъ исключенія изъ общаго правила, — исключенія, которыя остаются за немногими тѣми, которыя, соблазнившись нѣкоторыми журналами, пустились «гудорить» въ нихъ народною (т. е. огородническою) рѣчью... Всѣ другія, обладая бѣльшимъ или меньшимъ талантомъ, все-таки отличаются бѣльшею или меньшею грамотностью, уваженіемъ къ

приличію и отвращеніемъ къ площадной и харчевенной на-
родности. Между тѣмъ, въ ихъ послѣдовательномъ явленіи
одна за другою есть нѣчто въ родѣ прогресса,—и Анна Бу-
нина и Зенеида Р-ва представляютъ двѣ совершенныя противо-
положности, не по одному таланту, но и по направленію и
духу ихъ произведеній. Здѣсь мы считаемъ кстати сдѣлать
короткое обзоріе литературной дѣятельности русскихъ жен-
щинъ. Въ каталогѣ Смирдина, мы встрѣчаемъ имена слѣду-
ющихъ женщинъ, занимавшихся переводами съ иностранныхъ
языковъ на русскій: Марья Сушкова (перевела «Инки» Мар-
монтеля, въ 1778 году), Марья Орлова (1788), Катерина и
Анна Волконскія (1792), Корсакова (1792), Нилова (1793),
Баскакова (1796), Марья Базилевичева (1799), Марья Ива-
ненко (1800), Лихарева (1801), Настасья Плещеева (1808),
Марья Фрейтахъ (1810), Катерина де ла Маръ (1815), Та-
тищева (1818), Беклемишева (1819), Бровина (1820), Виш-
линская, А. и Катерина Воейковы, Анна и Пелагея Вельяшевы-
Волынцовы, Вѣра и Надежда Кусовниковы, Настасья Гагина,
Катерина Меньшикова, А. Мухина. Изъ этого списка видно,
что наши дамы рано приняли участіе въ отечественной ли-
тературѣ. Въ 1789 году, были изданы «Лучшіе Часы Жизни
Моей» Марьи Поспѣловой; а въ 1801 г. ея же «Черты При-
роды и Истины, или Оттѣнки Мыслей и Чувствъ моихъ».
Еще ранѣе, именно, въ 1774 г. (стало быть, шестьдесятъ
девять лѣтъ назадъ тому) Катерина Урусова издала свою
эпическую поэму въ пяти пѣсняхъ, «Полюнь, или Просвѣ-
тившійся Нелюдимъ» Александра Хвостова, издала, въ 1796
году, «Каминь и Ручеекъ». Г-жи Москвины издали свои стихо-
творенія подъ заглавіемъ «Аонія», въ 1802 г. Дѣвица Вол-
кова издала, 1807, свои стихотворенія. Г-жа Наумова издала
свои стихотворенія, въ 1819 году, подъ именемъ «Уединен-
ной Музы Закамскихъ Береговъ». Г-жа Любовь Кричевская
обнаружила особенную плодовитость, въ сравненіи съ из-
численными нами писательницами: она издала «Мои Свобод-

ныя Минуты, или Собрание Сочинений въ Стихахъ и Прозѣ, Любви Кричевской» (Харьковъ, 1818); драму въ трехъ дѣйствіяхъ «Нѣтъ Добра безъ Награды» (Харьковъ, 1826); «Двѣ Повѣсти» (Москва, 1827) и «Историческіе Анекдоты и Избранныя Изрѣченія Извѣстныхъ Людей» (Харьковъ, 1827). Хотя сочиненіе г-жи Анны Волковой «Утренняя Бесѣда Слѣпаго Старца съ своею Дочерью» издано въ 1824 году, но по наивному заглавію и, вѣроятно, по такому же содержанію, оно можетъ быть смѣло отнесено къ произведеніямъ семисотъ-семидесятихъ годовъ. Впрочемъ, это произведеніе той же самой г-жи Волковой, которая въ 1807 году издала свои стихотворенія, и въ 1826 еще писала стихи. Г-жа Титова издала, въ 1810 году, драму въ пяти дѣйствіяхъ «Густавъ Ваза, или Торжествующая Невинность»; г-жа Катерина Пучкова — «Первые Опыты въ Прозѣ» (Москва, 1812); а въ 1817 году г-жа Марья Болотникова издала «Деревенскую Лиру, или Часы Уединенія. Но чтò всѣ эти писательницы передъ знаменитою въ свое время г-жею Анною Буниною? Она писала въ журналахъ, и потомъ отдѣльно издавала труды свои, писала и переводила, въ стихахъ и въ прозѣ, занималась не только поэзіею, но и теоріею поэзіи. Въ 1808 году, она издала трудъ свой, подъ названіемъ «Правила Поэзіи, сокращенный переводъ аббата Батё, съ присовокупленіемъ россійскаго стопосложенія»; въ 1810 году, издала она «О Счастіи, дидактическое стихотвореніе»; въ 1811, издала она свои «Сельскіе Вечера»; въ 1809—1812, — «Неопытную музу Анны Буниной» въ двухъ частяхъ; въ 1819—1821, вышло «Собраніе Стихотвореній Анны Буниной» въ трехъ частяхъ. Знаменитѣйшее произведеніе г-жи Буниной, была нравственная поэма ея «Фаетонъ». Она, кажется, перевела также и «Науку о Стихотворствѣ» Буало, и вообще не уступала графу Дмитрію Ивановичу Хвостову ни въ талантѣ, ни въ трудолюбіи, ни въ выборѣ предметовъ для своихъ пѣснопѣній. Собраніе стихотвореній г-жи Анны Буниной было издано Россій-

скою Академією. Но и г-жею Буниной не оканчивается еще блистательный списокъ старинныхъ нашихъ писательницъ. Есть еще одна, не менѣ знаменитая, хотя и менѣ извѣстная. Знаете ли вы дѣвицу Марью Извѣкову, читали ли вы романы дѣвицы Марьи Извѣковой?... Если нѣтъ, то бѣгите въ книжную лавку, попросите книгопродавца порыться въ его погребахъ и кладовыхъ— этихъ книжныхъ кладбищахъ— и отыскать вамъ романы дѣвицы Марьи Извѣковой, если ихъ еще не съѣли мыши, и прочтите ихъ какъ можно скорѣе. Чтобъ помочь вамъ въ вашихъ поискахъ, мы поименуемъ ея романы. Ихъ немного, всего три, да за то, куда хороши! «Эмилиа, или Печальныя Слѣдствія Безразсудной Любви» (4 ч. 1806), «Милена, или Рѣдкій Примѣръ Великодушія» (1809); «Торжествующая Добродѣтель надъ Коварствомъ и Злобою» (3 ч. 1809). Какovy одни заглавія—такъ и дышатъ чистѣйшею нравственностью! А содержаніе—еще лучше, еще нравственнѣе, хотя, надо признаться, и невообразимо скучно. Его составляютъ происшествія; въ которыхъ дѣйствуютъ лица безъ образа; горoi же, а особенно героини, отчичаются необыкновенною говорливостью. Такъ, напримѣръ, вы уже знаете черезъ самого автора, что тогда-то и тогда-то было съ героиней: нѣтъ, она сама начнетъ вамъ пересказывать, и гораздо длиннѣе, чѣмъ авторъ уже рассказалъ вамъ, хотя и самъ авторъ не любитъ выражаться коротко. Романы г-жи Извѣковой, кромѣ чистѣйшей нравственности, насквозь проникнуты еще и нѣжнѣйшею чувствительностію, и, вѣроятно, многихъ слезъ стѣдили они прекраснымъ читательницамъ того времени, теперешнимъ почтеннымъ нашимъ тетушкамъ и бабушкамъ. И неблагодарное потомство забыло дѣвицу Марью Извѣкову. забыло совсѣмъ!... Что жъ послѣ этого прочно подъ луною? Гдѣ Греція, гдѣ Римъ, спрашивалъ Байронъ въ своемъ «Чайльдъ Гарольдѣ»; гдѣ романы дѣвицы Марьи Извѣковой? часто спрашиваю я самого себя съ глубокою тоскою, и печально смотрю на современныя произведенія русской литературы... Увы!

вездѣ мрачное царство смерти, вездѣ ея ужасное владычество, вездѣ — даже и въ книжномъ мірѣ! Эта мысль съ особенною силою поражаетъ насъ, которые столько пережили, еще не успѣвъ состарѣться, которые съ такою надеждою, такою гордостью встрѣтили столько великихъ произведений, теперь уже умершихъ для свѣта. Гдѣ теперь всѣ эти «киргизскіе» и другіе «плѣнники»? гдѣ все это множество романтическихъ поэмъ, длинною вереницею потянувшихся за «Кавказскимъ Плѣнникомъ» Пушкина и «Чернецомъ» Козлова? Увы! не только эти скороспѣлыя произведенія недопеченаго романтизма, тогда такъ восхищавшія насъ, не только они не могутъ теперь останавливать нашего вниманія, но мы не нашли бы въ себѣ достаточной отваги, чтобы перечестъ и «Чернеца»; и даже «Руслана и Людмилу» и Кавказскаго Плѣнника» мы теперь перелистываемъ съ улыбкою. Гдѣ теперь правоописательные и нравственно-сатирическіе романы г-на Булгарина, гдѣ его пресловутый «Иванъ Выжигинъ», котораго такъ сильно бранили назадъ тому лѣтъ четырнадцать?— Гдѣ «Черная Женщина» г-на Греча и «Фантастическія Путешествія» барона Брамбеуса? все тамъ же, гдѣ и «Корсаръ» г. Олина, и «Князь Курбскій» г. Бориса Ф(θ)едорова, и романы дѣвицы Марьи Извѣковой!... Давно ли «Московскій Телеграфъ» казался чудомъ учености, глубокой философіи и здравой критики; давно ли казалось, что въ своемъ ходѣ онъ опережалъ самое время? Давно ли «Юрій Милославскій» считался великимъ національнымъ романомъ? А гдѣ слава нашихъ романтическихъ поэтовъ? И кто не считался, назадъ тому около двадцати лѣтъ, кто не считался тогда великимъ романтическимъ поэтомъ? Даже г. Шевыревъ и самъ считалъ себя и другими многими считался поэтомъ — и все это за довольно плохіе стишонки. Давно ли сей великій мужъ російской словесности хлопоталъ о введеніи въ русское стихословіе скрипучихъ октавъ? И какъ напрасно теперь силится онъ, помня старину, блеснуть то плохимъ стихотвореніемъ,

то неслыханно оригинальною критическою статьею? И какъ напрасно, вмѣстѣ съ ними, помня доброе старое время, гг. Языковъ и Хомяковъ стараются спастись отъ волнъ Леты, хватаясь за обломки утлаго въ славянской журналистикѣ челнока — «Москвитянина»... А колоссальная слава гг. Марлинскаго и Бенедиктова—гдѣ же теперь она, если не тамъ, гдѣ слава романовъ дѣвицы Марьи Извѣковой?

Съ Появленія Пушкина гораздо больше стало являться на Руси женщинъ - писательницъ; но извѣстныхъ именъ между ними стало меньше. Это оттого, что имена людей, дѣйствовавшихъ въ началѣ зарождающейся литературы, пользуются извѣстностью даже и безъ отношенія къ ихъ таланту. Когда же литература уже сколько-нибудь установится, тогда, чтобъ получить въ ней почетное имя, нужно имѣть замѣчательный талантъ. И такъ, мы помнимъ, въ Пушкинскій періодъ русской литературы, только четыре женскія имени: княгини З. А. Волконской, которой Пушкинъ посвятилъ своихъ «Цыганъ», г-жъ Лисицыной, Готовцевой и Тепловой. Въ стихотвореніяхъ трехъ послѣднихъ проглядываетъ чувство, особливо въ стихотвореніяхъ г-жи Тепловой: это уже большая разница отъ произведеній прежнихъ стихотворицъ: то были плоды невинныхъ досуговъ, поэтическое вязанія чулковъ, рифмотворное шитье, а здѣсь уже проблескивала поэзія. Правда, помянутыя нами стихотворицы мало писали, и только стихотворенія одной г-жи Тепловой собраны въ отдѣльную книжку-малютку; но можетъ ли быть плодovита поэзія, основанная не на мысли, а на одномъ непосредственномъ чувствѣ?... Чувства никакъ нельзя отнять у стихотвореній г-жи Тепловой, и это чувство высказывалось у ней въ болѣе или менѣе поэтическихъ стихахъ. Напомнимъ здѣсь нашимъ читателямъ хоть одно стихотвореніе г-жи Тепловой; возьмемъ на удачу такъ называющееся «Къ сестрѣ».

Когда наступитъ часъ желанный
Разлуки жизнию туманной,

И отъ земныхъ тяжелыхъ узъ
Я равнодушно отложусь:
Миръ вѣчной жизни, тихій, ясный,
Тогда почиеть на челѣ;
Но пережить тебя ужасно,
Покинуть тяжко на землѣ!
Тогда въ душѣ, для услажденья
Минуты смертнаго томленья,
Я положу завѣтъ святой...
И жди меня въ часы полночи,
Когда людей смежатася очи,
И мѣсяцъ встанеть надъ рѣкой,
Приду на краткое свиданье,
Скажу, что я узнала *тамъ*,
И замогильныя желанья
И тайну неба передамъ.

Остави въ сторонѣ ребяческую мысль этого стихотворенія, кто однакоже не согласится, что оно вылилось изъ души и полно чувства?

Теперь скажемъ по нѣскольку словъ о женщинахъ - писательницахъ, явившихся въ послѣднее время. Елисавета Кузьманъ оставила послѣ себя претолстую книгу, свидѣтельствующую о ея необыкновенно возвышенной душѣ, страстной къ изящному и умѣвшей, черезъ строгое и основательное изученіе, обрѣсти въ эллинской поэзіи осуществленный идеаль этого изящнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствующую и о томъ, что любовь къ поэзіи и способность понимать ее и наслаждаться ею, не всегда одно и то же съ талантомъ поэзіи. — Г-жа Павлова (урожденная Янишь) обладаетъ необыкновеннымъ даромъ переводить стихами съ одного языка на другой; съ равнымъ успѣхомъ переводитъ она съ англійскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ на русскій, и съ русскаго языка на нѣмецкій и французскій. Жаль только, что этому превосходному таланту г-жи Павловой переводить не соотвѣтствуетъ ея талантъ выбирать піесы для перевода. Такъ, напр., съ англійскаго она перевела на русскій нѣсколько

шотландскихъ и англійскихъ народныхъ балладъ, которыя, несмотря на превосходный переводъ, не могутъ имѣть на русскомъ никакого значенія, именно потому что онѣ — народныя. На нѣмецкій языкъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми піесами Пушкина, перевела она нѣкоторыя піесы гг. Языкова и Хомякова, и тѣмъ самымъ, несмотря на превосходный переводъ, отбила охоту у Нѣмцевъ интересоваться русскою поэзіею. И въ то же время г-жа Павлова съ такимъ удивительнымъ искусствомъ передала на французскій языкъ, стихами, «Полководца» Пушкина и «Орлеанскую Дѣву» Шиллера. Однимъ словомъ, еслибъ способность выбора соотвѣтствовала ея таланту, г-жа Павлова, своими превосходными переводами, усвоила бы себѣ прочную славу не въ одной только русской литературѣ. — Графиня Е. П. Растопчина, выступившая на литературное поприще съ 1835 года, въ первыхъ опытахъ своей поэтической дѣятельности обнаружила много чувства и одушевленія при отсутствіи, впрочемъ, какой бы то ни было могучей мысли, которая проникла бы собою всѣ ея произведенія. То, что въ стихотвореніяхъ графини Растопчиной можетъ инымъ показаться мыслию, есть не что иное, какъ отвлеченныя понятія, одѣтыя въ болѣе или менѣе удачный стихъ. Это особенно замѣтно въ ея послѣднихъ стихотвореніяхъ (начиная съ 1837 года по сіе время), въ которыхъ нельзя узнать прежняго стиха даровитой стихотворицы, и въ которыхъ всѣ мысли и чувства кружатся, словно подъ музыку Штрауса, и скачутъ, словно подъ музыку моднаго галопы, или около *я* автора, или въ заколдованномъ кругу свѣтской жизни, не выходя въ сферу общечеловѣческихъ интересовъ, которые только одни могутъ быть живымъ источникомъ истинной поэзіи. — Въ 1839 — 1840 годахъ, были изданы, въ прозаическомъ русскомъ переводѣ, стихотворенія графини Сары Толстой, писанныя ею на нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ. Эти стихотворенія понятны только въ цѣломъ и въ связи съ жизнію юной стихотворицы, похищенной смертію на восемнад-

цатомъ году ея жизни. Всѣ эти стихотворенія проникнуты однимъ чувствомъ, одною думою, и то чувство—меланхолія, та дума—мысль о близкомъ концѣ, о тихомъ покоѣ могилы, украшенной весенними цвѣтами. У Сары Толстой это монотонное чувство и эта однообразная дума высказались поэтически. Стихотворенія Сары Толстой нельзя читать какъ только произведенія поэзіи: вмѣстѣ съ тѣмъ они и поэтическая біографія одной изъ самыхъ странныхъ, самыхъ оригинальныхъ, самыхъ поэтическихъ и по натурѣ и по судьбѣ, и по таланту и по духу, личностей. Это прекрасное явленіе промелькнуло безъ слѣда и памяти. Да и кому нужно у насъ замѣчать такія явленія, не состоящія ни въ какомъ классѣ?... Можетъ-быть, въ этомъ случаѣ, заслуженная извѣстность Сары Толстой много потеряла отъ того, что ея стихотворенія изданы не для публики, а для тѣснаго круга ея родныхъ и знакомыхъ, и при томъ въ довольно плохомъ переводѣ и съ дурно написанномъ предисловіемъ.—Къ замѣчательнымъ явленіямъ послѣдняго времени русской литературы принадлежатъ повѣсти г-жи Жуковой. Въ нихъ много чувства, и онѣ отличаются прекраснымъ разсказомъ: вотъ ихъ неотъемлемыя достоинства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ чужды ироніи, жизнь въ нихъ представляется не въ ея собственномъ цвѣтѣ, а раскрашенная розовою краскою поддѣльной идеализаціи, и оттого характеры дѣйствующихъ лицъ иногда невыдержаны, а иногда и вовсе ложны, и замѣчается отсутствіе цѣлаго, при прекрасныхъ частностяхъ. Однимъ словомъ, даровитая г-жа Жукова принадлежитъ къ тому разряду писателей, которые изображаютъ жизнь не такую, какова она есть, слѣдовательно, не въ ея истинѣ и дѣйствительности, а такую, какою имъ хотѣлось бы ее видѣть. Но, при всемъ этомъ, въ повѣстяхъ г-жи Жуковой уже видно какъ-бы невольное стремленіе, вслѣдствіе духа времени, искать сюжетовъ въ дѣйствительной современной жизни и заботиться о естественномъ изображеніи подробностей быта и ежедневной жизни героевъ, сообразно

сь ихъ положеніемъ въ обществѣ и степени ихъ образованности. Вообще, главное достоинство повѣстей г-жи Жуковой — теплота чувства, и главный ихъ недостатокъ — отсутствіе такта дѣйствительности.

Нельзя сказать, чтобъ въ повѣстяхъ Зенеиды Р-вой русская повѣсть достигла, талантомъ женщины, своего полного развитія, чтобъ она стала выраженіемъ созрѣвшей мысли и вѣрною картиною современнаго общества; но въ то же время нельзя не сказать, что ни одна изъ русскихъ писательницъ не обладала такою силою мысли, такимъ тактомъ дѣйствительности, такимъ замѣчательнымъ талантомъ, какъ Зенеида Р-ва. Созданная ею повѣсть, какъ ея талантъ и жизнь, остановились на полудорогѣ и не дошли до своего полного и конечнаго развитія. Мы не хотимъ и упоминать о полнотѣ чувства, которымъ проникнуты повѣсти Зенеиды Р-вой: это должно само собою подразумѣваться, когда дѣло идетъ о сильномъ талантѣ: какого же порядочнаго математика хвалить за способность комбинировать и соображать? И потому мы прямо приступимъ къ тому, чтó составляетъ существенное достоинство повѣстей Зенеиды Р-вой — къ ихъ мысли.

Въ истинно-поэтическихъ произведеніяхъ, мысль не является отвлеченнымъ понятіемъ, выраженнымъ догматически, но составляетъ ихъ душу, разлитая въ нихъ, какъ свѣтъ въ хрусталѣ. Мысль въ поэтическихъ созданіяхъ — это ихъ паѳосъ, или патосъ. Чтó такое паѳосъ? — страстное проникновеніе и увлеченіе какою-нибудь идеею. Отсюда происходитъ и слово «патетическій». Чтó называется «патетическимъ» въ драмѣ? — Энергія раздраженнаго чувства, которое бурными волнами огненной рѣчи изливается изъ устъ дѣйствующаго лица. Въ такихъ монологахъ всегда видно трепетное, страстное проникновеніе дѣйствующаго лица тою идеею, которая составляетъ собою невидимую пружину всей его дѣятельности, всей энергіи его воли, готовой на все для достиженія своей цѣли. Вотъ этотъ-то паѳосъ и составляетъ собою базисъ и

фонъ твореній всякаго замѣчательнаго поэта. Чтò же составляетъ паюсъ повѣстей Зенеиды Р-вой?—Безъ сомнѣнiя, любовь, ибо всѣ ея повѣсти основаны исключительно на одномъ этомъ чувствѣ. Но любовь есть понятiе слишкомъ общее, которое у всякаго истиннаго таланта должно принять болѣе или менѣе индивидуальный оттѣнокъ, или представляться подѣ особенною точкою зрѣнiя. Посему мало сказать, что любовь составляетъ паюсъ повѣстей Зенеиды Р-вой; надо прибавить— любовь женщины. Всѣ повѣсти этой даровитой писательницы проникнуты однимъ страстнымъ чувствомъ, одною живою идеею, однимъ могучимъ созерцанiемъ, не дающимъ покоя автору и тревожно его наполняющимъ, созерцанiемъ, которое можно выразить такими словами: какъ умѣютъ любить женщины и какъ не умѣютъ любить мужчины. И такъ, основная мысль, источникъ вдохновенiя и завѣтное слово поэзiи Зенеиды Р-вой есть апологiя женщины и протестъ противъ мужчины. Обвинимъ ли мы ее въ пристрастiи, или признаемъ ея мысль справедливою?... Мы думаемъ, что справедливость ея слишкомъ очевидна, и что намъ лучше попытаться объяснить причину такого явленiя, чѣмъ доказывать его дѣйствительность.

Окинемъ бѣглымъ взглядомъ содержанiе всѣхъ повѣстей Зенеиды Р-вой. Первая — «Идеаль». Прекрасная, исполненная ума, души и сердца женщина, закабаленная волею родныхъ въ позорное рабство продажнаго брака, обращаетъ всю силу страстнаго стремленiя своей любящей природы на восхитившаго ее своими созданiями поэта и потомъ, самымъ ужаснымъ для себя образомъ, узнаетъ, что этотъ поэтъ, этотъ ея идеаль, безсовѣстно игралъ ею, завлекая ее мнимою своею взаимностию. Это открытiе стоило ей злой горячки и потомъ полнаго разочарованiя въ возможности какого бы то ни было счастья на землѣ; а поэту, идеалу, это ровно ничего не стоило— онъ остался здоровъ и счастливъ вполне... Вотъ каковы мужчины въ любви! А женщины?— посмотрите, какъ описываетъ

авторъ, своимъ цвѣтистымъ и энергическимъ языкомъ, состояніе бѣдной, разочарованной героини ея повѣсти:

„Я видѣла молодую птичку въ веснѣ ея жизни: она въ первый разъ выпорхнула изъ теплаго гнѣзда; ей представились небо, красное солнце и миръ Божій; какъ радостно забилося ея сердце, какъ затрепетали крылья? Зарапѣ она обнимаетъ или пространство; заранѣ готовится жить и съ первымъ стремленіемъ попадаетъ въ руки ловчаго, который не оковываетъ ея цѣпями, не запираетъ въ клѣтку, нѣтъ, онъ выкалываетъ ей глаза, подрѣзываетъ крылья, и бѣдная живетъ въ томъ же мирѣ, гдѣ были ей общаны свобода и столько радостей; ее грѣетъ то же солнце, она дышитъ тѣмъ же воздухомъ, но рвется, тоскуетъ и, прикованная къ холодной землѣ, можетъ только твердить: *не для меня, не для меня!* Еслибъ заперли ее въ желѣзную клѣтку, она бы исколевала ее и пробилась на волю, или, метаясь, израненная остриемъ желѣза, безъ сожалѣнія разсталась бы съ остальною половиною жизни, когда лучшая половина у нея отнята. Но она не въ клѣткѣ; не крѣпкія стѣны окружаютъ ее; она свободна, и между тѣмъ, вѣчная мгла, вѣчное бездѣйствіе — вотъ удѣлъ моей птички! Вотъ удѣлъ Ольги“.

Героиня повѣсти «Утбалла» всѣмъ жертвуетъ—даже жизнь, рѣшаясь на страшную смерть отъ руки дикихъ изверговъ—чтобъ доставить милому минуту упоенія любовью. И Утбалла, эта очаровательная Калмычка — гибнетъ жертвою своей великодушной рѣшимости; а ея возлюбленный, тотъ, кому принесла она въ жертву молодую жизнь свою?—черезъ нѣсколько лѣтъ его видѣли въ Петербургѣ, въ чинѣ полковника, гуляющаго по Англійской Набережной подъ руку съ прелестною женщиною... Кто она, эта женщина—родственница, или подруга жизни? «Которому извѣстію вѣрить?... (говоритъ авторъ) кажется, второе достовѣрнѣе!»...

Въ повѣсти «Медальонъ» представлены двѣ великодушныя, любящія женщины противъ одного негодяя, изверга-мужчины. Одна изъ нихъ — жертва оболъщенія коварнаго свѣтскаго человѣка, ослѣпла отъ слезъ, узнавъ его вѣроломство; другая, сестра ея, завлекаетъ его тонкимъ кокетствомъ, влюбляетъ въ себя, и когда онъ готовъ на все, даже жениться

на ней, отказываясь отъ выгодной партіи, она читаетъ ему, при многочисленномъ обществѣ, будто бы сочиненную ею повѣсть, а въ самомъ дѣлѣ: разсказъ о его преступномъ поступкѣ съ ея сестрою; открываетъ медальйонъ и показываетъ ему портретъ его жертвы, своей слѣпой сестры... Модный извергъ, вполнѣ почувствовалъ ядовитую горечь женскаго мщенія...

Въ повѣсти «Судъ Свѣта» представленъ мужчина, способный къ любви на жизнь и на смерть, но все-таки не умѣющій любить? недостатокъ довѣренности и дикая, звѣрская ревность къ любимой женщинѣ увлекаютъ его къ безумному убійству и губятъ навсегда предметъ его любви. А эта женщина умѣла любить—и за то погибла жертвою того, кого любила...

«Теофанія Аббиаджіо»—рѣшительно лучшая изъ всѣхъ повѣстей Зенеиды Р-вой—есть самая злая сатира на мужчинъ, самая неумолимая улика имъ въ ихъ тупости и близорукости въ дѣлѣ любви. Александръ Долиньи, герой повѣсти, человекъ съ глубокимъ чувствомъ, съ благородною душою, съ характеромъ не только возвышеннымъ, но и сосредоточеннымъ, непоколебимо твердымъ,—и несмотря на все это, въ вопросѣ о любви, онъ такъ же ничтоженъ, такъ же пошлъ, какъ и всѣ вообще мужчины. — И за то, въ такомъ колоссальномъ величійи является передъ нимъ Теофанія, которую онъ, въ мужской слѣпотѣ своей, считалъ за натуру холодную и неспособную къ любви, и которую онъ промѣнялъ на свѣтскую кокетку, правда, не лишенную страсти, но пустую и мелочную... Какъ жалокъ и смѣшонъ этотъ Долиньи, сконфузившійся отъ вопроса своего знакомаго о висѣвшемъ у него на фракѣ орденѣ, и догадавшійся, изъ разсказа знакомаго, какую глубокою страстью горѣла къ нему Теофанія... И какъ возвышенна эта Теофанія, въ ея молчаливомъ и гордомъ страданіи, въ ея свободномъ примиреніи съ мыслию о бесплодно погибшей жизни и о разрушенныхъ навѣки лучшихъ надеждахъ ея!...

Въ «Любинькѣ» опять мужчина, не умѣющій понять любимой имъ женщины, слѣпой и ограниченный въ дѣлѣ любви, несмотря на всѣ свои достоинства въ другихъ отношеніяхъ, несмотря на то, что онъ человѣкъ благородный, душа восторженная и любящая... И опять женщина подавляетъ мужчину своимъ великодушіемъ, своею безграничною преданностію и свѣтлымъ самопожертвованіемъ въ дѣлѣ любви...

И вотъ, мы насчитали уже шесть повѣстей, проникнутыхъ все одною и тою же мыслию. Есть, правда, у Зенеиды Р-вой двѣ повѣсти, въ которыхъ мужчины показаны даже очень и очень порядочными людьми. Въ «Джеллалединѣ» дѣло представлено даже совсѣмъ наоборотъ. Пламенный, мечтательный, благородный татарскій князь дѣлается жертвою своей безумной страсти къ пустой, легкой женщинѣ. Сочинительница говоритъ отъ себя, въ концѣ, что она встрѣтила героиню своей повѣсти, уже бабушкою и старою сплетницею, лицемерною моралисткою. Но не довѣряйте, въ этомъ случаѣ, искренности сочинительницы: подлѣ пустой женщины, она въ своей картинѣ искусно помѣстила интересную фигуру молодой Татарки Эмины, которая... но мы лучше напомнимъ о ней читателямъ словами самого автора. Описавши погребеніе ошибкою убитаго Джеллалединомъ Бѣлоградова, сочинительница продолжаетъ:

„Неподалеку оттуда, у взморья, гдѣ между горами камней растутъ можжевельникъ и колючій тернъ, валялось другое тѣло, не удостоенное даже погребенія... Ужасны были черты покойника, въ которыхъ самая смерть не могла возстановить спокойствія; на посинѣломъ лицѣ, въ полуоткрытыхъ глазахъ еще отражались страсти и горе; одежда его была изорвана, грудь обнажена и облита кровью, въ широкой ранѣ торчало еще лезвіе кинжала, пальцы замерли и окостенѣли, крѣпко сжимая рукоять...

Напрасно Эмина молила Татаръ и Русскихъ предать тѣло несчастнаго землѣ: Магометане видѣли въ немъ вѣроотступника и справедливое мщеніе пророка; христіане отвергали какъ преступника и самоубійцу... Сердце, истерзанное живо людьми, осуждено было и по

смерти на истерзаніе хищнымъ птицамъ. Одна вѣрная подруга, не покинула его; безъ слезъ, безъ стона, она сидѣла у трупа на камнѣ, сметала сухіе листья, падавшіе ему на голову, и порой отгоняла ворона, который съ крикомъ опускался къ своей добычѣ. Не скоро, одинъ старый казакъ, тронувшись положеніемъ молодой дѣвушки, вырылъ на томъ же мѣстѣ могилу и съ молитвою опустилъ въ нее полуистлѣвшее тѣло. Дѣвушку отвели въ деревню, она убѣжала; ее заперли, она избилась, порываясь на волю. Татары рѣшили, что ею овладѣлъ шайтанъ, который загрызъ ихъ князя, и выпустили ее изъ деревни. Безумная поселилась у взморья; ни осеннія бури, ни зимнія метели не могли прогнать ея; днемъ и ночью она стерегла могилу; иногда кордонные казаки, проѣзжая мимо, бросали ей хлѣбъ и спѣшили удалиться... долго бѣлое покрывало вѣяло у взморья и пугало суевѣрныхъ, наконецъ и оно исчезло. Дѣвушку нашли лежащею ницъ на могилѣ, пальцы ея врылись въ землю, даже ротъ былъ полонъ земли: видно, бѣдняжка, въ принадкѣ безумія, хотѣла отнять у могилы ея достояніе — своего незабвеннаго, вѣчно милаго друга...“

И этотъ Джеллалединъ, при жизни своей, никогда не догадывался и не подозрѣвалъ, что Эмина любитъ его со всѣмъ пыломъ восточной страсти, хотя это и не мудрено было бы замѣтить ему, — и вмѣсто Эмины привязался всею силою глубокаго, энергическаго чувства къ пустой, легкомысленной дѣвчонкѣ... Знаете ли что? — намъ кажется, что мы, назвавъ эту повѣсть исключеніемъ изъ общаго направленія всѣхъ повѣстей Зенеиды Р-вой, должны взять назадъ наше слово. Нѣтъ, это еще болѣе злая сатира на мужчинъ, чѣмъ всѣ прочія повѣсти...

Вотъ другое дѣло повѣсть — «Номерованная Ложа»; ея искренности можно повѣрить, хотя въ ней мужчина представленъ очень и очень порядочнымъ человѣкомъ въ его отношеніяхъ къ любимой имъ женщинѣ. Но за то, эта повѣсть, съ такою счастливою развязкою, ужъ черезчуръ сладенька, а потому и недостойна имени своего автора. Счастливая развязка, какъ всякая ложь, часто портитъ повѣсть...

Содержаніе семи повѣстей, такъ какъ оно изложено нами,

достаточно знакомить читателя съ паѳосомъ поэзіи Зенеиды Р-вой. Теперь мы укажемъ на мѣста, въ которыхъ прямо и сознательно выговаривается задушевная мысль сочинительницы. Вотъ что говоритъ она въ концѣ повѣсти «Джелла-лединъ»:

«Отрадная мысль, что наши заботы, тревоги пролетаютъ какъ гуль въ безграничности пустыни, вздымая лишь нѣсколько песчинокъ, пробуждая только слабый отголосокъ эха, и оставляютъ по себѣ едва замѣтное потрясеніе въ воздухъ, которое, разбѣгаясь въ невидимыхъ кругахъ, все слабѣе, чѣмъ далѣе отъ точки удаленія, исчезаетъ подобно самому звуку въ пространствѣ.

Но грустно думать, что въ этой бѣдной связкѣ дней, называемыхъ жизнью, такъ мало мгновений, достойныхъ названія жизни! Грустно видѣть, какъ часто души чистыя, возвышенныя, прекрасныя сродняются съ душами слабыми, мелочными, созданными только для матеріальнаго прозябанія въ болотахъ земныхъ. Опутанная нерасторгаемыми узами своихъ собственныхъ чувствъ, сильная не можетъ покинуть своей ничтожной подруги, она порывается съ ней къ поднебесью, хочетъ унести ее въ свою родину, отогрѣть ее лучами любви своей, облить ее своимъ блаженствомъ... Напрасно! душа слабая не окрылится, не взлетитъ изъ холодныхъ долинъ въ страны заоблачныя, порой, на мигъ восторженная любовью прекрасной подруги своей, она стремится взоромъ къ небесамъ, но ее пугаютъ и блескъ солнца, и стрѣлы молніи; она страшится доли сына Дедалова, и притягивая къ себѣ свою невинную добычу, медленно губитъ ее, или безжалостно разрываетъ узы, связывающія ее съ нею, не помышляя о томъ, что узы тѣ срослись съ жизнью ея подруги, составлены изъ фибровъ сердца ея, и что, расторгая ихъ насильственной рукой, она убиваетъ ея существованіе!... Вотъ почти обыкновенная доля душъ, которыхъ люди называютъ возвышенными, прекрасными, и которымъ провидѣніе, давая всѣ способности, всю силу постигать, чувствовать и цѣнить счастье жизни, отказываетъ только... въ самомъ счастьи!...»

И роль чистыхъ, возвышенныхъ и прекрасныхъ душъ, по мнѣнію сочинительницы, выпала преимущественно на долю женщинъ, тогда какъ роль души слабой досталась исключительно мужчинамъ. Хотите ли доказательства, что такъ именно думала даровитая Зенеида Р-ва?—Вотъ ея собственные слова:

«Любовались ли вы иногда облаками въ часъ вечерній, когда они стелятся на небосклонъ, развиваются безпредѣльною цѣпью, и сквозь сумракъ обманываютъ взоръ наблюдателя, рисуясь, то спними горами, то лѣсомъ, воздушнымъ дворцомъ феи? И вотъ они сжимаются, тѣснятся и образуютъ одну грозную, черную тучу. Издалека несетя глухой рокотъ; онъ вырывается изъ груди ея, будто стонъ людскаго предчувствія, и вдругъ огненная струя прорѣзываетъ мглу, извивается змѣею, гаснетъ, изрыгнувъ пожаръ и воду на оробѣвшую землю. Безпрерывные удары грома потрясаютъ воздухъ, окрестность вторить его перекатамъ, дождь леть ручьями, вихрь ломаетъ деревья, люди съ трепетомъ думаютъ, что насталь послѣдній день міра. Но проходитъ часъ,—гроза умолкла, черная туча разсѣялась и не осталась никакихъ слѣдовъ мятежа стихій: небо опять чисто и ясно, и земля какъ испуганное дитя улыбается сквозь слезы, которыя еще дрожать на ея лицѣ. Еще часъ, и все возвратится къ прежнему спокойствію. Поэты до сихъ поръ доискиваются тайнаго нравственнаго смысла этого великаго представленія природы; а я такъ думаю, что это просто—пародія печали и отчаянія мужчинъ.

«Но есть облако другаго рода: оно медленно скопляется изъ паровъ сухой, бесплодной почвы, ни одинъ живой источникъ, ни одно озеро не посылаетъ ему должной доли, и незамѣтное какъ тѣнь, оно скитается по поднебесью, не имѣя силы ни жить, ни умереть. Съ зарей вы видите его на востокѣ: оно ожидаетъ появленія солнца, и, кажется, молить свѣтило, чтобъ первые лучи истребили его, чтобъ огонь полудня растопилъ несчастную горсть паровъ. Солнце всходитъ и гордо совершаетъ свой путь, не замѣчая блѣднаго облака. Въ часъ вечера, когда шаръ безъ лучей опускается въ морскую пучину, вы видите то же самое облако на западѣ: оно просится въ бездну, жаждетъ утонуть въ ея холодныхъ объятіяхъ. Солнце снова отталкиваетъ его, бросаетъ въ лазоревое ложе, а облако, по прежнему печальное, одинакое, идетъ скитаться въ пустынь поднебесной. Это облако—печаль и отчаяніе женщины.

«Тоска женщины не пугаетъ людей бурными порывами: ея никто не видитъ и не замѣчаетъ; она западаетъ глубоко въ сердце, и точить его, какъ червь точить корень водяной лиліи. Если веселіе мелькнетъ случайно на лицѣ страдальцы, ея улыбкой полюбуется равнодушный прохожій какъ бѣлоснѣжными листьями цвѣтка, плавающего на поверхности водъ, не думая даже о томъ, что въ корень бѣдной лиліи воссаялся болотный червь, что въ груди ея губительный недугъ, что ядъ струится по всѣмъ ея жиламъ, и что этотъ червь умретъ только подъ гнетомъ камня могильнаго».

Мы совершенно согласны съ авторомъ на счетъ превосходства женщинъ надъ мужчинами въ дѣлѣ любви; мы принимаемъ это превосходство за фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнiю, и только постараемся, какъ съумѣемъ, объяснить причину такого явленiя.

Начнемъ съ того, что женщина болѣе, чѣмъ мужчина создана для любви самою природою. Женщина—представительница земнаго, производительнаго и хранительнаго начала, тогда какъ мужчина представитель начала уметвеннаго, отвлеченнаго, олимпійскаго. Отсюда происходитъ великая разница въ семейственномъ значенiи женщины и мужчины. Женщина мать по призванiю, по душѣ и по крови. Мать есть понятiе живое, дѣйствительное, фактически-существующее; тогда какъ отецъ есть понятiе болѣе или менѣе условное, болѣе или менѣе относительное. Мать любить свое дитя сердцемъ, кровью, нервами, любить его всѣмъ существомъ своимъ: ея любовь прежде всего физическая, естественная, слѣдовательно любовь по преимуществу, любовь какъ любовь. Она носитъ свое дитя у себя подъ сердцемъ, девять мѣсяцевъ питаетъ и раститъ его своею кровью, чувствуетъ въ себѣ первыя жизненныя его движенiя; оно, это дитя—плоть отъ плоти ея и кость отъ костей ея; она рождаетъ его на свѣтъ въ мукахъ и страданiяхъ, и вмѣсто того, чтобъ возненавидѣть, именно за нихъ-то, за эти муки и страданiя еще болѣе любить его. Это маленькое, слабое, крикливое, неопрятное и деспотическое существо, съ перваго дня своего появленiя на свѣтъ дѣлается предметомъ нѣжнѣйшихъ попеченiй и неуспынныхъ заботъ своей матери: она любитъ его безобразiемъ, какъ красотою; его красная, морщиноватая кожа только манитъ ея поцѣлду; въ его бессмысленной улыбкѣ она видитъ чуть не разумную рѣчь и готова начать съ нимъ говорить; ей не противно наблюдать за чистотою этого маленькаго животнаго; ей не тяжело не спать ночи, бодрствуя надъ его ложемъ. И она—бѣдная мать—будетъ любить его всегда, и

прекраснаго и безобразнаго, и умнаго и глупаго, и добраго и злаго, и добродѣтельнаго и порочнаго; и славнаго и неизвѣстнаго... Она равно рыдаетъ и надъ гробомъ своего дитяти-младенца, и надъ гробомъ своего сына-старика, или своей дочери-старухи. Ангель-хранитель младенчества дѣтей своихъ, она другъ ихъ юности, возмужалости и старости. Нѣтъ жертвы, которой бы не принесла она для дѣтей; ихъ счастье—ея счастье; ихъ несчастье—ея несчастье. Нѣтъ ничего святѣе и безкорыстѣе любви матери; всякая привязанность, всякая любовь, всякая страсть или слаба, или своекорыстна въ сравненіи съ нею! Любовница, жена любитъ васъ для себя самой, ваша мать любитъ васъ для васъ самихъ. Ея высочайшее счастье видѣть васъ подлѣ себя, и она посылаетъ васъ туда, гдѣ, по ея мнѣнію, вамъ веселѣе; для вашей пользы, вашего счастья она готова рѣшиться на всегдашнюю разлуку съ вами. Конечно, такихъ матерей не много на бѣломъ свѣтѣ; но вѣдь и женщинъ тоже мало въ этомъ мѣрѣ, а много въ немъ самокъ... Совсѣмъ иначе любитъ отецъ своихъ дѣтей. Во-первыхъ, онъ любитъ ихъ тогда, когда и мать ихъ любима имъ; во-вторыхъ, онъ начинаетъ ихъ любить только съ тѣхъ поръ, какъ они начнутъ становиться и милы и забавны. Ихъ крика и доуки онъ не любитъ. Источникъ любви отца къ дѣтямъ всегда или эгоизмъ, или рефлексія, и никогда—природа «Они мои дѣти—они на меня похожи — они продолжаютъ мое имя — я прижилъ ихъ отъ моей милой—они обнаруживаютъ большія способности—они много общаются въ будущемъ»,—думаетъ про себя дражайшій родитель, — и онъ въ восторгѣ отъ мысли, что онъ любитъ своихъ дѣтей, что онъ не только нѣжный супругъ, но и примѣрный отецъ! Правда, и отецъ можетъ страстно любить дѣтей своихъ, когда его съ ними соединитъ нравственное, духовное родство; но такъ же точно можетъ онъ любить и пріемыша, даже еще больше, чѣмъ собственныхъ дѣтей.

Что мать есть понятіе дѣйствительное, а отецъ—понятіе отвлеченное (говоря философскимъ языкомъ), этому можетъ служить доказательствомъ и то, что мать не можетъ не знать, что именно она сама, а не кто-нибудь другая, мать этого ребенка: ибо она девять мѣсяцевъ носила его подъ сердцемъ и въ болѣзняхъ дѣторожденія произвела его на свѣтъ... Отцы считаютъ себя отцами дѣтей своихъ, опираясь только на свидѣтельствѣ женъ своихъ, не, всегда непреложно-истинномъ... Для всякаго человѣка—большое несчастіе не знать своей матери; для многихъ большое счастье — не знать своихъ отцовъ...

Всѣ люди равно рождаются для любви, и безъ любви ни для кого изъ людей нѣтъ не истиннаго счастья, не истинной жизни; но любовь женщины есть болѣе любовь, чѣмъ любовь мужчины; въ любви женщины больше кровнаго, а потому и больше страстнаго,—тогда какъ въ любви мужчины больше мыслительнаго, если можно такъ выразиться. Давно уже было замѣчено, что женщина мыслить сердцемъ, а мужчина и любить головою. Эту разницу въ характерѣ любви того и другаго пола показали мы въ разницѣ любви матери и любви отца. Та же самая разница найдется и во всякой другой любви. Замѣчено, что мужчины въ любви больше эгоисты, чѣмъ женщины. Если женщина эгоистка, она уже совсѣмъ не живетъ сердцемъ, не ищетъ любви и не требуетъ ея; ея вся жизнь въ расчетѣ. Если же сердце женщины жаждетъ любви, — оно предается мужчинѣ со всѣмъ самозабвеніемъ, со всѣмъ безразсудствомъ слѣпаго великодушія. Мужчина безъ любви не любить жить, и готовъ на всѣ жертвы и на всякое безразсудство—пока не достигъ своей цѣли. Удовлетворивши своей страсти, онъ вспоминаетъ о своей будущности, о своихъ обязанностяхъ, о святыхъ интересахъ своей души, и пр., и чѣмъ болѣе дѣлается эгоистомъ, тѣмъ болѣе видитъ въ себѣ героя. Оттого, женщины-кокетки, женщины, умѣющія владѣть собою и сдающіяся не иначе, какъ долго

мучивъ влюбленнаго въ нихъ мужчину, и даже въ связи съ нимъ умѣющія мучить его, вѣрнѣе и дольше владѣютъ его сердцемъ. Мужчины не дорожатъ легкими побѣдами, хотя бы причина ихъ легкости заключалась въ прямотѣ и безхитрости преданнаго женскаго сердца. Женщины постояннѣе въ любви, и мужчины почти всегда первые охладѣваютъ къ старой связи и жаждутъ предаться новой. Эта способность внезапно охладѣвать и вдругъ чувствовать страшную пустоту и безответность въ сердцѣ, которое недавно еще было такъ полно и такъ дружно отвѣчало биенію другаго сердца,—эта несчастная способность бываетъ для благородныхъ мужскихъ натуръ источникомъ не только невыносимыхъ страданій, но и совершеннаго отчаянія. Женщины всегда готовы любить,—мужчина можетъ любить только при извѣстной настроенности своего духа; женщинѣ никогда и ничто не мѣшаетъ любить;—у мужчины есть много интересовъ, могущественно борющихся съ любовью и часто побѣждающихъ ее. Женщина всегда готова для замужества, независимо отъ ея лѣтъ и опыта,—мужчина только въ извѣстные лѣта и при извѣстномъ развитіи черезъ жизнь и опытъ пріобрѣтаетъ нравственную возможность жениться; ему надо дорасти и развиться до нея; иначе онъ несчастнѣйшій человѣкъ черезъ нѣсколько же дней послѣ своей свадьбы. Женщина, вдругъ охладѣвшая къ своему мужу и увлеченная роковою страстью къ другому—есть исключеніе изъ общаго правила; мужчина съ поэтически-живою натурою всю жизнь свою привязанный къ одной женщинѣ—есть тоже очень рѣдкое исключеніе. Все это совершенная правда; но основываясь на всемъ этомъ, еще не слѣдуетъ изрекать ни безусловнаго благословенія на женщинѣ, ни безусловнаго проклятія на мужчинѣ: ибо все имѣетъ свои причины, слѣдственно, свое разумное оправданіе.

Мы охотно соглашаемся въ томъ, что сама природа создала женщину преимущественно для любви; но изъ этого

еще не слѣдуетъ, чтобъ женщина только на одно то и родилась, чтобъ любить: напротивъ, изъ этого слѣдуетъ, что женщина подъ преимущественнымъ преобладаніемъ характера любви и чувства создана дѣйствовать въ тѣхъ же самыхъ сферахъ и на тѣхъ же самыхъ поприщахъ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина подъ преимущественнымъ преобладаніемъ ума и сознанія. А между тѣмъ, общественный порядокъ обрекъ женщину на исключительное служеніе любви и преградилъ ей пути во всѣ другія сферы человѣческаго существованія. Гаремы только фактически принадлежать Востоку: въ идеѣ, они принадлежность и просвѣщенной Европы и всего міра. Извѣстно физиологически, что каждое наше чувство съ особенною силою развивается на счетъ другихъ чувствъ: потерявшіе слухъ лучше начинаютъ видѣть, ослѣпшіе — лучше слышать, тоньше осязать. Удивительно ли, что вся сила духовной природы женщины выражается въ любви, когда у женщины не отнято только одно право любить, а всѣ другія человѣческія права рѣшительно отняты? Удивительно ли, вмѣстѣ съ тѣмъ, что тогда въ женщинахъ становится недостаткомъ именно то, что должно бы составлять ихъ высочайшее достоинство? Исключительная преданность любви дѣлаетъ ихъ односторонними и требовательными: онѣ, кромѣ любви, не хотятъ признать ничего на свѣтѣ, и требуютъ, чтобъ мужчина, для любви, забылъ всѣ другіе интересы—и общественные вопросы, и общественную дѣятельность, и науку, и искусство, и все на свѣтѣ. Это разрушаетъ равенство: ибо тогда мужчина не совѣмъ безъ основанія начинаетъ видѣть въ женщинѣ низшее себя существо. Не совѣмъ безъ основанія сказали мы: ибо дѣйствительно, какую сдѣлало ее воспитаніе и разныя общественныя отношенія, она — низшее въ сравненіи съ нимъ существо, хотя въ возможности, какую создала ее природа, она столько же не ниже его, сколько и не выше. Это неравенство рождаетъ разныя отношенія одной стороны къ другой. Въ мужчинѣ является родъ презрѣнія и къ жен-

шинѣ, и къ чувству любви, а вслѣдствіе этого охлажденіе, которое дѣлаетъ невыносимою неразрывность связывающихъ ихъ узъ. Въ женщинѣ, напротивъ, самая опасность потерять сердце любимаго ею человѣка только усиливаетъ ея любовь и дѣлаетъ ее навязчивѣе и требовательнѣе. Сверхъ того, продолжительность, или неизмѣняемость чувства можетъ быть дорога и почтенна только какъ призракъ того, что обѣ стороны нашли другъ въ другѣ полное осуществленіе тайныхъ потребностей своего сердца; иначе, это — или простая привычка (дѣло тоже очень хорошее, если результатъ бываетъ счастье), или донъ-кихотская добродѣтель, способная удивлять и восхищать только сухихъ и мертвыхъ моралистовъ-резонеровъ, да еще романтическихъ поэтовъ-мечтателей. Если внезапныя охлажденія чувства къ однимъ предметамъ и столь же внезапныя возгаранія чувства къ другимъ предметамъ, если они бываютъ дѣйствительно: значить, возможность ихъ заключена въ природѣ сердца человѣческаго, и тогда они — не преступленіе и даже не несчастіе. Кто способенъ понять это, тому всегда легче перенести подобный разрывъ, и тотъ всегда, послѣ него, сохранитъ свое нравственное здоровье и свою способность вновь быть счастливымъ любовью. Изъ мужчинъ, нѣкоторые это понимаютъ, и очень многіе чувствуютъ это бессознательно; что же касается до женщинъ, изъ нихъ могутъ понимать это развѣ только одаренныя гениальною натурою. Женщина, съ колыбели, воспитывается въ убѣжденіи, что она всю жизнь должна принадлежать одному, принадлежать въ качествѣ вещи. И потому, нѣкоторые изъ нихъ иногда обрекаютъ себя, послѣ смерти мужа, вѣчному вдовству—родъ индійскаго самосожженія на кострѣ умершаго мужа!... Благодаря романтизму среднихъ вѣковъ, право, мы, въ дѣлѣ женщинъ, ушли не дальше Индійцевъ и Турковъ!... И такъ, способность привязываться всѣми силами души къ одному предмету зависитъ въ женщинахъ не отъ одной только природной способности къ любви, но

отъ нравственнаго рабства, въ которомъ держить ихъ общественное мнѣніе, и которому онѣ сами покоряются съ такою добровольною готовностію, съ такимъ даже фанатизмомъ. Получая воспитаніе хуже, чѣмъ жалкое и ничтожное, хуже, чѣмъ превратное и неестественное, скованныя по рукамъ и по ногамъ желѣзнымъ деспотизмомъ варварскихъ обычаевъ и приличій, жертвы чуждой безусловной власти всю жизнь свою, до замужества рабы родителей, послѣ замужества— вещи мужей, считая за стыдъ и за грѣхъ предаться вполнѣ какому-нибудь нравственному интересу, напримѣръ, искусству, наукѣ,—онѣ, эти бѣдныя женщины, всѣ запрещенныя имъ кораномъ общественнаго мнѣнія блага жизни хотѣтъ, во что бы ни стало, найти въ одной любви,—и, разумѣется, почти всегда горько и страшно разочаровываются въ своей надеждѣ. Измѣнила мужчинѣ надежда на что-нибудь,—сколько у него выходовъ изъ горя, сколько дорогъ на поприщѣ жизни, которыя могутъ вести его къ той или другой цѣли! Измѣнила женщинѣ любовь,—ей ничего уже не остается въ жизни, и она должна пасть, погибнуть подъ бременемъ постигшаго ее бѣдствія или умереть душою для остальнаго времени своей жизни, сколько бы ни продолжалась эта жизнь. Не говорите ей объ утѣшеніи, не маните ее надеждою, не указывайте ей на очарованіе искусствъ, на усладу науки, на блаженство высокаго подвига гражданскаго: ничего этого не существуетъ для нея! Возвратите ей любовь любимаго ея, пусть вновь сидитъ онъ подлѣ нея, да глядитъ, въ упоеніи страсти, въ ея сіяющія блаженствомъ очи! Бѣдная, для нея въ этомъ столько счастья, тогда какъ только Маниловъ-мужчина способенъ найти въ этомъ все свое счастье...

И такъ, даровитая Зенеида Р—ва, сознавши существованіе факта, была чужда сознанія причинъ этого факта. Но къ чести ея надо сказать, что она глубоко понимала униженное положеніе женщины въ обществѣ и глубоко скорбѣла о немъ; но она не видѣла связи между этимъ униженнымъ положе-

ніемъ женщины и ея способностью находить въ любви весь смыслъ жизни. Мысль объ этомъ состояніи униженія, въ которомъ находится женщина, составляетъ вторую живую стихію повѣстей Зенеиды Р.—вой. И потому, нельзя сказать, чтобъ весь пафосъ ея поэзіи заключался только въ мысли: какъ умѣютъ любить женщины, и какъ не умѣютъ мужчины любить; нѣтъ, онъ заключается еще и въ глубокой скорби объ общественномъ униженіи женщины и въ энергическомъ протестѣ противъ этого униженія. Повѣсть «Судъ Свѣта» написана преимущественно подъ влияніемъ этой идеи, которая, однакожь, органически связывается съ идеею о высокой способности женщины къ безграничной любви. Повѣсть «Напрасный Даръ» исключительно посвящена выраженію идеи объ общественномъ невольничествѣ царицы общества, невольничествѣ столь великомъ и безвыходномъ, что для женщины величайшее несчастіе имѣть призваніе къ чему-нибудь возвышенно-человѣческому, кромѣ любви. Въ повѣсти «Идеаль» эта мысль высказана прямо, устами героини, въ разговорѣ ея съ своею подругою:

«Но какой злой геній такъ исказилъ предназначеніе женщины? Теперь она рождается для того, чтобы нравиться, прельщать, увеселять досуги мужчинъ, рядиться, плясать, владычествовать въ обществѣ а на дѣлѣ быть бумажнымъ царькомъ, которому паяцъ кланяется въ присутствіи зрителей, и котораго онъ бросаетъ въ темный уголокъ наединѣ. Намъ воздвигаютъ въ обществахъ троны; наше самолюбіе украшаетъ ихъ, и мы не замѣчаемъ, что эти мишурные престолы — о трехъ ножкахъ, что намъ стоить немного потерять равновѣсіе, чтобъ упасть и быть растоптанной ногами ничего не разбирающей толпы. Право, иногда кажется, будто міръ Божій созданъ для однихъ мужчинъ: имъ открыта вселенная со всеми таинствами; для нихъ и слава, и искусства, и познанія; для нихъ свобода и всѣ радости жизни. Женщину отъ колыбели сковываютъ цѣпями приличій, опутываютъ ужаснымъ «что скажетъ свѣтъ?» — и если ея надежды на семейное счастье не сбудутся, что остается ей внѣ себя? Ея бѣдное, ограниченное воспитаніе не позволяетъ ей даже посвятить себя важнымъ занятіямъ, и она поневолѣ должна броситься въ омутъ свѣта, или до могилы влечить безцвѣтное существованіе!...

— Или избрать мечту и привязаться къ ней всей силою души, влюбиться заочно, посылать по почтѣ зефировъ вздохи и изъясненія своему идеалу за двѣ тысячи верстѣ, и питаться этою платоническою любовію. Не такъ ли?...

Первое страшно, потому что слишкомъ серьёзно, а второе странно, потому что слишкомъ смѣшно и пошло—не правда ли?... А между тѣмъ, все сказанное сочинительницею—такая очевидная, такая ужасная истина... Но вотъ еще нѣсколько строкъ изъ исповѣди женщины въ повѣсти «Судъ Свѣта»:

При безпрестанномъ движеніи войскъ, я всюду слѣдовала за мужемъ; вездѣ, всегда была одинакова, не измѣнила ни мнѣній, ни поступковъ моихъ. Люди съ умомъ вездѣ дарили меня вниманіемъ! глушцы сплетали противъ меня пелѣныя выдумки. Но есть третій сортъ людей, наиболѣе опасный для всего, что выходитъ изъ круга обычнаго. Часто люди эти обладаютъ умомъ и многими достоинствами, но умъ ихъ ни довольно силенъ, чтобы укротить владычествующее надъ ними самолюбіе, ни довольно слабъ, чтобы, ослѣпившись дерзкою самоувѣренностью, ставить себя выше прочаго видимаго творенія. Они чувствуютъ свои недостатки, и всякое превосходство ближняго принимаютъ за личное оскорбленіе; они не могутъ простить другому и тѣни совершенства. О, эти люди страшнѣе зачумленныхъ. Надъ пошлымъ злоязычіемъ дурака смѣются; но ихъ осторожнымъ навѣтамъ, ихъ обдуманной, правдоподобной клеветѣ не могутъ не вѣрить. Эти-то вольноопредѣляющіеся кандидаты въ гени и составляютъ верховное судилище: они-то наиболѣе ожесточались противъ меня, и отъ нихъ разсѣвались идовитѣйшія вѣсти.

Люди—дѣти вѣчно озабоченные, вѣчно суетящіеся. Торопясь за неуловимымъ «завтра» имѣють ли они досугъ разбирать и разлагать сущность вещи, поражающей ихъ взоры?... Мимходомъ они бросаютъ бѣглый взглядъ на ея наружный видъ и только объ этой наружности уносятъ съ собою воспоминаніе. Не ихъ вина, что взоръ часто падаетъ на предметъ не съ настоящей точки зрѣнія: они какъ вѣдлы, такъ разсудили и осудили. Они правы!

Горе женщинъ, которую обстоятельство, или собственная неопытная воля возносятъ на пьедесталь, стоящій на распутьи бѣгущихъ за суетностію народовъ! Горе, если на ней остановится вниманіе людей, если къ ней они обратятъ свое легкомысліе, ее изберутъ цѣлю

взоровъ и сужденій! И горе, стократъ горе ей, если обольщенная своимъ опаснымъ возвышеніемъ, она взглянетъ презрительно на толпу, волнующуюся у ногъ ея, не раздѣлить съ ней игръ и прихотей, и не преклонить головы предъ ея кумирами!

Я поняла наконецъ эту великую истину, и отъ всей души примирилась съ моими гонителями.»

Этихъ указаній и выписокъ слишкомъ достаточно для того, чтобы читатели наши увидѣли, какъ неизмѣримо выше всѣхъ предшествовавшихъ ей писательницъ, и въ стихахъ и въ прозѣ, стоитъ Зенеида Р—ва. Ея повѣсти не наполнены сладкими чувствованьями и розовыми мечтаницами; нѣтъ, онѣ проникнуты одною могучею мыслию, которая преслѣдовала ее всю жизнь и не давала ей покоя. Какъ авторъ, какъ поэтъ, Зенеида Р—ва имѣла бы право примѣнить къ себѣ эти стихи Лермонтова:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну—но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.

.

Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской,
Ея предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.

Безсмысленныя чувства и розовенькія чувствованья начинаютъ уже надоѣдать въ нашей литературѣ. Право на общее вниманіе теперь могутъ имѣть только писатели, возвысившіеся до мысли. Зенеида Р—ва принадлежитъ къ тѣсному кругу такихъ писателей, и есть единственная у насъ писательница въ этомъ родѣ.

Теперь о степени таланта и художественномъ достоинствѣ повѣстей Зенеиды Р—вой. Одинъ журналъ, хваля слогъ Зенеиды Р—вой, и давая подъ рукою знать, что этимъ сло-

гомъ она была обязана сколько своей понятливости, столько и замѣчаніямъ, намекамъ и совѣтамъ его (журнала),—вотъ что, между прочимъ, говорить о Зенеидѣ Р—вой, объявляя себя посмертнымъ ея другомъ: «Ея Утбалла, Джеллалединъ и Медальонъ безспорно—однѣ изъ лучшихъ повѣстей, какія были въ то время написаны въ Европѣ: онѣ общали русской словесности талантъ истинно-писательскій (?!), равный по оригинальности таланту Жоржа Занда (sic!), но еще болѣе пріятный и несравненно болѣе прочный (вотъ какъ!)». Для знающихъ этотъ журналъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ этомъ возгласѣ: это тотъ самый журналъ, который шутить и потѣшаетъ наукою, искусствомъ, критикою и правдою, и который нѣкогда, упавъ на колѣни, закричалъ: «великій Гете! великій Кукольникъ!» Мнѣніе этого журнала о Зенеидѣ Р—вой—явно шутка. Это доказывается и тѣмъ, что онъ сѣтуетъ, зачѣмъ изданы сочиненія Зенеиды Р—вой, не считая ихъ заслуживающими особеннаго изданія; это же доказывается и языкомъ, которымъ написана рецензія о повѣстяхъ Зенеиды Р—вой. Послушайте: «Эти забытыя (?) вещи перебьютъ дорогу многому изъ того, что другіе могутъ вновь выдумать. Что вы теперь помните изъ сочиненій Зенеиды Р—вой? Возьмите книгу, и прочитайте вторично, посмотрите, какъ это ново, какъ свѣжо, какъ благоухаетъ теплою весною сердца, какъ всегда будетъ свѣжо, ново и благоуханно, потому что эти страницы, полныя тоски, страданія, огненныхъ, но неопредѣленныхъ желаній, вырвались изъ блестящихъ далекихъ облакъ (?) юной мечты, упали на землю съ дождемъ безотчетныхъ слезъ (!), съ громовыми ударами молодого сердца (!!), созданнаго для благородныхъ страстей, стремившихся къ высокому, къ прекрасному, къ отвлеченному, къ тому, чего не существуетъ на землѣ—блаженству ангеловъ,—къ счастью, которое постигаютъ однѣ только женщины, которымъ онѣ вѣчно стараются овладѣть и которое вѣчно отъ нихъ ускользаетъ». Прочтя этотъ наборъ словъ, кто не скажетъ,

что мнѣніе помянутаго журнала о сочиненіяхъ Зенеиды Р—вой — просто шутка, или мистификація?

Нѣтъ, мы не скажемъ, чтобъ Зенеида Р—ва была по таланту выше Жоржъ Занда, или равнялась съ нимъ; мы даже думаемъ, что между этими двумя талантами — неизмѣримое пространство... Это только со стороны таланта, а между тѣмъ, вѣдь талантъ не составляетъ еще всего въ писателѣ: кромѣ таланта, должно еще быть направленіе таланта, содержаніе его твореній. Такая поэзія, какъ поэзія Жоржъ Занда, приготовлена огромнымъ общественнымъ развитіемъ, перешедшимъ черезъ многія измѣненія и процессы историческіе, наши же писатели, даже и повыше Зенеиды Р—вой, подобно эху, повторяютъ въ своихъ твореніяхъ отблески и отзвуки чуждыхъ намъ цивилизацій и общественностей.

Что у Зенеиды Р—вой былъ талантъ, и притомъ замѣчательный, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ дарованій, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но что ея талантъ не былъ развитъ, что онъ вѣчно колебался въ какой-то нерѣшительности — это также правда. Вотъ почему ея повѣсти имѣютъ большой недостатокъ со стороны художественности. Характеры дѣйствующихъ лицъ не довольно рѣзко очерчены и часто похожи другъ на друга, разнясь только положеніемъ, въ какомъ описываетъ ихъ сочинительница. Подробности быта и колоритъ мѣстности не довольно поражаютъ своею вѣрностію и яркостію. Но главный и существенный недостатокъ сочиненій Зенеиды Р—вой, это отсутствіе ироніи и юмора, и присутствіе какого-то провинціального идеализма à la Марлинскій. Для доказательства справедливости нашего мнѣнія, возьмемъ, для примѣра, повѣсть «Идеаль». Полковница Гольцбергъ влюбляется заочно въ новаго поэта, начитавшись его произведеній; «но тщетно Ольга стремитъ къ нему душу и мысли свои; онъ высокъ, далекъ, и не замѣчаетъ ея въ толпѣ своихъ поклонницъ». Случилось ей по несчастію быть въ Петербургѣ, въ театрѣ, при представленіи новой драмы ея

«идеала». Когда вызвали автора (а у насъ—вы знаете—вызываютъ громко и долго),—щеки Ольги загорѣлись багровымъ пѣвтомъ пылающей крови, и въ ту минуту можно было принять ее за жрицу дельфійскую, ожидающую съ упованіемъ и тоской появленія духа». Но поэтъ не вышелъ. Мужъ зоветъ Ольгу домой, а она, въ забытьѣ, не двигается съ мѣста изъ своей ложи. Вдругъ въ сосѣдную ложу входитъ человѣкъ, котораго привѣтствуютъ, какъ автора игранный пѣсы, поздравляютъ съ успѣхомъ и называютъ Анатоіемъ. Ольга вскрикиваетъ: «Анатолій», хватается за спинку кресла, чтобъ не упасть, плачетъ и не спускаетъ глазъ съ своего «идеала», а сочинительница, слогомъ повѣстей Марлинскаго, оправдываетъ свою героиню въ ея смѣшной выходкѣ. Вообще, эта Ольга любить выразаться въ обществѣ восторженнымъ языкомъ, который, будучи неумѣстенъ, всегда бываетъ смѣшонъ. На балѣ спросили ее, любить ли она стихотворенія Анатоія Т—го: она отвѣчала: «Люблю ли я? Укажите мнѣ женщину, которая не находила бы въ его небесныхъ твореніяхъ отголоска собственныхъ чувствъ? которая не бредитъ имъ, не обожаетъ его?» Подруга ея юности спрашиваетъ у нея: неужели холодъ годовъ и опыта не остудилъ ея ребяческой страсти къ незнакомому человѣку? Ольга отвѣчаетъ ей, словно по книгѣ: «къ незнакомому человѣку? Вѣра! что это значить? И ты можешь говорить, что онъ незнакомъ мнѣ? Мнѣ незнакомъ Анатоій? Мой идеаль? Мой поэтъ, котораго пѣсни пробудили мое дѣтское воображеніе, одушевили его жизнью, образовали мою душу? Кто же услаждалъ мое одиночество, кто утѣшалъ меня въ горѣ, кто удваивалъ мои радости, какъ не онъ, не Анатоій! И ты говоришь, что я люблю незнакомаго мнѣ человѣка! Нѣтъ, я сроднилась съ каждою его мыслию; я знаю всѣ изгибы его благороднаго сердца; я его обожаю; я жертвую послѣднею радостью жизни моей, небогатою утѣхами, послѣднею каплею крови, я отдамъ душу свою для продолженія его жизни. . Да, да; я люблю его, но я люблю не

земною любовію, я люблю не человѣка...» Такая любовь именно ребяческая и смѣшная любовь, а такой способ выраженія очень сбивается на риторику. Да и вообще, все это очень неестественно и неправдоподобно. Восторженная Ольга встрѣчается съ своимъ «идеаломъ» въ одномъ знакомомъ домѣ; разъ онъ ни съ того, ни съ сего начинаетъ ей объясняться въ любви, говоря ей «ты»; страницахъ на трехъ тянется самый фразистый разговоръ. Удивительно, какъ Ольга не захохотала, слушая всю эту натянутую галиматью; она даже повѣрила ей и увлеклась ею. Поэтъ скрылся на нѣсколько дней отъ Ольги, распустивъ слухъ о своей тяжелой болѣзни. Бѣдная женщина рѣшается уйти съ бала, чтобъ навѣстить тайкомъ умирающаго поэта... Его не было дома, — и Ольга прочла на его столѣ письмо къ пріятелю, въ которомъ онъ смѣется надъ Ольгою и ея любовью, и съ циническою откровенностію говоритъ о своихъ намѣреніяхъ. Ольга бросилась вонъ... но вы сами можете прочесть повѣсть, если еще не читали ея, и увидѣть, какъ ребячески - идеально и дѣтски-неправдоподобно ея содержаніе. Прибавимъ только, что когда эта повѣсть была напечатана въ одномъ журналѣ, сцена возвращенія домой поэта была исполнена самыхъ грязныхъ, циническихъ подробностей, а поэтъ былъ представленъ пьянымъ: это была дружеская услуга досужаго журналиста, охотника поправлять чужія сочиненія. Въ изданіи «Сочиненій Зенеиды Р—вой», печатавшемся съ подлинной рукописи покойной сочинительницы, эти позорныя для памяти женщины прибавки, разумѣется, исключены.

Развязка повѣсти «Медальонъ» довольно изысканно основана на литературныхъ вечерахъ и чтеніяхъ посѣтителей кавказскихъ минеральныхъ водъ: черта совершенно чуждая русскому обществу! Развязка повѣсти «Судъ Свѣта» чрезвычайно изысканно и натянута основана на сходствѣ лицъ и на *qui pro quo*, вслѣдствіе котораго неистовый обожатель героини повѣсти брата ея принялъ за ея любовника. При-

томъ же героиня этой повѣсти ужъ черезчуръ ребячески и приторно идеальна, какъ это можно видѣть изъ этихъ словъ ея: «Знаете ли что, еслибъ въ ту пору какой-нибудь случай, возвративъ мнѣ свободу, дозволилъ намъ открыть чувства наши предъ глазами всего свѣта, я отвергла бы соединеніе съ вами изъ опасенія гласности любви моей, изъ одной боязни, чтобъ двухсмысленная рѣчь людей, завистливый взоръ ихъ не осквернили ея чистоты, чтобъ ихъ нескромныя улыбки; даже случайная неосторожность, не оскорбили ея непорочности?» И естественно ли, чтобъ изъ устъ такой женщины вышли эти громовыя слова, свойственныя только душѣ великой и крѣпкой: «Судъ свѣта теперь тяготѣетъ на насъ обоихъ: меня, слабую женщину, онъ сокрушилъ, какъ ломкую тросточку; васъ, о! васъ, сильнаго мужчину, созданнаго бороться со свѣтомъ, съ рокомъ и со страстями людей, онъ не только оправдаетъ, но даже возвеличитъ, потому что члены этого страшнаго трибунала все люди малодушныя. Съ позорной плахи, на которую онъ положилъ голову мою, когда уже роковое желѣзо смерти занесено надъ моею невинной шеей, я еще зываю къ вамъ послѣдними словами устъ моихъ: Не бойтесь его!... онъ рабъ сильнаго и губить только слабыхъ»... Такія строки могутъ вырываться только изъ-подъ пера писателей съ великою душою и великимъ талантомъ...

Героиня «Номерованной Ложи» не хочетъ выйдти за мужъ за человѣка, доказавшаго ей свою безграничную любовь и преданность, — не хочетъ за него выйдти, потому что еще живъ ея мужъ, который, ограбивъ ее, развелся съ нею... Она — видите — боится увидѣть въ себѣ клятвопреступницу, и выходитъ за мужъ за своего обожателя тогда только, какъ прежній мужъ былъ убитъ гдѣ-то на время... Вотъ ужъ подлинно романтизмъ, который и въ средніе вѣка удивилъ бы всѣхъ своею нелѣпостію!... Но провинціи онъ нравится и теперь — разумѣется, въ повѣстяхъ...

«Джеллалединъ» и по завязки и по колориту, крѣпко отзывается марлинизмомъ...

«Любинька», при первомъ появленіи своемъ въ печати, возбудила, какъ говорится, фуроръ въ публикѣ. Неудивительно: повѣсть эта, по содержанію и по характерамъ, самое пансіонское произведеніе. Одинъ только характеръ въ ней мастерски отдѣланъ: это характеръ злой мачихи, Антонины Михайловны. Смѣшнѣе всѣхъ характеры Евгенія Задольскаго и Валеріана Стрѣльнева, особенно послѣдняго, ибо онъ преуморительно идеаленъ и преидеально смѣшонъ, съ своею Оттиліею, своими страданіями и своимъ ужасомъ при мысли о незаслуженномъ проклятіи обманутаго отца, слабого, полоумнаго старика. Характеръ Любиньки хорошъ отвлеченно, но не живымъ поэтическимъ образомъ. Завязка повѣсти основана на недоразумѣніи, которое могло бы разрѣшиться личнымъ свиданіемъ сына съ отцомъ, а развязка основана на Deus ex machina. Вообще, повѣсть и длинна и скучна. Сама сочинительница чувствовала это. Обѣщавъ ее въ нашъ журналъ, она прислала вмѣсто ея первую часть «Напраснаго Дара», объясняя, въ письмѣ къ намъ, причину этого такимъ образомъ: «можетъ быть, вамъ покажется страннымъ, что, обѣщавъ прислать готовую повѣсть, я посылаю половину другой, еще не совсѣмъ оконченной. Что дѣлать! Та повѣсть, о которой я говорила, точно лежитъ у меня и ожидаетъ только послѣдней поправки, чтобъ явиться свѣту; но у меня, какъ дѣти у капризныхъ матерей, есть повѣсти любимыя и не любимыя. Та повѣсть длинна, я долго работала надъ нею, она надоѣла мнѣ—пусть полежитъ, забудется, тогда я опять приймусь, окончательно исправлю ее и отпущу на волю», Намъ, впрочемъ, весьма нравится одно мѣсто въ «Любинькѣ»; оно не длинно, и мы можемъ его здѣсь выписать: «Онъ понималъ, что въ жизни человѣка существенность, такъ унижаемая поэтами, одна существенна, слѣдственно одна можетъ быть источникомъ всего прекраснаго, возвышеннаго, какъ и

всего дурнаго; онъ понялъ, что эта существенность есть корень нашего бытія, корень нерѣдко грязный, всегда некрасивый, но дающій соки и силу лучшимъ цвѣтамъ міра—мыслямъ и чувствамъ человѣка; и что отъ насъ зависитъ облагородить происхожденіе растенія, стараясь, чтобы цвѣты его не были пустоцвѣтомъ, чтобъ, пройди пору цвѣтенія, они не разлетѣлись напрасно по вѣтру, а дозрѣли бы въ плодъ пользы и добра». Глубокая мысль!

Повѣсти: «Судъ Божій» и «Воспоминаніе Желѣзноводска» ниже всякой критики и не стоять упоминовенія. Это самая смѣшная марлиница.

Лучшая повѣсть Зенеиды Р—вой, это, безъ сомнѣнія, «Теофанія Аббїаджіо». Содержаніе ея глубоко, завязка, развязка, и рассказъ благородно просты, при необыкновенномъ искусствѣ, съ какимъ они ведены. Характеры очеркнуты превосходно, особенно характеръ героини. Слогъ повѣсти—образцовый. Можно указать на одинъ только недостатокъ: зачѣмъ Долинни рассказываетъ свою исторію подъ вымышленнымъ именемъ своего небывалаго друга, и кому же рассказываетъ?—Ольгѣ, которая знаетъ, о комъ идетъ рѣчь, и Теофаніи, которая ничего не знаетъ. Это замашка старинныхъ романовъ, эффектъ довольно истертый. За исключеніемъ этого, вся повѣсть—одинъ изъ перловъ русской литературы.

Несмотря на нѣкоторую изысканность и неправдоподобность въ завязкѣ, «Утбалла» кажется намъ лучшею повѣстью послѣ «Теофаніи Аббїаджіо»: въ ея рассказѣ много увлекающей силы.

Первая половина «Напраснаго Дара» нѣсколько изысканна по содержанію. Дѣвушка, мучимая призваніемъ къ поэзіи—мысль довольно отвлеченная, корень которой не дѣйствительность, а рефлексія поэта. И не въ такомъ быту, какъ тотъ, въ которомъ помѣстила сочинительница свою вдохновенную Анюту, неизбѣжная гибель благородныхъ существъ происходитъ у насъ не столько отъ поэтическаго ихъ призванія, а отъ противоположности ихъ человѣческихъ (гуманныхъ) на-

туръ съ окружающими ихъ животными натурами. Эта мысль проще, за то вѣрнѣе и болѣе годится въ основу повѣстей, сюжетъ которыхъ берется изъ міра русской жизни. Вообще, вся первая часть «Напраснаго Дара» такъ и дышитъ какимъ-то бурнымъ, порывистымъ, но невыдержаннымъ вдохновеніемъ, и потому она шевелить, будитъ душу читателя, но не удовлетворяетъ ея. Въ ней есть что-то, но чего-то и недостаетъ. Вторая часть была удовлетворительнѣе, но она не кончена и прервалась на самомъ интересномъ мѣстѣ. Мысль ея проще. Вотъ что писала о ней къ намъ сочинительница: «Первая и вторая часть этой повѣсти соединяются только одною идеею; межъ ихъ лицами и происшествіями нѣтъ ничего общаго, это двѣ отдѣльныя фантазіи на одинъ тонъ. Въ первой я говорила о силѣ умственной, во второй выражу силу чувствъ». Значить: во второй части подъ напраснымъ даромъ разумѣлось бы не призваніе къ какому-нибудь искусству, а просто сильная способность чувствовать. Это было бы лучше.

Что сказали мы о первой части «Напраснаго Дара», то болѣе или менѣе можетъ относиться вообще къ повѣстямъ Зенеиды Р—вой. Почти во всякой изъ нихъ чувствуете страшную внутреннюю силу, и потомъ не видите положительныхъ результатовъ этой силы. Почти каждая изъ нихъ есть могучій взмахъ, но за которымъ не слѣдуетъ столько же могучаго удара. Читая повѣсти Зенеиды Р—вой, вы чувствуете, что любопытство ваше раздражено, вниманіе напряжено, вы внѣ себя, и съ замирающимъ сердцемъ ждете—вотъ явится оно, желанное слово, вотъ разгадается загадка, и вся путаница судьбы разрѣшится въ ясную и опредѣленную идею, а тревога души вашей—въ чувство полного удовлетворенія,—и вы остаетесь недовольнымъ и неудовлетвореннымъ. Отчего это?

Намъ кажется, что это объясняется жизнью даровитой писательницы нашей. Жена военнаго человѣка, она слѣдовала за нимъ изъ губерніи въ губернію, изъ уѣзда въ уѣздъ, и случалось ей кочевать даже въ степяхъ Новороссіи. Отдале-

ніе отъ столичной жизни есть большое несчастье и для души и для таланта: они или увядаютъ въ апатіи или въ бездѣйствіи, или принимаютъ провинціальное направленіе, которое комизмъ полагаетъ въ плоской шутливости, а высокое — въ дѣтскомъ отвлеченномъ идеализмѣ. Какъ бы ни сильна была натура человѣка и какъ бы ни великъ былъ талантъ его, но невозможно же ему долго бороться съ подавляющими впечатлѣніями окружающаго его міра, и волею или неволею, болѣе или менѣе, ранѣе или позже, но долженъ же онъ принять на себя ихъ отпечатокъ. Зенеида Р—ва знала итальянскій, нѣмецкій, англійскій и французскій языки, хорошо была знакома съ великими поэтами, писавшими на этихъ языкахъ: это видно даже и изъ эпитафій, которыми испещряла она главы своихъ повѣстей. И вмѣстѣ съ ними, вы находите эпитафіи изъ гг. Кукольника и Бенедиктова. Въ провинціи — извѣстное дѣло — идеаломъ нувелистовъ добродушно считаютъ Марлинскаго, идеаломъ лириковъ — г. Бенедиктова, идеаломъ драматурговъ — г. Кукольника, а идеаломъ юмористовъ — Барона Брамбеуса... Мы знаемъ изъ достовѣрнаго источника, что лучшими повѣстями на русскомъ языкѣ, Зенеида Р—ва считала «Амаллатъ Бека» Марлинскаго, и «Блаженство Безумія» г. Полеваго. Нельзя не сознаться съ горестію, что на ея повѣстяхъ замѣтенъ отпечатокъ вліянія повѣстей Марлинскаго и Полеваго.

Но золотая руда блещетъ и въ землянистой массѣ. Яркій и сильный талантъ Зенеиды Р-вой не могутъ затмить недостатки въ ея произведеніяхъ. Талантъ ея принадлежитъ ей самой; недостатки — обстоятельствамъ жизни. Не являлось еще на Руси женщины столь даровитой, не только чувствующей, но и мыслящей. Русская литература по праву можетъ гордиться ея именемъ и ея произведеніями.

Зенеида Р—ва, по натурѣ своей, чувствовала сильную потребность высказываться на бумагѣ; но она была чужда печатнаго самолюбія, и только внѣшняя необходимость застав-

ляла ее печататься. «Безъ этой необходимости (писала она къ одному изъ своихъ знакомыхъ) ничто не принудило бы меня броситься въ этотъ омутъ и взять на себя несносное званіе женщины - писательницы». Опытность, прибрѣтенная ею въ прежнихъ литературныхъ ея сношеніяхъ, особенно дѣлала для нея отвратительнымъ омутъ печатной извѣстности: это мы знаемъ изъ ея собственныхъ писемъ. Но и не одно это дѣлало для нея несноснымъ званіе женщины - писательницы. Въ началѣ нашей статьи, мы говорили, какъ еще тернистъ путь женщины-писательницы въ Европѣ. У насъ онъ не гладокъ по своему, ссылаемся на свидѣтельство самой Зенеиды Р—вой:

Въ обществѣ такъ любятъ танцоровъ съ блестящими эполетами, что ихъ не подвергаютъ строгому разбору; помѣщицы и горожанки принимаютъ ихъ съ благоволеніемъ, помѣщики и горожане приглашаютъ ихъ на обѣды и вечера; въ угожденіе своимъ повзлительницамъ. Но жены военныхъ,—о, это другое дѣло! Судьи женскаго роду осматриваютъ своихъ, вновь прибывшихъ соперницъ, не всегда доброжелательнымъ окомъ, строго разбираютъ ихъ наряды, черты лицъ, характеровъ. Это двѣ чуждыя между собою націи, двѣ разнородныя стихіи,—не легко и не скоро соединяются онѣ въ одно дружное цѣлое.

Что же, если по несчастію, одна изъ этихъ налетныхъ госпожъ отличается чѣмъ-нибудь отъ прочихъ,—красотой, талантами богатствомъ—Если злодѣйка молва, опережая ее, приноситъ вѣсть объ ней на новыя квартиры и еще до пріѣзда ея возбуждаетъ любопытство, подстрекаетъ соперничество, язвить самолюбіе, задаетъ оскому зависти,—и эта тощая, желтолицая фурія заранѣе точить зубокъ на лезнакомую, но уже ненавистную жертву?—«Но что можетъ такъ сильно расшевелить страсти женщинъ? Какое превосходство, какое отличіе?» скажутъ мои добрыя читательницы!—Ахъ, Боже мой! повторю: маленькое отступленіе или выступленіе изъ общаго круга обыкновенностей; рельефъ на гладкой стѣнѣ общества. Вообразите себѣ поручицу чудной, поражающей красоты, капитаншу — уроженку Сѣверной Америки, переброшенную случаемъ съ береговъ Миссисипи на берега Оки, вмѣстѣ съ милліономъ приданого,—или, хоть съ приложеніемъ какого угодно чина, писательницу, т. е. женщину, написавшую когда-нибудь въ досужій часъ двѣ, три повѣсти, которыя попались впоследствии подъ типографскій станокъ.

«Что! Капитанша или поручица писательница!... Да это вздор! этого нѣтъ и быть не можетъ! — возразятъ мнѣ многіе и многіе, — правда, писала Жанлисъ, такъ она была придворная, графиня, писала Сталь, — такъ отецъ ея былъ министромъ, — обѣ получили высокое образование, но кап...». Однакожъ предположимъ, хоть для шутки, что въ толпѣ вновь прибывшихъ офицеровъ является рука объ руку съ однимъ изъ нихъ женщина-писательница. — Всѣ заранѣе знаютъ объ ея прибытіи, собираютъ объ ней слухи, рассказываютъ вѣсти бывалыя и небывалыя, — наконецъ она прибыла, она здѣсь...

Ахъ! какъ бы ее увидѣть! она вѣрно носить на челѣ отпечатокъ генія; вѣрно только и говоритъ о поэзіи да о литературѣ; высказываетъ мнѣнія свои въ родѣ импровизаци, употребляетъ техническіе термины, носить съ собою карандашъ и бумагу для записыванія счастливо-мелькнувшихъ идей!...

Бѣдная писательница ѣдетъ, въ невинности души своей, объѣдать, не подозрѣвая, что ее приглашали на показъ, какъ пляшущую обезьяну какъ змѣя въ фланелевомъ одѣялѣ; что взоры женщинъ, всегда зоркіе въ анализировкѣ качествъ сестеръ своихъ, вооружились для встрѣчи съ нею сотнею умственныхъ лорнетовъ, чтобъ разобратъ ее по волоску отъ чепчика до башмака; что отъ нея ждуть вдохновенія и книжныхъ рѣчей, поражающихъ мыслей, каедральнаго голоса, чего-то особеннаго въ поступи, въ поклонѣ, и даже латинскихъ фразъ въ смѣси съ еврейскимъ языкомъ, — потому что женщина-писательница по общепринятому мнѣнію не можетъ не быть ученой и педанткой, а почему такъ? не могу доложить!...

Боже мой, вѣдь какъ подумаешь, какъ многіе всю жизнь свою сочиняютъ и безошлинно разсѣваютъ по свѣту небылицы, — и никому не вздумается выдавать имъ патентовъ на ученость, оттого только, что они сочиняютъ словесно! За что жъ, чуть бѣдная писательница наброситъ одну изъ вышерѣченныхъ небылицъ на бумагу, всѣ единогласно производятъ ее въ ученыея и педантки!... Скажите, отчего и за что такое непрошенное таланто-почитаніе?

И потомъ, она ни съ кѣмъ не можетъ сойтися. Одни воображаютъ что она тотчасъ схватитъ ихъ слѣпокъ и такъ-таки живьемъ передастъ въ журналъ. Другимъ вѣчно мерещится на устахъ ея сатанинская улыбка, въ глазахъ сатирическая наблюдательность, предательское шпіонство, — даже и тамъ; гдѣ, право, всякое шпіонство было бѣ ковшикомъ, черпающимъ изъ воздуха воду; все въ ней будто не такъ, какъ въ другихъ женщинамъ... да не знаю что, а истинно что-то не такъ!

Посудите же, по этому блѣдному очерку тысячной доли того, что достается блѣдной писательницѣ, какво бродить ей по свѣту; быть вездѣ незванной гостьею, вѣчно ознакомливаться. Едва узнають ее въ одномъ мѣстѣ, едва привыкнуть видѣть въ ней *женщину* безъ жесткаго прилагательнаго: писательница, едва приглубять добрые люди,—какъ вдругъ похоть, перемѣна квартиръ—начинай снова знакомства съ азбуки.

Къ этому яркому очерку неудобствъ, сопряженныхъ на Руси съ званіемъ женщины-писательницы, даровитая Зенеида Р—ва могла бы прибавить что-нибудь въ родѣ фізіологическаго очерка посмертныхъ друзей и журнальныхъ буфоновъ, пляшущихъ и кривляющихся на могилахъ литературной знаменитости. Вѣдь бываетъ и это на бѣломъ свѣтѣ, оттого что тутъ законъ не писанъ. Но могила безмолвна и безотвѣтна...

Миръ праху твоему, благородное сердце, безвременно разорванное силою собственныхъ ощущений! Миръ праху твоему, необыкновенная женщина, жертва богатыхъ даровъ своей возвышенной натуры. Благодаримъ тебя за краткую жизнь твою: не даромъ и не втунѣ цвѣла она пышнымъ, благоуханнымъ цвѣтомъ глубокихъ чувствъ и высокихъ мыслей.. Въ этомъ цвѣтѣ—твоя душа, и не будетъ ей смерти, и будетъ жива она для всякаго, кто захочетъ насладиться ея ароматомъ...

Есть писатели, которые живутъ отдѣльною жизнію отъ своихъ твореній; есть писатели, личность которыхъ тѣсно связана съ ихъ произведеніями. Читая первыхъ, услаждаешься божественнымъ искусствомъ, не думая о художникѣ; читая вторыхъ, услаждаешься созерцаніемъ прекрасной человѣческой личности, думаешь о ней, любишь ее и желаешь знать ее самое и подробности ея жизни. Къ этому второму разряду писателей принадлежала наша даровитая Зенеида Р—ва.

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ М. ЛЕРМОНТОВА. *Спб. 1842. Три части.*

Это второе и самое полное собраніе стихотвореній Лермонтова; въ немъ напечатаны всѣ доселѣ извѣстные, въ печати или въ рукописяхъ, произведенія знаменитаго поэта. Издатели обѣщаютъ собрать все, что еще найдется изъ стихотвореній Лермонтова, и напечатать четвертую часть, такъ что почитатели таланта Лермонтова не будутъ имѣть необходимости вновь приобретать цѣлое изданіе стихотвореній этого поэта. Конечно, на многое нечего и надѣяться, на превосходное также, ибо всѣ лучшія піесы Лермонтова извѣстны и были напечатаны, и теперь всѣ собраны въ трехъ частяхъ этого новаго сборника; можно надѣяться найти, кромѣ «Измаиль-Бая», еще развѣ три или четыре мелкія стихотворенія, давно уже написанныя Лермонтовымъ и давно уже забытыя имъ при жизни; но все написанное имъ интересно, и должно быть обнародовано, какъ свидѣтельство характера, духа и таланта необыкновеннаго человѣка. Въ первомъ изданіи стихотвореній Лермонтова, вышедшемъ въ маленькой книжечкѣ, въ 1840 году, были напечатаны самыя избранныя, самыя безукоризненныя его произведенія, ибо изданіе печаталось подъ надзоромъ самого поэта; а такіе поэты, какъ Лермонтовъ, бываютъ строже къ самимъ себѣ, нежели самыя строгіе и взыскательныя ихъ критики. Къ тому же, передъ Лермонтовымъ лежалъ длинный и широкій путь будущей славы,

и поэтъ гордо чувствовалъ въ себѣ прозябаніе стѣменъ великихъ будущихъ твореній; отъ этого, естественно, онъ и не придавалъ слишкомъ большаго значенія своимъ первымъ опытамъ. Но неожиданная и преждевременная смерть поэта дала совсѣмъ другой оборотъ дѣлу, и издатели его стихотвореній не должны были, скажемъ болѣе, не имѣли права не собрать и не сдѣлать извѣстнымъ публикѣ всего написаннаго Лермонтовымъ, всего, чтѣ только могли они отыскать. Они заслуживаютъ благодарность со стороны публики, что помѣстили въ изданное ими собраніе стихотвореній Лермонтова и такія піесы, какъ: «Хаджи Абрекъ», «Казначейша», «Сосна», «Парусъ», «Желаніе», «Графиня Растопчиной», «Ангель», «М. П. Соломирской», «Въ альбомѣ автору Курдюковой», «Два Великана», «Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою», и драму «Маскарадъ»; самъ поэтъ никогда бы не напечаталъ ихъ, но они тѣмъ не менѣе драгоцѣнны для почитателей его таланта, ибо онъ и на нихъ не могъ не наложить печати своего духа, и въ нихъ нельзя не увидѣть его мощнаго крѣпкаго таланта: такъ вездѣ видны слѣды льва, гдѣ бы ни прошелъ онъ... Лермонтовъ никогда бы не напечаталъ и «Боярина Оршу» и «Демона» — и онъ имѣлъ на то свои причины и свои права; но публика многоаго, слишкомъ многоаго лишилась бы, еслибъ издатели стихотвореній Лермонтова не сдѣлали извѣстными ей этихъ великихъ начатковъ будущей колоссальной славы будущаго великаго поэта... Несмотря на дѣтскую незрѣлость поэмъ «Бояринъ Орша» и «Демонъ», онѣ выше, драгоцѣннѣе многихъ зрѣлыхъ и художественно выполненныхъ поэмъ...

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА. *Спб. 1843. Четыре части.*

Это, должно быть, третье изданіе полнаго собранія сочиненій Державина. Оно полнѣе всѣхъ — даже Смирдинскаго, — снабжено біографическимъ очеркомъ жизни поэта и «спискомъ

сочиненій Державина въ хронологическомъ порядкѣ»; но несмотря на то, оно все-таки не совсѣмъ полно: не приложено прозы Державина, его писемъ, разсужденія о лирической поэзіи, и проч.; портретъ хорошъ, но онъ есть повтореніе портрета, приложеннаго къ «Образцовымъ Сочиненіямъ», изданнымъ въ 1811 году. И, однакожь, это изданіе совсѣмъ не такъ дурно, какъ утверждаютъ нѣкоторые печатно: оно не только опрятно, даже красиво; есть нѣсколько опечатокъ, но онѣ выставлены, хотя, конечно, лучше было бы, еслибъ не было ни одной опечатки.

Къ изданію г. Глазунова «Сочиненій Державина» приложена статья «Жизнь Г. Р. Державина», написанная г. Савельевымъ, который смотритъ на Державина не какъ на поэта, а какъ на человѣка, и съ исторической точки зрѣнія. Статья эта написана хорошо и содержитъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей; но взглядъ г. Савельева не вѣренъ. Г. Савельевъ думаетъ, что писать о Державинѣ и его вѣкѣ значить всѣмъ безусловно восторгаться, быть не историкомъ, а панегиристомъ. Это самая ошибочная точка зрѣнія! Она-то заставила сочинителя статьи необдуманно осудить весьма умную и вѣрную характеристику поэзіи Державина, сдѣланную г. Шевыревымъ въ слѣдующихъ словахъ: «Поэзія Державина — это сама Россія Екатеринына вѣка, съ чувствомъ исполинскаго своего могущества, съ своими торжествами и замыслами на Востокъ, съ нововведеніями европейскими и съ остатками старыхъ предрасудковъ и повѣрій, — это Россія пышная, роскошная, великолѣпная, убранныя въ азіятскіе жемчуги и камни, и еще полудикая, полуварварская, полуграмотная, — такова поэзія Державина, во всѣхъ ея красотахъ и недостаткахъ». Эти слова приводятъ г. Савельева даже въ суевѣрный ужасъ; онъ говоритъ, что «ни у кого изъ русскихъ поэтовъ чувство человѣчности и сознаніе достоинства человѣка не преобладаетъ въ такой сильной степени, какъ у Державина»... Ну, это едва ли такъ,

потому что въ вѣкъ «милостивцевъ», «отцовъ и благодѣтелей», въ вѣкъ «меценатства» и «патронажества» могутъ быть только фразы о человѣческомъ достоинствѣ, а не чувство человѣческаго достоинства...

Кстати о Державинѣ: недавно въ одномъ московскомъ журналѣ были напечатаны стихи—нѣчто въ родѣ рифмованнаго ехогдіум на какого-то «безыменнаго критика», который, въ числѣ разныхъ литературныхъ преступленій, какъ-то: непризнание Ломоносова поэтомъ, ужаление Карамзина, обвиняется еще и въ томъ, что «тронулъ Державина дерзкою рукою». Оно смѣшно, конечно, а вѣдь это уже не первая исторія... Сколько разъ нападали, напр., на насъ за наши отзывы о поэзіи Державина, и вотъ теперь наша мысль принята «Сѣверной Пчелою» (зри № 279 прошлаго года) — и никто не поетъ заклинаній ни стихами, ни прозою... Фельетонистъ этой газеты говоритъ, что Державинъ дойдетъ къ потомству съ весьма легкою ношею, т. е. съ малымъ числомъ избранныхъ стихотвореній, а остальное погибнетъ въ Лѣтъ», но что «имя Державина навѣки останется незабвеннымъ въ исторіи русской литературы». Здѣсь наша мысль немного искажена: не съ легкою ношею, а весь дойдетъ Державинъ до позднѣйшаго потомства, какъ явленіе великой поэтической силы, которая, по недостатку элементовъ въ обществѣ его времени, ни во чтѣ не опредѣлилась, — и потому Державинъ весь будетъ всегда, какъ онъ уже есть и теперь, интереснымъ фактомъ исторіи русской литературы. У Державина нѣтъ избранныхъ стихотвореній, которыя могли бы пережить его *не*-избранные стихотворенія, и всегда будутъ помнить, какъ помнить и теперь, не избранные стихотворенія, а поэзію Державина... Далѣе, «Сѣверная Пчела» повторяетъ нашу мысль, уже не искажая ея: «Прошло только двадцать пять лѣтъ со смерти Державина, а ужъ его стихотворенія точно какъ дорогіе антики — кабинетная рѣдкость. Исключая отдѣльныхъ фразъ и стиховъ, большую часть стихотвореній Державина теперь уже

трудно читать... теперь уже такъ не пишутъ... Это языкъ чуждый намъ!...» Это истина, и потому скоро всѣ будутъ повторять нашу мысль, даже и тѣ, которые пишутъ стихотворныя яденонціи.

Но между-тѣмъ, надо сказать правду: всѣ подобные разговоры хотя и справедливы, однако еще не доказательны; это еще только критическіе афоризмы, а не критика. И «Сѣверная Пчела» беретъ наше мнѣніе еще на вѣру, слѣпо, не дождавшись нашихъ доказательствъ, что, съ ея стороны, не совсѣмъ благоразумно... Мы начали дѣло — мы должны и кончить его: въ слѣдующей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» постараемся изложить подробно наше мнѣніе о поэтической дѣятельности Державина и ея историческомъ значеніи. За эту статью послѣдуетъ рядъ обѣщанныхъ нами статей о Пушкинѣ, Гоголѣ и Лермонтовѣ. Статья о Пушкинѣ начнется у насъ обзоромъ историческаго движенія русской поэзіи въ промежуткѣ времени между Державинымъ и Пушкинымъ, и такимъ образомъ рядъ этихъ статей, начиная съ статьи о Державинѣ, составитъ цѣлый историко-эстетико-критическій курсъ русской поэзіи, — разумѣется, съ нашей точки зрѣнія,

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ. *Томъ II. Спб. 1842.*

Благодаря прекрасной повѣсти г. Кукольника, «Сержантъ Иванъ Ивановичъ, или Всѣ за Одно», изданіе «Сказка за Сказкой» обратило на себя общее вниманіе: первый выпускъ, заключавшій въ себѣ повѣсть, о которой мы говоримъ, былъ скоро раскупленъ. Такая же блестящая участь, повидимому, ожидала и слѣдующія повѣсти подъ общею фирмою «Сказка за Сказкой»; но какъ общаго у нихъ съ первою была только одна фирма и какъ каждая слѣдующая повѣсть была все хуже и хуже предшествовавшей, то публика, приобрѣтши первый

выпускъ, не захотѣла имѣть послѣдующіе. Чтобъ помочь горю, всѣ выпуски были переплетены въ одну книгу, на заглавіи которой было выставлено: Томъ I. Ради одной первой повѣсти можно купить и весь томъ: такъ сдѣлали, вѣроятно, многіе, которые не успѣли заблаговременно пріобрѣсти «Сержанта Ивана Ивановича Иванова, или Всѣ за Одно». Опытъ— великое дѣло въ искусствѣ выгодно спускать съ рукъ книги?

Второй томъ «Сказки за Сказкой» такъ же не безъ хорошихъ, какъ и не безъ плохихъ вещей. Изъ четырехъ заключающихся въ немъ повѣстей, намъ больше другихъ нравится повѣсть г. Кукольника «Позументы». Мы уже не разъ имѣли случай замѣчать, что г. Кукольникъ мастеръ писать интересные рассказы изъ временъ Петра Великаго. Главныя достоинства ихъ простота, естественность и правдоподобіе. Замѣтно, что онъ изучалъ эту эпоху и вникъ въ духъ ея. Каждое лицо въ какомъ бы оно ни было положеніи, говоритъ у него своимъ и своего времени языкомъ. Борьба,—то смѣшная и комическая, то достолюбезная и трогательная,—борьба европеизма и народности, просвѣчиваетъ и въ понятіяхъ и въ языкѣ дѣйствующихъ лицъ тѣхъ рассказовъ г. Кукольника, которыхъ содержаніе взято изъ эпохи Петра Великаго. Долго было бы распространяться о томъ, какъ у него это дѣлается... скажемъ просто, что эта повѣсть выдержана вся до конца, и въ цѣломъ, и въ подробностяхъ, исполнена интереса и жизни.

Не такова другая повѣсть г. Кукольника «Жанъ Батистъ Людо»: въ ней все ложно—и событіе, и характеры; первое похоже на сказку въ родѣ «не любо не слушай», а вторыя, или на каррикатуры, или на образы безъ лицъ. Особенно невыносимы въ ней сцены любви, сантиментальныя до приторности. При всемъ томъ, она не лишена заманчивости рассказа и должна нравиться тѣмъ читателямъ, которые въ повѣсти ищутъ сказки, какъ дѣла отъ бездѣлья.

«Савелій Грабъ или Двойникъ», повѣсть казака Луганскаго

отличается, какъ всѣ повѣсти этого даровитаго писателя, прекрасными подробностями, обличающими въ авторѣ многостороннюю опытность, бывалость, если можно такъ выразиться, наблюдательность и наглядность. Очевидно, что богатая сокровищница разнообразныхъ впечатлѣній и безконечныхъ воспоминаній служить казаку Луганскому неизчерпаемымъ источникомъ вдохновенія. Онъ жизнью пріобрѣлъ себѣ талантъ, и талантъ, — кто не согласится въ этомъ — примѣчательный. Сюжетъ «Савелія Граба» нѣсколько сбивается на романическій. Герой романа, Ивася, оказывается сыномъ одной польской графини, которая, умирая, отказываетъ ему значительное имѣніе; потомъ оказывается, что сынъ польской графини не Ивася, а Савка, поварь, лакей и кучерь новороссійскаго помѣщика Бабочка; дѣло въ томъ, что при рожденіи шестипалый графчикъ былъ подмѣненъ пятипалымъ крестьянскимъ мальчикомъ, родители котораго воспитали шестипалаго графчика за своего роднаго сына, а пятипалый сынъ ихъ отданъ былъ графинею на воспитаніе тоже одному изъ новороссійскихъ помѣщиковъ, родомъ Поляку. Когда вся эта путаница распуталась, великодушный Ивася уступилъ Савкѣ графскій титулъ, и отдалъ бы ему все свое имѣніе, если-бы въ свою очередь великодушный Савка не раздѣлилъ съ нимъ этого имѣнія. Напрасно: къ Савкиной рожѣ графство не пристало, ибо графомъ можно родиться, но настоящимъ графомъ можно сдѣлаться только черезъ воспитаніе, черезъ первыя живыя впечатлѣнія дѣтства. Несмотря на все это, повѣсть казака Луганскаго очень интересна: въ разсказѣ много истины и юмора, въ отступленіяхъ и разсужденіяхъ много ума и оригинальности. Даже самыя странности и парадоксы автора носятъ на себѣ отпечатокъ такой достолюбезности, что доставляютъ въ чтеніи и удовольствіе. Надо сказать, что авторъ заставилъ Ивасю хлопотать о преобразованіи русскаго языка, испорченнаго русскими писателями отъ Карамзина до Пушкина включительно (объ остальныхъ уже и говорить нечего); по его

миѣнію, чистый — неискаженный русскій языкъ сохранился только въ простомъ народѣ. Дѣйствительно, для выраженія простонародныхъ идей, немногочисленныхъ предметовъ и потребностей ограниченнаго простонароднаго быта, простонародный языкъ гораздо обильнѣе, гибче, живописнѣе и сильнѣе, чѣмъ языкъ литературный для выраженія всего разнообразія и всѣхъ оттѣнковъ идей образованнаго общества. И это понятно: простонародный русскій языкъ сложился и установился въ продолженіе многихъ вѣковъ; литературный—въ продолженіе одного вѣка; первый, разъ установившись, уже не двигался впередъ, какъ и мысль простаго народа, второй—бѣжитъ не останавливаясь, не переводя духу, вслѣдствіе безпрерывнаго вторженія новыхъ понятій и безостановочнаго развитія, а слѣдственно, и движенія старыхъ идей. Казакъ Луганскій утверждаетъ, что не должно говорить такъ: «Казакъ осѣдлалъ лошадь свою какъ можно поспѣшнѣе, посадилъ товарища своего, у котораго не было коня, къ себѣ на крупъ и слѣдовалъ за непріятелемъ, имѣя его постоянно въ виду, чтобъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ на него кинуться», а должно вмѣсто того говорить: «Казакъ сѣдлалъ уторопъ, посадилъ безконнаго товарища на забедры, слѣдилъ непріятеля въ нѣзерку, чтобъ при сполутности на него ударить». Воля его казацкой удали, а мы, люди письменные, право не понимаемъ ни «уторопи» ни «нѣзерки, ни забедръ», ни «сполутности». Перемиѣнять же намъ Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Грибоѣдова, Пушкина на гурвернеровъ изъ простонародья въ овчинныхъ тулупахъ и смурыхъ кафтанахъ—ужь поздно.

«Мастерская и Гостиная»—быль г. П. Фурмана служить для 2-го тома «Сказки за Сказкой» балластомъ, безъ котораго не можетъ обойтись никакой сборникъ повѣстей, претендующій на объѣмистость и разнообразіе содержанія. Это одна изъ тѣхъ «былей», которыхъ нигдѣ не бываетъ, кромѣ плохихъ повѣстей бездарныхъ сочинителей. Какой-то, изво-

лите видѣть, художникъ, Германъ, влюбился, на выставкѣ академіи, въ «барышню» не Марью, а Марію, а оная Марія выходитъ замужъ за богатаго дурака, Чижикова; Германъ прибѣжалъ къ ней какъ полоумный и, наговоривъ ей съ три короба великолѣпной чепухи, побѣжалъ къ профессору Ботипу, да тутъ же (весьма кстати узналъ, что мамзель Ботипъ его «обожаетъ», а узнавъ это, онъ сію же минуту (за чѣмъ откладывать въ долгій ящикъ!) началъ ее «боготворить», предлагая ей руку и сердце. Другъ Германа, Ламовъ, питалъ къ Эмилиіи несчастную страсть, и когда она вышла замужъ за его друга, онъ уѣхалъ съ горя за-границу и, гуляя по швейцарскимъ Альпамъ, сперва запѣлъ «Не бѣлы то снѣги», а потомъ заплакалъ, вспомнивъ о другѣ, отнявшемъ у него все счастье. Повѣсть, какъ по всему видно, самая «идеальная», безъ всякой примѣси «реальности», даже со стороны здраваго смысла. Знаніе «гостиной» (salon) въ этой повѣсти удивительное: «барышни» то и дѣло мѣшаютъ французскія фразы съ русскими à la madame de Kourdukoff, и Марія не иначе называетъ Германа, какъ мсьё Henri, а онъ ее не иначе, какъ Марія Петровна...

Въ «Медвѣдѣ», новой повѣсти графа Соллогуба, напечатанной, какъ извѣстно, въ «Утренней Зарѣ» на 1843-й годъ, есть отрывистый и безсвязный разговоръ четы, которая, догадываясь о своемъ взаимномъ чувствѣ, робко порывается къ объясненію. Послѣ этого мастерски изложеннаго разговора, авторъ замѣчаетъ отъ себя:

«Я всегда удивлялся, какъ гладко и краснорѣчиво объясняются влюбленные въ повѣстяхъ и комедіяхъ. Слова ихъ такъ и сыплются чувствительнымъ градомъ, и самыя страстныя признанья такъ тщательно отдѣланы и округлены, что любо читать.—На дѣлѣ бываетъ иначе. Сомнѣніе и неизвѣстность вселяютъ страхъ въ самаго храбраго человѣка. Смертная блѣдность покрываетъ чело; судорожная дрожь объемлетъ всѣ члены; слова прилипаютъ къ устамъ и, какъ-бы объятія пламенемъ, съ трудомъ вылетаютъ одно за другимъ».

Замѣчаніе глубоко-справедливое! Но такъ можетъ думать только человѣкъ съ талантомъ, который внутри себя носить ясновидѣніе тайнъ чувства, имъ изображаемаго: бездарность же, ничего не находя въ пустой груди своей, сидя съ перомъ въ рукѣ, ловить въ памяти своей—словно мухъ въ воздухѣ—читанныя ею тамъ и сямъ выраженія чуждыхъ ея натурѣ страстей и чувствъ... Изданіе «Сказки за Сказкой», ужь черезчуръ сѣренько; не мѣшало бы ему быть и побѣлѣе и поисправнѣе со стороны знаковъ препинанія.

БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ. *Статейки, вырванныя изъ большой книги, называемой: Свѣтъ и Люди. Философско-филантропическо-гуморическо-сатирическо-живописные очерки, составляемые подъ редакцію Ивана Балакирева. Рисунки Александра Коцебу, гравированные Г. В. Дерикеромъ, барономъ Клотомъ и А. Е. Масловымъ, Книжка I. Деньги. Спб. 1843.*

Въ одномъ изъ объявленій г. Ольхина напечатано такъ: «Были и Небылицы или Свѣтъ и Люди. Текстъ Ивана Балакирева. (Полеваго). Рисунки Александра Коцебу. Одинъ томъ во 130 стр. брюксельскаго формата, на лучшей велен. бумаг. украшенный 60 политипажами, гравир. бар. Клотомъ, Дерикеромъ и Масловымъ. Ц. 1 р. сер.» Картинки, дѣйствительно хороши, и по изобрѣтенію и по исполненію; изданіе чрезвычайно красиво и даже изящно, хотя его и портятъ шесты и кольца безъ нужды употребляемыхъ прописныхъ буквъ. Но текстъ—что же такое текстъ, сочиненный г. Балакиревымъ, или г. Полевымъ?

Когда мы начали читать книжку—намъ тотчасъ же показалось что-то знакомое, какъ будто повтореніе чего-то давно читаннаго,—и мы наконецъ вспомнили, хотя и съ большимъ усиліемъ, «Новаго Живописца Общества и Литературы», ко-

торый нѣкогда издавался г. Полевымъ при «Телеграфѣ», а потомъ, въ 1832 году, былъ изданъ имъ отдѣльною книгою въ шести частяхъ. И, правду сказать, было отчего припоминать съ большимъ усиленіемъ: сравнивая «Были и Небылицы съ Новымъ Живописцемъ», видишь какое-то сходство, и однакожь то же да не то. И это обстоятельство поразило насъ такимъ же грустнымъ чувствомъ, какъ еслибъ мы встрѣтили слабаго, покрытаго морщинами и сѣдинами старца, котораго лѣтъ десять назадъ знали человѣкомъ еще свѣжимъ, крѣпкимъ и исполненнымъ энергіи... Изъ всѣхъ статей, составляющихъ содержаніе «Новаго Живописца», видно, что ихъ источникомъ было что-то похожее на негодованіе на разныя темныя стороны общества и литературы: чтѣ же касается до «Былей и Небылицъ», то съ первыхъ же страничекъ замѣтно, что ихъ источникомъ и вдохновеніемъ были тѣ самыя «Деньги», которыя на красивой, затѣйливой и со вкусомъ распешренной оберткѣ «Былей и Небылицъ» напечатаны золотыми литерами. Оттого и въ книжкѣ этой есть, — впрочемъ, неконченная, поэма въ XII пѣсняхъ «Деньгоада». Отсюда и разница между содержаніемъ «Новаго Живописца» и текстомъ «Былей и Небылицъ»: чтѣ въ первомъ живо, остроумно, цѣлко, занимательно, то въ послѣднихъ вяло, натянуто; беззубо, скучно... Вообще, этотъ текстъ — болтовня безъ всякаго содержанія, наборъ словъ, которыя случайно отсюда сползли въ книжку, чтобъ она не состояла изъ однихъ, неимѣющихъ смысла, картинокъ. Сначала сочинитель г. Балакиревъ (т. е. г. Полевой) рассказываетъ, какъ къ нему пришла его кухарка требовать денегъ на приготовленіе «поэтическаго питья, составленнаго изъ цикорія, съ примѣсью кофейныхъ выварокъ, что продаютъ въ мелочныхъ лавкахъ П(п)етербургскихъ, подъ именемъ кофе», а за кухаркою высунулась глупѣйшая рожа Егорки, требующая денегъ на ваксу, какъ сочинитель — г. Полевой (т. е. г. Балакиревъ) повалился съ треногаго стула, и подъ столомъ

нашелъ полуимперіалъ и вдохновеніе... Нашедши вдохновеніе, онъ началъ сочинять поэму «Деньгоада», перепробовалъ всѣ размѣры и все безуспѣшно; впрочемъ, октавы вышли удачнѣе, почему мы и выписываемъ ихъ:

Италія Торкватова земля,
Гдѣ вьется плющъ и виноградъ алъеть,
Гдѣ златомъ нивъ подернулись поля,
Гдѣ миртъ и лавръ отраднo зеленѣть,
Гдѣ грузъ заботъ отъ сердца удаля,
Все радостью безумною пестрѣть.
Гдѣ Л(л)аццаронъ съ гитарою лежитъ
И гдѣ Везувій блещетъ и горитъ!

Твой стихъ живою, веселый и игривый
Давно Москвѣ усвоилъ Пискуновъ,
Давно своей онъ М(м)узѣ говорливой
Октаву сшилъ изъ ломанныхъ стиховъ,
И показалъ Италиі хвастливой
Отвагу Р(р)усскихъ удалыхъ пѣвцовъ,
Хоть правду вамъ сказать съ другаго слова
Избавь насъ Богъ октавы Пискунова!

Остальная часть книжки занята разговоромъ сочинителя съ чортомъ, который явился къ нему изъ трубы. Разговоръ этотъ такъ и дышитъ грошевымъ юморомъ и прятнымъ сарказмомъ, направленными на книгопечатаніе и деньги,—два, по мнѣнію сочинителя, величайшіе бича человѣчества... По формѣ своей этотъ разговоръ есть явное подражаніе «Большому Выходу Сатаны» барона Брамбеуса; для отличія, фраза барона «ваша мрачность» замѣнена у г. Балакирева фразою «ваша темность»; чтò же касается до подробностей адскаго быта и вообще тона разсказа,—все это чрезвычайно походитъ на натянутое подражаніе піесѣ барона Брамбеуса. Хорошъ оригиналъ—но подражаніе еще лучше...

Впрочемъ, о текстѣ никто и не проситъ: красивыхъ книжекъ такого рода никто не читаетъ, зная заранѣе, что въ

нихъ нечего читать; ихъ многіе покупаютъ, какъ игрушки, особенно если онѣ не дороги. Вотъ отчего сначала, какъ говорятъ книгопродавцы, пошла было шибко «Картинки Русскихъ Нравовъ»: оттого же пойдутъ хорошо и «Были и Небылицы». И такого рода успѣхи еще не скоро прекратятся:—литатурѣ и книжной торговлѣ нашей надо пройти еще черезъ многіе роды ребячества, прежде нежели онѣ совершенно возмужають.

ИСТОРИЯ СУВОРОВА. *Текстъ Николая Полеваго. 130 полнотипажей, правированныхъ лучшими Р(р)усскими и П(п)арижскими художниками, по рисункамъ А. П. Брюлова, П. В. Басина, А. А. Коцебу, Т. Г. Шевченко, Р. К. Жуковскаго и М. В. Маслова, съ приложеніемъ великолѣпнаго фронтисписа, плановъ главныхшихъ сраженій, портрета и fac-simile почерка Суворова. Выпускъ первый. Спб. 1843.*

Пошло на полнотипажи и тексты! И тѣ самыя, которые еще недавно бранили полнотипажи, какъ униженіе искусства, наконецъ смекнули, что полнотипажи—дѣло доброе, если къ нимъ требуется текстъ.... Но, увы! на этотъ разъ полнотипажи, будучи не дурны по выполненію, плохи, очень плохи, по изобрѣтенію.... Въ иныхъ рисункахъ не соблюдены правила перспективы—отдаленныя фигуры выше и замѣтнѣе стоящихъ на главномъ планѣ, и т. п. Не мѣшаетъ также замѣтить, въ предостереженіе публики, что передъ фамилією «Брюловъ», выставленною на заглавномъ листкѣ въ числѣ сочинителей рисунковъ, стоятъ литеры А. П., которыя совсѣмъ не то, что литеры К. П. Что касается до текста,—онъ не то, чтобъ хорошъ, и не то, чтобъ плохъ, а такъ—середка на половинѣ, нѣчто въ родѣ наскоро составленной, изъ извѣстныхъ и переизвѣстныхъ всѣмъ источниковъ, ком-

пиляціи... Компіляція будетъ состоять изъ трехъ выпусковъ, каждый изъ семи печатныхъ листовъ, что все составитъ книгу въ двадцать одинъ печатный листъ, со 130 политипажями: текстъ не великъ, и книга будетъ тонка непропорціально формату.

Впрочемъ, гораздо интереснѣй всей этой политипажной за-тѣи сужденіе о ней «Сѣверной Пчелы» (см. № 285). Тамъ, между прочимъ, очень ловко замѣчено, что А. П. Брюловъ — знаменитый *архитекторъ*; что вся книга, съ пересылкой, будетъ стоить двадцать рублей асс.; что нѣкоторые политипажи въ ней прекрасны, а нѣкоторыми г. Булгаринъ не доволенъ; что г. Булгаринъ издаетъ «Историческіе и романтическіе очерки изъ жизни Суворова», со ста картинками, рисованными г. Тиммомъ и гравированными барономъ Клотомъ, барономъ Неттельгорстомъ въ Петербургѣ и гг. Порре и Лавіелемъ въ Парижѣ, и что книга г. Булгарина будетъ стоить только три рубля серебромъ....

«Мы (говоритъ г. Булгаринъ) поневолѣ стали въ тупикъ. Одинъ изъ издателей Сѣверной Пчелы (Θ. Б.), который имѣетъ честь бесѣдовать съ вами въ нынѣшнемъ фельетонѣ, также написалъ не *Исторію Суворова, а историческіе и романтическіе очерки изъ жизни Суворова*, и ждетъ только одной части политипажей изъ Парижа, чтобъ приступить къ печатанію. Что тутъ говорить, встрѣтятся съ талантливымъ писателемъ на узкой стезѣ, лицомъ къ лицу! Все-таки можемъ сказать кое-что, напримѣръ, на первый случай скажемъ, что сочиненіе Н. А. Полеваго: *Исторія Суворова* и сочиненіе Булгарина: *Историческіе и романтическіе очерки изъ жизни Суворова* — двѣ совершенно различныя вещи, вовсе не похожія одна на другую, едва ли не двѣ противоположности. Θ. Булгаринъ убѣжденъ, что онъ не въ состояніи написать *современную исторію*, или *исторію современнаго челоѣка*, такъ какъ бы хотѣлъ написать, какъ должно писать исторію, принимая исторію не какъ заглавіе книги, а какъ науку. Θ. Булгаринъ думаетъ, что прежде ста лѣтъ по смерти Суворова, нельзя писать его исторіи, по тѣмъ понятіямъ, какія имѣетъ Θ. Б. объ исторіи, и что теперь можно писать только *біографіи* и *очерки* или *отрывки изъ жизни*, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ, а для освѣженія или оживленія біографической сухости, Θ.

Булгаринъ придумалъ помѣстить, между историческими событіями, *романтическія* или *вымышленныя* сцены, которыхъ интересъ основанъ на *исторіи*, т. е. на истинѣ».

Съ тѣмъ, что исторія Суворова прежде, по крайней мѣрѣ, ста лѣтъ отъ смерти его невозможна,—мы совершенно согласны, равно какъ и съ тѣмъ, что «Исторія Суворова» г. Полеваго ужъ по одному этому, есть не исторія, а компиляція; но на счетъ того, что «романтическія» сцены все равно, что вымышленныя—мы не согласны: другое дѣло тождество романическихъ и вымышленныхъ сценъ. Равнымъ образомъ, мы не согласны и съ тѣмъ, чтобъ книга г. Булгарина потому была лучше книги г. Полеваго, что въ ней будетъ «романтизмъ»; положимъ даже, что «романтическій» и «романическій»—одно и то же,—и тутъ нельзя согласиться, чтобъ книга г. Булгарина была лучше книги г. Полеваго: романическія, или, пожалуй, романтическія сцены тогда только могутъ быть хороши, когда ихъ напишетъ поэтъ, а мы, право не помнимъ, чтобъ г. Булгаринъ когда-нибудь былъ поэтомъ... Развѣ желаніе оказать г-ну Полевому пріятельскую услугу, т. е. показать ему, какъ должно съ успѣхомъ составлять книги о Суворовѣ, внезапно осѣнило его поэтическимъ вдохновеніемъ? Можетъ быть! Но—далѣе:

«Н. А. Полевой, по своимъ понятіямъ, увѣренный, что уже можно и должно писать исторію Суворова, написалъ исторію, какъ всѣ вообще наши историки, т. е. *панегирикъ* Суворову, съ тою разницею, что Н. А. Полевой, какъ человѣкъ съ талантомъ и притомъ съ умомъ, представилъ дѣло въ пріятныхъ формахъ. Мы полагаемъ, что Н. А. Полевой *не прогнѣвается* на насъ, если мы ему скажемъ, что, не выдавъ вещи, почти невозможно описать ее вѣрно, изъ однихъ разсказовъ. Н. А. Полевой, хоть храбро сражался и даже одерживалъ блистательныя побѣды въ чернильныхъ битвахъ, не бывалъ, однакожъ, какъ пишется въ формулярѣ, въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ, гдѣ наносятъ удары не перьями, а штыками и саблями, и гдѣ льется кровь, а не чернила, и потому эта часть, т. е. война, никогда не можетъ быть такъ вѣрно изображена мирнымъ литераторомъ, какъ

литераторомъ воинномъ *), который *десять* лѣтъ сряду, такъ сказать не слѣзаль съ коня и жилъ въ виду непріятеля».

Хотя и всеѣмъ извѣстно, что г. Булгаринъ долго ходилъ подъ знаменами (для удостовѣренія въ этомъ достаточно его «Воспоминаній объ Испаніи»),—однакоже изъ этого еще не слѣдуетъ большой разницы между г. Булгаринымъ и г. Полевымъ;—въ дѣлѣ военной исторіи строевой офицеръ еще не одно и то же, что генералъ, тактикъ, стратегикъ. Каждый русскій солдатъ храбро дерется, иной бывалъ двадцать разъ въ дѣлѣ, но о войнѣ разсуждать, или писать солдатъ русскій не можетъ.

Далѣе г. Булгаринъ увѣряетъ, что военная часть въ «Исторіи Суворова» г. Полеваго слаба, а дипломатическая—хороша, и что вообще «Исторія Суворова», г. Полевымъ написанная, есть «явленіе важное и замѣчательное въ нашей литературѣ»; въ первомъ случаѣ, мы совершенно согласны съ тѣмъ, что говоритъ г. Булгаринъ, а во второмъ и третьемъ—съ тѣмъ, что хочетъ сказать г. Булгаринъ. Пришлось же вѣдь, наконецъ, согласиться!... Въ заключеніе г. Булгаринъ говоритъ, что онъ «боится писать стихи (хотя нынѣшніе стихи, т. е. безъ рیمъ, право, легче писать, нежели хорошую прозу), боится драмы» (вотъ что надѣлала коварная «Шкуна!»), «боится того и другаго, и знаетъ, что одно можетъ написать лучше, другое хуже», и предоставляетъ рѣшить—что лучше у г. Полеваго—«Исторія Суворова», или классическое, по мнѣнію его, г. Булгарина, сочиненіе—«Очерки Русской Литературы», а самъ боится судить рѣшительно, опасаясь, чтобъ его не оподозрили въ пристрастіи, т. е. въ желаніи дать ходъ своей книгѣ на счетъ книги г. Полеваго...

Помилуйте, какъ это возможно! Ужъ изъ сказаннаго видно,

*) Т. е., тѣмъ, кто—прибавимъ мы отъ себя—
Уже не воинъ, а писатель ..

что г. Булгаринъ поступилъ совершенно по-рыцарски, какъ великодушный соперникъ....

СУПРУЖЕСКАЯ ИСТИНА, *въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Спб. 1842.*

Хоть эта книжка писана и прозою, тѣмъ не менѣе она составляетъ рѣшительно дружку къ стихотвореніямъ г. Молчанова: подобно имъ, она—довольно дикая аномалія въ книжномъ мірѣ. Есть на французскомъ языкѣ книга: «Tableau de l'amour conjugal», въ которой брачное состояніе подробно разсматривается во всѣхъ отношеніяхъ и преимущественно—медицинскомъ; г. В. Лебедевъ выписалъ изъ нея кое-что, «сдобрилъ это сантиментально-моральными разглагольствованіями собственнаго изобрѣтенія, и у него вышла книжечка, опрятно и красиво напечатанная, хотя и со множествомъ ошибокъ противъ орфографіи. О предметахъ такого рода, какъ брачное состояніе, разсматриваемое въ физическомъ отношеніи, должно или все говорить, или ничего не говорить: въ первомъ случаѣ книга можетъ быть полезна тѣмъ, для кого она писана, во второмъ случаѣ она будетъ бесполезна... Что касается до его нравственныхъ разсужденій—ихъ главная идея и цѣль состоятъ въ томъ, что всѣ должны жениться, и что безбрачное состояніе—страшный грѣхъ. Положимъ и такъ; но вотъ бѣда: г. Лебедевъ полагаетъ взаимную любовь необходимымъ условіемъ брака, а вѣдь любовь есть чувство, независящее отъ воли человѣка, и никто не можетъ сказать себѣ: «дай ка влюблюсь вотъ въ эту, или вонъ въ ту», и потому иному во всю жизнь не прійдется ни разу влюбиться, тогда какъ другой успѣетъ, въ продолженіе своей жизни, влюбиться нѣсколько разъ; какъ же тутъ быть?—неужели жениться безъ любви?... Этотъ вопросъ г. В. Лебедевъ оставилъ безъ отвѣта, вѣроятно, потому именно, что это одинъ

изъ тѣхъ вопросовъ, на которые отвѣчать трудненько. За то предусмотрительный г. В. Лебедевъ коснулся другаго вопроса, неменѣе важнаго — вопроса о приданомъ. Вотъ это дѣло! но какъ рѣшаетъ онъ этотъ вопросъ?—Онъ говоритъ, что всѣ мужчины ожидаютъ себѣ непремѣнно счастье отъ большаго приданаго, и всѣ, по большей части, жестоко обманываются въ этомъ... Важная новость, великое открытіе—нечего сказать! Да кто жъ этого не зналъ и безъ вашей книжки, г. В. Лебедевъ? Право, люди не такъ глупы, чтобы не знать, что дважды два—четыре... Дѣйствительно, въ приданомъ не блаженство, но въ немъ—независимость отъ нуждъ жизни, застрахованіе отъ позора нищеты и голодной смерти. Любовь—дѣло хорошее, но бракъ по любви съ нищею, вмѣсто приданаго, — дѣло глупое и не совсѣмъ нравственное: чтѣ хорошаго умножать собою число нищихъ и подвергать любимую женщину всѣмъ униженіямъ и всѣмъ бѣдствіямъ нищеты?... Вотъ, еслибы вы, г. В. Лебедевъ, взяли на себя трудъ разрѣшить великую политико-экономическую задачу современнаго міра: какъ быть сытымъ и одѣтымъ, не лишеннымъ необходимыхъ удобствъ жизни, не получивъ отъ родителей хорошаго наслѣдства и не наворовавъ при «тепленькомъ мѣстечкѣ»

Индвекъ малую толику,—

это другое дѣло; можетъ-быть, многіе съ вами и не согласились бы, за то все-таки остались бы вамъ благодарны хоть за доброе намѣреніе... А то, право, нѣкоторые сочинители считаютъ себя ужасно глубокомысленными, если съ важностію скажутъ, что мужъ долженъ любить жену, а жена мужа, и т. п. Да кто жъ этого не знаетъ, и кто жъ это исполняетъ?...

На 75 стр. своей книжонки г. Лебедевъ говоритъ:

«Приданое за женою есть величайшее зло, влекущее за собою развращеніе нравовъ—во первыхъ, потому: что приданое *есть* (бываетъ?) главною причиною, что множество мужчинъ остается на всю жизнь

холостыми, а дѣвицы вѣчными невѣстами; во вторыхъ, государство отъ безбрачности гражданъ лишается приращенія въ народонаселеніи — и въ третьихъ, гдѣ болѣе безбрачности, тамъ болѣе разврата и преступленій».

Первое и третіе справедливо; но отъ безбрачности не уменьшается народонаселеніе—развѣ увеличивается число несчастныхъ созданий, отъ рожденія осужденныхъ на горе и презрѣніе. Г. В. Лебедевъ очень сожалѣетъ, что не разъ предполагаемое въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ намѣреніе обложить податью всѣхъ неженатыхъ старѣе тридцати лѣтъ отъ роду, не состоялось; послѣ этого, г. В. Лебедеву остается сожалѣть и о томъ, что неженатыхъ старѣе тридцати лѣтъ не вѣщаютъ... Онъ не понимаетъ того, что внѣшнія побудительныя мѣры, какъ бы онѣ сильны ни были, ни къ чему не ведутъ въ такихъ важныхъ общественныхъ вопросахъ. Русскихъ мужиковъ не приневоливаютъ жениться, а они, между тѣмъ, преусердно женятся: это оттого, что, жениась и прибрѣтая въ женѣ хозяйку и работницу, мужикъ утверждаетъ свое внѣшнее благосостояніе, а не рискуетъ лишиться его. Когда и въ другихъ сословіяхъ (разумѣется, сообразно съ условіями ихъ быта и образованности) жениться будетъ выгоднѣе и удобнѣе, нежели остаться въ одиночествѣ, — тогда и въ другихъ сословіяхъ всѣ будутъ жениться, безъ всякихъ денежныхъ пеней и другихъ внѣшнихъ понужденій. А безъ того — всякій скорѣе отдастъ послѣднее для уплаты штрафа, чѣмъ женится: вѣдь лучше дать отрубить себѣ палецъ, чѣмъ голову...

Теперь слѣдимъ выписать единственныя дѣльныя строки во всей книгѣ г. В. Лебедева:

«Мужчины въ безбрачномъ состояніи живутъ въ обществахъ явно безъ (*соблюденія*) всякаго цѣломудрія, не считая это не только за порокъ, но и не ставя ни себѣ, ни другимъ въ осужденіе; женщинамъ же вмѣняютъ въ предосуденіе самое малѣйшее кокетство. Что это несправедливо, въ этомъ согласится каждый благонамѣренный человекъ».

Соглашаемся: ибо мы убѣждены, что право грѣха и преступленія или равно не принадлежать ни тому, ни другому полу, или равно принадлежить и тому и другому. Разумѣтся, первое вѣроятнѣе; но право силы и кулака присвоило мужскому полу и права грѣха и преступленія, не въ примѣръ женщинамъ...

«Мы считаемъ себя (продолжаетъ г. В. Лебедевъ) живущими въ самомъ просвѣщенномъ вѣкѣ — правда ли это!?... Что-то скажутъ объ насъ наши потомки чрезъ нѣсколько столѣтій, а судъ и приговоръ потомства справедливъ».

Правда, тысячу разъ правда!... Мы даже можетъ сказать г. В. Лебеву, что скажутъ о насъ потомки. Они скажутъ: «XIX вѣкъ, считавшій себя самымъ просвѣщеннымъ вѣкомъ, былъ только переходомъ къ истинно просвѣщеннымъ временамъ, ибо въ немъ, гордившемся своею разумностію и гуманностію, владычествовало еще варварство феодальныхъ временъ — чему немалымъ доказательствомъ можетъ служить даже и изданная въ 1843 году маленькая книжка г. В. Лебедева, подъ названіемъ: «Супружеская истина, въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ»...

СОЧИНЕНІЯ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ. *Четыре тома. Спб. 1842.*

Въ литературномъ отношеніи, нельзя было блистательнѣе заключить старому году и начаться новому, какъ выходомъ сочиненій Гоголя. Дай Богъ, чтобъ это было счастливымъ предзнаменованіемъ для новаго года — чтобъ мы увидѣли, въ теченіе его, не однѣ тетрадки и выпуски съ картинками, не однѣ сказки, досуею посредственностью изготовляемыя во множествѣ по заказу литературныхъ антрепренёровъ!...

Намъ нѣтъ никакой нужды говорить о томъ, что содержатъ въ себѣ эти четыре тома: публика уже знаетъ это сама—четыре тома уже прочтены ею, по крайней мѣрѣ въ обѣихъ нашихъ столицахъ, если еще не успѣли они проникнуть въ глушь провинцій.

И такъ, исторія «Мертвыхъ Душъ» готова повториться: публика читаетъ журналы въ хлопотахъ, особенно тѣ, которымъ такъ не по сердцу произведенія Гоголя... ихъ успѣхъ, хотѣли мы сказать. «Сѣверная Пчела» уже подала голосъ, но она хвалитъ Гоголя (№ 18): «Мы думаемъ, говоритъ она, что для г. Гоголя вовсе не будетъ униженіемъ, когда мы его поставимъ на одну доску съ Поль-де-Кокомъ и Пиго-Лебрёномъ, писателями талантливыми; но не имѣвшими претензій на поэзію и философію». Увы! мы, съ своей стороны, не можемъ поставить автора этихъ строкъ на одну доску ни съ Поль-де-Кокомъ, ни съ Пиго-Лебрёномъ; — именно потому, что они писатели талантливые, и неимѣвшіе притязанія на поэзію и философію... А «Сѣверная Пчела»—надо отдать ей въ этомъ честь,—не имѣя притязаній ни на талантъ, ни на поэзію, сильно претендуетъ на философію, особенно когда хлопочетъ объ участи нечитаемыхъ ею, по ея словамъ, «Отечественныхъ Записокъ»: вотъ и теперь, она трунитъ, сколько хватаетъ ея остроумія, какъ надъ образцомъ нелѣпости и безсмыслія, надъ этимъ стихомъ Гёте изъ второй части его «Фауста»:

In deinem Nichts hof' ich All zu finden.

Ну ужь конечно, если эта газета можетъ въ «Фаустъ» Гёте находить безсмыслицы и нелѣпицы, то что для нея произведенія Гоголя, что его поэзія и философія: довольно съ него и того, если эта газета поставитъ его на одну доску съ Поль-де-Кокомъ и Пиго Лебрёномъ... Жаль, что Гоголь никогда не узнаетъ объ этомъ «производствѣ», и потому не

будеть имѣть возможности поблагодарить «Сѣверную Пчелу». . .
свойственнымъ ему образомъ...

Но пора отвернуться хоть на время отъ шумнаго рынка этой литературы: наше вниманіе зоветъ теперь къ себѣ, то, что составляетъ въ настоящую минуту гордость и честь русской литературы—четыре тома сочиненій Гоголя...

«Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки», которыми началось поэтическое поприще Гоголя, и которые теперь въ третій разъ выходятъ въ свѣтъ, оставлены авторомъ безъ всякихъ измѣненій. Такъ и должно было быть: порожденія легкой, свѣтлой, юношеской фантазіи, веселыя пѣсни на пиру еще неизвѣданной жизни, они не могли подвергнуться измѣненіямъ поэта, который уже давно смотритъ на жизнь взоромъ глубокимъ, пронзительнымъ и грустно-важнымъ. Для самаго поэта, эти образы, свѣтлые, какъ майская ночь его Малороссіи, радостные, какъ звучный смѣхъ его Оксаны, шаловливые, какъ затѣи неугомонныхъ парубковъ, товарищей удалаго Левко, сладостно задумчивые, какъ, свѣтлоокая паночка-утопленница, добродушно насмѣшливые, какъ вѣчно веселая юность, всѣ эти образы навсегда остались милы поэту, какъ первый поцѣлуй любви, какъ шипучая пѣна въпервые осушеннаго бокала, какъ память о волшебныхъ дняхъ безопасно блаженнаго младенчества... Онъ самъ говоритъ въ предисловіи: «Всю первую часть слѣдовало бы исключить вовсе: это первоначальные ученическіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя; но при нихъ чувствовались первыя сладкія минуты молодаго вдохновенія, и мнѣ стало жалко исключить изъ памяти первыя игры невозвратной юности. Снисходительный читатель можетъ пропустить весь первый томъ и начать чтеніе со втораго». Такъ говоритъ поэтъ, — и онъ имѣетъ полное право простирать свою строгость къ самому себѣ за предѣлы умѣренности и справедливости; но публика тоже права, не соглашаясь съ нимъ. Всякій періодъ жизни человѣческой прекрасенъ и долженъ имѣть свои пѣсни

и своихъ пѣвцовъ: «Вечера на Хуторѣ» есть одна изъ такихъ вѣчно звучныхъ пѣсенъ юности, которыхъ цѣль и значеніе — вновь возвращать на волшебное мгновеніе самой старости невозвратно улетѣвшую юность...

Во второй части, заключающей въ себѣ «Миргородъ», подверглись значительнымъ измѣненіямъ повѣсти: «Тарасъ Бульба» и «Вій». Первая, вслѣдствіе этихъ измѣненій сдѣлалась вдвое обширнѣе и безконечно прекраснѣе. Поэтъ чувствовалъ, что въ первомъ изданіи «Тараса Бульбы» на многое только намекнуто, и что многія струны исторической жизни Малороссіи остались въ немъ нетронутыми. Какъ великій поэтъ и художникъ, вѣрный однажды избранной идеѣ, пѣвецъ Бульбы не прибавилъ къ своей поэмѣ ничего такого, что было бы чуждо ей, но только развилъ многія уже заключавшіяся въ ея основной идеѣ подробности. Онъ изчерпалъ въ ней всю жизнь исторической Малороссіи, и въ дивномъ, художественномъ созданіи навсегда запечатлѣлъ ея духовный образъ: такъ ваятель уловляетъ въ мраморѣ черты человѣка и даетъ имъ безсмертную жизнь... Особенно замѣчательны подробности битвы Малороссіянъ съ Поляками подъ городомъ Дубно, и эпизодъ любви Андрія къ прекрасной Полькѣ. Вся поэма приняла еще болѣе возвышенный тонъ, проникнулась лиризмомъ. Впрочемъ, сужденіе объ этомъ— смѣло можемъ сказать—великомъ созданіи, завело бы насъ далеко, — чего не позволяетъ намъ ни мѣсто, ни время, и потому пока отлагаемъ его. Повѣсть «Вій» черезъ измѣненія сдѣлалась много лучше противъ прежняго, но и теперь она болѣе блеститъ удивительными подробностями, чѣмъ своею цѣлостію. Недостатки ея значительно сгладились; но цѣлаго попрежнему нѣтъ. «Старосвѣтскіе Помѣщики» и «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» остались совершенно безъ измѣненій: очевидно, эти два превосходныя произведенія такъ хорошо вырѣли въ душѣ, что могли съ разу явиться во всей опредѣ-

ленности своей идеи, во всей полнотѣ своей художественной жизни.

Къ такимъ же зрѣло художественнымъ и отчетливо концепированнымъ произведеніямъ принадлежитъ и «Невскій Проспектъ», которымъ начинается третья часть; только эта повѣсть, по своему содержанію, далеко глубже и выше тѣхъ двухъ. «Носъ»—этотъ арабскъ, небрежно набросанный карандашомъ великаго мастера, значительно и къ лучшему измѣненъ въ своей развязкѣ. О «Портретѣ» и «Римѣ» публикѣ извѣстно наше мнѣніе, за которое одинъ журналъ недавно объявилъ насъ—«ругателями Гоголя»!!... Такова толпа: ей или хвали до надсады груди, или унижай до послѣдней крайности; но не смѣй хвалить за одно и порицать за другое въ одно и то же время... Мнѣніе наше о «Портретѣ» и «Римѣ» остается то же, несмотря ни на чьи крики и клеветы,—и мы подробно разовѣемъ это мнѣніе въ обѣщанной нами большой статьѣ о сочиненіяхъ Гоголя. «Коляска»—мастерской юмористической очеркъ, въ которомъ больше поэтической жизни и истины, чѣмъ во многихъ пудахъ романовъ многихъ нашихъ романистовъ,—и «Записки Сумасшедшаго»—одно изъ глубочайшихъ произведеній Гоголя, также остались безъ перемѣны. «Шинель» есть новое произведеніе, отличающееся глубиною идеи и чувства, зрѣлости художественнаго рѣзца.

Въ четвертомъ томѣ очень много новаго, и мы особенно рады, что изъ него даже петербургская публика познакомится съ новою комедіею (впрочемъ, еще прежде «Ревизора» написанною) Гоголя—«Женитьба, совершенно невѣроятное событіе въ двухъ дѣйствіяхъ». Здѣсь, въ Петербургѣ она давалась на сценѣ; но тамъ мы не узнали ея, ибо нѣтъ ничего общаго между тѣмъ, что видѣли мы на сценѣ, и что читаемъ теперь въ книгѣ... Никого не обижая, ни на кого не жалуясь, мы кстати замѣтимъ здѣсь, что еще не пришло время у насъ для національнаго театра. Большая часть актѣ-

ровъ нашихъ смотреть на сценическое искусство, какъ на обязанность говорить то, чего не чувствуетъ... Это напоминаетъ намъ слова Гоголя, въ его письмѣ о представленіи «Ревизора»: «Вообще у насъ актёры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значить просто нести болтовню. Лгать значить говорить ложь тономъ столь близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно говорить только одну истину, и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи». Точно также, прибавимъ мы отъ себя, большая часть нашихъ актёровъ не хочетъ понять, что искренность и наивность суть первыя условія сценическаго искусства и комизма, и что, поэтому, смѣшить публику должно естественнымъ воспроизведеніемъ характера, созданнаго поэтомъ, а не утрированіемъ характера; ибо, какъ въ самой дѣйствительности, никто не станетъ выставлять на видъ рѣзкія странности своего характера, чтобъ смѣшить ими другихъ, но каждый тѣмъ и смѣшонъ, что и не подозреваетъ своей смѣшной стороны, такъ и въ сценическомъ искусствѣ—этомъ зеркалѣ дѣйствительности — актёръ долженъ забыть, что онъ играетъ смѣшную роль и помнить только, что онъ представляетъ характеръ, изъ природы и дѣйствительности взятый. Конечно, смѣхъ публики есть награда комическому актёру, но онъ долженъ возбуждать этотъ смѣхъ естественнымъ выполненіемъ представляемаго имъ характера, а не явнымъ желаніемъ, во что бы то ни стало, возбуждать смѣхъ—не рѣзкими движеніями, не уродливымъ костюмомъ... Кстати о костюмахъ: вотъ что говоритъ Гоголь, въ своемъ письмѣ, о выполненіи роли Бобчинскаго и Добчинскаго: «За то, оба наши пріятеля, Бобчинскій и Добчинскій, вышли сверхъ ожиданія дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо, создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ, я воображалъ въ ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, какъ-нибудь вынесутъ ихъ и не такъ обкарикатурятъ. Сдѣ-

жалось напротив: вышла именно карриатура. Уже передъ началомъ представлѣнія, увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенкіе съ прилично приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, включенные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными манишками; а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что, просто, было невыносимо».

«Игроки» — цѣлая комедія, по концепціи и выполнению вполне достойная имени своего автора. Сцены: «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывокъ» — живыя картины разныхъ слоевъ и сферъ русскаго общества. Но выше ихъ «Театральный Разъѣздъ послѣ перваго представлѣнія комедіи»: въ этой піесѣ, поражающей мастерствомъ изложенія, Гоголь является столько же мыслителемъ-эстетикомъ, глубоко постигающимъ законы искусства, которому онъ служить съ такою славою, сколько поэтомъ и соціальнымъ писателемъ. Эта піеса есть какъ-бы журнальная статья въ поэтически-драматической формѣ, — дѣло, возможное для одного Гоголя! Въ піесѣ этой содержится глубоко сознанныя теорія общественной комедіи и удовлетворительные отвѣты на всѣ вопросы, или, лучше сказать, на всѣ нападки, возбужденныя «Ревизоромъ» и другими произведеніями автора. Разобрать это превосходное произведеніе нельзя, не дѣлая изъ него выписокъ, а дѣлать изъ него выписки тоже нельзя, по двумъ причинамъ: по невозможности выбора прекраснаго изъ равно прекраснаго, и еще потому, что вся піеса проникнута такимъ единствомъ мысли, развитой и изложенной такъ логически и послѣдовательно (не смотря на поэтически-драматическую форму), что надобно было бы переписать ее всю отъ начала до конца...

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ. Данте Алигьери. Адъ. Съ очерками Флаксмана и итальянскимъ текстомъ. Переводъ съ итальянскаго О. Фанъ-Дима. Спб.

Вотъ трудъ и предпріятіе, которыхъ нельзя не одобрить, особенно если выполняются хорошо. Данте—это Гомеръ не одной Италиі, но и всей католической Европы среднихъ вѣковъ. Поэтому не должно удивляться ни тому, что Беатриче—героиня поэмы, есть не что иное, какъ аллегорическій образъ богословія, ни тому, что языческій поэтъ Виргилій сопровождаетъ въ христіанско-языческомъ аду христіанскаго поэта. Данте особенно не посчастливилось на Руси: его никто не переводилъ, и о немъ всѣхъ меньше толковали у насъ, тогда какъ это одинъ изъ величайшихъ поэтовъ міра. Г. Фанъ-Димъ заслуживаетъ величайшую благодарность за прекрасное и благое намѣреніе познакомить въ прозаическомъ переводѣ русскую публику съ совершенно незнакомымъ ей поэтомъ. Мы находимъ достойнымъ похвалы и мысль переводчика — переводить Данте не стихами (для чего требовался бы огромный поэтическій талантъ), а прозою, гдѣ главное достоинство—буквальная близость и вѣрность, безъ насилія русскому языку и безъ ущерба плавности и правильности слога. При такомъ переводѣ и подлинникъ *texte en regard* дѣло очень и очень не лишнее. По выходѣ всего перевода, мы скажемъ больше о «Божественной Комедіи».

Не понимаемъ, къ чему и для чего приложено къ этому первому выпуску перевода (закрывающему въ себѣ пять пѣсенъ поэмы) какое-то введеніе съ біографіею Данте, какаго-то г. Струкова, гдѣ безъ толку толкуется о двойственности природы челоуѣка, влекущей его то къ небу, то къ землѣ, объ эпопее, какъ «разсказанной драмѣ», и тому подобныхъ чудесахъ, доказывающихъ въ сочинителѣ неумѣніе мыслить и незнаніе того, о чемъ хочется ему резонёрствовать...

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ Н. А. ПОЛЕВАГО. *Часть третья.* Гамлетъ. — Угolino. Спб. 1843.

Мы уже говорили о первыхъ двухъ частяхъ драматическихъ «представлений» г. Полеваго (ч. VI, стр. 465); но вышедшая теперь третья часть ихъ вновь приводитъ насъ въ раздумье о драматическомъ поприщѣ этого Шекспира Александринскаго театра, и потому намъ слѣдовало бы опять поговорить о немъ; но, не желая повторять уже однажды сказаннаго нами, и умѣя отдавать должную справедливость основательнымъ и хорошо изложеннымъ мнѣніямъ, кому бы ни принадлежали они,—мы выписываемъ здѣсь изъ первой книжки «Москвитянина» 1843 года (стр. 295—298), сужденія этого журнала о патриотическихъ драмахъ г. Полеваго,—въ полной увѣренности, что всѣ порядочные люди такъ же безусловно согласятся съ этимъ сужденіемъ, какъ мы съ нимъ согласились.

«Всѣ драмы г. Полеваго, имѣвшія успѣхъ; доказываютъ, что у насъ всякое произведеніе, вовсе чуждое художественнаго достоинства, но основанное на патриотическомъ чувствѣ будетъ всегда имѣть успѣхъ въ нашей публикѣ. Зрители, смотря на такую драму, рукоплещутъ не пиесѣ, не автору, а своимъ собственнымъ чувствамъ, которыя въ нихъ затронуты, а затронуть ихъ въ русскомъ народѣ не много надобно искусства. Писатели съ огромнымъ талантомъ не посягаютъ на изображеніе такихъ высокихъ чувствъ, боясь уронить ихъ недостаткомъ силъ въ искусствѣ или вызвать незаслуженное ими рукоплесканіе; писатели безъ надежды на свой талантъ не смотря на то и, во что бы ни было, хотять снискать одобреніе.

«Патриотическая драма, угождающая вкусу народа и любимымъ его чувствамъ у насъ не переводилась. Вспомнимъ *Великодушіе, Рекруткій Наборъ* Ильина, *За Богомъ Молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ* Иванова. Князь Шаховской умножилъ также этотъ репертуаръ, особенно воспоминаніями двѣнадцатаго года. Г. Полевой, спомнившій дѣйствіе, какое эти драмы произвели на публику, возобновилъ этотъ родъ во всѣхъ его подробностяхъ, съ тѣми же достоинствами и недостатками. Лица его цѣликомъ берутся изъ прежнихъ

драмъ, выкроенныя по той же мѣркѣ и говорятъ тѣмъ же самымъ языкомъ.

«Доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія о драмѣ г. Полеваго, что она успѣхомъ своимъ обязана чувствамъ патріотическимъ, а не своему литературному достоинству, можетъ служить одна изъ напечатанныхъ теперь пьесъ — *Солдатское Сердце, или Биваки въ Саволакскъ*. Въ ней выведено событіе изъ жизни г. Булгарина, какъ сознается самъ авторъ, хотѣвшій послѣ патріотическихъ драмъ прославить и добрый подвигъ своего искренняго друга. Драма упала, по признанію самого же автора. Какая была этому причина? На афишкѣ не было объявлено, что драма представляетъ подвигъ изъ военной жизни г. Булгарина; да еслибы и было объявлено, то публика петербургская такъ любитъ г. Булгарина, какъ онъ самъ насъ не рѣдко въ томъ увѣряетъ, что подобное объявленіе, конечно, *не повредило бы успѣху пьесы*. Враги же его, вѣрно, не такъ ужъ сильны, чтобы могли составить заговоръ противъ его драматической апофеозы, написанной, въ знакъ дружбы, г. Полевымъ. Нѣтъ, причина не въ томъ. Въ драмѣ выведено событіе изъ простой жизни частнаго человѣка, ужъ безъ всякихъ патріотическихъ чувствъ, безъ громкихъ или завлекательныхъ именъ Державина, Хемницера, Сумарокова... тутъ требовалось одно простое искусство, безъ всякой помощи посторонней, и драма упала, потому что искусства не было.

«Когда нѣтъ у автора въ запасѣ патріотическихъ чувствъ, чтобы привлечь нашу публику, то онъ прибѣгаетъ къ извѣстнымъ историческимъ именамъ нашей литературы, выводитъ безъ всякаго угрызенія совѣсти Державина, Хемницера, или уродуетъ Тредьяковскаго, Сумарокова, вызываетъ рукоплесканія себѣ громкими стихами нашего лирика, или баснями Хемницера, или заставляетъ смѣяться на счетъ дурныхъ стиховъ Тредьяковскаго, уродливо прочтенныхъ актеромъ, — или пародируетъ между Триссотиномъ и Вадіусомъ, замѣнивъ ихъ именами Сумарокова и Тредьяковскаго... Мотивы все не новые, давно употребленные княземъ Шаховскимъ и другими... Только жаль, что тутъ вмѣшиваются имена такія, которыми мы должны дорожить и которые надобно выводить осторожно... Не пріятно же слышать, какъ Державинъ и Хемницеръ, на перерывѣ другъ передъ другомъ, хвастаютъ своими стихами на глазахъ всей публики.

«Друзья г. Полеваго, говоря объ его драмахъ, всегда прибавляютъ; «еслибы г. Полевой не писалъ для сцены, что было бы съ русскимъ театромъ?» Весьма достойно замѣчанія, какъ г. Полевой, владѣющій умомъ смѣтливымъ и оборотливымъ, являлся всегда тамъ, гдѣ совершалось паденіе какого-нибудь рода словесности... Упали журналы въ

Москва и Петербург и состарившись лѣниво мѣняли свои страны... Г. Полевой явился кстати съ своимъ Телеграфомъ... Умеръ Карамзинъ, не завѣщавъ никому историческаго пера своего... Г. Полевой тутъ какъ тутъ съ Исторіею Русскаго Народа... Упала русская драма на нашей сценѣ. Дѣятельный и остроумный князь Шаховской сходитъ съ нея съ безконечнымъ роемъ своихъ произведеній. Г. Кукольникъ дѣлаетъ трагическія усилія, чтобы поддержать нашу Мельпомену, но и тотъ покидаетъ роль драматика. Сцена почти пуста и живетъ только передѣлками съ французскаго... Г. Полевой и тутъ поспѣваетъ и строить какую-нибудь драму изъ обломковъ патріотической драмы Ильина и Федорова, изъ прежнихъ мотивовъ князя Шаховскаго, изъ ужасовъ неистовой мелодрамы французской, воспроизведенной имъ въ Уголино, изъ прежнихъ дѣтскихъ своихъ воспоминаній о драмѣ Коцебу, съ примѣсю нѣкоторыхъ новыхъ изъ Дюма, Гюго, Шиллера, Шекспира, а иногда изъ оперъ, какъ, напримѣръ: Фрейшица, и проч. Вотъ происхожденіе драмы г. Полеваго... Это постный ужинъ, который хозяинъ дома, за неизмѣимъ свѣжей провизіи, на скорую руку составляетъ изъ оставшихся объѣдковъ отъ своей обѣденной трапезы и предлагаетъ неожиданно наѣхавшимъ гостямъ... Они и тому рады, по извѣстной пословицѣ русскаго хлѣбосольства о безрыбь»...

Ничего не можетъ быть справедливѣе и безпристрастнѣе этого сужденія, такъ замысловато и остро высказаннаго! Есть истины до того очевидныя и неопровержимыя, что въ нихъ не могутъ не соглашаться люди самыхъ противоположныхъ характеровъ, самыхъ несходныхъ убѣжденій и направленій, словомъ, люди, которымъ какъ-будто назначено ни въ чемъ не соглашаться другъ съ другомъ. Такова, напримѣръ, истина сужденія «Москвитянина» о патріотическихъ и всякихъ другихъ «представленіяхъ» г. Полеваго: мы, ни въ чемъ не согласные съ «Москвитяниномъ», признаемъ его мнѣніе о драмахъ г. Полеваго неоспоримо истиннымъ, — и думаемъ, что если самъ г. Булгаринъ, сей искренній другъ г. Полеваго, не согласится теперь съ этимъ мнѣніемъ, то развѣ по какимъ-нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ настоящей минуты... Чтò же касается до мнѣнія «Москвитянина» объ изворотливой и сметливой литературной дѣятельности г. По-

леваго, всегда поспѣвающей строить и созидать на развалинахъ падшихъ зданій, изъ мусорныхъ матеріаловъ самыхъ этихъ развалинъ, — то это мнѣніе, съ которымъ мы безусловно согласны, еще прежде «Москвитянина» высказано самимъ г. Булгаринымъ, съ которымъ мы тогда же въ этомъ согласились. А было это, помнится, еще въ 1839 году, и «Отечественныя Записки» въ свое время сообщили публикѣ этотъ любопытный фактъ безпристрастія г. Булгарина въ дѣлѣ литературнаго сужденія о другѣ; но какъ повтореніе основательныхъ мнѣній, чьи бы они ни были, служить къ ихъ распространенію и утвержденію, то мы вновь сообщимъ читателямъ интересное мнѣніе г. Булгарина, — тѣмъ болѣе, что это нужно намъ, въ настоящемъ случаѣ, для доказательства единодушнаго согласія всѣхъ и cadaго въ дѣлѣ слишкомъ очевидныхъ истинъ:

«Почтенный Н. А. Полевой пишетъ, какъ говорятъ, полосами. О чемъ рѣчь въ публикѣ, за то принимается почтенный Н. А. Полевой. Была эпоха журналовъ, Н. А. издавалъ журналъ; была мода на Шеллингову философію и политическую экономію—онъ писалъ о философіи и политической экономіи. Настала мода на романы, — онъ сталъ писать романы. Альманахи ввели въ моду оригинальныя повѣсти — Н. А. сталъ писать повѣсти. Заговорили объ исторіи, — вотъ есть и исторія; наконецъ, вкусъ высшаго сословія и публики явно обратился къ театру, и Н. А. Полевой пишетъ трагедіи, драмы, драматическія представленія, драматическія были и водевили. Пишетъ онъ такъ много, что мы не можемъ постигнуть, когда онъ выбиралъ время, чтобы читать и учиться! Н. А. Полевой человекъ умный и *удивительно смысленный*. Онъ не можетъ написать ничего рѣшительно дурнаго, а между тѣмъ написалъ онъ много хорошаго. Что онъ напишетъ; во всемъ пробивается то талантъ, то смѣтливость, то ловкое подражаніе, и *все приморовлено къ понятіямъ большинства*. Невозможно быть безпристрастнѣ насъ къ Н. А. Полевому и, *не смотря на происшедшее*, мы всегда отдаемъ справедливость его таланту, уму, трудолюбію, а *больше всего его смѣтливости, въ которой онъ не имѣетъ равнаго въ нашей литературѣ*».

Совершенная правда! Такъ какъ пришлось къ слову, замѣтимъ тутъ же, что этою, дѣйствительно, удивленія достой-

ною сметливостью обладает, между русскими литераторами, не одинъ г. Полевой: отдавая ему полную справедливость, мы не должны же быть несправедливы и къ г. Булгарину, тоже обладающему замѣчательнымъ талантомъ въ этомъ родѣ. Вся разница въ характерѣ таланта: г. Полевой больше устремляется, какъ справедливо замѣчаетъ «Москвитянинъ», туда, гдѣ совершилось паденіе какого-нибудь рода словесности; г. Булгаринъ, напротивъ, является неожиданно большею частію послѣ какого-нибудь успѣха посредствомъ литературнаго оборота. Въ то время, какъ мода на альманахи заставляла г. Полеваго писать повѣсти,—ихъ писалъ и г. Булгаринъ: успѣхъ альманаховъ заставилъ г. Булгарина издать «Талію»; удачная подписка на неконченную доселѣ «Исторію Русскаго Народа» имѣла своимъ слѣдствіемъ неудачную и тоже не конченную «Россію» г. Булгарина; успѣхъ «Посредника» родилъ «Эконома»; успѣхъ «Нашихъ» произвелъ «Картинки Русскихъ Нравовъ»; политипажная исторія Суворова г. Полеваго породила «Романтическія Сцены изъ Жизни Суворова» съ политипажными же, которые, говоритъ г. Булгаринъ, скоро явятся въ свѣтъ; успѣхъ драматическихъ «представленій» г. Полеваго на Александринскомъ театрѣ породилъ неуспѣшную, впрочемъ, «Шкуну Нюкарлеби». Подражая всему успѣшному, г. Булгаринъ иногда огорчается, если видитъ, что задуманное имъ «успѣшное» упреждается чужимъ «успѣшнымъ», особенно «успѣшнѣйшимъ». Такъ, напримѣръ, «Юрій Милославскій» упредилъ выходомъ «Димитрія Самозванца» — и за то навлекъ на себя довольно грозную критику въ «Сѣверной Пчелѣ». Равнымъ образомъ г. Булгаринъ не любитъ совмѣстничества: просимъ читателей вспомнить извѣстную исторію о капустныхъ кочерыжкахъ...

Возвратимся къ «представленіямъ» г. Полеваго, въ изданномъ нынѣ третьемъ ихъ томѣ.

Этотъ третій томъ содержитъ въ себѣ «Гамлета»—драматическое представленіе Вилліама Шекспира—и «Уголино»—

драматическое представлѣніе Николая Полеваго. Хотя «Гамлетъ» только переводъ г. Полеваго, но и его можно счесть за сочиненіе, ибо сущность всякаго произведенія составляетъ его духъ, а въ переведенномъ г-мъ Полевымъ «Гамлетѣ» Шекспира нѣтъ нисколько Шекспировскаго духа: переводчикъ замѣнилъ его собственнымъ своимъ. Поэтому, «Гамлетъ» такъ же точно есть сочиненіе г. Полеваго, какъ и «Уголино»: въ обоихъ одинъ духъ, одна манера, и если Шекспиръ болѣе или менѣе виноватъ въ «Гамлетѣ» г. Полеваго, то онъ же болѣе или менѣе виноватъ и въ «Уголино»; ибо въ какомъ отношеніи находится «Гамлетъ» г. Полеваго къ «Гамлету» Шекспира, въ такомъ же точно отношеніи находится «Уголино» г. Полеваго къ «Ромео и Юліи» Шекспира... Многіе считаютъ это отношеніе весьма похожимъ на отношеніе пародіи къ оригиналу... Мы сказали, что сущность всякаго произведенія заключается въ его духѣ, и потому должны характеризовать духъ «Гамлета» и «Уголино». Съ этой точки зрѣнія, оба эти произведенія чрезвычайно интересны, потому что оба они — родовыя, типическія явленія въ области русской литературы.

Иныя слова, по особеннымъ обстоятельствамъ, получаютъ въ послѣдствіи совсѣмъ другое значеніе, нежели какое имѣли вначалѣ и какое назначила имъ выразить этимологія языка. Такъ, на примѣръ, русское слово «чувствительный» сперва означало человѣка съ чувствомъ, съ душою; слѣдовательно, оно имѣло похвальное значеніе. Но сентиментальность, овладѣвшая нашею литературою и нашимъ обществомъ въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія, дала слову «чувствительный» ироническое значеніе, такъ что теперь говорятъ «человѣкъ съ чувствомъ» и уже не говорятъ «чувствительный человѣкъ», ибо послѣднее означаетъ слезливаго воздыхателя, аркадскаго пастушка въ соломенной шляпѣ, съ розовыми лентами на груди, — лицо, нѣкогда извѣстное въ русской литературѣ подъ именемъ Эраста Чертополохова. Такимъ

же точно образомъ у Нѣмцевъ выраженіе «прекрасная душа» (schöne Seele) и происшедшее отъ него неловкое въ русскомъ переводѣ слово «прекраснодушіе» (Schönseeligkeit), получили, въ послѣднее время, совершенно противоположное значеніе. Слово «прекрасная душа» у Нѣмцевъ выражаетъ собою понятіе о тѣхъ слабыхъ и поверхностныхъ характерахъ, которые исполнены энтузіазма ко всему высокому и прекрасному, но которые никогда не могутъ понять хорошенько, въ чемъ состоитъ и чтò такое это «высокое» и «прекрасное», отъ котораго они всегда въ такомъ восторгѣ. Сердце у этихъ людей, дѣйствительно, доброе, ума въ нихъ также отрицать нельзя; но они лишены всякаго такта дѣйствительности. Они узнаютъ высокое и прекрасное только въ книгѣ, и то не всегда; въ жизни же и въ дѣйствительности, они никогда не узнаютъ ни того, ни другаго, и отъ этого скоро во всемъ разочаровываются (любимое ихъ словцо!), холодѣютъ душою, старѣются во цвѣтѣ лѣтъ, останавливаются на полудорогѣ и оканчиваютъ тѣмъ, что или (и это по большей части) примиряются съ дѣйствительностію, какова бы она ни была, т. е. съ облаковъ прямо падаютъ въ грязь; или дѣлаются мистиками, мизантропами, лунатиками, сомнамбулами. Обыкновенно, они смѣшны и жалки въ томъ и другомъ случаѣ; но въ первомъ, они бываютъ иногда ужъ и не жалки, а скорѣе страшны своимъ примиреніемъ съ дѣйствительностію... Не разочаровываться имъ невозможно, ибо у нихъ идеаль не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностію и неспособенъ къ осуществленію на дѣлѣ. Если этотъ идеаль—дѣва, то непремѣнно неземная, которая не ѣсть, не пьетъ и не хвораетъ, питаясь одними высокими чувствами, любовью, восторгомъ, вдохновеніемъ, и пр. И потому, въ дѣвахъ они наиболѣе разочаровываются: неспособные понять и оцѣнить ничего, чтò просто, безъ претензій и безъ эффектовъ прекрасно, они всего чаще привязываются къ ничтожнымъ созданіямъ и умножаютъ число несчастныхъ браковъ по страсти. Если этотъ идеаль—другъ,

то горе ему: самолюбіе—болѣзнь «прекрасныхъ душъ»—потребуетъ отъ него, чтобъ онъ отказался отъ себя и безпрестанно любовался прекрасными чувствами и словами своего друга, страдалъ бы его страданіями, радовался его радостями, а о себѣ не думалъ бы вовсе; въ противномъ случаѣ, онъ — эгоистъ, холодная душа «разочарователь». Идеаль блаженства любви «прекрасныхъ душъ» — пустыня вдали отъ людей, природа, прогулки при лунѣ, вздохи, поцѣлуи и — больше всего — совершенное бездѣйствіе. Они вѣчно стремятся туда, а здѣсь недовольны всѣмъ: люди ихъ не понимаютъ, жизнь для нихъ пошла, ибо въ ней нужны и деньги, и пища, и одежда, необходимы горе и трудъ. Труда они не любятъ въ особенности: въ немъ такъ много прозы, а они хотятъ дышать одною поэзіею.

Но чтобы сдѣлать вѣрный очеркъ того, что Нѣмцы называютъ «прекрасною душою», нужна цѣлая статья. И такъ, удовольствуемся однимъ намекомъ: догадливые поймутъ насъ. У насъ были попытки ввести въ употребленіе слово «прекраснодушіе», которыя остались тщетными, и по справедливости: у Нѣмцевъ это слово получило такое значеніе черезъ развитіе самой общественности, такъ же, какъ у насъ слово «чувствительный». Мы думаемъ, что слова «романтикъ» и «мечтатель» довольно близко подходятъ подъ значеніе нѣмецкаго выраженія «прекрасная душа» (*schöne Seele*). Кто хочетъ познакомиться съ характерами и натурами романтиковъ мечтателей — тѣмъ рекомендуемъ изъ романовъ г. Полеваго «Аббадонну», а изъ повѣстей: въ особенности «Живописца», «Блаженство Безумія» и «Эмму»; это тонкіе, злые картины и очерки романтиковъ и мечтателей. Но всѣхъ ихъ выше — «Гамлетъ» и «Уголино»: это просто сатирическая апофеоза романтическихъ душъ и мечтательныхъ характеровъ. Мы не будемъ распространяться въ доказательствахъ: перечтите въ «Уголино» сцены любви между Нино и Вероникою, — и вы сами увидите, что улика на лицо. Одна уже мысль жить

въ пустынь аркадскими пастушками, занимаясь одною любовію—въ высшей степени «романтическая» и «мечтательная». Этотъ Нино съ своею Верониюю, просто — Маниловъ съ своею супругою; онъ держитъ въ рукѣ конфетку и говорить супругѣ: «Разинь, душенька, ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ».

Что касается до «Гамлета», то достоинство его, какъ перевода, вполне оцѣнено великимъ знатокомъ Шекспира, покойнымъ профессоромъ Харьковскаго университета, И. Я. Кронебергомъ, и, въ другой статьѣ, сыномъ его, А. И. Кронебергомъ. Но нѣтъ худа безъ добра: изъ перевода вышло сочиненіе г. Полеваго, и это послужило къ успѣху пьесы на нашей сценѣ, гдѣ Шекспиръ такъ какъ онъ есть (не обсахаренный и не разсыропленный) еще недоступенъ. Но за то, нѣкоторые потому только и прочли превосходный переводъ «Гамлета» г. Вронченко и поняли его, что видѣли на сценѣ «Гамлета» г. Полеваго... И то заслуга!

ПЕРЕВОДЧИКЪ ИЛИ СТО ОДНА ПОВѢСТЬ И СОРОКЪ СОРОКОВЪ АНЕКДОТОВЪ, *древнихъ, новыхъ и современныхъ*; *мыслей, правилъ, суждений, мнѣній, и пр., подвиговъ, храбрости, добродѣтели, ума, глупости, простодушія, и пр. острыхъ словъ, выразительныхъ, эпиграммъ, каламбуровъ, и пр. Характеристическихъ очерковъ, портретовъ, и пр. и пр.* Спб. 1843. Четыре тома.

Нельзя не одобрить мысли этого предпріятія, по словамъ издателей «оконченнаго и притомъ безконечнаго». Повѣсть, въ наше время, есть зеркало общественной жизни, органъ познанія общества и умственная его пища; повѣсть теперь—сама литература, исторія, нравственность, философія, добро

и зло, полнота и пустота, жизнь и апатія, величіе и ничтожность общества и времени. Повѣсть завладѣла вниманіемъ всѣхъ и каждаго, сдѣлалась необходимымъ условіемъ не только литературныхъ журналовъ, но и газетъ политическихъ. Если у васъ есть задушевная мысль, которая кажется другимъ слишкомъ серьезною, или мало интересною, и ее не хотятъ отъ васъ выслушать — изложите ее въ формѣ повѣсти, или разсказа, и васъ непременно прочтутъ и даже поймутъ. Книга, состоящая изъ однѣхъ повѣстей, не можетъ не имѣть успѣха, если повѣсти хоть сколько-нибудь не лишены литературнаго достоинства. Вотъ почему и у насъ начали появляться разные сборники, преимущественно наполняемые повѣстями и разсказами. Но наша литература еще не въ состояніи удовлетворять этой потребности: у насъ мало писателей съ дарованіемъ, еще меньше писателей трудолюбивыхъ, много пишущихъ,—можетъ-быть, и потому что наша общественность не даетъ достаточно матеріаловъ для сочиненій такого рода. За то, для сборниковъ переводныхъ повѣстей сколько матеріаловъ, какое неистощимое богатство! Только издавайте—а читать и покупать будутъ. Анекдоты и разные мелочи, какъ смѣсь при журналахъ, представляя собою богатый матеріалъ для лѣниваго перелистыванія, много придадутъ цѣны вашему сборнику въ глазахъ любителей легкаго чтенія.

И такъ, мысль «Переводчика» прекрасна; но къ сожалѣнію, въ дѣлахъ человѣческихъ, и особенно въ дѣлахъ русской литературы, выполненіе очень рѣдко соответствуетъ мысли, а мысль—выполненію. Это случилось и съ «Переводчикомъ»: сколько хорошъ этотъ сборникъ по мысли, столько дурень онъ по выполненію. Повѣсти, составляющія его содержаніе, ничтожны и по объему и по содержанію; это какіе-то разсказы, плохо переведенные. Чтò же касается до анекдотовъ,—этò тысяча первое повтореніе старыхъ, съ издѣтства каждому извѣстныхъ вздоровъ, съ прибавленіемъ новыхъ пустяковъ. А переводъ?—Боже мой, чтò это такое!... Издатели

объявили даже имена переводчиковъ; слогъ и языкъ перевода отъ этого нисколько не сдѣлались лучше. Опечаткамъ вѣтъ числа.

Наружность «Переводчика» не щегольская. За то, скажутъ, дешево! Конечно, отвѣтимъ мы, дешевыя изданія заслуживаютъ благодарность со стороны публики, это правда, но тогда только, когда они дѣльны. Промышленность книжная—весьма важное дѣло для успѣховъ самой литературы, но тогда только, когда она образованна; иначе—она вредъ, ибо подрываетъ довѣріе публики и превращаетъ литературу въ толкучій рынокъ. Вотъ почему «Отечественныя Записки» никогда не будутъ поддерживать, кредитомъ своего мнѣнія, подобныхъ предпріятій, предоставляя это благонамѣренности, безпристрастію и безкорыстію тѣхъ газетъ, которыя давно уже извѣстны этими достоинствами. Мы очень были бы рады, еслибъ слѣдующіе выпуски «Переводчика» заставили насъ перемѣнить наше о немъ мнѣніи.

АРИСТОКРАТКА, *быль недавнихъ временъ, рассказанная*
Л. Брантомъ. Спб. 1843.

Всѣ жалуются на непрерывное размноженіе плохихъ «сочиненій» въ русской литературѣ, и эти жалобы всегда наводятъ на размышленіе о причинахъ такого горестнаго размноженія. Нѣкоторыя изъ этихъ причинъ кроются очень глубоко, и говорить о нихъ въ короткой журнальной рецензій невозможно; другія, ближайшія, очевидны. Ихъ то мы и хотѣли бы показать читателямъ. Побужденій, которыя заставляютъ у насъ сочинительствовать людей безъ призванія, безъ образованности, безъ всего, чтѣ нужно для занятія литературою,—такихъ побужденій два: «деньги» и собственно такъ называемое, внушаемое самолюбіемъ, желаніе печататься,

слыть «сочинителемъ». По первому побужденію дѣйствуютъ люди, съ болѣе или менѣ замѣчательнымъ практическимъ разсудкомъ и направленіемъ чисто промышленнымъ. Человѣкъ, перебивавшій, можетъ-быть, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, долго и внимательно присматривавшійся ко всѣмъ доступнымъ ему родамъ занятій, съ одною на мигъ не покидавшею его мыслию, гдѣ бы вѣрнѣе и легче зашибить копейку, почему либо разочтеть, что быть сочинителемъ выгоднѣе, чѣмъ переписывать отношенія, торговать пряными кореньями, обучать юношество грамматикѣ и «россійской словесности», или рисовать вывѣски для мелочныхъ лавокъ,— и вотъ онъ сочинитель. Безстрашно бросается онъ на тотъ родъ литературныхъ произведеній, который преимущественно читается (а иногда и на всѣ роды вдругъ), и небу жарко отъ трескотни его крѣпкаго пера, и полки книжныхъ лавокъ ломаются подъ тяжестью быстро производимыхъ имъ огромныхъ томовъ книжнаго товара. Если, несмотря на остервенѣніе, съ которымъ онъ напалъ на литературу, первыя попытки окажутся неудачными, то-есть, не доставятъ ему существенной выгоды—денегъ, онъ смиренно идетъ на иное поприще, уступая мѣсто другому. Но если удача, которой такъ не трудно, при нѣкоторыхъ условіяхъ, достигнуть въ нашей литературѣ, увѣнчаетъ труды его,— онъ на вѣкъ остается сочинителемъ, и никакія преслѣдованія критики, не выживутъ его изъ литературы. Брань журналовъ, если она не наноситъ существеннаго вреда сбыту его сочиненій, онъ переноситъ въ молчаніи, съ стоическимъ хладнокровіемъ. Она даже не сердитъ его внутренно: онъ человѣкъ добрый и нерѣдко сознающійся въ своей слабости. Подъ веселый часъ, онъ пожалуй и самъ вмѣстѣ съ вами будетъ смѣяться надъ своими сочиненіями и надъ публикой, которая ихъ покупаетъ. Печатныя отреченія отъ своихъ мнѣній, вторичныя обращенія къ нимъ и потомъ новыя отреченія—для него ни-почемъ. Только при сильныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ критики, которая въ томъ кругу,

гдѣ она употребляется, извѣстна подѣ именемъ «битья по карманамъ», сердце его судорожно сжимается, и голосъ издаетъ звуки, подобныя тѣмъ, какіе въ старину можно было слышать въ глухую полночь на большой муромской дорогѣ... Такого рода сочинителей очень много; они, какъ извѣстно, раздѣляются на разные классы: много такихъ, которые тысячами считаютъ свои доходы и давно уже въ печати усвоили себѣ названіе «заслуженныхъ литераторовъ» и титулъ «почтеннѣйшихъ»; но еще больше такихъ, которые таятся, Богъ знаетъ, въ какомъ литературномъ захолустѣ и приводятся въ движеніе не совѣмъ-то щедрымъ великодушіемъ книгопродавцевъ толкучаго рынка. Къ тому же разряду принадлежатъ господа, посвящающіе сво икниги «благодѣтелямъ», «святельствамъ», «превосходительствамъ» въ знакъ душевнаго уваженія, отмѣнной пресмыкаемости, глубочайшей преданности и другихъ похвальныхъ чувствъ.

Совершенно противное явленіе представляетъ принадлежащій ко второму разряду сочинитель,—сочинитель по страсти къ сочинительству. Это существо въ высшей степени странное, мелкое по природѣ, великое для самого себя, жалкое для другихъ, самолюбивое, раздражительное, лишенное малѣйшей способности сознавать свои недостатки, грубо и несправимо ослѣпленное самимъ собою. Однажды навсегда, въ глубинѣ души своей рѣшивъ утвердительно вопросъ о своей геніяльности, маленькій великій-человѣчекъ спитъ и видитъ себя сочинителемъ. И, Боже мой! чего бы онъ не далъ, на что бы не рѣшился, только бы видѣть поскорѣе осуществленіе безумныхъ грѣзъ своихъ! Каждая строка, каждая буква, которую онъ написалъ, кажется ему чѣмъ-то важнымъ; какъ ребенокъ съ игрушкою, какъ помѣшанный съ пунктомъ своего помѣшательства, носится онъ съ жалкимъ своимъ сочиненьицемъ: не надышитъ на него, не нарадуется; не доѣстъ, не доспитъ, только бы покрасивѣе его напечатать; обобьетъ пороги въ типографію, гдѣ она печатается, безпрестанно

справляясь «скоро ли», любясь на корректурные листы и «задавая тону» передъ типографскими рабочими. А какъ шибко бьется самолюбивое сердечко его при выходѣ книги въ свѣтъ! Съ какимъ трепетомъ, съ какими надеждами носить онъ ее по книжнымъ лавкамъ, по знакомымъ, по журналистамъ? Вездѣ подслушиваетъ, всюду замѣчаетъ, что о немъ говорить, впутывается самъ въ разговоръ, и за долго еще до наступленія перваго числа мѣсяца бѣжить въ типографію провѣдать, что скажутъ о немъ «Отечественныя Записки». И вотъ явилась книжка «Отечественныхъ Записокъ». Если, въ пылу добраго намѣренія, журналъ посвятитъ дрянной книжонкѣ его серьёзный разборъ, гдѣ ясно докажетъ сочинителю, что писать не его дѣло, и будетъ заклинать его, именемъ здраваго смысла, удержаться отъ пагубной страсти,— въ какой ужасъ, въ какое ярое, необузданное негодованіе приходитъ тогда маленькій великій-человѣкъ! Кроткія увѣщанія, внушенныя состраданіемъ, превращаются, въ глазахъ его въ порожденіе зависти, въ лицемѣрное посягательство на его гений, на вѣнокъ его будущей славы! Уязвленный въ самое сердце, но болѣе, чѣмъ когда-нибудь, убѣжденный въ своемъ достоинствѣ, онъ принимается издавать брошюры противъ своихъ доброжелателей; безсильнымъ жалобамъ его на несправедливость, пристрастіе, личности журналовъ — нѣтъ конца и умолку; онъ даже готовъ принести официальную жалобу на своихъ благонамѣренныхъ судей... Что жъ далѣе? Далѣе, о немъ никто уже не говоритъ, его оставило даже небольшое число слушателей, привлеченныхъ къ нему первоначально дикостью его воплей и новостью нелѣпныхъ претензій; имени его уже никто не произноситъ, даже въ насмѣшку, но долго, долго еще, гдѣ-нибудь въ темномъ закулустьѣ литературы, раздается пискливый голосокъ его колоссально-мелкаго самолюбія. Наконецъ, не дождавшись похвалъ журналистовъ и публики, онъ принимается хвалить самъ себя, выставляя на видъ свои небывалыя заслуги; онъ не щадитъ

никакихъ усилій, не пренебрегаетъ никакими средствами для приобрѣтенія извѣстности, и готовъ даже, пользуясь открытымъ въ себѣ, при помощи услужливыхъ пріятелей и собственной проницательности, сходствомъ съ какимъ-нибудь великимъ человѣкомъ, выдать себя за пра-пра-внука Шекспира, внука Вальтеръ-Скотта, только бы побольше «предъявить» міру правъ на громкое имя. И все нѣтъ удачи! Но вотъ тщетность усилій, кажется, наконецъ охладила его рвеніе: имя его рѣже и рѣже появляется въ печати, и наконецъ исчезаетъ. Публика не сожалеетъ; журналисты торжествуютъ, отъ души радуясь своему доброму дѣлу. Увы, торжество преждевременное!... Вотъ опять является брошюра съ именемъ, которое уже знакомо журналамъ. Это онъ! да, точно онъ, только уже въ другомъ видѣ: онъ значительно присмирѣлъ; посмотрите: онъ хвалить уже тѣхъ, которые его порицаютъ, противъ которыхъ самъ же онъ, въ пылу перваго гнѣва, разослалъ столько бранныхъ брошюръ. Чтò это значитъ? Бѣдный мученикъ пагубной страсти къ сочинительству! до чего дошелъ ты? Чтòбъ добиться вождельныхъ похвалъ, ты льстишь, ты поешь комплементы тѣмъ, которыхъ прежде ругалъ и которыхъ въ душѣ считаешь врагами!... Но журналисты, равнодушные нѣкогда къ брани маленькаго великаго-человѣка, еще равнодушнѣе къ похваламъ его: они снова говорятъ ему напрямикъ горькую, убійственную истину!... И чтò жъ бы вы думали?.. Неудача послѣдней попытки образумить его, возвратитъ на путь истинный, остановитъ отъ сочинительства?... Увы, нѣтъ!... И тогда, когда ни ожесточенные вопли ребяческаго самолюбія, ни безсильная брань, ни умышенная лесть, ни безденежное разсыланіе публикѣ брошюръ о своей геніяльности, ни даже похвалы въ какой-нибудь газетѣ, доступной состраданію при нѣкоторыхъ условіяхъ, не помогутъ маленькому человѣку вырваться изъ безвѣстности, назначенной ему судьбою,— осмѣянный, согнанный съ литературной арены на самую по-

слѣдную ступень ея, онъ все еще не можетъ преодолѣть злѣйшаго врага своего — собственнаго самолюбія, и продолжаетъ нерѣдко до самой могилы сочинительствовать... Жалки обрисованные нами выше литературные дѣятели изъ корысти, но еще болѣе жалки отверженцы искусства, зараженные страстью къ сочинительству, и не первый ли долгъ критики останавливать сколько возможно столь пагубную страсть въ самомъ ея началѣ, пока она не успѣла еще совершенно овладѣть человѣкомъ? Вотъ почему «Отечественныя Записки» не рѣдко говорили, и впередъ намѣрены иногда говорить о самыхъ неутѣшительныхъ явленіяхъ нашей литературы съ бѣльшимъ вниманіемъ, чѣмъ они, повидимому, заслуживаютъ.

Все сказанное, само собою разумѣется, не имѣетъ никакого прямаго отношенія къ книгѣ, которой заглавіе выставлено въ началѣ статьи. Все это не болѣе, какъ очеркъ, могущій послужить матеріаломъ для будущаго составителя статьи въ «Наши», гдѣ вѣдь долженъ же быть нарисованъ «сочинитель». — Теперь обратимся къ сочиненію г. Бранта.

Неоднократно мы имѣли случай замѣчать г. Бранту, какъ бесполезны для литературы и для него самого усилія его сочинять, сочинять во что бы то ни стало. Но г. Брантъ не исправимъ: едва прошло полгода отъ появленія его странныхъ критическихъ брошюръ, и вотъ онъ является съ новымъ произведеніемъ: «Аристократка» .. Аристократка — и г. Брантъ! Какъ много сказано однимъ заглавіемъ! Кажется, нечего и прибавлять... Не можемъ, однакожь, не обратить вниманія на одну новую, чрезвычайно тонкую выходку г. Бранта. Послушайте: г. Брантъ говоритъ о преслѣдованіи критикою людей ничтожныхъ и глупыхъ.

«Отчего именно (спрашиваетъ онъ) на этихъ именно бѣдныхъ недорослей, вѣчныхъ, произвольныхъ дѣтей человечества, должно изливать желчь ума и сатиры, предназначенной преимущественно бичевать предразсудки и пороки людей незначительныхъ по роли,

разыгрываемой ими въ обществѣ, не невѣждѣ и глупцовъ обыкновенныхъ, дюжинами дюжинъ встрѣчаемыхъ, но людей съ вѣсомъ и внѣшняго и внутренняго значенія?»

Подумаешь, къ какимъ средствамъ ни прибѣгаютъ люди! Не преслѣдуйте насмѣшкой невѣждъ и глупцовъ, говоритъ г. Брантъ: «насмѣшка создана для людей съ вѣсомъ внутренняго и внѣшняго значенія». Зачѣмъ бы, казалось, придумывать г-ну Бранту такой странный парадоксъ?... Но положимъ, что это придумалось такъ, съ проста; главное тутъ — ложность парадокса. Если преслѣдовать только слабости и недостатки людей съ умомъ и вѣсомъ, какъ желаетъ г. Брантъ, то глупость, невѣжество и шарлатанство могутъ вообразить, что въ нихъ нѣтъ ни слабостей, ни недостатковъ. Намъ кажется, что именно дерзкія-то усилія попасть, куда не слѣдуетъ, невѣжественные предразсудки и простодушныя ухищренія глупцовъ и невѣждъ, которыхъ вы, г. Брантъ, защищаете, и должны быть преимущественно преслѣдуемы насмѣшкою; если мало одной насмѣшки — ихъ, какъ язвы на тѣлѣ общественномъ, должно искоренять всѣми мѣрами — выжигать, вырѣзывать, вытравлять. *Si medicamenta non sanant; ignis sanat; si ignis non sanat, ferrum sanat*, сказалъ еще Иппократъ, на котораго мы и ссылаемся, въ подтвержденіе нашихъ словъ...

Кто желалъ бы по чему-либо короче познакомиться съ новымъ произведеніемъ г. Бранта, тому мы должны сказать еще, что въ этомъ произведеніи нѣтъ даже тѣхъ простодушныхъ, неумышленныхъ обмолвокъ, которыя иногда встрѣчаются въ сочиненіяхъ такого рода и, подъ веселый часъ, срываютъ невольную улыбку; здѣсь все чистенько, гладенько, отдѣлано съ рачительностію самой терпѣливой бездарности и оттого чрезвычайно пошло. Дѣйствующія лица — аристократка, которая ѣздитъ въ Александринскій театръ и объясняется, какъ героини представляемыхъ тамъ водевилей; учитель исторіи, педагогъ, который изъ рукъ вонъ глупъ; сверхъ того самъ сочинитель — г. Брантъ — иногда замедляетъ и безъ

того уже вялое дѣйствіе повѣсти отступленіями, въ родѣ слѣдующаго:

«Не знаю, отчего рука моя дрожитъ, *начертывая* строки, приближающія меня къ описанію послѣднихъ событій этой повѣсти; отчего оставляетъ меня спокойствіе *историка*, и я чувствую нѣкоторое *трепетаніе сердца*, подобно путнику, завидѣвшему тучу и боящемуся, что гроза застигнетъ его вдали отъ крова и всякаго пріюта?»...

Но довольно. Изъ того, что мы сказали, кажется, можно ясно понять, какова новая повѣсть г. Бранта, и какого рода аристократію, «окритиковаль онъ въ своей литературѣ» О! г. Брантъ большой критиканъ!

СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ. *Книжка, составленная изъ трудовъ:*
А. Ѡ. Вельтмана, Н. С. Волкова, С. С. Гадурина,
В. И. Дала, И. И. Иванова, М. Н. Загоскина, И.
И. Побыдина, К. Ѡ. Эгельке, княземъ В. Ѡ. Одоев-
скимъ и А. П. Заболоцкимъ. Спб. 1843.

Эта книга, принадлежа собственно къ тому, что обыкновенно называется «литературою»,—тѣмъ не менѣ принадлежитъ къ важнѣйшимъ произведеніямъ современной литературы и вѣсомъ своей внутренней цѣнности перетянетъ многіе пуды романовъ, повѣстей, драмъ—даже «патріотическихъ». Явленіе такой книжки, какъ «Сельское Чтеніе», должно радовать всякаго истиннаго патріота, всякаго друга общаго добра. Бѣдна наша учебная литература, бѣднѣ ея наша дѣтская литература, и мы сказали бы, что бѣднѣ всѣхъ ихъ наша простонародная литература, еслибы только у насъ существовала какая-нибудь литература для простаго народа. Цѣлыя горы бумаги ежегодно печатаются для него подъ названіемъ «Похожденій Георга Аглицкаго Милорда»,

«Похожденій Ваньки Каина», «Анекдотовъ о Балакиревѣ» и и сѣробумажныхъ книгъ, въ родѣ «Разгуляя Купеческихъ Сынковъ въ Марьиной Рощѣ», «Козла-Бунтовщика» и т. п. Всѣ эти пошлости расходятся: стало быть, ихъ покупаютъ и читаютъ. Но какая же польза отъ этихъ книгъ?—Пользы никакой, а вредъ можетъ быть: отъ нихъ только грубѣютъ и безъ того грубыя понятія простолюдина, тупѣетъ и безъ того неизощренная его мыслительная способность. Былъ нѣкогда на Руси почтенный человѣкъ — профессоръ Николай Бургановъ; издалъ онъ книжицу, или лучше сказать, книжицу: «Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку російскаго языка со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезно-забавнаго вещесловія, съ присовокупленіемъ книги: «Неустрашимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты Русскихъ» и съ таковымъ замысловатымъ эпиграфомъ:

Духовной ли, мірской ли ты? прилежно се читай:

Все найдешь здѣсь, тотъ и другой: но разумѣть смѣжай.

Книга эта имѣла успѣхъ чрезвычайный: еще въ 1796 году была напечатана она уже шестымъ изданіемъ, и до сихъ поръ еще перепечатывается такъ, какъ была, безъ измѣненій, только развѣ съ выпускомъ кое-гдѣ смысла. Для своего времени эта книга — просто золото; теперь она никуда не годится. И не нашлось на Руси ни одного литератора, который бы издалъ, для народа, такую же книгу, только сообразную съ требованіями нашего времени, въ отношеніи къ языку и выбору статей! Кромѣ изданной г. Максимовичемъ «Книги Наума о великомъ Божіемъ мірѣ», не было ни одной замѣчательной попытки написать что-нибудь полезное и вмѣстѣ завлекательное для простаго народа. Да и самая книжка г. Максимовича оказалась неудовлетворительною. Простой народъ похожъ на ребенка, только говорить съ нимъ еще труднѣе: у ребенка умъ мягокъ, какъ воскъ, и чуждъ всякихъ привычныхъ понятій, а у простаго народа умъ и неразвить, и упрямъ: за

него надо приниматься умѣючи и съ толкомъ. Главное правило тутъ—не торопиться, не желать сдѣлать многое вдругъ, не высказывать всего за-разъ и всегда держаться въ уровень съ понятіемъ простолюдина. Избѣгая книжнаго языка, не должно слишкомъ гоняться и за мужицкимъ нарѣчіемъ: простолюдины обыкновенно недовѣрчивы къ собственному способу выраженія, и думаютъ, что бары смѣются надъ ними, говоря «по-печатному» ихъ глупымъ языкомъ. Простота языка должна, въ этомъ случаѣ, быть только выраженіемъ простоты и ясности въ понятіяхъ и въ мысляхъ.

«Сельское Чтеніе» вполне удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ. Оно знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не потчуетъ паштетами того, кому калачъ въ сласть и лакомство. Въ книгахъ такого рода обыкновенно думаютъ, что дѣло въ шляпѣ, если наговорили съ три короба нравоученій: «Сельское Чтеніе» понимаетъ, въ какомъ нравоученіи нуждается нашъ народъ, и, какъ искусный врачъ, оно не лѣчитъ отъ подагры человѣка, который пьетъ не шампанское, а сивуху. Внушая простому человѣку правила религіи, преданность и благодарность престолу, «Сельское Чтеніе» постоянно держится въ сферѣ быта и положенія простаго человѣка, — въ сферѣ чисто практической. У всякаго народа свои добродѣтели и свои пороки, и съ каждымъ народомъ, поэтому, должно говорить особеннымъ языкомъ. Русскій мужикъ вообще кротокъ и спокоенъ, какъ сѣверянинъ и притомъ Славянинъ, необыкновенно смышленъ и смѣтливъ; но въ то же время, онъ лѣнивъ и тѣломъ и умомъ; чтобъ скорѣе отдѣлаться отъ работы, любить дѣлать все на «авось». Авось—это болѣзнь русскаго человѣка; это такой же нравственный его недостатокъ, какъ у Швейцаровъ физическій недостатокъ — кретинство (cretinisme). И «Сельское Чтеніе» представляетъ цѣлую повѣсть объ «авось», которая простому крестьянскому уму покажется изящнѣе всякаго романа Вальтеръ - Скотта, убѣдительнѣе истины, что когда солнце свѣтитъ—свѣтло бываетъ. Потомъ,

къ числу пороковъ русскаго крестьянина принадлежитъ страсть зашибаться хмѣлиной; къ этой страсти присоединяется неразсчетливость, составляющая общій недостатокъ русскаго чело-вѣка, который какъ-будто родится миллионеромъ и уважаетъ только рубли, а съ копейками и гривнами, изъ которыхъ составляются рубли, обходится какъ съ соромъ; и на этотъ счетъ «Сельское Чтеніе» предлагаетъ поучительный «Разсказъ о томъ, какъ крестьянинъ Спиридонъ научилъ крестьянина Ивана не пить вина, и что изъ того вышло». Русскій чело-вѣкъ, по натурѣ своей, склоненъ къ повиновенію властямъ, но по неразвитости своей не всегда умѣетъ понимать благія намѣренія власти, особенно, если эти намѣренія для него новы и непривычны. Тогда людямъ, которые любятъ въ мутной водѣ рыбу ловить, весьма легко смущать и сбивать съ толку мужика злонамѣренными объясненіями простаго дѣла. Такъ, напримѣръ, теперь мужикъ не вооружается противъ приви-ванія коровьей оспы дѣтямъ его, но прежде онъ смотрѣлъ на эту мѣру благодѣтельнаго правительства, какъ на что-то страшное, грозящее гибелью...

Книжка украшена простыми политипажными картинками и виньетками, сообразно содержанію. И это очень хорошо: про-стые люди, что малыя дѣти—наглядность и заохочиваетъ ихъ къ чтенію, и помогаетъ понимать читаемое. Картинокъ чис-ломъ семь; изъ нихъ одна—очеркъ съ картины Венеціанова: «Мать, которая учитъ дѣтей своихъ молиться», а другая — очеркъ съ портрета Петра Великаго.

Есть люди (какихъ людей не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ!), которые отъ души убѣждены, что крестьянину нужны ши да каша, а грамота бесполезна. Слава Богу, время начинаетъ обнаруживать ту великую истину, что безъ ума не будетъ и щей съ кашей, а умъ родитъ грамота. Сверхъ того, нѣтъ ни-чего труднѣе, какъ вразумлять дикаря: вы хлопчете о его же благѣ, а онъ, если не можетъ оказать вамъ прямаго сопро-тивленія, упрямствомъ своимъ и равнодушіемъ, безъ явнаго

противодѣйствія, разрушаетъ самые лучшіе ваши планы, для выполненія которыхъ вы жертвовали и сномъ, и спокойствіемъ, и удовольствіемъ. Вы велите ему сѣять картофель, чтобъ его же спасти отъ голодной смерти, а онъ твердитъ, что картошка трава поганая, проклятая... Но если на свѣтѣ такъ много глупыхъ умниковъ, ханжей и изувѣровъ, которые смотрятъ съ ненавистью на всякое преуспѣяніе, на всякій шагъ впередъ, то утѣшимся мыслию, что на томъ же бѣломъ свѣтѣ бываютъ и люди, твердые волею, свѣтлые умомъ и благословенные Провидѣніемъ на выполненіе и осуществленіе его благихъ преднамѣреній... И да будутъ честны и славны изъ рода въ родъ имена такихъ людей, подъ просвѣщеннымъ покровомъ которыхъ каждый можетъ возложить свою усиленную лепту на алтарь общаго блага!...

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ Н. А. ПОЛЕВАГО. *Часть четвертая. Спб. 1843.*

Въ четвертой части «Драматическихъ Сочиненій и Переводовъ» г. Полеваго содержатся три драмы: «Смерть или честь!», «Елена Глинская» и «Мать Испанка». Всѣмъ извѣстно, что г. Полевой взялъ содержаніе драмы «Смерть или честь» изъ повѣсти, но не всѣ знаютъ, можетъ-быть, почему именно онъ взялъ его изъ повѣсти. Тѣ, которые полагаютъ, что онъ поступилъ такъ по общему всѣмъ нашимъ доморощеннымъ драматургамъ недостатку воображенія, очень ошибаются. Вотъ собственныя слова г. Полеваго:

«Мнѣ хотѣлось испытать важность въ наше время *драмы-собственно* (?...) въ родѣ драмы Лессинга, Иффланда, Дидерота и съ тѣмъ вмѣстѣ увѣриться, справедливо ли мнѣніе нѣкоторыхъ критиковъ, будто изъ *повѣсти*, или *романа*, не можтъ быть заимствовано *сценическое представленіе*, въ чемъ ссылались на множество неудачныхъ опытовъ? *Содержаніе* сей драмы взято изъ повѣсти Мишель-Массона Le Grain

de Sable, помѣщенной въ изданномъ имъ собраніи повѣстей подъ заглавіемъ: Daniel le Lapidaire ou les Contes de l'atelier. (Парижъ, 1833 года)».

Кто же тѣ «нѣкоторые критики, которые утверждали, что изъ повѣсти нельзя сдѣлать истинно-хорошей драмы?»... Да первый—самъ же г. Полевой! Не тотъ г. Полевой, который не додалъ шести книжекъ «Русскаго Вѣстника», не тотъ, который выкраиваетъ изъ чего попало плохія драмы, создаетъ комедіи въ родѣ «Войны Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами» и воспѣваетъ «деньги», но тотъ, который издавалъ «Телеграфъ», который ссорился съ другомъ и недругомъ за свои убѣжденія, порицалъ направленіе драмъ гг. Шаховскаго и Кукольника и не воспѣвалъ «денегъ»...

Намъ особенно нравятся тѣ драмы г. Полеваго, въ которыхъ онъ изображаетъ вельможъ и вообще людей высшаго тона. Здѣсь онъ неподражаемъ. Смотри на его графинь и баронессъ, не скажешь, что онѣ вчера еще были кухарками своихъ мужей, которые, въ свою очередь, только что сошли съ запятокъ; слушая, какъ разсуждаютъ у г. Полеваго герцогини и герцоги, не подумаешь, что ошибся дверью и попалъ, вмѣсто гостиной, въ лакейскую... «Смерть или Честь» — драма самаго высшаго тона: въ ней дѣйствуютъ графы, министры, самъ герцогъ и весь дворъ его.

Допустимъ, что примѣчаніе, на которое мы указали выше, придумано не для того, чтобъ придать побольше важности слабому, щедедушному созданію и прикрыть благовиднымъ предлогомъ несовсѣмъ хорошо рекомендуемое литературное похищеніе; согласимся, что дѣйствительно не другое что-нибудь, а только желаніе увѣриться—можно ли изъ повѣсти сдѣлать драму,—заставило г. Полеваго заимствовать содержаніе драмы «Смерть или Честь» изъ повѣсти. Но вотъ вопросъ: что заставило г. Полеваго заимствовать содержаніе «Елены Глинской» у Шекспира и Вальтеръ - Скотта? Въ чемъ увѣриться желалъ г. Полевой, пародируя «Макбета» и насильственно

перетаскивая въ свое шивное произведеніе нисколько неподходящую къ тогдашнему русскому быту сцену изъ «Кенильвортскаго Замка?» Зачѣмъ также г. Полевой передѣлалъ свою «Мать-Испанку» изъ романа Мейснера «Рѣдкая Мать», а «Парашу Сибирячку» изъ повѣсти Метра «Молодая Сибирячка», — словомъ, для чего сшилъ онъ всѣ свои драматическія представленія и повѣсти, историческія были и небылицы, анекдоты и сказки изъ чужихъ лоскутьевъ?... Ради какого испытанія, наконецъ, еще недавно, въ послѣднемъ блистательнѣйшемъ твореніи своемъ, «Ломоносовъ», искажилъ г. Н. Полевой повѣсть брата своего, К. Полеваго, и повторилъ въ своей передѣлкѣ гуртомъ всѣ эфффекты, которыми, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ озадачивалъ публику Александринскаго театра по-одиночкѣ?... Вопросы неразрѣшимые, на которые едва ли и самъ г. Полевой возьмется отвѣчать удовлетворительно...

ФИЗИОЛОГІЯ ЖЕНАТАГО ЧЕЛОВѢКА. *К. Поль-де-Кока. Спб. 1843.*

Наши доморощенные поставщики текста къ картинкамъ, то-есть, сочинители такъ называемыхъ «Очерковъ Русскихъ Нравовъ», никогда не достигнутъ десятой доли того искусства, съ какимъ набрасываютъ свои «физиологіи» Французы и въ особенности Поль-де-Кока. Не вытянутыми насильственно изъ воображенія вздорами, не вялымъ пустословіемъ, не простоумно бессильными придирадками къ чужимъ журналамъ и книгамъ наполняютъ они свои физиологіи, но живымъ, вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности. Посмотрите, напримеръ, какъ живо, остроумно и вѣрно съ природою написана «Физиологія Женаго Человѣка», которую кто-то перевелъ на русскій языкъ и издалъ съ политипажамъ французскаго изданія! Найдете ли вы въ «россійскихъ» сочиненіяхъ такого

рода хоть сотую долю того остроумія и знанія жизни, той наблюдательности и оригинальности, которыя поражаютъ васъ на каждой страничкѣ въ небольшой физиологіи, написанной Поль-де-Жокомъ? И у насъ еще находятся люди, которые обвиняютъ въ настоящемъ мелочномъ направленіи нашей литературы Французовъ, какъ-будто Французы виноваты, что мы, подобно обезьянамъ, перенимаемъ только ихъ дѣйствія, не усвоивая себѣ и даже не понимая настоящей цѣли ихъ дѣйствія: французскія «книжечки съ картинками» имѣютъ цѣну не только какъ красивыя игрушки, но и какъ вѣрное отраженіе современной жизни...

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ ВЪ РОССІИ, въ двадцати губерніяхъ: *С.-Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Владимірской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Кіевской, Черниговской, Мошлевской, Витебской, Псковской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Симбирской. Михайла Жданова. Спб. 1843.*

Бываютъ же на свѣтѣ книжки съ удивительными заглавіями! Напримѣръ, что такое «Записки по Россіи»? а потомъ что такое «Россія въ двадцати губерніяхъ»? Всего же забавнѣе умѣнье сочинителя считать: вмѣсто выставленныхъ въ заглавіи двадцати губерній, онъ въ этомъ же заглавіи насчитываетъ ихъ двадцать - двѣ... Но оставимъ это; посмотримъ, что-то кроется подъ этимъ удивительнымъ заглавіемъ?

Чтобъ съ самаго начала ясно обозначить свое положеніе въ отношеніи къ читателю и къ избранному предмету, г. Михайло Ждановъ такъ начинаетъ свое любопытное сказаніе: «Въ половинѣ 1838 года мнѣ представился случай, не теряя ничего по службѣ, и даже съ пользою для нея, объѣхать зна-

чительную часть европейской Россіи». И такъ вотъ ключъ ко всему! Г. Михайло Ждановъ—чиновникъ, который путешествовалъ по двадцати губерніямъ, не теряя ничего по службѣ, и даже съ пользою для нея. Объ этомъ счастливомъ для г. Михайла Жданова обстоятельствѣ, вѣроятно, весьма пріятно будетъ узнать всякому читателю, какъ было пріятно и намъ, не имѣющимъ чести знать лично г. Михайла Жданова.

«Отправляясь въ путь» говоритъ онъ далѣе: «я предположилъ вести путевыя записки,—и велъ ихъ». Удивительный примѣръ твердости воли! Далѣе: «У насъ такъ мало писано и пишется о Россіи, что и что-нибудь можетъ заслужить вниманіе». Каково? какъ это вамъ нравится? То-есть, другими словами, это значитъ, что у насъ-де такъ еще мало смыслятъ, что если я и вздоръ напишу, то и это должно быть принято съ уваженіемъ. Очень хорошо! Но между тѣмъ позвольте, г. Михайло Ждановъ, вы, который путешествовали «безъ всякой потери для службы, и даже съ пользою для нея!» вѣроятно, вамъ извѣстно, что почти отъ каждаго министерства у насъ издаются особые журналы, преимущественно и исключительно посвященные изслѣдованію Россіи въ разныхъ отношеніяхъ; не безъизвѣстно вамъ и то, что въ этихъ журналахъ, а равно и во многихъ частныхъ, уже лѣтъ двадцать накаплиются богатые матеріалы для узнанія Россіи: матеріалы эти только ждуть искусной руки и трудолюбиваго пера для обработки ихъ;—вѣдомо, вѣроятно вамъ и то, что у насъ есть нѣсколько десятковъ весьма умныхъ и ученыхъ путешествій академиковъ по разнымъ частямъ нашего обширнаго отечества; у насъ есть около 800 болѣе или менѣе обширныхъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ разныя свѣдѣнія о Россіи... Нѣтъ, вы жестоко ошибаетесь: у насъ не только не мало писано о Россіи, но, напротивъ, весьма много; скажемъ болѣе: ни въ одной епропейской литературѣ нѣтъ специальныхъ періодическихъ изданій, посвященныхъ исключительно свѣдѣнію объ одномъ только государствѣ; а у насъ такихъ

изданій нѣсколько... Вотъ, что значить путешествовать безъ всякой потери для службы и даже съ пользою для нея, не зная ничего основательнаго о своемъ отечествѣ, не прочитавъ ничего того, что до насъ было уже давно извѣдано и описано, пуститься по двадцати губерніямъ, надѣлать въ своей памятной книжкѣ нѣсколько пустыхъ замѣтокъ, все это пустить въ тисненіе, завернуть въ грязную зеленую бумажку, на которой написать: «Путевыя Записки по Россіи» — положить такую книжицу передъ собою съ улыбкою самодовольствія и сказать: «все, что до меня писано о Россіи, не стѣить порядочной пареной рѣпы, а моя книга первая, заслуживающая вниманіе!»

Хотите ли доказательствъ, что это настоящая мысль сочинителя?—Онъ говорить: «Собираясь путешествовать по Россіи, я хотѣлъ имѣть какую-нибудь (!?) книгу для руководства, книгу, которая, заключаая въ себѣ свѣжій (!) запасъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ, могла бы указать путешественнику, гдѣ и на что онъ долженъ обратить вниманіе, и къ сожалѣнію, если не къ стыду нашему, не могъ найти ничего цѣлаго; отыскивать же по частямъ въ періодическихъ изданіяхъ и брошюрахъ мнѣ было некогда». — Помилуйте, да чего же бы Россіи стыдиться, что вамъ некогда было изучить ее по основательнѣе, что вы хотѣли узнать огромнѣйшее въ мірѣ государство, пролистовавъ какую-нибудь книжечку, да еще небольшую, чтобъ немного времени отнимать у службы; что вы не нашли себѣ по вкусу книжки для руководства въ такомъ путешествіи, въ какомъ, какъ видно изъ вашихъ записокъ, всегда бы лучше было взять поваренную книгу?...

«Не есть ли долгъ каждаго Русскаго, которому привелось, хоть бы даже мимоѣздомъ, видѣть какую-нибудь часть своего отечества, писать о томъ, что онъ видѣлъ?... Если наберется человѣкъ девять, прокатившихся по Россіи и записавшихъ, что они видѣли,—вотъ уже и составится что-нибудь!» Смѣло можемъ удостовѣрить г. Жданова, что изъ этого ровно ни-

чего не выйдетъ. Не только еслибы девять человѣкъ, но еслибъ девять милліоновъ человѣкъ прокатились безъ пользы по Россіи, и каждый изъ нихъ написалъ бы по небольшой книжечкѣ въ 200 страницъ, то и тогда бы ничего не вышло. Еслибъ взять 34 буквы азбуки и раскладывать ихъ до конца вѣка безъ всякой мысли, во всѣхъ возможныхъ сочетаніяхъ, то, вѣрно, никогда бы изъ этого не вышло «Иліады»!

Но довольно; не станемъ болѣе спорить съ г. Михайломъ Ждановымъ изъ-за предисловія, хотя бы мы могли замѣтить ему неправильность многихъ выраженій, неумѣстность его quasi ироническаго презрѣнія, какое онъ кидаетъ на «ученыхъ по ремеслу», и странное впечатлѣніе, какое производитъ его отвращеніе стоять на ряду «съ сочинителями повѣстей и журнальныхъ статей» (т. е., напримѣръ, съ Гёте, Шиллеромъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Байрономъ, Гизо, Тьеромъ, и многими другими, которые писали прекрасныя и умныя журнальныя статьи),—все это мы оставляемъ и пускаемся дружно съ г. Ждановымъ въ путь по двадцати двумъ губерніямъ. Начнемъ сначала и будемъ слѣдовать за авторомъ постепенно въ его любопытныхъ наблюденіяхъ.

Во-первыхъ, г. Михайло Ждановъ убѣждаетъ, что для путешествія нужно только надѣть дорожный сюртукъ и взять въ карманъ подорожную. Благодаря этому удобному и спокойному средству, онъ весьма натурально началъ свое путешествіе, еще не выходя изъ своей комнаты. Первымъ дѣломъ путешественника было—взять десять бумаги, написать на верху для начала путевыхъ записокъ: «С.-Петербургъ», потомъ сдѣлать нѣсколько глубокомысленныхъ разсужденій о томъ, какъ, «посѣтивъ двадцать губерній, можно видѣть много любопытнаго», и тутъ же надѣлать нѣсколько грамматическихъ ошибокъ (посѣтивъ, и за тѣмъ можно—грубая ошибка противъ грамматики). Изъ своей комнаты, г. Ждановъ хотѣлъ сначала путешествовать по Васильевскому-острову; но въ то время шелъ ледъ, и не было переправы черезъ Неву. Такая по-

мѣха наполнила путешественника грустью, тѣмъ болѣе, что ему «въ дорожномъ платьѣ стало неловко» (стр. 5). Но г. Ждановъ умѣетъ все употребить съ пользою, и, собираясь путешествовать «безъ потери для службы и даже съ пользою для нея», не захотѣлъ терять даромъ время и тутъ же отправился въ Таврическій садъ. Пройдясь по его дорожкамъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько маленькихъ открытій въ ботанической номенклатурѣ: на примѣръ, вмѣсто *genista*, говоритъ *ginesta*, вмѣсто *auberine*, говоритъ *aulerine*, вмѣсто *Rhogmium tenax*, говоритъ *Fogmium tinix*. Но это его нисколько не останавливаетъ. Да и что такое вся ботаника, когда нужно путешествовать, не теряя ничего по службѣ? И когда тутъ учиться этой ужасной наукѣ? Не въ два же часа, въ самомъ дѣлѣ, проглотить всю мудрость!

Послѣ столь полезнаго путешествія по прекрасному саду, г. Ждановъ сталъ путешествовать по набережной Невы, которую онъ называетъ «капризницей» (стр. 8). Послѣ разныхъ витѣватыхъ и звонкихъ фразъ, внушенныхъ путешественнику картиной Невы, покрытой льдомъ, ему удалось, наконецъ, сѣсть въ экипажъ и продолжать на этотъ разъ свое путешествіе по большой дорогѣ. Замѣтивъ очень удачно мимоѣздомъ, что дорога шоссе убита щебнемъ и очень гладка, сочинитель очутился на станціи Чудово, откуда онъ заглянулъ въ село Грузино, принадлежавшее графу Аракчееву, и по этому поводу изъяснилъ, что графъ Аракчеевъ былъ нѣкогда извѣстнымъ человѣкомъ (стр. 19). Въ Спасскомъ Полтѣсье сочинитель нашелъ порядочную гостиницу и милостивую Нѣмочку. Въ Новгородѣ (по случаю этого города, онъ восклицаетъ въ восторгѣ: «О, Новгородъ!») г. Михаило Ждановъ посмотрѣлъ на какой-то куполь, крытый «бѣлымъ желѣзомъ» (стр. 19), видѣлъ дубинку Іоанна Грознаго, отъ которой у него г. Жданова, волосы стали дыбомъ (стр. 20), и замѣтилъ, въ качествѣ агронома, что въ городскомъ саду можно разводить разныя деревья и кустарники (стр. 20). Нов-

городскимъ обществомъ онъ остался недоволенъ, и потому, не занимаясь имъ много, онъ отправился на извожничьихъ дрожкахъ въ Юрьевъ монастырь, увидѣлъ, что къ монастырю принадлежатъ два сада, да и поѣхалъ далѣе.... По дорогѣ, въ Броницахъ, онъ заходилъ съ визитомъ къ какой-то бабѣ Агаѣ, «девяностолѣтней старухѣ» (стр. 23), видѣлъ на Вышневолоцкомъ каналѣ «барки съ яйцами» (стр. 25), и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что въ гостиницѣ Пожарскаго приготавлиются очень вкусныя котлеты изъ курицы, въ Помераніи угощаютъ вафлями, а въ Яжелбицахъ форелью (стр. 26). Послѣ этихъ вкусныхъ закусокъ, г. Михайло Ждановъ, столичный житель, отправился посмотрѣть провинціальное общество въ загородный воксалъ, возлѣ Твери. Пересчитать всѣхъ хорошенькихъ, замѣтить, что одна дама, тамъ бывшая, — «миленькое существо» (стр. 27), а другая — «брюнетка съ томными черными глазками», но что вся эта пляска, все это собранье, всѣ эти наряды скучны, смѣшны, невеселы, — было дѣло одной минуты для столичнаго путешественника.

Изъ Твери сочинитель прямо является въ Москву. Москву онъ называетъ «золотыми маковками и, *notre grande cité*, и удивляется огромному въ ней числу «хижинъ холопскихъ» (стр. 29). Посмотрѣвъ тусклымъ взоромъ на все, что такъ любопытно въ Москвѣ и что уже всякому извѣстно и много разъ описано, онъ принялся бранить какого-то фокусника за то, что тотъ показалъ ему зеркала.... Въ Нескучномъ онъ видѣлъ какую-то «прехорошенькую женщину», у которой молодой человѣкъ цѣловалъ руку (стр. 43), и, наконецъ, свои воспоминанія о Москвѣ заключилъ вкуснымъ обѣдомъ у Лабади (стр. 46). Впрочемъ, по долгу совѣсти, мы не можемъ выѣхать съ сочинителемъ изъ Москвы, не сказавъ, что онъ прежде обѣдалъ у Печкина, куда его привлекъ органъ, играющій «Грасъ, Сжался, Робертъ» (стр. 46).

Во Владимірѣ, сочинителю пришли въ голову нѣкоторыя историческія воспоминанія, взятыя на прокатъ изъ «Російской

Исторіи» г. Кайданова. Въ гостиницѣ, гдѣ онъ остановился, комнаты были порядочныя, но «кушанье очень посредственное» (стр. 48); что же касается до Владимірской губерніи, то она славится своими вишнями (стр. 49). Въ Муромѣ сочинитель изобрѣлъ новое слово «огородство» (стр. 50) и познакомился съ какимъ-то чиновникомъ, который передъ нимъ никакъ не хотѣлъ садиться, вслѣдствіе чего сочинитель нашель, что онъ «очень не глупой» (стр. 50), Арзамасъ, Починки, Пенза—все промелькнуло предъ глазами путешественника безъ особенныхъ приключеній; но въ Саратовѣ случилось нижеслѣдующее, любопытное для всякаго читателя приключеніе: «Саратовъ богатъ хорошею рыбою и въ особенности стерлядями, и потому я поспѣшилъ въ одной изъ гостиницъ заказать стерляжью уху... и она мнѣ такъ понравилась своимъ вкусомъ, янтарнымъ цвѣтомъ, что я съѣлъ три тарелки вдругъ». Жаль, что не четыре! Впрочемъ, чтобы не подумалъ кто-нибудь, что путешественникъ невоздерженъ, онъ прибавляетъ, себѣ въ извиненіе, что отъ Пензы до Саратова онъ ничего не ѣлъ. Но здѣсь картина перемѣняется. Доселѣ мы видѣли сочинителя кушающаго во всѣхъ гостиницахъ и слышали только его основательныя сужденія по кухонной части;—въ Саратовѣ ужъ не то: о вафляхъ, форели и пр. нѣтъ помина, и сочинитель трунитъ надъ провинціальнымъ обществомъ. Жизнь въ Саратовѣ онъ называетъ ссылкой, вѣроятно потому, что вспомнилъ извѣстный стихъ Грибоѣдова: «Въ глушь—въ Саратовъ». «Въ губерніи не то, что въ столицѣ,—нѣтъ возможности поволочиться, какъ слѣдуетъ». А! такъ вотъ что! И такъ, г. Михайло Ждановъ оттого скучаль, что нельзя было волочиться безъ потери по службѣ и даже съ пользою для нея? Очень хорошо? И отъ скуки онъ написалъ три страницы объ обществѣ саратовскомъ такъ живо, что вы, читая ихъ, сейчасъ вспомните нашего общаго пріятеля Ивана Александровича Хлестакова. Особенно развился талантъ путешественника въ Липецкѣ на водахъ. Онъ такое

имѣть предубѣжденіе противъ провинціи, что съ невольнымъ удивленіемъ замѣчаетъ всякій разъ, когда ему встрѣтится человѣкъ «неглупый». Въ Липецкѣ сочинитель танцевалъ съ одной дѣвицею: «оказалось, что, несмотря на незнаніе французскаго языка, моя дама очень умная, любезная дѣвушка и къ тому же очень хороша собою. Сказать правду: ея прелестные глаза, прекрасный цвѣтъ лица остались на долго въ моей памяти. Впрочемъ, для избѣжанія провинціальныхъ сплетней, спѣшу оговориться, я не влюбленъ въ нее». Послѣ такого явнаго и печатнаго объясненія, кто же осмѣлится сказать, что г. Ждановъ былъ влюбленъ въ эту прекрасную дѣвицу? Вотъ удобный способъ описывать провинціи, не правда ли? И тонко, и остро, и деликатно!

Послѣ описанія липецкихъ водъ, очень похожаго на письмо Ивана Александровича въ послѣднемъ актѣ «Ревизора», сочинитель отправился въ Воронежъ, остановился тамъ въ гостиницѣ, переодѣлся, напился чаю (стр. 89) и поскакалъ далѣе; по дорогѣ, доказалъ до очевидности, что «прусаки— это кочующій народъ» (стр. 94); на Коренной ярмаркѣ онъ видѣлъ барышень, которыя взявшись подъ руки, вереницами ходили по рядамъ: «сколько изъ нихъ хорошенькихъ, красавицъ!» восклицаетъ онъ. Отъ Курска до Луганскаго литейнаго завода, самымъ замѣчательнымъ происшествіемъ было то, что на почтовомъ дворѣ въ Бахмутѣ очень вѣжливый, услужливый Еврей встрѣтилъ путешественника и тотчасъ велѣлъ запрягать лошадей (стр. 160). По поводу Луганской образцовой фермы, авторъ выписываетъ, со многими ошибками и противъ языка и противъ самого дѣла, изъ одной забытой статейки «Земледѣльческой Газеты», о воздѣлываніи вайды, крапа, вау, сафлора, рапса и табаку (стр. 111—120). Видъ Потемкинскаго дворца въ Екатеринославлѣ вызываетъ у г. Жданова глубокомысленное восклицаніе: «Суета суеть!» (стр. 125), а видъ церкви Рождества Богородицы, въ Нижнемъ, другое восклицаніе: «Зачѣмъ я не Викторъ Гюго!»

(стр. 200). Послѣ этого осталось только прїѣхать въ «Хвалынскъ, и разумѣтся, прямо къ городничему, спросить себѣ рыбы, закусить немного» (стр. 206), бросить прощальный взоръ на положеніе крестьянъ Николаевского уѣзда, и подписать въ заключеніе всего этого — «конецъ», не теряя ничего по службѣ, и даже на этотъ разъ, съ явною пользою для нея.

Вотъ какъ путешествовалъ, въ половинѣ 1838 года, по благословенному царству русскому, одинъ столичный чиновникъ? Неужели, скажете вы, человѣкъ, проскакавшій по 22 губерніямъ, на протяженіи тысячъ 12-ти верстъ, не вынесъ изъ своего путешествія ни одной дѣльной замѣтки, ни одного умнаго наблюденія, ни одной неизвѣстной доселѣ подробности о какомъ-нибудь мѣстѣ? Неужели все сочиненіе составлено изъ замѣтокъ о вафляхъ или фореляхъ, и смѣшныхъ фразахъ о провинціальномъ обществѣ? Увы, точно такъ! отвѣчаемъ мы, съ грустнымъ вздохомъ.—«Богъ съ нею, съ этою книгою, говорите вы: стодитъ ли она чтенія». И подлинно, не стодитъ. Только жалко и смѣшно подумать, что такіе пустяки печатаются, да еще безъ потери для службы, и даже, будто бы, съ пользою для нея!

ПАРАША. *Разсказъ въ стихахъ. Т. Л. Спб. 1843.*

Теперь, когда Лермонтова уже нѣтъ, а прекрасное дарованіе г. Майкова пока не общается идти дальше антологическаго рода, — поэзія русская если не умерла, но уснула, какъ это всегда съ нею бываетъ, какъ скоро тотъ, кому дано свыше быть ея покровителемъ, или скончается во цвѣтѣ лѣтъ, или измѣнитъ надеждамъ, которыя подастъ о себѣ. Теперь стихи встрѣчаются только въ журналахъ; между ними попадаютъ и такіе, въ которыхъ есть чувство и замѣтно большее или меньшее дарованіе; но они всѣ лишены присутствія

могучей мысли. А такъ какъ поэзія русская давно уже пережила свой періодъ прекрасныхъ чувствъ и сладостныхъ мечтаній, и еще съ Пушкина начала періодъ мысли,—то теперь проходятъ мимо вниманія публики такія стихотворенія, которыми прежде легко было бы въ одинъ день стяжать славу великаго генія. Другими словами: могучимъ властителемъ душъ нашего времени уже перестали быть «стишки» — въ потребности публики ихъ смѣнила поэзія мысли. Это особенно стало замѣтно послѣ Лермонтова. Вотъ почему, если теперь и нельзя пожаловаться на бѣдность въ стихотворныхъ произведеніяхъ, то нельзя и сказать, чтобъ было чтò читать по этой части. День появленія въ журналъ неизвѣстнаго стихотворенія Лермонтова—теперь эпоха въ исторіи русской литературы: стихотвореніе читаютъ, перечитываютъ, списываютъ, вытверживаютъ на память. Стихотворенія, не принадлежащія Лермонтову, тоже прочитываютъ, даже похваляютъ, но съ тѣмъ, чтобъ совершенно забыть ихъ по выходѣ новой книжки журнала. Многіе заключаютъ изъ этого, что вмѣстѣ съ Лермонтовымъ умерла и русская поэзія. Чтò касается до насъ, мы не раздѣляемъ этого мнѣнія и думаемъ, что русская поэзія не умерла, а только уснула, по обыкновенію, и что по временамъ она будетъ просыпаться и рассказывать намъ свои прекрасные сны — до тѣхъ поръ, пока не явится на Руси новый поэтъ...

Небольшая книжка, на дняхъ появившаяся въ Петербургѣ, подъ скромнымъ названіемъ «рассказа въ стихахъ», есть именно одинъ изъ такихъ прекрасныхъ сновъ на минуту прснувшей русской поэзіи, какіе давно уже не видѣлись ей. Увѣренные въ глубокомъ снѣ нашей поэзіи, мы взяли за «Парашу» съ явнымъ предубѣжденіемъ, думая найти въ ней—или сантиментальную повѣсть о томъ, какъ онъ любилъ ее, или какъ она вышла замужъ за него, или какую-нибудь юмористическую болтовню о современныхъ нравахъ, написанную прозаическими стихами. Каково же было наше удивленіе, когда,

вмѣсто этого, прочли мы поэму, не только написанную прекрасными поэтическими стихами, но и проникнутую глубокою идеею, полнотою внутренняго содержанія, отличающуюся юморомъ и ироніею!... Однакожь, несмотря на то, увѣренность наша въ тяжеломъ снѣ русской поэзіи была такъ велика, что мы не повѣрили первому впечатлѣнію и прочли снова, — еще лучше! И теперь, когда, отъ многократнаго повторенія чтенія, мы почти знаемъ наизусть прекрасное поэтическое произведеніе, такъ неожиданно, такъ отрадно освѣжившее душу нашу отъ прозы и скуки ежедневнаго быта, — слѣшимъ познакомить публику съ явленіемъ, которое имѣетъ полное право на ея вниманіе.

Хоть авторъ «Параши» (И. С. Тургеневъ), скрывшій свою фамилію подъ литерами Т. Л., и обозначилъ свое произведеніе скромнымъ именемъ «разказа въ стихахъ», однако оно тѣмъ не менѣе — «поэма», въ томъ смыслѣ, какой усвоенъ Пушкинымъ произведеніямъ такого рода. И такъ, мы будемъ называть «Парашу» поэмой: оно и короче и гораздо справедливѣе, если вспомнить, что «Чернецъ», «Эдда», «Наталья Долгорукая», «Борскій» и тому подобные стихотворные рассказы величались поэмами. Содержаніе «Параши» въ смыслѣ «сюжета» до того просто и немногосложно, что его можно рассказать въ двухъ словахъ: на уѣздной барышнѣ женится помѣщикъ - сосѣдъ, — вотъ и все. Но это не содержаніе, а только канва содержанія; само же содержаніе поэмы такъ полно и богато, что его нельзя передать во всей его жизни, во всей благоуханной свѣжести его поэзіи, не заставляя самого поэта перерывать нашей прозаической рѣчи своими поэтическими стихами.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе читателей на эпиграфъ поэмы изъ Лермонтова:

„И не навидимъ мы, и любимъ мы случайно“.

Этотъ эпиграфъ выбранъ авторомъ не въ исполненіе давно

заведеннаго обычая заманивать любопытство читателей загадочнымъ смысломъ чужой рѣчи; нѣтъ, стихъ Лермонтова, какъ мы увидимъ, находится въ живой связи со смысломъ цѣлой поэмы и столько же служитъ объясненіемъ поэмѣ, сколько и самъ объясняется ею. Поэма начинается описаніемъ помѣщичьяго дома съ безобразною наружностію, съ садомъ, похожимъ на огородъ, но съ гротомъ, который любила посѣщать героиня поэмы.

Ея отецъ—помѣщикъ беззаботный,
Сперва служилъ—и долго; наконецъ
Въ отставку вышелъ—и супругой плотной
Обзавелся; теперь большой дѣлецъ!
Живетъ въ ладу съ своими мужичками...
Онъ очень добръ и очень плутовать,
Торгуется и пьетъ чаёкъ съ купцами.
Какъ водится, его супруга—кладъ,
О, сущій кладъ! и умница такая!
А женщина она была простая
Съ лицомъ весьма похожимъ на пирогъ;
Ее супругъ любилъ какъ только могъ.

Дочери этой достойной четы никто не называлъ бы красавицею, но она была стройна, походка ея была легка и плавна, прекрасная нога ловко обута, и если рука была немного велика, за то пальцы были прозрачны и тонки.

Ея лицо мнѣ нравилось... оно
Задумчивою грустію дышало;
Всегда казалось мнѣ: ей суждено
Страданій въ жизни испытать не мало...
И что жъ? мнѣ было больно и смѣшно:
Вѣдь въ наши дни спасительно страданье...

Но глаза больше всего въ Парашѣ нравились автору—

Взглядъ этихъ глазъ былъ мягокъ и могучъ—
Но не блестялъ онъ блескомъ торопливымъ;

То былъ онъ ясенъ, какъ весенній лучъ,
То холодомъ проникнуть горделивымъ,
То чуть блисталь, какъ мѣсяцъ изъ-за тучъ.
Но взглядъ ея задумчиво-спокойный,
Я больше всѣхъ любилъ: я видѣлъ въ немъ
Возможность страсти горестной и знойной—
Залогъ души, любимой Божествомъ.

Она была не безъ странностей, свойственныхъ «уѣзднымъ барышнямъ»; но не имѣла ничего общаго съ восторженными дѣвцами, мечтательницами и охотницами до сладенькихъ стишковъ:

Она была насмѣшлива, горда,
А гордость—добродѣтель, господа...

Здѣсь мы находимся въ большомъ затрудненіи: поэтъ такъ увлекательно, такъ поэтически описываетъ внутреннюю тревогу дѣвственной души своей героини, что намъ совѣстно было бы пересказывать это нашею убогою прозою, а выписывать стихи — значитъ переписывать всю поэмю... Но это такъ хорошо, что нѣтъ возможности не выписать

. Каждый день,
Я вамъ сказалъ—она въ саду скиталась;
Она любила гордый шумъ и тѣнь
Старинныхъ липъ—и тихо погружалась
Въ отрадную, забывчивую лѣнь.
Такъ весело качались березы,
Облитыя сверкающимъ лучемъ...
И по щекамъ ея катились слезы
Тамъ медленно—Богъ вѣдаетъ о чемъ.
То подойдя къ убогому забору,
Она стояла по часамъ... и взору
Тогда давала волю... но глядить,
Бывало, все на бѣдный рядъ ракиль.
Тамъ черезъ ровный лугъ, отъ ихъ села
Верстахъ въ пяти, дорога шла большая;

И, какъ змѣя, свивалась и ползла
И, дальній лѣсъ уградкой обгибая,
Ея всю душу за собой влекла.
Озарена какимъ-то блескомъ дивнымъ,
Земля чужая вдругъ являлась ей...
И кто-то милый голосомъ призывнымъ
Такъ чудно пѣлъ и говорилъ о ней.
Таинственной исполненные муки,
Надъ ней, звеня, носились эти звуки...
И вотъ, искалъ ея молящій взоръ
Другихъ небесъ—высокихъ пышныхъ горъ
И тополей, и трепетныхъ оливъ...
Искалъ земли плѣнительной и дальней...
Вдругъ русской пѣсни грустный переливъ
Напомнить ей о родинѣ печальной;
Она стоитъ головку наклонивъ,
И надъ собой дивится—и съ улыбкой
Себя бранить; и медленно домой
Пойдетъ, вздохнувъ... то сломить прутикъ гибкой,
То бросить вдругъ... разсыпанной рукой
Достанетъ книжку—развернетъ, закроетъ,
Любимый шепчетъ стихъ... а сердце ноетъ,
Лицо блѣднѣетъ... въ этотъ чудный часъ
Я, признаюсь, хотѣлъ бы встрѣтить васъ,
О, барышня моя!... Въ тѣни густой
Широкихъ липъ стоите вы безмолвно;
Вздыхаете; надъ вашей головой
Склонилась вѣтвь... а ваше сердце полно
Мучительной и грустной тишиной.
На васъ гляжу я: прелестью степною
Вы дышите—вы нашей Руси дочь...
Вы хороши, какъ вечеръ предъ грозюю,
Какъ майская томительная ночь.

Кто получилъ отъ природы благодатную способность понимать поэзію, какъ поэзію—не въ однихъ стихахъ, не въ однихъ книгахъ, но и въ жизни, и въ природѣ,—тѣ согласятся съ нами, что въ этомъ отрывкѣ каждое слово такъ и дышитъ всею роскошью, всѣмъ обаяніемъ истинной поэзіи.

Есть два рода поэзіи: одна, какъ талантъ, происходитъ отъ

раздражительности нервъ и живости воображенія; она отличается тѣмъ блескомъ, яркостію красокъ, тою рѣзкою угловатостію формъ, которые мечутся въ глаза толпѣ и увлекаютъ ея вниманіе. Чѣмъ болѣе, повидимому, заключаетъ въ себѣ поэзія, тѣмъ пустѣе она внутри самой себя, ибо она вся въ воображеніи и ничего общаго съ дѣйствительностію не имѣетъ; мысли ея похожи на громкія слова и звучныя фразы, а картины ея похожи только до тѣхъ поръ, пока смотришь на нихъ: отведите глаза, и въ вашемъ воображеніи не останется никакого образа, никакого созерцанія, никакого представленія. — Другая поэзія, какъ талантъ, имѣетъ своимъ источникомъ глубокое чувство дѣйствительности, сердечную симпатію ко всему живому, а потому ея чувства всегда истинны, ея мысли всегда оригинальны, даже и не будучи новыми, ибо онѣ не пойманы извнѣ и на лету, а возникли и выросли въ душѣ поэта. Произведенія такой поэзіи не бросаются въ глаза, но требуютъ, чтобъ въ нихъ вглядывались, и только внимательному взору открывается во всей глубинѣ своей ихъ простая, тихая и цѣломудренная красота. Печать оригинальности составляетъ ихъ неразлучную принадлежность; она есть слѣдствіе способности схватывать сущность, а слѣдовательно, и особенность каждаго предмета. И потому, описанія ея запечатлѣны достовѣрностію, такъ что, еслибъ вы и никогда не видывали описываемаго предмета, вы тѣмъ не менѣе убѣждены, что онъ точно таковъ и другимъ быть не можетъ. Разбираемая нами поэма можетъ служить образцомъ такихъ произведеній. Вотъ вамъ картина неаполитанскаго лѣта:

Прежаркій день—но вовсе не такой,
Какихъ видалъ я на далекомъ югѣ:
Томительно-глубокой синевой
Все небо пышетъ; какъ больной въ недугъ,
Земля горитъ и сохнетъ; подъ скалою
Сверкаетъ море блескомъ нестерпимымъ—
И движется, и дышитъ, и молчитъ...
И всѣ цвѣта подъ тѣмъ неутомимымъ,

Могучимъ солнцемъ рдвють... дивный видъ!
А вотъ, зарывшись весь въ песокъ блестящій,
Рыбакъ лежитъ, и каждый проходящій
Любуется имъ съ завистью—я самъ
Имъ тоже любовался по часамъ.

Въ этихъ тринадцати стихахъ такая картина, что вамъ ничего не остается ожидать къ ея дополненію, хотя, въ то же время, вы знаете, что тысячи другихъ поэтовъ могли бы ту же картину представить вамъ совсѣмъ иначе, совсѣмъ другими словами. Природа неистощима въ своемъ разнообразіи, и дѣло не въ томъ, чтобъ поэзія представляла ее въ сколько можно обширныхъ и сложныхъ картинахъ, а въ томъ, чтобъ она умѣла схватить особенность каждаго ея явленія. Лѣто—вездѣ лѣто: вездѣ отъ него и жарко, и душно, и пыльно; но въ Неаполѣ свое лѣто, въ Россіи—свое. Первое вы сейчасъ видѣли; вотъ второе:

У насъ не то, хоть и у насъ не радъ
Бываешь жару... точно, жаръ глубокій,
Гроза вдали собирается, трещать
Кузнечики неистово въ высокой,
Сухой травѣ; въ тѣни сноповъ лежатъ
Жнецы; носы разинули вороны;
Грибами пахнетъ въ рощѣ; тамъ и сямъ
Собаки лаютъ; за водой студеной
Идетъ мужикъ съ кувшиномъ по кустамъ.
Тогда люблю ходить я въ лѣсъ дубовый,
Сидѣть въ тѣни спокойной и суровой
Иль иногда подъ скромнымъ шалашомъ
Бесѣдовать съ разумнымъ мужичкомъ.

Въ такой-то день Параша встрѣтилась съ охотившимся молодымъ человѣкомъ. Мы пропускаемъ ббльшую часть прекрасно изложенныхъ поэтомъ подробностей этой встрѣчи. Скажемъ только, что охотникъ началъ свой разговоръ съ Парашею не восклицаніемъ; «о, дѣва чудная!» или другою какою-нибудь

пошlostью въ этомъ родѣ, но адресовался къ ней съ очень простымъ вопросомъ: «умоляю васъ, скажите, который теперь часъ?» потомъ: «чей это домъ?» а тамъ объявилъ ей, что покойный дѣдъ былъ очень друженъ съ ея отцомъ.

Портретъ незнакомца превосходно очерченъ авторомъ. Это одинъ изъ тѣхъ великихъ маленькихъ людей, которыхъ теперь такъ много развелось, и которые улыбкою презрѣнія и насмѣшки прикрываютъ тощее сердце, праздный умъ и посредственность своей натуры. Онъ былъ за-границею, и вынесъ оттуда множество бесплодныхъ словъ и сомнѣній... У нѣкоторыхъ журналовъ теперь вошло въ манію нападать на такихъ путешественниковъ, и они съ торжествомъ указываютъ на нихъ, какъ на живое доказательство, что нечего за добромъ ѣздить на Западъ. Авторъ «Параши» думаетъ объ этомъ иначе, и, соглашаясь съ нимъ, мы вдругъ вспомнили сказку, нѣкогда переведенную Жуковскимъ «Кабудъ Путешественникъ»... Къ особенностямъ героя поэмы принадлежить и то, что, будучи влюбчивымъ, онъ былъ спокоенъ и горделивъ, а потому и счастливъ въ женщинахъ, удачно обманывая и такихъ между ими, которыхъ самъ не стоилъ; еще: не будучи особенно умнымъ, онъ вполне владѣлъ умомъ, дарованнымъ ему отъ Бога. Говоря о страсти своего героя сгибаться передъ знатью, авторъ очень остроумно признается въ томъ, что любить пустой блескъ большого свѣта, не увлекаясь имъ и смотря на него безъ желанія; онъ очень остроумно подшучиваетъ надъ моральными выходками противъ большого свѣта непризнанныхъ, безхвостыхъ львовъ и львицъ, т. е. людей, которые бранятъ большой свѣтъ за то, что тотъ не хочетъ ихъ знать. Люблю, говорить авторъ,

Люблю я пышныхъ комнатъ стройный рядъ
И блескъ и прихоть роскоши старинной...
А женщины... люблю я этотъ взглядъ
Разсѣянный, насмѣшливый и длинный;
Люблю простой, обдуманной нарядъ...

Я этихъ губъ люблю надменный очеркъ,
Задумчиво приподнятую бровь,
Душистыя записки, быстрый почеркъ,
Душистую и быструю любовь;
Люблю я эту поступь, эти плечи,
Небрежныя, заманчивыя рѣчи...
«Но (скажутъ мнѣ) вѣ свѣта никогда
Вы не встрѣчали женщины прекрасной?»
Такихъ особъ встрѣчалъ я иногда,
И даже въ двухъ влюбился очень страстно;
Какъ полевой цвѣтокъ онѣ всегда
Такъ милы—но, какъ онѣ, свой легкой запахъ
Онѣ теряютъ вдругъ... и Боже мой,
Какъ не завянуть имъ въ неловкихъ лапахъ
Чиновника, довольнаго собой?

Эти стихи не обойдутся автору даромъ: его объявятъ за нихъ «аристократомъ», скажутъ, что внѣшній блескъ предпочитаетъ онѣ душѣ и сердцу, и т. п. По обыкновенію, въ этомъ случаѣ, ему припишутъ то, чего онѣ и не думалъ, и горячо будутъ оспаривать его въ томъ, чего онѣ не говорилъ. Дѣло тутъ идетъ не о душѣ и сердцѣ: поэтъ говоритъ совсѣмъ не о внутренней святинѣ женщины, а о ея поэтической внѣшности, которою могутъ не дорожить только натуры сухія и грубыя. Поэзія формы, изящество внѣшности, которою могутъ не дорожить только натуры сухія и грубыя. Поэзія формы, изящество внѣшности, столь очаровательныя въ женщинѣ, могутъ почестъся исключительными явленіями вѣ большаго свѣта. Женщины другихъ круговъ общества смотрятъ на красоту и изящество, какъ на средство поскорѣе выйдти замужъ. Достигнувъ этой вожелѣнной цѣли, онѣ скоро перестаютъ и пѣть и плакать, и читать сладенькіе стишки, и кокетливо наряжаться, и поэтически держать себя; онѣ предаются прозѣ жизни, скоро полнѣютъ, пристращаются къ утреннему дезабильѣ, забываютъ музыку, луну, стихи, мечту и т. д. Оттого, до замужества, почти каждая изъ нихъ — ангелъ доброты, дѣва чудная, неземная, Полина или Надина,

а послѣ замужества—солидная дама съ вѣсомъ въ обществѣ, женщина съ характеромъ, Пелагея Петровна и Надежда Алексѣвна. Тутъ есть и другая причина. Юность сама по себѣ есть уже поэзія жизни, и въ юности каждый бываетъ лучше, нежели въ остальное время своей жизни; женщины, въ особенности. Надо имѣть слишкомъ много глубины и силы въ натурѣ, чтобъ не охолодѣть въ прозѣ жизни, сберечь чувство и душу отъ холода дѣйствительности и сохранить юность сердца и въ лѣта зрѣлости и въ годы старости. Но такія натуры слишкомъ рѣдки, и поэзія юности слишкомъ рѣдко бываетъ ручательствомъ за поэзію дальнѣйшихъ возрастовъ. Бракъ есть рѣшительная эпоха въ жизни мужчины, и еще болѣе въ жизни женщины: для обоихъ, это—гробъ поэзіи и колыбель пошлой прозы и очерствѣнія души и чувства. Авторъ «Параши» превосходно охарактеризовалъ эпитетомъ «довольнаго собой» цѣлый разрядъ людей, особенно страшныхъ и гибельныхъ для благоуханной поэзіи женственныхъ существъ. Люди раздѣляются не только на умныхъ и на дураковъ: тѣ и другіе равно рѣдки, и между ними занимаетъ мѣсто огромный разрядъ пошлыхъ людей. Эти люди по большей части умны и не глупы, иногда же между ними попадаются люди не безъ ума и не безъ способностей; но главное ихъ качество въ томъ и другомъ случаѣ—довольство самими собою. Эти господа не знаютъ, что такое раскаяніе, стремленіе къ идеалу и тоска отъ невозможности достигъ его, что такое горе безъ несчастія и страданіе при хорошемъ положеніи дѣлъ и добромъ здоровьѣ. Какъ бы ни была глубока и богата духовными дарами натура женщины, но если ея мужемъ сдѣлается одинъ изъ такихъ господъ, ей остаются только двѣ неизбѣжныя дороги: или медленно зачахнуть, или помириться съ жизнію, какъ она есть... Послѣднее всего чаще случается. Въ высшихъ кругахъ общества, при этомъ не исчезаетъ поэзіи внѣшности, и нарядъ остается навсегда обдуманно простъ, взглядъ разсѣянъ, насмѣшливъ и дологъ, и любовь душиста и быстра, какъ за-

писки и почеркъ; но въ среднихъ кругахъ общества, внѣшняя пошлость вѣрно отражаетъ внутреннюю, и милые полевые цвѣтки быстро вянутъ въ неловкихъ лапахъ довольнаго собою чиновника...

На другой день, въ домѣ отца Параша ждутъ гостя. Старикъ надѣлъ фракъ; дочь въ тайномъ волненіи; ея прическа такъ мила, а перчатки такъ свѣжи... Наконецъ гость является. Онъ говоритъ съ стариками, очаровываетъ ихъ, съ Парашею ни слова; но все въ немъ дышало «сознаніемъ внезапнаго сближенія».

И предаваясь дивной тишинѣ,
Онъ наслаждался страстно и вполне.

Поэтъ даже заставляетъ его «пылать святымъ и чистымъ жаромъ» и увѣряетъ, что онъ былъ любимъ... Предупреждая сомнѣніе читателей, авторъ спрашиваетъ ихъ:

Скажите—ваша память мнѣ поможетъ—
Какъ мнѣ назвать ту страстную тоску,
Ту грустную, невольную тревогу,
Которая беретъ васъ понемногу...
Къ чему намъ лицемѣрить, о, друзья!
Ее любовью называю я.

Наступаетъ ночь; хозяинъ приглашаетъ гостя погулять въ саду, и съ своею супругою понемногу отстаетъ отъ молодой четы. Душа Параша не совсѣмъ спокойна, а онъ не начинаетъ разговора за тѣмъ, что боится внезапныхъ ощущеній и чувствительныхъ порывовъ, за тѣмъ, что былъ смущенъ своимъ положеніемъ: онъ клялся въ любви только тогда, когда не любилъ; начиная же чувствовать жаръ любовной лихорадки, онъ зарывалъ свою любовь какъ кладъ. Жаль! прелестныя читательницы, охотницы до сладенькихъ стишковъ и восторженныхъ сценъ, вѣрно ожидали тутъ пламеннаго объясненія, при лунѣ и звѣздахъ; но герой поэмы ужасный прозаикъ: если онъ и допускалъ возможность исключеній, то

въ пошлость вѣрилъ твердо и всегда, и рѣдко ошибался, а о другомъ мѣрѣ не имѣлъ никакого понятія. Чтò же касается до самого поэта, то чувствительныя и восторженныя читательницы, навѣрное будутъ имъ еще менѣе довольны, нежели героемъ поэмы, и объявятъ его человѣкомъ безъ души и сердца, демономъ, который не вѣритъ любви и презираетъ прекрасное и высокое... Предоставляемъ ему самому защищаться противъ этого грознаго суда, и обратимся къ прерванной нити разсказа.

Сказавъ, что герою поэмы въ саду съ уѣздною барышнею было едва ли отраднѣе, чѣмъ въ аду, авторъ заставляетъ его постепенно таять и объявляетъ—влюбленнымъ! Какъ и почему это сдѣлалось? Поэтъ удовлетворительно отвѣчаетъ на эти вопросы:

Во первыхъ: ночь прекрасная была,
Ночь лѣтняя, спокойная, нѣмая:
Не свѣтила луна, хотя и взошла;
Рѣка, во тьмѣ таинственно сверкая,
Текла вдали... Дорожка къ ней вела:
А листья въ тишинѣ толпой незримой
Лепечуть. Вотъ они сошли въ оврагъ
И словно ихъ движеніемъ гонимый,
Предъ ними разступался мягкій прахъ...
Противиться не могъ онъ обаянью—
Онъ волю далъ безпечному мечтанью,
И улыбался мирно и вздыхалъ...
А свѣжій вѣтръ въ глаза ихъ лобызалъ.
А во вторыхъ: Параша не молчить,
И не вздыхаетъ съ приторной ужимкой,
Но говорить, и просто говорить.
Она такъ мило движется—какъ дымкой
Прозрачной тѣнью трепетно облить
Ея высокій станъ... онъ отдыхаетъ;
Ужь онъ и радъ, что съ ней они вдвоемъ—
Заговорилъ, а сердце въ ней пылаетъ
Невѣдомымъ, томительнымъ огнемъ.
Ихъ запахомъ встрѣчаетъ кустъ незримый

И, словно тоже страстию томимый,
Вдали, вдали—на рубежъ степей
Грemitъ, поетъ и плачетъ соловей.
И можетъ-быть, онъ началъ понимать
Всю прелесть первыхъ трепетныхъ движеній
Ея души—и сталъ въ немъ умирать
Крикливый рой смѣшныхъ предубѣжденій;
Но ей одной доступна благодать
Любви простой, и дѣтской, и стыдливой...
Нить! о любви не думаетъ она—
Но, какъ мотокъ блестящій и стыдливый
Ее несетъ широкая волна...
Все въ этотъ мигъ кругомъ ей улыбалось,
Надъ ней одной все небо наклонялось,
И, колыхаясь медленно, трава
Ей вслѣдъ шептала милыя слова...

Уѣзжая домой, нашъ герой думалъ про себя: «Я радъ со-
сѣдямъ... Онъ человѣкъ богатый... дочь у нихъ одна и
«притомъ она мила». Думая такъ, онъ гналъ отъ себя дру-
гя, неумѣстныя мечты, отголоски давно минувшихъ дней..
А что же Параша? Ей казалось, что все прежнее, вся жизнь
ея измѣнилась; во снѣ ей видѣлся онъ, а поэту слышится
надъ нею спящую, какой-то «насмѣшливый» голосъ, который
говорить:

«Въ теплый вечеръ, въ ульяхъ чистыхъ
«Зрѣютъ свѣтлые соты;
«Въ теплый вечеръ липъ душистыхъ
«Раскрываются цвѣты;
«И тогда по нимъ слезами
«Потечетъ прозрачный медъ—
«Вьется жадно надъ цвѣтами
«Пчелъ ликующій народъ...
«Наклоня сладострастно
«Свой усталый стебелекъ,
«Гостя милаго напрасно
«Ни одинъ не ждетъ цвѣтокъ.
«Такъ и ты цвѣла стыдливо,
«И въ тебѣ, дитя мое,

«Созрѣвало прихотливо
«Сердце страстное твое...
«И теперь, въ красѣ разцвѣта,
«Обаянія полна,
«Ты стоишь подѣ солнцемъ лѣта
«Одинока и пышна.
«Такъ склонись же, стебель стройный;
«Такъ раскройся жѣ, мой цвѣтокъ;
«*Прилетѣлъ женихъ... достойный*
«Въ твой забытый уголокъ.

Однакожь странно: почему эти прекрасные стихи такъ неожиданно смѣняются такимъ прозаическимъ стихомъ— «съ достойнымъ женихомъ?»... Не забывайте, что эти стихи прозвучалъ насмѣшливый голосъ... Чей же это голосъ?—Должно быть, сатаны: эта догадка тѣмъ основательнѣе, что самъ поэтъ, вслѣдъ за тѣмъ, заставляетъ сатану «поникнуть угрюмою головой надѣ любящей четою». Но не ожидайте сцены оболщенья: нашъ поэтъ — писатель благонравный, а герой его поэмы не былъ Донъ-Хуаномъ—въ этомъ увѣряетъ насъ самъ авторъ:

Мой Викторъ не былъ Донъ-Хуаномъ... ей
Не предстояли грозныя волненья.
«Тѣмъ лучше» скажутъ мнѣ: «разгулъ страстей
«Опасенъ» .. *Точно; лучше, безъ сомнѣнья,*
«*Спокойно жить и прижизвать дѣтей,*—
И не давать, особенно въ началѣ,
Щекамъ пылать.. склоняться головѣ...
А сердцу забываться—и такъ далѣ.
Не правда-ль? Общепринятой молвѣ
Я покоряюсь молча... поздравляю
Парашу—я судьбѣ ея вручаю—
Подобной жизнью будетъ жить она;
А кажется хохочетъ сатана.

Мой Викторъ пересталъ любить давно...
Въ немъ съизмала горѣли страсти скупю;
Но впрочемъ, тѣмъ же свѣтомъ рѣшено,
Что по любви жениться — даже глупо.
И вотъ въ кого ей было суждено

Влюбиться... Что жь? онъ человекъ прекрасный,
И—какъ умѣть—самъ влюбленъ въ нее;
Ея души задумчивой и страстной
Сбылись надежды все... сбылося все
Чему она дать имя не умѣла,
О чемъ молиться смѣла и не смѣла...
Сбылося все... и оба влюблены...
Но все жь мнѣ слышенъ хохотъ сатаны.

Да чему же обрадовался лукавый?... Не приготовляетъ ли онъ измѣны, ревности, кинжала, яда, и другихъ золъ, которыми нарушается супружеское счастье?... Ничего не бывало! Вы правы, чувствительныя и восторженные читательницы, говоря, что авторъ «Параши» человекъ прозаическій и холодный... Въ самомъ дѣлѣ, оставивъ сатану, онъ вдругъ извѣщаетъ васъ, что онъ долго былъ въ отсутствіи, лѣтъ черезъ пять посѣтилъ влюбленныхъ. Четвертый годъ, какъ они были супругами, и Викторъ какъ-то странно потолстѣлъ; но ее встревожилъ приходъ поэта, напомнивъ ей о прежнемъ, и она даже сгрустнула и заплакала;

Но грусть замужней женщины смѣшна.
Какъ ручеекъ извилистый, но плавный,
Катилась жизнь Прасковьи Николавны!

Мужъ ее любилъ. «Можетъ быть, вы скажете, что онъ не стѣдилъ ея любви?» говоритъ поэтъ и отвѣчаетъ такъ: «кто знаетъ!»

Но—Боже! то ли думалъ я, когда,
Исполненный нѣмага обожанья,
Ея душѣ я предрекалъ года
Святаго, благодатнаго страданья!
Съ надеждами разставшись навсегда,
Свыкался я съ суровымъ отчужденьемъ,
Но въ ней ласкалъ послѣднюю мечту
И на нее съ таинственнымъ волненьемъ
Глядѣлъ, какъ на любимую звѣзду...
И что жь? я былъ обманутъ такъ невинно,
Такъ просто, такъ естественно, такъ чинно,

Что въ истинѣ своихъ желаній я
Сталъ сомнѣваться, милые друзья.
И вотъ что ей сулили ночи той,
Той лѣтней ночи страстныхъ мгновенья,
Когда съ такой тревожной быстротой
Въ ея душѣ смѣнялись вдохновенья...
Прощай, Параша!... Время на покой;
Перо къ концу спѣшить нетерпѣливо...
Что жъ мнѣ сказать о ней? Признаться вамъ—
Ее никто не назоветъ счастливой
Вполнѣ... она вздыхаетъ по часамъ,
И въ памяти хранить, какъ совершенство,
Невинности нелѣпое блаженство!
Я скоро съ ней разстался... и едва ль
Ее увижу вновь... ее мнѣ жаль...

Если и теперъ не для всѣхъ будетъ понятенъ хохоть сатаны, то мы, право, не знаемъ, какъ и объяснить его... Этотъ сатана долженъ быть знакомъ русскимъ читателямъ, потому что они встрѣчались съ нимъ и въ «Онѣгинѣ», и въ «Горѣ отъ Ума», и въ «Ревизорѣ», и въ повѣстяхъ Гоголя, и въ «Героѣ Нашего Времени», и вмѣстѣ съ нимъ смѣялись или грустили надъ неточнымъ и превратнымъ употребленіемъ разнытъ ежедневно употребляемыхъ словъ. Въ «Парашѣ», навлекло на себя насмѣшку бѣса слово «любовь» и неумѣніе многихъ любить, и умѣніе ихъ дѣлать комедію изъ всякаго чувства. Наши юноши и дѣвы въ любви всего менѣе думаютъ о любви, но и тѣ и другія ищутъ въ ней счастья, а счастье любви полагаютъ въ союзѣ съ нимъ и съ нею. Любовь, какъ всякое сильное чувство, какъ всякая глубокая страсть, есть сама себѣ цѣль; для любящихся она — долгъ, требующій служенія и жертвъ, и, предаваясь чувству, они не отступаютъ назадъ, что бы ни сулила имъ развязка ихъ романа — счастливый ли союзъ, или терновый вѣнецъ страданія и безвременную могилу... Но есть люди, которые очень уважаютъ чувство, пока оно сулитъ имъ вѣрное счастье и пока оно не требуетъ отъ нихъ ничего, кромѣ прекрасныхъ

словъ и поэтическихъ восторговъ... И потому участь такихъ людей рѣшаетъ не страсть, не чувство, а теплая лѣтняя ночь и одинокая прогулка, располагающія къ нѣгѣ, мечтательности, и заставляющія расплываться душою и сердцемъ. И какъ иначе? для страсти надо воспитаться, развиться. А для этого надо возрасти въ такой общественной сферѣ, въ которой духовная жизнь черезъ дыханіе входитъ въ человѣка, а не изъ книгъ узнаётся имъ. Только тогда изъ его страсти можетъ выйти или серьезная повѣсть, или высокая драма, а не жалкая комедія, не каррикатурная пародія для потѣхи сатаны...

Но, можетъ-быть, все это инымъ читателямъ покажется довольно темно, и они найдутъ очень серьезною развязку повѣсти. Въ самомъ дѣлѣ: влюбились и женились, оба молоды и съ достаткомъ, оба приличная партія другъ другу; дай Богъ такъ всякому!... И то правда! Такимъ читателямъ мы ничего не находимся отвѣтить, и рецензенту остается только извиниться передъ ними словами поэта:

Но вы добры, я слышалъ, и меня,
По глупости, простите ради Бога.

Другіе, можетъ-быть, станутъ благоразумно разсуждать, что выйди Параша, вмѣсто Виктора, за человѣка съ душою возвышенною, сердцемъ страстнымъ, и проч.,—она не утратила бы благоуханія души своей и въ пошломъ спокойствіи не забыла бы жаркаго волненія сердца и сладости страданія... Нѣтъ, еслибъ она была выше своей судьбы, не спокойствіе, а страданіе было бы удѣломъ ея—хотѣли мы сказать, но, вспомнимъ, что предупредительный поэтъ лучше насъ рѣшилъ этотъ вопросъ, мы ограничимся повтореніемъ его словъ:

Мнѣ жаль ея.. быть можетъ, еслибъ рокъ
Ее повелъ другой—другой дорогой...
Но рокъ—такъ всеми принято—жестокъ,
А потому и поступаетъ строго.

Выписанные нами мѣста изъ поэмы достаточно говорятъ за дарованіе и мастерство автора. Стихъ обнаруживаетъ необыкновенный поэтический талантъ; а вѣрная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная изъ тайника русской жизни, изящная и тонкая иронія, подъ которою скрывается столько чувства,—все это показываетъ въ авторѣ, кромѣ дара творчества, сына нашего времени, носящаго въ груди своей всѣ скорби и вопросы его. Объ оригинальности мы не говоримъ: она то же, что талантъ—по крайней мѣрѣ, безъ нея нѣтъ таланта. Многіе найдутъ въ поэмѣ слѣды подражанія Пушкину и особенно Лермонтову: это неудивительно, ибо живая историческая послѣдовательность литературныхъ явленій всегда смѣшивается толпою съ холодной и бездушной подражательностью. Но люди мыслящіе понимаютъ, что быть подъ неизбежнымъ вліяніемъ великихъ мастеровъ родной литературы, проявляя въ своихъ произведеніяхъ упроченное ими литературѣ и обществу, и рабски подражать — совсѣмъ не одно и то же: первое есть доказательство таланта, жизненно развивающагося, второе—безталантности. Можно подѣлаться подъ стихъ и подъ манеру писателя, но не подъ духъ и натуру его, ибо можно цѣлый вѣкъ проживать съ чужими словами и чужими манерами, но отъ собственного духа и собственной натуры отречься нельзя, каковы бы они ни были—велики или малы... Въ стихахъ г. Т. Л. столько жизни и поэзіи, въ созерцаніи его столько истины и вѣрности, что тутъ всякая мысль о подражательности нелѣпа. Вся поэма проникнута такимъ строгимъ единствомъ мысли, тона, колорита, такъ выдержана, что обличаетъ въ авторѣ не только творческій талантъ, но и зрѣлость и силу таланта, умѣющаго владѣть своимъ предметомъ. Вообще, нельзя не замѣтить, по случаю этой поэмы, какіе великіе успѣхи въ послѣднее время сдѣлали наша поэзія и наше общество; чтобъ убѣдиться въ этомъ, стѣдуетъ только вспомнить о поэмахъ, являвшихся до «Цыганъ» Пушкина... Иронія и юморъ, овла-

дѣвшіе современною поэзіею, всего лучше доказываютъ ея огромный успѣхъ: ибо отсутствіе ироніи и юмора всегда обличаютъ дѣтское состояніе литературы.

Для любителей мелкихъ прицѣпокъ, укажемъ на четыре неудачные стиха въ «Парашѣ». На стр. 7, строфа IV, стихъ: «Ея два брата умерли чахоткой» не клеится съ цѣлымъ и явно вставленъ для рифмы. Кстати: рифма къ нему «красоткой» нехороша, потому что слово «красотка» по-русски немного вульгарно. На стр. 23, строфа XXXI, въ стихѣ «Отъ толпы съ презрѣніемъ отчуждался», вѣроятно есть опечатка, и его должно читать такъ: «Онъ толпы съ презрѣніемъ отчуждался». На стр. 29, послѣдній стихъ XLII-й строфы странно неумѣстенъ («Читатель — я, признайтесь, я смѣшонъ»). На стр. 33, третій стихъ прекрасной XLIX строфы испорченъ неправильнымъ удареніемъ: «Не свѣтила луна, хоть и возшла». — Больше не къ чему придратъся самому мелочному ловцу чужихъ ошибокъ и промаховъ.

Словно гармоническимъ аккордомъ оканчивается поэма послѣднею строфою, оставляя на душѣ глубокой слѣдъ взволнованной думы:

А если кто рассказъ небрежный мой
Прочтетъ—и вдругъ задумавшись невольно
На мигъ одинъ поникнетъ головой
И скажетъ мнѣ спасибо: мнѣ довольно...
Тому давно—стоялъ я надъ кормой,
И плыли мы вдоль города чужаго;
Я былъ одинъ на палубѣ... волна
Вздымала насъ и опускала снова...
И вдругъ мнѣ кто-то машетъ изъ окна;—
Кто онъ, когда и гдѣ мы съ нимъ видались,
Не могъ я вспомнить... быстро мы промчались—
Ему въ отвѣтъ и я махнулъ рукой—
И городъ тихо скрылся за горой...

Дай Богъ, чтобъ наша встрѣча съ талантомъ автора «Параша» не была также случайна, но превратилась въ знаком-

ство продолжительное и прочное. Грустно было бы думать, что такой талантъ—не болѣе, какъ вспышка юности, кипѣніе молодой крови, а не признакъ призванія, и можетъ обмануть возбужденныя имъ ожиданія и надежды, какъ обманула поэта героиня его поэмы...

ФИЗИОЛОГІЯ ТЕАТРОВЪ, ВЪ ПАРИЖѢ И ВЪ ПРО-
ВИНЦІЯХЪ. *Соч. Куальяка. Спб. 1843.*

ФИЗИОЛОГІЯ ВИВЕРА (ЛЮБИТЕЛЯ НАСЛАЖДЕНІЯ).
Джемса Руссо. Спб. 1843.

Нельзя не удивляться легкости, игривости и остроумію, съ какими Французы воспроизводятъ свою національную жизнь въ юмористическихъ и нравоописательныхъ очеркахъ. Это не то, что наши стопудовыя отзывающіяся потомъ труда и напряженія сатирическія и нравоописательныя статьи и статейки, въ которыхъ денежная спекуляція таращится изображать русскую жизнь и съ-лица и съ-изнанки, а между тѣмъ изображаетъ ее только навыворотъ, непохожею ни на какую жизнь. Такія статьи у насъ дѣлаются теперь къ картинкамъ, такъ что ихъ и печатаютъ и покупаютъ только для картинокъ. Въ Парижѣ, напротивъ, текстъ и картинки составляютъ союзъ двухъ дарованій, взаимно другъ другу помогающихъ. Доказательствомъ этому могутъ служить хоть вотъ эти двѣ книжки, заглавіе которыхъ выставлено въ началѣ нашей статьи: въ нихъ текстъ объясняетъ картинки, а картинки объясняютъ текстъ; и то и другое вѣрно отражаетъ въ себѣ дѣйствительность. Тѣмъ не менѣе, мы нисколько не радуемся появленію этихъ физиологій на русскомъ языкѣ; скажемъ болѣе: мы видимъ въ нихъ несомнѣнное доказательство той горькой истины, до какого глубокаго униженія и упадка дошла современная русская литература! Она держится и существуетъ не мыслию, не творчествомъ, не умомъ, не

поэзією, виражаючимися вѣ словѣ, — а картинками, которыя забавляютъ праздную толпу взрослыхъ и старыхъ дѣтей. Чтѣ во Франціи является, какъ мелочь, какъ шутка и забава, отдыхъ отъ дѣла, какъ острое слово, сказанное за веселымъ столомъ, за бокаломъ шампанскаго, — у насъ это съ благоговѣніемъ переводятъ и какъ можно лучше издають. Это шутовское и жалкое благоговѣніе простирается до того, что переводчики, не понимая ироніи, принимаютъ за важное дѣло самыя шутки составителей французскихъ «Физиологій», — и одинъ изъ нихъ, именно переводчикъ «Вивѣра», пресерьѣзно возражаетъ, въ выноскахъ, на шутки умнаго и остраго Джемса Руссо... А между тѣмъ, педанты кричатъ: вотъ въ чемъ состоитъ французская литература! вотъ какими вздорами наполнена она! Это ужъ точно — съ большой головы да на здоровую: Французы виноваты тѣмъ, что умѣють и шутить, занимаясь дѣломъ, а мы гордимся предъ ними тѣмъ, что, не дѣлая ничего важнаго, передаемъ дебелимъ языкомъ ихъ легкія и граціозныя дурачества. И чтѣ интереснаго для нашей публики въ этихъ парижскихъ «физиологіяхъ»? чтѣ пойметъ она въ нихъ? — Дѣло очень просто: она поступаетъ съ ними такъ же, какъ и съ русскими книжонками этого рода: не читаетъ ихъ, а любитъ одними картинками и только за нихъ платитъ деньги, благо цѣна имъ не высока. Хорошая публика! наконецъ-то наши ловкіе издатели, наши новые книгопродавцы-капиталисты, смѣнвившіе Смирдина, который надарилъ тебя дешевыми и красивыми изданіями Крылова, Карамзина, Державина, Жуковскаго, Батюшкова, — наконецъ-то догадались они, чѣмъ надо имъ тѣшить тебя, добраго недоросля! Глядя на ихъ подвиги по этой части, право, нельзя не удивляться ихъ ловкости и сметливости...

МОЛОДИКЪ, украинскій литературный сборникъ, издаваемый И. Бецкимъ. Харьковъ. 1843.

Въ Украинѣ есть своя литература: послѣ «Молодика», въ этомъ не остается никакого сомнѣнія. Чтò такое «Молодикъ», мы, въ качествѣ Москалей, не знаемъ; знаемъ только, что это альманахъ, наполненный русскими статьями въ стихахъ и прозѣ, которыя многимъ, безъ сомнѣнія, очень понравятся. Харьковъ, по своему многолюдству и красотѣ, сравнительно съ другими губернскими городами, есть нѣкоторымъ образомъ столица Украины, а слѣдовательно и столица украинской литературы, украинской прозы и въ особенности украинскихъ стиховъ. Во всѣхъ русскихъ губерніяхъ, много пишется стиховъ, но въ Харьковѣ особенно. Стихи эти хороши, какъ только могутъ быть хороши провинціальные стихи; въ столицахъ ихъ читаютъ мало, но за то много читаютъ въ провинціи, особенно на Украинѣ, и еще болѣе, вѣроятно, въ Харьковѣ. Это обстоятельство дѣлаетъ Харьковъ особенно интереснымъ городомъ и возбуждаетъ охоту покороче съ нимъ познакомиться. Вотъ почему, вѣроятно, одинъ изъ владчиковъ «Молодика», г. Основьяненко, пересказываетъ намъ въ «Молодикѣ» старинное преданіе объ «Основаніи Харькова». Г. Основьяненко, какъ извѣстно, владѣетъ необыкновеннымъ талантомъ рассказывать разныя старинныя преданія языкомъ легкимъ и понятнымъ даже простолюдину. Обѣщаемъ бездну удовольствія тому, кто прочтетъ до конца «старинное преданіе» г. Основьяненки. Нельзя не пожалѣть, что въ «Молодикѣ» только и есть, что одна эта украинская статья, а всѣ прочія, или московскія, или нѣмецкія. Въ pendant къ «старинному преданію» г. Основьяненко, очень бы шла статья о Харьковѣ, въ которой было бы показано значеніе этого дѣйствительно замѣчательнаго города Россіи, въ торговомъ, промышленномъ и ученомъ отношеніяхъ; но такой статьи, къ сожалѣнію, въ «Молодикѣ» нѣтъ, а она была бы и лю-

бопытна и полезна. — Очень недурень отрывокъ изъ драматическаго сочиненія г. В. Корженевскаго «Горецъ», но тѣмъ болѣе жаль, что это сочиненіе помѣщено не вполнѣ, а потому теряетъ все свое достоинство. Переводы г. Бецкаго и г-жи Васильковичевой изъ Жанъ-Поль-Рихтера сдѣланы очень хорошо; но нельзя похвалить выбора переводчиковъ; переведенное ими могло бы остаться въ подлинникѣ безъ всякой потери для украинской публики. Сверхъ того, это совсѣмъ не альманачныя статьи. Жанъ-Поль-Рихтеръ — довольно странное явленіе. Это писатель, свергающій искрами генія, но совсѣмъ не геній. Геній образуется изъ соединенія глубокаго разума съ сильнымъ разсудкомъ: разума въ Жанъ-Полѣ много, но разсудка нѣтъ ни на грошъ, и оттого творенія этого писателя представляютъ собою смѣсь грубой руды съ блестками чистаго золота. Иногда онъ удивляетъ широкостію и глубиною своихъ созерцаній, но чаще — дикостію и уродливостію выраженія и мыслей. Переводить его надо осторожно, избирая одно хорошее и обходя обыкновенное и дурное. Кромѣ того, по своему направленію, Жанъ-Поль принадлежитъ теперь къ писателямъ эпохи, которая для настоящаго времени уже мертва.

Стихотвореній въ «Молодикѣ» множество. Провинціальные поэты дѣятельны, благодаря невзыскательности своей публики и удивительной охотѣ ея къ чтенію стиховъ, которыхъ въ столицахъ, какъ сказано, читаютъ мало, если ихъ достоинство состоитъ только въ томъ, что они — стихи, а не проза. Боже мой, сколько поэтовъ на Украинѣ, и какъ хорошо, т. е. какъ много пишутъ они стиховъ, которые именно — стихи, а не проза! Гг. Бороздна, Дьяченко, Кленовъ, Лукашевичъ, Майсуровъ, Мещерскій, Недолинъ, Руэль, Чужбинскій, Щербина, Щоголевъ: все это украинскіе поэты... Изъ нихъ должно исключить только одного г. Кронеберга, хотя онъ живетъ и въ Харьковѣ. По таланту понимать и переводить Шекспира, г. Кронебергъ принадлежитъ къ замѣчательнымъ поэтамъ рус-

скихъ столицъ. Помѣщенный въ «Молодикъ» отрывокъ изъ «Гамлета» возбуждаетъ живѣйшее желаніе прочесть весь переводъ этой драмы.

«Молодикъ» украшенъ нѣсколькими піесами, и въ прозѣ и въ стихахъ, петербургскихъ и московскихъ литераторовъ. Г. Погодинъ описываетъ Брюссель и Амстердамъ своими короткими фразами, напоминающими его знаменитые историческіе афоризмы. Эта статья г. Погодина такъ же замѣчательна, какъ и прежніе отрывки изъ его путевыхъ записокъ, которые онъ предлагалъ публикѣ въ «Москвитянинѣ» и «Бесѣдѣ Русскихъ Литераторовъ». Изъ столичныхъ поэтовъ, украсили «Молодикъ» своими стихами гг. Кукольникъ, Бенедиктовъ, Гребенка, Фетъ, Ѡ. Глинка, Шевыревъ. Посмертныя стихотворенія г. Соколовскаго знамениты своею длинною и прозаичностію; а три стихотворенія г. Шевырева знамениты тою превыспренностію мысли и выраженія, которыя рѣшительно недоступны уму слабыхъ смертныхъ, къ числу которыхъ мы смиренно и себя причисляемъ.

КАЗАКИ. *Повѣсть Александра Кузьмича. Спб. 1843.*
Двѣ части.

Кто не пишетъ въ наше время романовъ и повѣстей, особенно историческихъ романовъ и повѣстей? Кто? — только люди, ничего не пишущіе! Откуда же эта страсть, въ чемъ ея причины? Объ этомъ можно бы много сказать; но мы на этотъ разъ ограничимся немногими словами. Большая часть пишущаго народа вообразила себѣ, что романъ, особенно историческій, не поэзія, потому что пишется прозою. Эти господа думаютъ, что событія (т. е. завязка или развязка какого-нибудь приключенія, или происшествія) уже само по себѣ такъ интересно, что можетъ занять вниманіе читателя и доставить ему удовольствіе. Это «событіе» у нихъ всегда

бываетъ одно и то же: герой, одаренный всѣми добродѣтелями, красотою и умомъ, влюбляется въ героиню, которая тоже — фениксъ своего пола. За нее обыкновенно сватается какой-нибудь «злодѣй», на сторонѣ котораго отецъ. Слѣдуютъ разныя препятствія и страданія; но вѣрность и постоянство все преодолеваютъ—даже здравый смысл,—и герои, по терпѣннѣи разныхъ несчастій, совокупляются наконецъ законнымъ бракомъ. Къ этому вздору г. сочинитель примѣшаетъ исторію, выведетъ нѣсколько историческихъ лицъ и заставитъ ихъ говорить и дѣйствовать для вождедѣннаго соединенія героевъ своего романа, такъ что у иного такого сочинителя и полтавская битва и бородинское сраженіе даются именно съ этою цѣлью и, кромѣ счастливаго брака глухихъ любовниковъ, не оставляютъ послѣ себя никакихъ результатовъ для міра. Согласитесь, что этакъ писать легко: нечего выдумывать, не надъ чѣмъ думать; взялъ перо—и пошелъ писать! Чудаки—эти сочинители! Они не понимаютъ, что сущность и достоинство романа (и историческаго, и не историческаго) не въ сюжетѣ; что сюжетъ—дѣло всегда готовое: бери только. Что составляетъ сюжетъ, напримѣръ, «Ламмермурской невѣсты» Вальтеръ-Скотта? Молодой человѣкъ любить дѣвушку, которая отвѣчаетъ на его любовь; они объяснились и помѣнялись кольцами; остается только получить согласіе родителей Люціи. Отецъ бы и не прочь отъ этого; но мать, ненавидѣвшая Равенсвуда, имѣніемъ котораго заставила завладѣть своего слабохарактернаго мужа, не хочетъ и слышать объ этомъ союзѣ, и заставляетъ свою дочь выйти замужъ за другаго. Встрѣтивъ неожиданное сопротивленіе со стороны дочери, леди Астонъ пользуется отсутствіемъ Равенсвуда и убѣждаетъ Люцію, что онъ измѣнилъ ей. Бѣдная слабая дѣвушка рѣшается, съ отчаянія, выйти за немилаго; брачный контрактъ подписанъ ею, вдругъ входитъ въ залу Равенсвудъ, словно обвинительная тѣнь, вызванная изъ гроба вѣроломствомъ. Братъ Люціи вызываютъ его на дуэль; онъ прини-

маеть ихъ вызовъ, и удаляется. Вечеромъ того же дня, помѣшавшаяся Люція чуть не зарѣзала своего мужа, а Равенсвудъ на утро исчезаетъ въ топкихъ болотахъ, черезъ которыя спѣшить на поединокъ. Тѣмъ и оканчивается романъ. Все это просто, даже обыкновенно. И кому не могъ бы прійти въ голову точно такой же, или подобный сюжетъ? Тысячи такихъ сюжетовъ приходили въ голову тысячѣ писателей, — и между тѣмъ никто не знаетъ ни ихъ именъ, ни ихъ романовъ, а «Ламмермурская Невѣста» Вальтеръ - Скотта извѣстна всему образованному міру и вѣчно будетъ вѣдома ему, какъ драгоценный алмазъ, украшающій корону великаго царя. Въ чемъ же состоитъ превосходство романа Вальтеръ - Скотта предъ тысячею другихъ романовъ съ столь же, или еще болѣе интересными, болѣе заманчивыми сюжетами? Въ талантѣ—скажутъ намъ. Но въ какомъ же талантѣ? Вѣдь таланты бываютъ разные: одинъ владѣеть талантомъ править государствомъ, другой одерживать побѣды на полѣ битвы, третій прорывать каналы и устраивать ходы подъ рѣками, четвертый измѣрять движеніе свѣтилъ небесныхъ, и т. п. Талантомъ поэзіи—скажутъ намъ. Такъ, но и этимъ еще не все сказано. Что такое поэзія, въ чемъ состоитъ она?—вотъ вопросъ! Дюжинные сочинители полагаютъ ее въ вымыслахъ воображенія. Но вѣдь и бредъ спящаго, мечты сумасшедшаго—вымыслы фантазіи; однакожь они—не поэзія. Должны же имѣть какой-нибудь опредѣленный характеръ вымыслы поэзіи, чтобъ отличаться отъ всѣхъ вымысловъ другаго рода. «Поэзія есть творческое воспроизведеніе дѣйствительности, какъ возможности». Поэтому, чего не можетъ быть въ дѣйствительности, то ложно и въ поэзіи; другими словами: чего не можетъ быть въ дѣйствительности, то не можетъ быть и поэтическимъ. Такое опредѣленіе поэзіи вводитъ фантазію въ живое органическое соотношеніе съ другими способностями души, и преимущественно—съ разумомъ. Чтобъ умѣть изображать дѣйствительность, мало даже дара творчества: нуженъ

еще разумъ, чтобъ понимать дѣйствительность. Кто хочетъ быть поэтомъ на бумагѣ, тотъ прежде долженъ быть поэтомъ въ душѣ и, по натурѣ своей, видѣть дѣйствительность съ ея поэтической стороны. Поэзія не въ однѣхъ книгахъ: она въ дыханіи жизни, въ чемъ бы не проявлялась эта жизнь—въ природѣ, въ исторіи, или въ частномъ бытѣ человѣка. Такимъ поэтомъ былъ Вальтеръ - Скоттъ, и оттого онъ смѣло могъ брать для своихъ романовъ самые простые, обыкновенные, даже избитые сюжеты, и дѣлать ихъ, въ своихъ романахъ новыми и необыкновенными. Оттого дѣйствующія лица его романовъ — живыя лица, живые люди, а не тѣни, не призраки; ихъ чувства и побужденія, добрыя и злыя, истинны; отношенія другъ къ другу естественны. Оттого, наконецъ, нѣтъ ничего легче, какъ рассказать въ нѣсколькихъ словахъ сюжетъ любимаго романа Вальтеръ - Скотта, и нѣтъ ничего труднѣе, какъ изложить содержаніе его даже въ большой статьѣ. Для истиннаго таланта, канва ничего не стѣдитъ, а важны краски и тѣни, которыми оживить онъ свою канву. Бездарность же, напротивъ, полагаетъ всю важность только въ канвѣ, а о краскахъ и тѣняхъ не думаетъ, не подозревая того, что въ нихъ - то, въ этихъ краскахъ, въ этихъ тѣняхъ, и скрывается поэзія.

Такова новая историческая повѣсть «Кзаки». Сочинитель не жалѣлъ ни бумаги, ни чернилъ, ни словъ, ни фразъ, ни разговоровъ, ни описаній, ни происшествій — всего этого у него вдоволь; нѣтъ одного только — поэзіи! Читаешь, читаешь—въ глазахъ рябитъ, въ головѣ смутно, на душѣ скучно, и спрашиваешь себя: да къ чему же все это? Люди говорятъ, ходять, ѣздять, пьютъ, ѣдятъ, влюбляются, сражаются — все это, Богъ знаетъ, зачѣмъ и для чего. Да и люди ли это? Нѣтъ, тѣни, или, лучше сказать, марьйонетки дурной работы, приводимыя въ движеніе бѣлыми нитками, рукою неловкаго фокусника. Никакой истины, никакой естественности ни въ характерахъ, ни въ событіяхъ. Герой романа—лицо безцвѣт-

ное. Сочинитель увѣряетъ, что онъ — молодой Малороссъ, жившій въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Но если такъ, — гдѣ же въ его характерѣ черты вѣка и страны? Посмотрите на Андрія Бульбу въ повѣсти Гоголя: это натура страстная, сильная, глубокая, благородная, — и совсѣмъ этимъ дикая и грубая при всей ея нѣжности и поэзии, потому что она родилась и возрасла въ варварское время среди полудикаго общества. А Василій Мурашко г. Кузмича — просто какой-то мечтатель въ родѣ образованнаго департаментскаго чиновника нашего времени, который читаетъ «Пчелку» и хлопаетъ въ Александринскомъ театрѣ. А его возлюбленная Настасья? — барышня изъ французскаго водевиля, переложеннаго на російскіе нравы. Въ чемъ же сюжетъ романа? Карубка, отецъ Настасьи, былъ пріятель покойному отцу Василья и прочитъ за него дочь свою. Карубка не любитъ Мазепы и подозрѣваетъ его въ измѣнѣ царю; но Мазепа позвалъ къ себѣ Карубку, — и тотъ, воротившись отъ него его поклонникомъ и врагомъ царя, прогоняетъ Василья и хочетъ отдать свою дочь за Чечеля. Василій похищаетъ Настасью, но не какъ казакъ, который за минуту готовъ отдать жизнь, а какъ резонёръ изъ плохой повѣсти: надѣлавъ шума, онъ возвращаетъ Настасью отцу, а самъ, съ слугою своимъ Тарко (пародію на Киришу въ «Юріи Милославскомъ»), пробирается къ царскому войску. Потомъ въ него влюбляется Катерина, дочь Скоропадскаго; маленькая сестра ея, съ дѣтскою наивностью, высказываетъ тайну любви Катерины, отчего та конфузится и краснѣетъ, а Василій ни о чемъ не догадывается. Ну, точъ въ точъ сантиментальный романъ изъ чиновнической жизни! Катерина спасаетъ Василья отъ плѣна, а Тарко отъ смерти. Потомъ Василій дружится съ Т—ымъ, молодымъ русскимъ офицеромъ, который страстно влюбленъ въ Катерину, — и оба мечтателя приторными, сладенькими фразами разговариваютъ другъ съ другомъ о своихъ любезныхъ, — точъ въ точъ два офицера въ любомъ русскомъ водевилѣ, передѣланномъ

съ французскаго, и только что не говорятъ другъ другу: «монъ-шеръ». На полтавскомъ сраженіи Василій былъ тяжело раненъ, и, не давъ сдѣлать себѣ операціи, поскакалъ къ умирающему Карубкѣ (который, подъ именемъ Рябко, отчаянно рѣзался съ Шведами, во изъявленіе своего раскаянія, что позволилъ Мазепѣ обмануть себя). Тамъ Василю опять ранили, и Рябко ѣдетъ къ Настасьѣ съ страшною вѣстію. Читатель радуется, что глупый герой не будетъ больше надѣдать ему свою пошлость, и что длинная повѣсть кончилась: не тутъ-то было! Эта смерть придумана для эффекта: Василій воскресаетъ, чтобъ жениться и быть счастливымъ въ законномъ супружествѣ, по претерпѣннн толикихъ несчастій. Катерина до послѣдней страницы романа остается блѣдною и томною, любя Василю и только изъ угожденія волѣ родителя выходитъ замужъ за Т—ова. Этотъ Т—овъ есть не кто иной, какъ Петръ Толстой. По исторіи извѣстно, что Скоропадскому хотѣлось выдать замужъ (разумѣется, за кого-нибудь изъ Малороссіянъ) пятнадцатилѣтнюю дочь свою, на что онъ и просилъ разрѣшенія у Петра Великаго; но государь, вѣрный своей политикѣ и своимъ видамъ на Малороссію, далъ такой отвѣтъ Скоропадскому: «Въ ознаменованіе вѣрности, по примѣру своихъ предмѣстниковъ, гетманъ долженъ сговорить и выдать дочь за одного изъ чиновниковъ великороссійскихъ». Черезъ два года, зять Скоропадскаго, Толстой, получилъ нѣжинскій полкъ, по смерти полковника Жураховскаго, «во уваженіе вѣрной и усердно-радѣтельной службы тестя». Стало-быть, бракъ Толстаго съ дочерью Скоропадскаго былъ дѣломъ политическихъ расчетовъ, безъ всякихъ любовныхъ фразъ. Такъ бы и слѣдовало его изобразить. Но нѣкоторые сочинители не понимаютъ поэзіи истины и дѣйствительности, предпочитая ей шумиху избытыхъ и изношенныхъ вымысловъ празднаго воображенія...

Повѣсть г. Кузьмича, къ сожалѣнію, издана изъясно. Говоримъ — «къ сожалѣнію», ибо видѣтъ прекрасно изданную

пустую книгу такъ же непріятно, какъ видѣть пустаго чело­вѣка, пользующагося всѣми матеріальными благами жизни.

ПОВѢСТИ ИВАНА ГУДОШНИКА. *Собранныя Нико­лаемъ Полевымъ. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1843.*

Вѣроятно, для весьма многихъ ничего не можетъ быть за­виднѣе участи стараго сочинителя, долго и неуспѣшно подвизавшагося на литературномъ поприщѣ и, слѣдовательно, много написавшаго. Въ самомъ дѣлѣ, если исключить небольшія обиды, наносимыя самолюбію стараго сочинителя успѣхами новаго поколѣнія, то это едва ли не счастливѣйшее состоя­ніе въ человѣческой жизни! Старому сочинителю, написав­шему на своемъ вѣку нѣсколько десятковъ повѣстей и ро­мановъ, пять-шесть сочиненій историческихъ, полсотни патріо­тическихъ драмъ, представлений, былей, небылицъ и анек­дотовъ, сотню водевилей и нѣсколько сотенъ юмористиче­скихъ, сатирическихъ и нравственно-философическихъ отрыв­ковъ, замѣчаній и афоризмовъ, — на закатѣ дней остается только очень пріятное и легкое занятіе: издавать плоды мно­голѣтнихъ трудовъ своихъ и получать за нихъ деньги съ почтенѣйшей публики... Не правда ли, завидное положеніе?... Но и въ немъ есть непріятная сторона. Оно можетъ быть вполне хорошо только при одномъ, весьма важномъ условіи— именно, если публика не разлюбила стараго сочинителя и не охладѣла къ его сочиненіямъ. А это то, на бѣду старыхъ сочинителей, случается очень рѣдко. Надобно, чтобъ сочинитель обладалъ слишкомъ могучимъ дарованіемъ, или чтобъ предметы, о которыхъ писалъ онъ въ свое время, заключали въ себѣ какой-нибудь особенный интересъ для поколѣнія, смѣнившего его публику; иначе «труды» стараго сочинителя не привле­кутъ ничего вниманія, и издавать ихъ вновь—то же, что созидать капище въ честь идоловъ, которымъ поклонялись

наши неозаренные свѣтомъ христіанства предки, но которымъ теперь никто ужъ не поклоняется. Гораздо чаще случается, и мы видимъ тому ежедневно примѣры, что старые сочинители выходятъ изъ себя отъ охлажденія къ нимъ публики и, совершенно забытые ею, употребляютъ тысячи усилій, часто весьма забавныхъ, чтобъ снова добыть себѣ поклонниковъ, бросаются на самые новые роды литературныхъ произведеній, ожесточенно преслѣдуютъ въ литературѣ все великое и истинно прекрасное, предъ чѣмъ впервые поблѣднѣли и показались въ настоящемъ своемъ видѣ жалкія порожденія ихъ скудной фантазіи, и наконецъ, истощившись въ бесполезныхъ усиліяхъ, съ судорожнымъ, болѣзненнымъ жаромъ, проклинаютъ, надъ грудой вновь изданныхъ, но, увы!—нераскупленныхъ своихъ сочиненій, и новый міръ, и новое время, и новыя идеи,—какъ будто человѣчество виновато, что оно ушло впередъ, и какъ-будто было бы лучше, еслибъ оно остановилось на той точкѣ прогресса, на которой время застигло жалкихъ старыхъ сочинителей!...

У насъ, въ настоящее время, есть много сочинителей, которые въ печатныхъ обращеніяхъ другъ къ другу давно уже взаимно называютъ себя «заслуженными литераторами», «ветеранами русской литературы», «учениками Дмитріева и Карамзина» и т. п. Нѣкоторые изъ такихъ сочинителей уже предпринимали новыя изданія своихъ сочиненій, но, испуганные плохимъ расходомъ ихъ въ публикѣ, остановились, вѣроятно, поджидая времени болѣе благопріятнаго, которое, впрочемъ, едва ли наступить. Другіе, еще болѣе ослѣпленные своими мнимыми достоинствами и заслугами, продолжаютъ возобновлять свои старыя писанія, находя, вѣроятно, въ столь невинномъ занятіи, утѣшеніе и усладу при огорченіяхъ и неудачахъ преклонныхъ лѣтъ.

Въ 1840 году, г. Полевой собралъ нѣсколько критическихъ статей своихъ, писанныхъ имъ для «Библіотеки для Чтенія» (гдѣ онѣ помѣщались, по собственному сознанію сочинителя,

съ чужими поправками, искаженіями и вставками), и издалъ въ двухъ томахъ подъ названіемъ «Очерки Русской Литературы». Книга вызвала только весьма двусмысленную улыбку на уста рецензентовъ и нѣкоторой части публики своимъ «введеніемъ», исполненнымъ странными признаніями à la Jules Janin, и осталась въ книжныхъ лавкахъ: залпъ высшихъ взглядовъ, которыми она была нагружена, не попалъ ни въ голову, ни въ карманы читателей. Затѣмъ, въ недавнемъ времени, г. Полевой предпринялъ полное изданіе своихъ драматическихъ сочиненій и переводовъ, которые, сначала «поштучно», погребались въ одномъ театральномъ сборникѣ и были его украшеніемъ.

Успѣхъ полнаго изданія «Драматическихъ Сочиненій и Переводовъ» былъ незавиднѣе успѣха критическихъ очерковъ. Теперь г. Полевой, при содѣйствіи какого-то книгопродавца Штукина, котораго имя въ первый разъ встрѣчается въ печати, подарилъ публику изданіемъ «Повѣстей Ивана Гудошника». Нѣкогда, въ блаженное старое время, лѣтъ пятнадцать назадъ, можетъ-быть, были люди, которымъ нравились историческія сказочки, гдѣ плавнымъ и величественнымъ слогомъ рассказывалось о томъ, какъ жили «наши предки Словене», и гдѣ, между тѣмъ, не было ничего похожего на жизнь нашихъ предковъ, гдѣ безбожно коверкался современный русскій языкъ въ тщетныхъ усиліяхъ поддѣлаться подъ ладъ старинной рѣчи; гдѣ, наконецъ, герои и героини падали въ обморокъ и говорили чувствительныя фразы, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаются на каждой страницѣ «Кузумы Мирошева» и подобныхъ ему плохихъ романовъ. Но теперь, едва ли найдется такой добрый и невзыскательный человекъ, которому могли бы понравиться «Разказы Ивана Гудошника». Всѣ эти рассказы такъ скучны и до того проникнуты добродушною, умилительною пошлостью, что рѣшительно ни котораго изъ нихъ дочитать до конца нѣтъ возможности. И такъ, разбирать ихъ подробно — значило бы дѣлать имъ честь, которой они

не заслуживаютъ. Въ началѣ первой части, помѣщено предисловіе, которое поражаетъ какою-то ненатуральною задушевною и приторною, тоже не совсѣмъ естественною, любезностью, въ древле-словенскомъ вкусѣ. Въ немъ, между прочимъ, высказывается мнѣніе г. Полеваго, будто бы не должно бранить того, чтд уже давно написано. Полно, такъ ли?... Мы, съ своей стороны, думаемъ совершенно иначе. По нашему мнѣнію, все дурное, являющееся въ печати, когда бы оно писано ни было, журналъ долженъ подвергать осужденію, — потому что предостерегать публику отъ плохихъ сочиненій, есть одна изъ главнѣйшихъ обязанностей добросовѣстнаго журнала...

КНЯЗЬ КУРВСКІЙ, *историческій романъ изъ событій XVI вѣка. Соч. Бориса Федорова. Въ четырехъ частяхъ. Спб. 1843.*

Кто не знаетъ Бориса Михайловича Ф(θ)едорова? Это безспорно одинъ изъ знаменитѣйшихъ писателей нашего времени. На изчисленіе всѣхъ заслугъ его потребовалась бы цѣлая книга... Дѣйствительно, никто не доставлялъ въ своихъ сочиненіяхъ такъ много торжествъ добродѣтели, никто столько разъ не казнилъ въ нихъ порока, какъ доблестный борзописецъ, о которомъ говоримъ мы: Б. М. Ф(θ)едоровъ дѣлалъ то и другое, по крайней мѣрѣ тысячу разъ, — и если свѣтъ не сдѣлался лучше, если добродѣтель по прежнему пребываетъ въ угнетеніи, а порокъ торжествуетъ, то ужь, конечно, не отъ недостатка дѣятельности сего сочинителя, а отъ того, что свѣтъ былъ чрезвычайно испорченъ прежде, нежели сочинитель сей началъ дѣйствовать. Не говоря уже о безчисленномъ количествѣ дѣтскихъ книгъ, которыхъ, къ сожалѣнію, никто не помнитъ и не читаетъ, Б. М. Ф(θ)едоровъ написалъ нѣсколько сказокъ, между прочимъ «Віо-

летту», одно из остроумнѣйшихъ «аллегорическихъ сочиненій», какія только когда-либо писались руками смертныхъ. Сверхъ того, въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ «Трудахъ», издававшихся «Россійской Академіею», печатались постоянно стихотворенія Б. М. Ф(Ѳ)едорова, писанныя, большею частію, на разныя торжественные случаи... Но и это еще не все. Въ короткіе промежутки, оставшіеся отъ столь важныхъ и разнообразныхъ занятій Б. М. Ф(Ѳ)едоровъ изрѣдка вышаль свой голосъ въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ, и есть, говорятъ, счастливые журналы, которые могутъ насчитать у себя по нѣскольку страницъ, украшенныхъ плодами вдохновенной музы сего дѣятельнаго сочинителя... Нѣтъ сомнѣнія, что столь неуспшные и многочисленные труды давно уже доставили бы Б. М. Ф(Ѳ)едорову по крайней мѣрѣ вѣнецъ безсмертія, еслибъ на нихъ было обращено хоть какое-нибудь вниманіе благодарною публикою... Здѣсь время сказать, что, при всѣхъ достоинствахъ Б. М. Ф(Ѳ)едорова, изчисленныхъ выше, онъ еще и глубочайшій философъ. Извѣстно, что сочиненія его, отъ перваго до послѣдняго, по какому-то странному и необъяснимому случаю, всѣми журналами единогласно подвергались и подвергаются жестокиѣ насмѣшкамъ и порицаніямъ. О дѣтскихъ книжкахъ его столько наговорено острогъ, и забавныхъ и пошлыхъ, что пересчитать ихъ нѣтъ возможности. Недавно еще одинъ журналъ серьезно разсказывалъ, что дѣтямъ за какую-то шалость, предлагали на выборъ два наказанія: чтеніе нравоучительныхъ сказокъ Бориса Михайловича или розги, и что дѣти избрали послѣднее. Каллимахъ дѣтскихъ книгъ, Б. М. Ф(Ѳ)едоровъ перенесъ эту и тысячи подобныхъ ей насмѣшекъ, съ терпѣніемъ истинно стоическимъ. Въ возмездіе за все, онъ только продолжалъ ревностно и неуспшно трудиться на своемъ блестящемъ поприщѣ, и, вслѣдъ за осмѣянной книгой, выпускалъ другую, которая подвергалась не лучшей участи. Не было еще примѣра, чтобы хоть одинъ журналъ, сколько-нибудь одаренный здравымъ смы-

сломя и уважающій своихъ читателей, похвалилъ хоть одну строку, написанную Б. М. Ф(Ѳ)едоровымъ, а между тѣмъ Борисъ Михайловичъ донынѣ ревностно продолжаетъ писать! Не вѣрить онъ, что для «сочинительства» недостаточно одной страсти марать бумагу, какъ бы ни была сильна эта страсть, — не вѣрить, что добродѣтель, торжествующая въ его описаніяхъ, ничего не выигрываетъ отъ его усилій, — не вѣрить, что дѣтскія книги его пошлы и бесполезны, сатирическія иносказанія пошлы и никому не вредны, торжественныя и другія стихотворенія наводятъ дремоту; даже крайне плохая продажа книгъ, одно изъ очевидныхъ доказательствъ негодности литературнаго товара, не разувѣряетъ его въ достоинствѣ его сочиненій... Чтò жь тутъ дѣлать!...

Да; Б. М. Ф(Ѳ)едоровъ, къ несчастію, не только не перестаетъ писать, но даже въ послѣднее время значительно расширилъ кругъ своей дѣятельности. Крайняя испорченность настоящаго поколѣнія взрослыхъ людей, совершенно нечитающихъ сочиненій Бориса Михайловича, внушила ему мысль, что недостаточно заботиться объ исправленіи одного «юношества» тамъ, гдѣ всѣ члены общества заражены пороками. И онъ рѣшился... Продолжая поучать «юношество», онъ двадцать лѣтъ носилъ въ душѣ своей идею о возвращеніи на путь истинный всѣхъ и каждого, и наконецъ издалъ книгу, въ которой филантропическая и глубоко нравственная идея его является въ полномъ блескѣ. Эта книга — «Князь Курбскій»; она названа еще «историческимъ романомъ изъ событій XVI столѣтія»...

Здѣсь уже не дѣтямъ, но всему человѣчеству, безъ различія пола и возраста, говоритъ Борисъ Михайловичъ, — съ чрезвычайными ошибками противъ грамматики, т. е. синтаксиса и умѣнья ставить знаки препинанія, — что добродѣтель полезна, и рано ли, поздно ли, будетъ торжествовать, а порокъ вреденъ и непременно будетъ наказанъ. Вотъ собственныя слова Бориса Михайловича:

«Цѣль моего романа: (*двоемочіе*)!... показать, что никакія доблести, никакія заслуги не оградятъ отъ стыда и укоровъ; (*точка съ запятой!*) преступника предъ царемъ и отечествомъ; въ самой славѣ онъ не можетъ быть счастливъ, и казнится — въ собственной своей совѣсти».

Кто бы не узналъ, по однимъ этимъ строкамъ, почтеннѣйшаго Б. М. Ф(Θ)едорова, еслибъ даже на романъ не было его имени?... «За преступленіями слѣдуютъ угрызенія совѣсти». Глубокая, оригинальная истина! Вы, можетъ-быть, скажете, что ее всѣ уже давно знаютъ безъ Б. М. Ф(Θ)едорова; что не стоило писать четырехъ частей для доказательствъ того —

Въ чемъ всѣ увѣрены давно;

что идея, которую избралъ Борисъ Михайловичъ, тысячу разъ была уже развиваема въ букваряхъ и прописяхъ... Все такъ; но у Б. М. Ф(Θ)едорова свои понятія о цѣляхъ, которыя должно избирать для сочиненія романовъ... Предоставляя себѣ удовольствіе возвратиться, въ концѣ статьи, къ предисловію, изъ котораго мы заимствовали вышеприведенныя строки и въ которомъ еще осталось много подобныхъ имъ, взглянемъ теперь на самый романъ, написанный съ такою прекрасною цѣлью.

Дѣйствіе романа начинается во время войны Русскихъ съ Ливоніею. «Россіяне», подъ предводительствомъ князя Курбскаго и другихъ славныхъ «мужей», празднуютъ за побѣдой побѣду. А въ Москвѣ, между тѣмъ, царь Іоаннъ Васильевичъ производитъ судъ и расправу: Адашевъ, Сильвестръ и многіе бояре, по навѣтамъ клеветниковъ, обвинены въ колдовствѣ и въ изведеніи чародѣйнымъ зельемъ царицы Анастасіи, которая на бѣду ихъ, около того времени умерла. Все это узнаемъ мы изъ разговоровъ бояръ, осаждающихъ ливонскіе города. За тѣмъ слѣдуетъ описаніе любви рыцаря Тонненберга къ дочери дерптскаго гражданина Риделя, Миннѣ. Ридель былъ богатъ, Минна прекрасна; удивительно ли, замѣчаетъ сочи-

нитель, что Тонненбергъ старался ей понравиться? Между рыцарями, Минна никого не видала отважнѣе и прекраснѣе: удивительно ли, продолжаетъ тотъ же сочинитель, что онъ нравился ей?

Юность его красовалась мужественнымъ видомъ, стройный станъ придавалъ ему величавость. Страстный взоръ часто безмолвный изъяснитель любви, и Минна, не понимая чувствъ своихъ, краснѣя застѣнчиво, опускала въ землю свои прелестныя глаза голубые, встречаясь съ краснорѣчивыми взорами рыцаря, но снова желала ихъ встрѣтить. (Каково сказано?) Тонненбергъ невинному сердцу льстилъ такъ приятно, что прелестное личико Минны невольно обращалось къ нему, какъ цвѣтокъ по разлукѣ съ солнцемъ тоскующій. При Тонненбергѣ ей въ шумныхъ собраніяхъ рыцарей не было скучно, безъ него и на вечеринкахъ не было весело. Прежде Минна любила подразнить новымъ нарядомъ завистливыхъ ратегерскихъ дочекъ, но когда привыкла видѣть Тонненберга, то лишь тотъ нарядъ ей казался красивѣе, которымъ онъ любовался и самое легкое блестящее ожерелье тяготило ее, когда рыцарь отлучался изъ Дерпта.

До такой-то степени новыми, оригинальными, грамматически правильными фразами изображаетъ Б. М. Ф(Ѳ)едоровъ любовь героевъ своего «сочиненія». Но рука его еще не расходилась; посмотрите, что будетъ дальше. Въ Минну влюбленъ также дворянинъ Вирландъ, котораго сочинитель выдаетъ за величайшаго остряка и насмѣшника. Вотъ образчикъ остроумія Вирланда. Рѣчь идетъ о рыцарѣ Зейденталѣ, который со всѣмъ соглашается, по привычкѣ, какъ думаетъ Ридель. «Этого не скажу (замѣчаетъ острякъ). Онъ соглашается потому, что иначе бы долженъ молчать, а молчать всю жизнь, также трудно какъ баронессѣ Крокштейнъ перестать говорить».

Чертовски остро!... Вирландъ старается всѣми силами замарать Тонненберга въ глазахъ «почтеннаго родителя» Минны и, наконецъ, посредствомъ какого-то письма, успѣваетъ въ своемъ намѣреніи. Ридель запретилъ Тонненбергу приходить къ нему въ домъ. Минна плачетъ, и въ одинъ прекрасный

день пропадаетъ; въ то же самое время пропадаетъ и Вирландъ, котораго всѣ считаютъ похитителемъ Минны. Тонненбергъ является къ огорченному родителю и вторично получаетъ отъ него согласіе на бракъ съ Минной, если рыцарю удастся найти ее. Слѣдуетъ глава восьмая: «Болѣзненный Одръ». «Жизнь человѣческая», говоритъ Борисъ Михайловичъ, «подобна дню, который то проясняется, то вдругъ становится сумрачнымъ». Адашевъ, признанный достойнымъ смертной казни и только по особой милости разжалованный изъ воеводъ въ намѣстники выжженнаго Феллина, захворалъ. «Глаза его не могли узнавать окружающихъ. Тоскуя, въ жару бросался онъ изъ края въ край одра своего; то вдругъ вскакивалъ, то опускался безъ чувствъ на ложе; лицо его рдѣло, дыханіе ускорялось, уста засохли—и ничто не могло утолить жажды его». Онъ умеръ; «печать тлѣнія изобразилась на лицѣ прекрасномъ». Курбскій, простившись съ покойникомъ, отправился въ Москву. При вѣздѣ, онъ встрѣтилъ похоронный поѣздъ: хоронили жену Адашева. Іоаннъ Васильевичъ, между тѣмъ, продолжалъ казнить адашевцевъ. Заступничество Курбскаго только усилило ярость царя; самъ Курбскій подпалъ его гнѣву. Въ возникшей вслѣдъ за тѣмъ войнѣ съ Поляками, Курбскій оказалъ много мужества и предусмотрительности; но неудача под Новлемъ все испортила. Чтобъ унизить Курбскаго, Іоаннъ послалъ ему повелѣніе быть намѣстникомъ Юрьева. Здѣсь негодующій Курбскій узналъ, что самой его жизни угрожаетъ опасность. Тогда онъ рѣшился бѣжать. Поручивъ рыцарю Тонненбергу проводить жену и сына въ Нарву, къ Головинымъ, Курбскій сталъ приготовляться въ путь. Слѣдуетъ чувствительная картина. Тонненбергъ влюбился въ жену Курбскаго и, вмѣсто того, чтобъ везти въ Нарву, привезъ ее въ свой замокъ, окруженный подъемными мостами. Тутъ онъ открылъ ей любовь свою. «Злодѣй!» отвѣчала ему княгиня, со всемъ достоинствомъ оскорбленной добродѣтели: «ты забываешь, что говоришь съ женою князя Курбскаго, ты можешь держать»

меня въ неволѣ, даже лишитъ жизни, но кромѣ презрѣнія ничего не увидишь въ глазахъ монаховъ». — Ночью княгиня подслушала разговоръ Тонненберга съ его приближенными, и узнала, что онъ дѣйствительно ужасный злодѣй. Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончились наступательныя дѣйствія Тонненберга, еслибъ сама судьба не поспѣшила на выручку добродѣтели злополучной княгини: Тонненбергъ возвращаясь однажды съ добычи, былъ застигнутъ наводненіемъ и утонулъ. Всѣ жертвы, томившіяся въ замкѣ, получили свободу. Между ними княгиня знала Вирланда и Минну, которую, какъ теперь оказалось, похитилъ Тонненбергъ, вмѣстѣ съ остроумнымъ ея обожателемъ. Княгиня рѣшилась идти въ Нарву, но на дорогѣ заблудилась и попала въ хижину къ рыжему Эстонцу, который сначала хотѣлъ ее убить, а потомъ сжалился и предложилъ ей у себя пріютъ. Она жила у Эстонца нѣсколько лѣтъ. Эстонецъ имѣлъ обыкновеніе отправляться за дровами съ ея сыномъ; въ одну изъ такихъ поѣздокъ, Эстонца съѣли волки, а Юрій, по уши завязшій въ снѣгу, былъ вытащенъ проѣзжимъ купцомъ и взятъ имъ на воспитаніе. Оплакавъ краснорѣчиво, хоть и безграмотно, потерю сына, княгиня отправилась въ Нарву. Для чего она не сдѣлала того прежде? спросите вы. Богъ ее знаетъ! ужъ видно такова была у нея натура! Между тѣмъ, Курбскій явился при дворѣ Сигизмунда и былъ принятъ чрезвычайно ласково. Король нарекъ его княземъ Ковельскимъ, осыпалъ богатствомъ и почестями и поставилъ на ряду съ первѣйшими своими вельможами. Но ничто не радуетъ измѣнника; ему тяжело на чужой землѣ; «въ самой славѣ онъ не можетъ быть счастливъ и—казнится въ собственной совѣсти»... Замѣчаете: цѣль романа видимо достигается!... Участіе, которое принималъ Курбскій въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ Сигизмунда и потомъ Стефана Баторія противъ Россіи, еще болѣе увеличило его терзанія; бракъ съ графинею Дубровицкою совсѣмъ не имѣлъ тѣхъ послѣдствій, какихъ ожидалъ Курбскій: графиня оказалась вѣтре-

ною, пустою и капризною женщиною. Курбскій развелся съ женою, и въ ковельскомъ замкѣ своемъ, отъ нечего дѣлать, принялся наблюдать за полетомъ птицъ, сопровождая свои наблюденія чувствительными тирадами, въ родѣ слѣдующей:

«Онѣ (птицы) летять туда, гдѣ странствуетъ Гликерія (прежняя жена Курбскаго) съ сыномъ моимъ. Можетъ быть онѣ пролетали передъ ними, а я еще не скоро увижу родныхъ! Для чего я не могу увидѣть оставленныхъ мною? Не могу уже подать имъ помощи, и облегчить жребій ихъ, мнѣ самому безвѣстный! Летите птицы, вы возвратитесь въ прежній пріютъ свой, а я бѣжалъ изъ отечества!»

Такъ, именно такъ долженъ былъ думать и говорить Курбскій. Б. М. Ф(θ)едоровъ, такъ мастерски представившій его въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни резонёромъ и селадоннымъ вздыхателемъ, а въ остальныхъ негодеемъ и глупцомъ, — правъ какъ нельзя болѣе. Да и можетъ ли ошибиться такой опытный и стародавній сочинитель?...

Но далѣе. Княгиня Курбская, узнавъ о вторичномъ бракѣ своего невѣрнаго супруга, сперва, какъ водится, упала въ обморокъ, а потомъ уѣхала въ Тихвинскую обитель и тамъ постриглась. Туда же прибыла прежняя воспитанница княгини, четвертая жена Иоанна Васильевича, Анна Колтовская. «Пріятность вида кроткой Анны», говоритъ Б. М. Ф(θ)едоровъ, «возбуждала общее удивленіе». Игуменья повела ее по кельямъ; въ одной изъ монахинь царица узнала прежнюю свою воспитательницу—княгиню Курбскую.

— «Неисповѣдимы судьбы Господни! воскликнула княгиня, *всплеснувъ руками*.—Царица приходитъ ко мнѣ, и я въ ней вижу свою питомицу! Богъ возвеличилъ твое смиреніе и утѣшилъ меня твоимъ присутствіемъ!»

— Велика ко мнѣ милость его! воскликнула Анна, — когда я еще вижу тебя. Здѣсь отрада душъ моей! Здѣсь въ благоговѣйныхъ молитвахъ прославляется имя Господне!

Когда царица прибыла въ Тихвинскую обитель, княгиня Курбская была уже на краю гроба. День-отъ дня станови-

лось ей хуже. Послали за исповѣдникомъ. «Пришелъ почтенный старецъ въ сопровожденіи юнаго черноризца, его послушника». Молодой инокъ не сводилъ глазъ съ княгини.

«И она взглянула на него; до того времени не обращала она вниманія на окружающихъ ее, предавшись благоговѣйному чувству, но тутъ она *быстро, быстро* устремила взоръ на него, приподнялась, качая головою; сердце ея сказалося ей воскресшею надеждою: всѣ черты ея сына представились ей въ лицѣ инока, и она простерла къ нему дрожащія руки. «Сынъ мой, Юрій!» *исторлось* изъ устъ ея».

Въ заключеніе, княгиня взяла съ Юрія обѣщаніе отправиться къ отцу, и умерла. «О, родительница!» воскликнулъ Юрій, и упалъ безъ чувствъ на гробъ ея. — Князь Курбскій продолжалъ слѣдить, въ своемъ ковельскомъ замкѣ, за полетомъ птицъ и попрежнему говорилъ къ нимъ чувствительныя тирады, когда ему доложили о русскомъ странникѣ, который желаетъ съ нимъ увидѣться. Вошелъ Юрій. Курбскій не узналъ сына, и тотъ не счелъ нужнымъ открыться. Болѣе года жилъ онъ въ замкѣ отца подъ именемъ инока, разсуждая съ нимъ о любезномъ ихъ сердцу отечествѣ.

«Въ сихъ разговорахъ непримѣтно проходило время. Курбскій(,) *предаваясь стремленію мыслей*, забывалъ свою скорбь и, удивляясь ли, что Юліанъ слушалъ его съ восторгомъ. *Ему пріятно было читать дѣлательность размышленій его отца, чтобы только успокоить болѣзненное чувство его души*».

Наконецъ ему наскучило такое прекрасное занятіе, и онъ однажды сказалъ отцу, что, можетъ-быть, сынъ его живъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Курбскій, онъ погибъ съ моею Гликеріею; вѣрный слуга мой не нашелъ слѣдовъ ихъ; были и другіе слухи, но не оправдались. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что они (*слухи?*) погибли; я увѣрился въ смерти ихъ (?).

«Сынъ твой живъ?» *вскричалъ* Юліанъ, не удерживая болѣе порыва сердечнаго... «Ужели ты не узнаешь меня, *злполучный родитель?*»

Слѣдуютъ обниманія, цѣлованія и разсматриваніе какого-то рубца, по которому выходитъ, какъ дважды-два, что Юрій

дѣйствительно сынъ Курбскаго. Радуются; потомъ снова плачутъ. Чтобъ искупить грѣхи «злополучнаго родителя», Юрій рѣшается на великую жертву: онъ становится въ ряду русскихъ воиновъ, дерется съ Поляками и погибаетъ. Вскорѣ послѣ того въ Польшу приходитъ вѣсть о кончинѣ Іоанна Васильевича, а вслѣдъ затѣмъ умираетъ Стефанъ Баторій. Курбскій, забывъ свои немощи, спѣшитъ въ Гродно поклониться царственному праху своего покровителя. На дорогѣ онъ останавливается въ корчмѣ и здѣсь встрѣчается съ призракомъ, явленіе котораго Борисъ Михайловичъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ:

Курбскій лежалъ на одрѣ, но тревоженъ былъ сонъ его, и глаза по временамъ открывались въ смутной дремотѣ. Внезапно слышитъ онъ шумъ... слышитъ, какъ хлопнуло окно при сильномъ порывѣ вѣтра... и въ сію минуту кто-то появился. Курбскій не вѣритъ глазамъ своимъ: при свѣтѣ лампы, онъ видитъ самого Грознаго, въ черной одеждѣ инока: его волнистая *брада*, его посохъ остроко-нечный.

Курбскій содрогнулся.—Что тебѣ? вскричалъ онъ, торопливо под-нявшись съ одра, и устремивъ взоръ на страшное видѣніе.

— Я пришелъ за тобою, сказалъ гробовымъ голосомъ призракъ, остановивъ на немъ впалые, неподвижные глаза, и, стуча жезломъ, приближался къ одру князя.

— Отступи! воскликнулъ князь въ ужасномъ волненіи духа, отра-жая призракъ знаменіе креста.

Привидѣніе уже стояло у одра его и подняло остроко-нечный жезлъ.

За этою, чисто Шекспировскою сценою, слѣдуетъ вожде-лѣнный конецъ. Слава Богу!

Изъ всѣхъ прелестей, которыхъ можно насчитать въ этомъ романѣ по крайней мѣрѣ до тысячи, насъ особенно поразило слѣдующее обстоятельство. На всѣхъ почти дѣйствіяхъ ге-роевъ и героинь Б. М. Ф(Ѳ)едорова лежитъ печать какой-то глупости и тупоумія, какъ-будто необходимыхъ спутниковъ дѣлъ того времени. Этотъ странный колоритъ сообщенъ даже нѣкоторымъ событіямъ чисто-историческимъ, нисколько непри-

надлежащимъ изобрѣтательности Бориса Михайловича. Отчего это? Вѣроятно, это сдѣлалось невольно, безсознательно... Царь Іоаннъ Васильевичъ, остающійся донинѣ нерѣшенной загадкою русской исторіи, обладавшій умомъ великимъ, плодомъ котораго было столько славныхъ дѣлъ, — окруженный въ самыхъ порокахъ и преступленіяхъ своихъ какимъ-то грознымъ, неприступнымъ величіемъ, этотъ Іоаннъ Васильевичъ совершенно разгаданъ въ романѣ Б. М. Ф(Ѳ)едорова. Борисъ Михайловичъ представилъ его бездушнымъ тираномъ, злодѣйствующимъ по внушенію глупыхъ и неискусно-сплетенныхъ клеветъ. Такъ искажаются въ рукахъ бездарности самые очевидные историческіе факты!... Князь Курбскій, какъ мы уже сказали, низведенъ до степени недальновиднаго и пошло-чувствительнаго резонѣра, и, обреченный «казниться въ собственной своей совѣсти», вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать, безпристанно толкуеть о добродѣтели и о помраченныхъ измѣною заслугахъ своихъ, которыхъ, впрочемъ, изъ романа нисколько не видно. — Смѣшно вспомнить, какъ изображенъ у г. Ф(Ѳ)едорова дворъ Сигизмунда, графиня Дубровицкая, «почтенѣйшій» Радзивиль и другіе польскіе магнаты! Это—верхъ совершенства. Но стѣдуетъ ли говорить о такихъ мелочахъ? Какъ-будто можно было ожидать отъ почтеннѣйшаго Б. М. Ф(Ѳ)едорова болѣе того, чтѣ онъ далъ намъ? Борисъ Михайловичъ сдѣлалъ свое дѣло: онъ представилъ намъ въ своемъ романѣ нѣсколько умилительно-трогательныхъ встрѣчъ и прощаній нѣжныхъ чадъ съ дрожайшими родителями, мужей съ женами, сестеръ съ братьями, вывелъ на сцену юродиваго, безъ котораго ни одинъ плохой историческій романъ обойтись не можетъ, наградилъ добродѣтель, наказалъ порокъ,—а до исторической вѣрности характеровъ, до колорита мѣста и времени и до всего прочаго, чтѣ требуется отъ историческаго романа, ему нѣтъ и дѣла. Было бы доказано, что злодѣй въ самой славѣ не можетъ быть счастливъ и казнится въ собственной совѣсти; все же прочее—вздоръ!...

Изъ выписокъ, приведенныхъ выше, читатели, между прочимъ, вѣроятно, замѣтили, что романъ Б. М. Ф(Ѳ)едорова написанъ плавнымъ, высоко-торжественнымъ слогомъ, какимъ нынѣшнее развратное человѣчество ужъ не пишетъ. Чтò прикажете дѣлать? Въ наше время, когда нѣкоторые дерзкіе люди осмѣливаются говорить, что будто и литература и языкъ русскій значительно шагнули впередъ, Б. М. Ф(Ѳ)едоровъ все еще придерживается старины, и округляетъ свои періоды по методу «Карамзинской рѣчи», не обращая вниманія на то, что самъ Карамзинъ, послѣ прозы Пушкина, не сталъ бы писать такъ, какъ писалъ въ свое время. Это метода, какъ всякому извѣстно, заключается въ употребленіи разнаго рода риторическихъ фигуръ и въ особенномъ расположеніи словъ, по которому причастія и прилагательныя имена ставятся весьма часто послѣ существительныхъ.

При всемъ нашемъ уваженіи къ почтеннѣйшему Б. М. Ф(Ѳ)едорову, мы, — не имѣя обыкновенія занимать читателей вздоромъ, какъ бы онъ ни былъ забавень, — ни за что не распространились бы такъ о «Князѣ Курбскомъ», еслибъ въ предисловіи къ этому роману не было строкъ, весьма замѣчательныхъ:

«Многіе знаменитые литераторы и любители словесности одобряли трудъ мой, въ которомъ видѣли начатки русскаго историческаго романа (?!??)»

Вотъ куда метнулъ почтеннѣйшій Борисъ Михайловичъ. Начатки русскаго историческаго романа—шутка! И въ чемъ же эти начатки?... Въ невѣрномъ и пошломъ до невѣроятности пересказѣ нѣкоторыхъ историческихъ событій, съ примѣсю пустяковъ собственнаго издѣлія сочинителя! Любопытно было бы услышать отъ самихъ знаменитыхъ литераторовъ и любителей словесности, какъ и съ какою миною отзывались они о романѣ почтеннѣйшаго Бориса Михайловича?... Не желая, чтобъ «скромное» предисловіе сочинителя ввело кого-нибудь въ заблужденіе, мы сочли долгомъ пока-

зять читателямъ «сочиненіе», въ которомъ «многіе видѣли начатки русскаго историческаго романа»,—въ полномъ и настоящемъ его блескѣ, и съ своей стороны повторяемъ, что не видѣли въ романѣ Б. М. Ф(Ѳ)едорова ничего, кромѣ въ высшей степени неудачнаго порожденія невѣроятныхъ, но, увы, бесполезныхъ усилій безталантности...

Сочинитель, какъ видно, страстно влюбленный въ свое хворое дѣтище, не ограничился въ предисловіи тѣмъ, что мы выписали. Съ чувствомъ рассказываетъ онъ, какъ двадцать слишкомъ лѣтъ сочинялъ «Курбскаго» и какія препятствія, соединенныя съ воспоминаніемъ горестныхъ для сочинителя потерь, замедляли появленіе романа, въ которомъ, какъ говоритъ онъ, принимали участіе (?) многіе любезные сердцу сочинителя особы. «Князь Курбскій взялъ такую долю въ моей жизни», заключаетъ Б. М. Ф(Ѳ)едоровъ, «что я долженъ бы написать повѣсть о моемъ романѣ. Многіе ожидали его появленія, но мысль о тѣхъ изъ нихъ, которыхъ уже нѣтъ, нѣсколько разъ останавливала надолго мой трудъ; безъ нихъ тяжело мнѣ было оканчивать историческую картину, которая была предметомъ ихъ вниманія, участія, заботливости!» Покойники, видно, въ самомъ дѣлѣ, были добрые люди, и нѣтъ ничего страннаго, что Борисъ Михайловичъ такъ горько о нихъ сокрушается: онъ потерялъ въ нихъ, можетъ-быть, единственныхъ своихъ читателей!

«Сочиненіе» испещрено эпиграфами, которые, вмѣстѣ взятые, представляютъ живое подобіе такъ называемыхъ «россійскихъ пѣсенниковъ», гдѣ рядомъ съ стихами Пушкина безграмотные издатели помѣщаютъ нелѣпыя вирши разныхъ темныхъ стихоплетовъ. Напечатано оно на сѣровой бумагѣ, съ чрезвычайными ошибками, и посвящено памяти княгини Юсуповой, Н. М. Карамзина и А. С. Шишкова «благотворившихъ сочинителю». Словомъ, въ романѣ соблюдены все, какъ виѣшнія, такъ и внутреннія условія, требуемыя отъ книги публикою, которая запасается умственною пищею отъ бра-

датыхъ букинистовъ, разносящихъ по лицу Россіи творенія, неприняемая въ порядочныхъ книжныхъ лавкахъ.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО, сочиненіе Н. М.
Карамзина. Изданіе И. Эйнерлина. Книга III. (Томы IX, X, XI и XII). Спб. 1843.

Карамзинъ воздвигнулъ своему имени прочный памятникъ «Исторією государства Россійскаго», хотя и успѣлъ довести ее только до избранія на царство дома Романовыхъ. Какъ всякій важный подвигъ ума и дѣятельности, историческій трудъ Карамзина приобрѣлъ себѣ и безусловныхъ, восторженныхъ хвалителей, и безусловныхъ порицателей. Разумѣется, тѣ и другіе равно далеки отъ истины, которая въ серединѣ. Для Карамзина уже настало потомство, которое, будучи чуждо личныхъ пристрастій, судить ближе къ истинѣ. Главная заслуга Карамзина, какъ историка Россіи, состоитъ совсѣмъ не въ томъ, что онъ написалъ истинную исторію Россіи, а въ томъ, что онъ создалъ возможность въ будущемъ истинной исторіи Россіи. Были и до Карамзина опыты написать исторію, но тѣмъ не менѣе для Русскихъ исторія ихъ отечества оставалась тайною, о которой такъ или сякъ толковали одни ученые и литераторы. Карамзинъ открылъ цѣлому обществу русскому, что у него есть отечество, которое имѣетъ исторію; и что исторія его отечества должна быть для него интересна, и знаніе ея не только полезно, но и необходимо. Подвигъ великій! И Карамзинъ совершилъ его не столько въ качествѣ историческаго, сколько въ качествѣ превосходнаго бѣльетрическаго таланта. Въ его живомъ и искусномъ литературномъ разсказѣ вся Русь прочла исторію своего отечества и въ первый разъ получила о ней понятіе. Съ той только минуты сдѣлались возможными и изученіе русской исторіи, и ученая разработка ея матеріаловъ: ибо

только съ той минуты русская исторія сдѣлалась живымъ и всеобщимъ интересомъ. Повторяемъ: великое это дѣло совершилъ Карамзинъ преимущественно своимъ превосходнымъ бѣллетрическимъ талантомъ. Карамзинъ вполне обладалъ рѣдкою въ его время способностію говорить съ обществомъ языкомъ общества, а не книги. Бывшіе до него историки Россіи не были извѣстны Россіи, потому что прочесть ихъ исторію могло только одно испытанное школьное терпѣніе. Они были плохи, но ихъ не бранили. Исторія Карамзина, напротивъ, возбудила противъ себя жестокою полемику. Эта полемика особенно устремляется на собственно историческую или фактическую часть труда Карамзина. Большая часть указаній критиковъ дѣльна и справедлива; но укориженный тонъ ихъ дѣлаетъ вреда больше самимъ критикамъ, нежели Карамзину. Трудъ его должно разсматривать не безусловно, а принимая въ соображеніе разныя временныя обстоятельства. Карамзинъ, воздвигая зданіе своей исторіи, былъ не только зодчимъ, но и каменщикомъ, подобно Аристотелю Фіоравенти, который, воздвигая въ Москвѣ Успенскій соборъ, въ то же время училъ чернорабочихъ обжигать кирпичи и растворять известъ. И потому фактическія ошибки въ исторіи Карамзина должно замѣчать для пользы русской исторіи, а обвинять его въ нихъ не должно. Гораздо важнѣе разборъ его понятій объ исторіи вообще и взглядъ его на исторію Россіи въ частности, равно какъ и манера его повѣствовать. Но и здѣсь должно брать въ соображеніе временныя обстоятельства: Карамзинъ смотрѣлъ на исторію въ духъ своего времени—какъ на поэму, писанную прозою. Зная у писателей XVIII вѣка ихъ литературную манеру изложенія, онъ былъ чуждъ ихъ критическаго, отрицающаго направленія. Поэтому, онъ сомнѣвался, какъ историкъ, только въ достовѣрности нѣкоторыхъ фактовъ; но нисколько не сомнѣвался въ томъ, что Русь была государствомъ еще при Рюрикѣ, что Новгородъ былъ республикой, на манеръ кароа-

генской, и что съ Іоанна III-го Россія является государствомъ, столь органическимъ и исполненнымъ самобытнаго, богатаго внутренняго содержанія, что реформа Петра Великаго скорѣе кажется возбуждающею соболѣзнованіе, чѣмъ восторгъ, удивленіе и благодарность. Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, Карамзинъ ставитъ въ вину Сумарокову, что тотъ, въ трагедіяхъ, «называя героевъ своихъ именами древнихъ князей русскихъ, не думалъ соображать свойства дѣла и языка ихъ съ характеромъ времени». И что же? такой же упрекъ можно сдѣлать самому Карамзину: герои его исторіи отчасти напоминаютъ собою героевъ трагедій Корнелія и Расина. Переводя ихъ рѣчи, сохранившіяся въ лѣтописяхъ, онъ лишаетъ ихъ грубой, но часто поэтической простоты, придаетъ имъ характеръ какой-то витіеватости, риторической плавности, симметріи и заботливой стилистической отдѣлки, такъ что эти рѣчи, въ его переводѣ, являются похожими на переводъ рѣчей римскихъ полководцевъ изъ исторіи Тита Ливія. Сличите отрывки въ подлинникѣ изъ писемъ Курбскаго къ Іоанну Грозному съ Карамзинскимъ переводомъ ихъ (въ текстѣ и примѣчаніяхъ), и вы убѣдитесь, что, переводя ихъ, Карамзинъ сохранялъ ихъ смыслъ, но характеръ и колоритъ давалъ совсѣмъ другой. Историческая повѣсть Карамзина «Марѳа Посадница» можетъ служить живымъ свидѣтельствомъ его историческаго созерцанія: герои его—герои Флоріановскихъ поэмъ, и они выражаются обработаннымъ языкомъ витіеватаго историка римскаго — Тита Ливія. Русскаго въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ словъ, какъ, напримѣръ, въ рѣчи боярина московскаго на новгородскомъ вѣчѣ, и въ отвѣтѣ ему Марѳы, въ которомъ она ссылается на исторію Рима и упоминаетъ о Готахъ, Вандалахъ и Эрुлахъ!...

Скажутъ, мы говоримъ о повѣсти Карамзина, а не объ исторіи: нѣтъ мы говоримъ о взглядѣ его на русскую исторію и жизнь нашихъ предковъ... И однакожь, мы далеки отъ дѣтскаго намѣренія ставить въ упрекъ Карамзину то, что

было недостаткомъ его времени. Нѣтъ, лучше воздадимъ благодарность великому человѣку за то, что онъ, давъ средства сознать недостатки своего времени, двинулъ впередъ послѣдовавшую за нимъ эпоху. Если когда-нибудь явится удовлетворительная исторія Россіи—этимъ обязано будетъ русское общество историческому же труду Карамзина, упрочившему возможность явленія истинной исторіи Россіи. Но и тогда исторія Карамзина не перестанетъ быть предметомъ изученія и для историка и для литератора, и новый историкъ Россіи не разъ сошлется на нее въ трудѣ своемъ... Какъ памятникъ языка и понятій извѣстной эпохи, исторія Карамзина будетъ жить вѣчно.

Изданіе «Исторіи Государства Россійскаго», предпринятое г. Эйнерлингомъ, почти окончено; остается напечатать только «Ключъ», составляемый г. Строевымъ. О достоинствѣ этого изданія говорить нечего: лучшаго ничего нельзя ни требовать, ни вообразить, за исключеніемъ довольно высокой цѣны. Приложенія, сдѣланныя издателемъ, показываютъ, что онъ смотритъ на изданіе классическихъ писателей истинно европейски. Говорятъ: эти приложенія не важны. Пусть такъ; но пріятно имѣть въ одной книгѣ все, что только написано рукою автора. Статья «О Древней и Новой Россіи» чрезвычайно любопытна, какъ живое свидѣтельство историческихъ и политическихъ понятій Карамзина, и г. Эйнерлингъ очень хорошо сдѣлалъ, помѣстивъ и ее въ числѣ приложеній.

СТИХОТВОРЕНІЯ МИЛЬКѢВА. Москва. 1843.

Иронія составляетъ одинъ изъ преобладающихъ элементовъ современной поэзіи. Это понятно: поэзія есть воспроизведеніе дѣйствительности, вѣрное зеркало жизни, — а гдѣ же больше ироніи, какъ не въ самой дѣйствительности? кто же больше и злѣе смѣется надъ самимъ собою, какъ не жизнь?

Посмотрите, какъ любить она противорѣчіе, жертвою котораго бываетъ безпрестанно бѣдная человѣческая личность! Вотъ, напримѣръ, два актёра: одинъ—«безумецъ, гуляка праздный», неподозрѣвающій ни святости искусства, ни его высокаго назначенія, невѣжда безграмотный, лѣнивонецъ, добродушный хвастунъ,—и между тѣмъ, въ грязной натурѣ скрыты богатые самородки великихъ чувствованій, могучихъ страстей; эта безумная голова озаряется горящимъ ореоломъ вдохновенія,—и рыдаетъ и колеблется многочисленная толпа при звукахъ голоса этого самовластнаго чародѣя, и каждый уноситъ съ собою изъ театра тѣ высокія откровенія, тѣ таинственные глаголы жизни, для принятія которыхъ нужно посвященіе... За чтò же этотъ даръ, это могущество слова, взора и жеста, это чудодѣйственная сила? За чтò, за какой подвигъ такая высокая награда! Иронія, иронія, иронія... Вотъ другой актёръ: страсть къ искусству—его жизнь; изученіе искусства—занятіе, забота, трудъ всей его жизни; стремленіе къ славѣ—болѣзнь его души... И вотъ появляется онъ передъ толпою, разбѣленный и разрумяненный, съ важнымъ видомъ, и ловко, смѣло, съ граціею повертываетъ картонною булавою гладіатора, или картоннымъ мечемъ Александра Македонскаго, величаво говоритъ съ другомъ своимъ Алхимересомъ объ измѣнѣ Амалафриды,—театръ дрожитъ отъ рукоплесканій, вызовамъ нѣтъ конца... Но отчего же въ этомъ восторгѣ толпы слышенъ одинъ шумъ и крикъ? отчего она съ такимъ же точно восторгомъ, черезъ минуту послѣ того, принимаетъ пошлый водевиль, и ни одинъ человѣкъ изъ нея не выходитъ изъ театра съ поникшею головою, съ грустнымъ раздумьемъ на челѣ?... Художникъ упоенъ, восхищенъ своимъ торжествомъ; онъ такъ низко, такъ почтительно кланяется вызывающей его толпѣ... Но отчего же такъ раздражаетъ его всякое двусмысленное сужденіе «немногихъ»—его, который такъ доволенъ «всеми»? Отчего же такъ уязвляетъ его легкая улыбка «немногихъ»? Чтò онъ видитъ въ ней?—

Иронію видить въ ней онъ, жертва ироніи, самъ воплощенная иронія дѣйствительности... Послѣ этого, какъ понятны эти слова Пушкинскаго Сальери:

Гдѣ жь правота, когда свещенный даръ,
Когда безсмертный геній—не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердіи, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?...

Это значить совсѣмъ не то, чтобъ жизнь состояла изъ однихъ противорѣчій, и чтобъ геній всегда былъ «праздный гуляка», а самоотверженіе труда и изученія всегда было признакомъ ограниченности и бездарности: нѣтъ, мы хотимъ сказать только, что дѣйствительность часто любитъ отступать отъ своихъ разумныхъ законовъ, часто любитъ пошутить сама надъ собою. Въ этомъ-то и состоитъ ея иронія. Вездѣ и повсюду видимъ мы эту иронію; вездѣ и повсюду видимъ мы жертвы этой ироніи, вездѣ и повсюду—и въ природѣ, и въ исторіи, и въ судьбѣ индивидуумовъ. Вотъ дѣвушка, одаренная столь дивною красотою, что, кажется, весь міръ долженъ преклониться передъ нею... И чтó же?—иногда (и чаще всего) оказывается, что душа ея пуста, сердце холодно, умъ ограниченъ, и велико только ея мелочное самолюбіе... Вотъ дѣвушка, вся созданная изъ великодушнаго самопожертвованія, изъ горящей любви и высокаго стремленія, созданная для того, чтобъ осчастливить жизнь достойнаго человѣка, быть наградою за великій подвигъ жизни,—но увѣ! никто не добивается этого счастья, этой награды: она дурна собою, ей не дано волшебнаго обаянія женственности, съ ней говорятъ, какъ съ умнымъ мужчиною... Заглянемъ ли въ исторію—и тамъ иронія царитъ надъ людьми. Никогда, говорятъ знатоки военнаго дѣла, никогда Наполеонъ не развѣтывалъ въ такой ширинѣ и глубинѣ своего военнаго генія, какъ передъ своимъ паденіемъ,—и все-

таки палъ, низринутый какой то невидимою рукою, какою-то странною ироніею дѣйствительности... Сколько людей съ торжествомъ и славою выступило на историческое поприще; но одна минута,—и лавровый вѣнокъ смѣнялся шутовскимъ колакомъ,—и эти люди оказывались столь же малыми для исторической арены, сколько были они велики для обыкновеннаго круга жизни. Стало-быть, имъ не было мѣста ни тамъ, ни здѣсь,—и тамъ и здѣсь имъ суждено было погибнуть жертвою ироніи.. Не мало представляетъ такихъ жертвъ ироніи область искусства и литературы. Этотъ мрачный законъ ироніи особенно часто тяготѣетъ надъ такъ называемыми «самоучками» и вообще надъ людьми, которые вдругъ измѣняютъ назначенную имъ судьбою дорогу жизни, и измѣняютъ вслѣдствіе сознанія тайнаго внутренняго призванія къ искусству. Дѣйствительно, тайный внутренній голосъ зоветъ и манитъ ихъ къ блестящей мечтѣ, раздаваясь во глубинѣ души ихъ звуками Вадимова колокольчика; грудь ихъ полна тревогою, и даже во снѣ слышатъ они слова: «встань изъ грязи, въ которую бросила тебя судьба, мужайся и иди впередъ,—лавры побѣды, удивленіе толпы и безсмертіе въ вѣкахъ ожидаютъ тебя!» Ужасенъ этотъ голосъ, ибо нельзя узнать, чей онъ—ангелхранителя, или чернаго демона; такой вопросъ рѣшается только временемъ и фактами, — а въ этомъ-то и состоитъ иронія жизни. Правда, характеръ истиннаго призванія тѣмъ отличается отъ ложной тревоги, что въ немъ преобладаетъ сторона разсудка, тогда какъ въ послѣдней дѣйствуетъ преимущественно фантазія; но въ томъ-то и заключается возможность ошибки, что мечты фантазін часто очень похожи на проявленіе дѣйствительности, и что въ этихъ мечтахъ есть своя доля дѣйствительности. Человѣкъ не доволенъ своимъ положеніемъ, имъ овладѣваетъ сильное, неодолимое стремленіе вырваться изъ тѣснаго круга, въ который поставила его судьба: это еще не значить, чтобъ внутренній голосъ этого человѣка звалъ его сдѣлаться великимъ дѣятелемъ въ сферѣ

исторіи или искусства; чаще всего этотъ внутренній голосъ означаетъ не болѣе, какъ стремленіе сдѣлаться просто человекомъ, развитъ въ себѣ всѣ данныя Богомъ духовныя силы: но въ томъ-то и состоитъ иронія жизни, что люди не всегда могутъ, или умѣютъ понять истинный смыслъ своихъ стремленій, и принимаютъ за тревогу генія зовъ къ человѣческому достоинству.

Литературная дѣятельность имѣетъ въ себѣ гораздо больше обаятельнаго, чѣмъ что-нибудь, можетъ-быть потому именно, что она представляетъ собою одно изъ важнѣйшихъ поприщъ для таланта. Вотъ почему молодые люди съ пылкимъ воображеніемъ и горячею кровью хотятъ у насъ быть непременно поэтами. Для нихъ всѣ люди раздѣляются на два разряда: на людей великихъ, т. е. поэтовъ, и на людей обыкновенныхъ, т. е. не поэтовъ. Если они почувствуютъ въ груди своей эту неопредѣленную тревогу, которая производится горячею кровью, пылкимъ воображеніемъ, маленькимъ избыткомъ чувства, искоркою ума, а главное — молодостію, — они сейчасъ хватаются за перо и пишутъ стихи, либо романъ. «Я поэтъ!» — за право сказать себѣ это слово, они готовы пожертвовать всѣмъ; но какъ это право не требуетъ особенно дорогихъ жертвъ, по крайней мѣрѣ свѣше того, что стоить одна или двѣ дести писчей бумаги да отважная досужестъ измарать ее размѣренными строчками или размашистою прозою, — то многіе изъ нихъ легко добиваются счастья быть печатно посвященными въ поэты со стороны пріятельскаго журнала. Потомъ они издають книжечку своихъ стихотвореній. Пріятельскій журналъ заранѣе извѣщаетъ о выходѣ этой книжечки, какъ о дѣлѣ необыкновенномъ, потомъ расхваливаетъ книжечку; публика засыпаетъ за нею, — а сатана хохочетъ... И вотъ вамъ иронія жизни! Изъ такихъ бѣдныхъ стихотворцевъ особенно жалки такъ называемые поэты по призванію, поэты-самоучки и т. п. Между ними есть люди дѣйствительно съ призваніемъ — быть людьми порядочными

и образованными, съ потребностію развить въ себѣ природные дары; между ними бываютъ даже люди съ внутренними вопросами, на которые могли бы дать имъ отвѣтъ наука и нравственное развитіе; но они предпочитаютъ искать болѣе легкаго и болѣе пріятнаго разрѣшенія своихъ вопросовъ и находятъ его — въ поэзіи, но не въ поэзіи великихъ гениевъ творчества, а въ своихъ бѣдныхъ и жалкихъ виршахъ. Процессъ творчества они считаютъ какою-то кабалистикою: они думаютъ, что если найдетъ на человѣка дурь вдохновенія, то онъ безъ ума уменъ, безъ науки свѣдушъ и можетъ видѣть безъ глазъ, слышать безъ ушей. А тутъ еще удивленіе людей лавровый вѣнокъ славы, безсмертіе въ вѣкахъ, — все это за такую дешевую цѣну! И пишетъ нашъ поэтъ, и издаетъ онъ, наконецъ, книжечку своихъ стихотвореній; но міръ спокоенъ, люди и не подозрѣваютъ, что между ними явился гений...

Къ числу такихъ явленій книжнаго міра принадлежатъ «Стихотворенія г. Милькѣева». Изъ посвященія книги и приложеннаго къ ней письма поэта къ Василию Андреевичу Жуковскому, мы узнаемъ, что г. Милькѣевъ родился и выросъ на берегахъ Иртыша, чувствовалъ въ себѣ неодолимое стремленіе вырваться изъ тѣснаго, душнаго и ограниченнаго круга, въ который поставила его судьба, въ сферу болѣе высокую, болѣе человѣческую, которую онъ, почему-то, полагалъ для себя въ поэтической дѣятельности; и что, наконецъ, ободренный вниманіемъ В. А. Жуковскаго и пользуясь его просвѣщеннымъ покровительствомъ, переѣхалъ изъ Сибири въ Россію. Вообще, все письмо г. Милькѣева къ В. А. Жуковскому проникнуто простотою, умомъ и достоинствомъ. Къ интереснѣйшимъ подробностямъ этого письма принадлежатъ тѣ, изъ которыхъ мы узнаемъ, что г. Милькѣевъ чувствовалъ рѣшительное желаніе сдѣлаться поэтомъ при чтеніи Плутарха, когда ему было шестнадцать лѣтъ; онъ не имѣлъ никакого понятія о правилахъ стопосложенія, и до уразумѣ-

ніа ихъ долженъ былъ дойти собственною проніцательностію. Также понялъ онъ и правила ореографіа русскоя. Безъ сомнѣнія, все это стоило ему большихъ трудовъ и большихъ усилій, какъ человѣку, лишенному всѣхъ пособій, какія представляютъ собою учителя и учебники. Изъ этого видно, что г. Милькѣевъ — то, что называется «поэтъ самородный», «поэтъ-самоучка». Самородные поэты особенно замѣчательны потому, что на ихъ твореніяхъ, какъ бы ни были они грубы и необдѣланны, всегда лежитъ печать оригинальности, столь часто чуждой обыкновеннымъ талантамъ. Таковъ былъ Кольцовъ, стихотворенія котораго, дышашія самобытнымъ вдохновеніемъ и талантомъ, до того оригинальны, что нѣтъ никакой возможности поддѣлаться подъ ихъ простую и наивную форму. Но, увы! не къ такимъ поэтамъ принадлежитъ самородный поэтъ, г. Милькѣевъ, если только принадлежитъ онъ къ какимъ-нибудь поэтамъ. Не только самобытности и оригинальности,—въ его стихахъ нѣтъ даже того, что прежде всего составляетъ достоинство всякихъ порядочныхъ стиховъ: нѣтъ таланта поэтическаго. Нашъ приговоръ можетъ быть жестокъ, но онъ тѣмъ не менѣе справедливъ, и это не трудно будетъ доказать при сколько-нибудь внимательномъ разсмотрѣніи лежащихъ передъ нами стихотвореній.

Они начинаются гимномъ къ солнцу:

*О дивный красавецъ, колоссъ міроздавья!
Даря насъ торжественнымъ зрѣлищемъ дней
Выходишь ты съ бездной тепла и сіянья,
Въ коронѣ злждительно-моцныхъ лучей.
Природы великой жемчужъ воцаренный,
Съ тѣхъ поръ, какъ ея украшеніемъ сталъ,
Когда не поспѣлъ ты на подвигъ священный,
Когда на державную црль опоздалъ.*

Остановимся на минуту на этихъ стихахъ, чтобъ спросить: есть ли въ этой кучѣ фразъ и словъ, есть ли въ ней — не говоримъ, поэзіа, вдохновеніе—есть ли въ ней какой-нибудь

логическій смыслъ? Чтò такое: «дивный красавецъ, колосъ мірозданія?» — Фразы, пустыя восклицанія, чуждыя всякаго поэтическаго воззрѣнія, лишеныя всякаго чувства... «Солнце выходитъ съ бездной тепла и сіянья, въ коронѣ зиждительно-мощныхъ лучей, даря насъ торжественнымъ зрѣлищемъ дней» чтò это такое написали вы, г. Милькѣевъ? Неужели выраженія: «бездна тепла и свѣта, торжественное зрѣлище дней» и лучи съ «зиждительно-мощнымъ» эпитетомъ, — неужели все это поэзія, а не дурная проза въ плохихъ стихахъ?... Положимъ, что солнце — женихъ природы, но почему же оно — воцаренный женихъ? Конечно, въ этомъ есть смыслъ, но только одинъ грамматическій, а всякаго другаго смысла тутъ нѣтъ и признака. И чтò за похвала такая солнцу, что оно всегда «поспѣвало на священный подвигъ» и никогда «не опаздывало на державную цѣль?» Вѣдь другими, болѣе простыми и болѣе богатыми смысломъ словами, это значить, что солнце всегда во-время встаетъ и во-время заходитъ... И чтò за подвигъ священный, чтò за державная цѣль?—Галиматья!...

Въ остальной половинѣ стихотворенія, г. Милькѣевъ говоритъ къ солнцу, что его, солнце, древніе принимали за божество, но что мы, новые, уже «не дадимъ поклоненія», ибо знаемъ, что Богъ-то не оно, но что оно только создано Богомъ. Все это правда; но кто же не зналъ этой правды безъ стихотворенія г. Милькѣева? Вѣдь и то правда, что дважды два — четыре: неужели же эту истину надобно перекладывать на плохіе стихи? Древніе обожествили, въ поэтическомъ образѣ Апполлона, солнце, какъ отдѣльную благодѣтельную силу природы; — и сколько глубокаго значенія было заключено въ ихъ роскошно поэтическимъ миѳъ бога свѣта! Г. Милькѣевъ, конечно, разсудительнѣе Грековъ смотритъ на солнце, но это не мѣшаетъ ему ничего въ немъ не видѣть и говорить о немъ пустою прозою въ холодныхъ виршахъ, такъ какъ Греки, несмотря на всю младенческую

наивность своего воззрѣнія на солнце, такъ много въ немъ видѣли, и въ такихъ обаятельно творческихъ формахъ выражали свое созерцаніе!

Но перейдемъ ко второму стихотворенію въ книжкѣ г. Милькѣва: онъ воспѣваетъ въ немъ «Возрожденіе»:

Смѣна холоду *крутому*
Смѣна мертвымъ, *душнымъ* льдамъ.
Сну *бользненно-тьмому*,
Зимнимъ вихрямъ и снѣгамъ!
Миръ очнулся весь *глубоко*,
И прелестенъ и богатъ.
Одъвается *широко*
Въ *новосвадебный* нарядъ.

Стоять ли такіе стихи какого-нибудь дѣльнаго разбора? Въ нихъ нѣтъ ни одного живаго образа, никакой картины. Эпитеты дѣтски неточны, вычурны. А мысль всего стихотворенія—это чистое резонёрство о томъ о сѣмъ, а больше ни о чемъ! Ежегодная измѣняемость природы подаетъ поэту поводъ разсуждать, длинно и водяно, о неизмѣяемости чело-вѣка. Піеса оканчивается такими курьезными стихами:

И сынамъ твоимъ судьбамъ
Заповѣдавъ тотъ же путь,
Такъ же въ низъ реветъ громами
Огнѣдышущая грудь.

Хоть бы г-ну Бенедиктову такъ выразиться!...

Впрочемъ, едва ли у кого достанетъ силъ слѣдить за всѣми стихотвореніями г. Милькѣва. Въ одномъ у него—

Пылаютъ сердца, какъ лампы,
Къ предѣламъ парятъ неземнымъ.

Въ стихотвореніи «Сухарева Башня», г. Милькѣвъ такъ заставляетъ Петра Великаго говорить полковнику Сухареву:

Хочу оставить я народу
Знакъ неподкупности твоей,
Гдѣ жилъ ты съ вѣрными стрѣльцами,
Построй тамъ башню, да про васъ
Она являетъ предъ вѣками
Животисующій разсказъ.

Потомъ стихотворецъ говорить о Брюсѣ, который

Сидѣлъ одинъ, какъ демонъ, точно
Съ *неразрѣшимымъ* сатаной,
Творя бесѣду полномочно.

Вода бассейна Сухаревой башни есть «бальзамъ холодный» и «живой, который льется въ наше тѣло, чтобы оно крѣпчало, свѣтлѣло всегдашней чистотой». Чудная вода! Она такъ и блещетъ въ чудныхъ стихахъ г. Милькѣва!...

Въ другомъ стихотвореніи нашего водянаго поэта -

Мглою *огненно-зыбучей*
Вдругъ одѣтъ небесный сводъ...

Въ третьемъ стихотвореніи (стр. 22) поэту явилось таинственное видѣніе, въ которомъ, за мракомъ мистицизма, не видно смысла, и въ которомъ поэтъ говорить нескладными стихами

А грудь моя билась и сердце звучало,
Какъ будто нашествія тайнъ ожидало.

Въ четвертомъ стихотвореніи (стр. 73) поэтъ спрашиваетъ:

Кто надъ бездной власть докажетъ,
Ярость дикую уймешь
И безмолвіемъ обяжешь
Глубину ревучихъ водъ?

Вся эта болтовня клонится къ сравненію моря во время бури съ человѣческими страстями: какая пошлая риторика!

Есть стихотвореніе, въ которомъ, въ числѣ другихъ диковинокъ,

Земля, *и*раище пространства.
Сама вертится колесомъ:
И тверди гордыя свѣтила
Обречены на быстрый ходъ;
Круговращательная сила
Весь поворачиваетъ сводъ.

Въ стихотвореніи «Буря», у г. Милькѣва «удалый» вѣтеръ бьетъ въ рѣку, черный воронъ сидитъ на «сдснѣ», внимая «задорный» гулъ веселой, «молодой» грозы, машетъ крыльями «живо» подъ скрипъ деревъ и «трепетъ» (!) скалъ, и спрашиваетъ другаго ворона, куда сѣрый братъ стремилъ нынче «свои полеты», богатъ ли воротился онъ съ лихой и «доблестной» охоты и не слыхалъ ли гдѣ «голоса» мечей... Боже мой, какая изысканная, какая высокопарная дичь!...

Но довольно! изъ выписаннаго можно видѣть, что въ стихахъ г. Милькѣва не только нѣтъ никакихъ признаковъ поэтическаго дарованія, но даже видна положительная, рѣшительная бездарность. Г. Милькѣвъ — подражатель г. Бенедиктова — подобно всѣмъ подражателямъ, доводящій до карикатуры и безъ того поразительные недостатки своего оригинала. Мы не встрѣтили въ цѣлой книжкѣ г. Милькѣва ни одного поэтическаго стиха, ни одного живаго образа, ни одной картины; стихъ его есть не что иное, какъ насильственное сведеніе словъ, которыя режутъ, видя себя поставленными вмѣстѣ. Въ выборѣ предметовъ, въ мысляхъ не замѣтно никакихъ слѣдовъ человѣческихъ симпатій, живыхъ стремленій, такта дѣйствительности. Особенно ссылаемся на два стихотворенія. Героиня одного—кто бы вы думали?—кукушка!!!... Въ этой несчастной кукушкѣ (стр. 49) г. Милькѣвъ думалъ опоэтизировать народную легенду, надѣялся объектировать свои задушевные вѣрованія, — и, самъ того не замѣчая, только унижилъ предметъ, который усиливался поднять. Другое стихотвореніе воспѣваетъ—что бы вы думали?—русскую сивуху, иначе нарицаемую «сиволдаемъ»!!!... Это, вѣроятно, для народности! Хороша народность!...

Здравствуй, русское веселье,
Здравствуй, русское вино.
Православное (?) похмѣлье.
Чашь потопленное дно!
Ты по юношескимъ жиламъ,
Влагой крѣпости бѣжишь.
И къ бѣлымъ, *калымъ (?)* силамъ
Грудь увядшую стремишь!
Какъ возникли дни отчизны,
Кто изъ русскихъ чадъ, любя
Свой предѣлъ безъ укорины,
Не отвѣдывалъ тебя?
Кто въ пылу борьбы кровавой
Дрался на-смерть и не пилъ?
Кто, привѣтствованный славой;
Чашь не пѣнилъ и не билъ?

Какъ ктò, г. Милькѣевъ?—думаемъ, что всѣ порядочные люди въ Россіи... Пѣньте, пожалуй себѣ, въ чаши «пѣнное» и «зеленде», если это вамъ нравится, бейте не только чаши (т. е. стаканы и плошки), но и стекла во храмахъ русскаго Бахуса, мы не мѣшаемъ вамъ,—только, ради всего пристойнаго и образованнаго, увольте насъ отъ вашего радушнаго потчиванья; мы, право, не будемъ въ претензіи, если вы обнесете насъ, — такъ же, какъ не были бы въ претензіи, еслибы вы уволили насъ и отъ изліяній вашей музы... Очень забавно, что въ этомъ стихотвореніи г. Милькѣевъ причину генія Ломоносова полагаетъ въ несчастной страсти этого великаго человѣка къ пѣнному вину... О, милая наивность самородной музы! о горькая ядовитая иронія жизни! Стòило ли прїѣзжать въ Москву съ береговъ Иртыша, если это было за тѣмъ только, чтобъ издать книжку такихъ стихотвореній? Стòило ли о такомъ переѣздѣ писать въ журналахъ и ожидать отъ него столь многого для русской поэзіи? Стòило ли въ журналахъ извѣщать публику, какъ о чемъ-то важномъ, о скоромъ выходѣ въ свѣтъ такихъ стихотвореній? Чтò такое все это?—Иронія, корькая, ядовитая иронія жизни...

РУССКАЯ ГРАММАТИКА ДЛЯ РУССКИХЪ. *Виктора
Половцова. Стб. 1843.*

Грамматика г. Половцова, выходящая уже шестымъ изданіемъ, отличается отъ всѣхъ прочихъ русскихъ грамматикъ только своею методою, нынѣ, впрочемъ, принятою всѣми опытными, знающими свое дѣло преподавателями. Переходить отъ анализа къ синтезу, изъ примѣровъ извлекать правила— самая полезная система въ преподаваніи: объ этомъ въ наше время никто уже и спорить не будетъ. Но это болѣе дѣло учителя въ классахъ, нежели составителя систематическаго учебника. Въ этомъ смыслѣ, трудъ г. Половцова можно почесть скорѣе вспомогательнымъ средствомъ при изученіи грамматики, нежели полнымъ систематическимъ курсомъ. Для кого онъ назначалъ свою книгу? Для преподающихъ, или для учащихся? Для первыхъ, въ видѣ руководства въ классахъ, нуженъ курсъ въ полномъ, строгомъ систематическомъ порядкѣ, курсъ, который до сихъ поръ едва ли мы имѣемъ. Для учениковъ?—всякій согласится, что рѣдкій ребенокъ успѣетъ въ какой-либо наукѣ безъ помощи учителя. Паскаль, на двѣнадцатомъ году самоучкою постигшій Эвклидовы начала, для насъ не примѣръ. Но положимъ, что авторъ «Русской Грамматики для Русскихъ» хотѣлъ упростить изученіе своей науки до того, что дитя, читая и перечитывая его книгу, можетъ само собою достигнуть до полнаго свѣдѣнія правилъ отечественнаго языка. Учащійся, положимъ, открываетъ первую страницу и читаетъ: «Человѣкъ прежде думаетъ, а потомъ говорить. И такъ сперва надобно искать мысли (?), находить ихъ, схватывать и удерживать; далѣе сличать ихъ между собою, упрощать, соединять, раздѣлять, распространять и усиливать» и проч. Мы, знакомые съ теоріею мышленія, смеемъ, что это такое; но пошлемся на всѣхъ дѣтей въ свѣтъ: поймутъ ли они изъ этого хоть слово? Вы скажете: объяснить учитель. Такъ не лучше ли было бы написать

такую книгу, въ которой, по примѣрамъ, невыходящимъ изъ круга дѣтскихъ понятій, по маленьку, такъ сказать по пальцамъ, изъяснить, что такое значить мыслить, что такое сличать мысли между собою. Признаемся, мы сами не понимаемъ, что такое «искать мысли, схватывать, упрощать мысли»...

Какъ скоро дѣло дошло до науки, тутъ главное дѣло система, порядокъ, котораго мы не находимъ въ книгѣ г. Половцова. Онъ безпрестанно переходитъ отъ логическихъ началъ къ законамъ языка, отъ правилъ синтаксиса къ правиламъ, какъ ставить знаки препинанія; потомъ этимологія; потомъ опять правила правописанія... Но иногда, по своей методѣ, онъ переходитъ отъ примѣровъ къ правиламъ, а иногда, вопреки ей (стр. 3), отъ правилъ къ примѣрамъ; кое-что извлечено изъ законовъ рязума, что очень хорошо; а многое излагается такъ, безъ основанія, какъ и въ большей части другихъ грамматикъ.

Ограничимся нѣкоторыми отдѣльными замѣчаніями. «Тщательный разборъ нѣсколькихъ басенъ (почему же только басенъ?) и постоянное наблюденіе ученика за самимъ собою (!) лучше всѣхъ правилъ о знакахъ препинанія. Только невѣжды оправдываютъ себя незнаніемъ правилъ». Это ужъ очень наивно.—«Буква ъ употребляется въ словахъ: письмо, деньги, больше, меньше, весьма, тесьма, и нѣкоторыхъ другихъ». Въ какихъ же другихъ? Тутъ надобно или найти общее правило, или ужъ выписать всѣ слова, въ которыхъ употребляется буква ъ.—«Причастія имѣютъ три рода или числа» (?). Вѣрно авторъ хотѣлъ сказать—три рода и два числа.—«Междометіе есть частица рѣчи, выражающая ощущенія». Много ли поймутъ дѣти изъ этого опредѣленія?—«Въ словосочиненіи разсматривается составъ, происхожденіе и образованіе предложеній, а также значеніе и изложеніе сочиненій (по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыми должно заниматься въ училищахъ)». Воля ваша, а значеніе и изложеніе сочиненій относятся уже къ теоріи прозы. Особенно, если возьмемъ въ со-

ображеніе, что въ училищахъ воспитанники, по мѣрѣ своихъ способностей, могутъ, а слѣдовательно и должны заниматься сочиненіями, довольно значительными по предмету и по сохраненію.

Иные примѣры (а ихъ очень много въ книгѣ) выбраны не весьма удачно. Неужели для дѣтей, даже для самыхъ малолѣтнихъ, нечего выбрать изъ Карамзина, Жуковского, Пушкина, а эти писатели будто и не существуютъ для книги г. Половцова; вмѣсто того, онъ извлекаетъ таковыя словеса изъ книги, изданной въ 1762 году: «Человѣкъ духомъ и жизнью, а не деньгами и пожиткомъ богатъ. Хотя бѣ твои сундуки золотомъ да серебромъ наполнены были, однако ты отъ сего щ(сч)ас(т)ливѣйшимъ нез(с)дѣлаешься, ежели въ себѣ спокоенъ и своимъ состояніемъ доволенъ не будешь». Что за охота приучать дѣтей къ такому варварскому слогу?

СКАЗКА О МЕЛЬНИКѢ КОЛДУНѢ, О ДВУХЪ ЖИДКАХЪ И О ДВУХЪ ВАТРАКАХЪ. *Соч. Е. Алипанова. Спб. 1843.*

Имя г. Алипанова всегда приводитъ намъ на мысль другое, не менѣе прославленное имя Б. М. Ф(Ѳ)едорова, которому сочинитель «Мельника Колдуна» одолженъ открытіемъ и развитіемъ своего поэтическаго гения. Это было давно— въ тѣ времена, когда въ «Дамскомъ Журналѣ» печатались нѣжныя посланія «къ ней», «къ розѣ», къ «лимонамъ, апельсинамъ и дынямъ-мелонамъ», а въ «Благонамѣренномъ» помѣщались шарады и логогрифы. Въ тѣ достолюбезныя времена господствовала страсть повсюду открывать и приглубливать доморощенные русскіе таланты: русскихъ самоучекъ-астрономовъ и механиковъ, русскихъ музыкантовъ, и пуще всего поэтовъ. «Посмотрите, посмотрите», кричали тогда: «вотъ десятилѣтній мальчикъ, сынъ дьячка, грамотѣ не знаетъ,

а самоучкою дѣлаеть часы и въ механикѣ заткнеть за поясъ любого германскаго профессора. Вотъ стихи, сочиненные пахатымъ крестьяниномъ, будущимъ Ломоносовымъ, будущимъ Бёрнсомъ». И всѣ радовались и умилялись; умилялись тому и мы, тогда еще малыя, неразумныя дѣти. Но особенно умилялся этимъ отраднымъ явленіемъ Б. М. Ф(Ѳ)едоровъ, со славою Горація любившій соединять славу Мецената. Тогда еще онъ не нисходилъ до дѣтскихъ повѣстей, которыя въ послѣдствіи отпуская дюжинами и сотнями, тогда онъ въ одно и то же время вѣнчался сценическою славою за «Суматоху въ Маскарадѣ» и другія комедіи; въ «Дамскомъ Журналѣ» и «Благонамѣренномъ» печаталъ нѣжные стишки, большею частію воспѣвая цвѣты: розу, жасминъ, нарцисъ и даже резеду; обдумывалъ своего «Юлія Цесаря», трагедію высокую, а между тѣмъ таилъ въ душѣ мысль гениальную—создать русскій романъ историческій, т. е. «Курбскаго». Въ это время, въ русскихъ вѣсяхъ отдаленныхъ возникли Слѣпушкинъ, Сухановъ и Алипановъ — три самобитные таланта поэтическіе, будто цвѣты, одинако благоухающіе. Всѣхъ ихъ отыскалъ и прирѣлъ Б. М. Ф(Ѳ)едоровъ, къ поэтической славѣ Россіи ревнующій.

Но гдѣ жъ теперь эти таланты и гдѣ ихъ слава? Не знаемъ, здравствуютъ ли гг. Сухановъ и Слѣпушкинъ, или съ добра ума забыли наставленія своего пѣстуна, перестали писать и снова принялись за свои честныя и полезныя занятія. Только въ сердце г. Алипанова глубоко запади назиданія Б. М. Ф(Ѳ)едорова, и онъ, увлеченный примѣромъ и стихотворною доблестію своего учителя, до сихъ поръ нишетъ рифмы. Вотъ плоды полезныхъ наставленій! Твореніямъ г. Алипанова указывали на храмъ безсмертія, а вмѣсто того они попали въ мѣшки букинпестовъ на Макарьевскую армарку, въ руки деревенскихъ лакеевъ, и т. д.

Размахнулъ батракъ руками,
Въ столъ ударилъ кулаками,

Крикнулъ: я жь вамъ докажу,
Что отъ мертвыхъ не дрожу,
И съ кольцомъ явлюсь предъ вами:
Пусть отвѣтятъ сапогами,
Кто останется не правъ,—
У тебя таковъ ли нравъ?» (?!).
Споръ согласьемъ повершили: (?).
Дѣло сладили, скрутили,
Въ полу хлопнули полой, (?)
Какъ гора съ ихъ плечъ долой.

Вотъ какіе стихи пишетъ нашъ доморощенный Бёрнсъ. Эти стихи, обверточная бумага, грязное изданіе и типографія Сыцова обнаруживаютъ, что «Сказка о Мельникѣ Колдунѣ» снижаетъ въ вышеозначенной публикѣ славу... Чего жь больше?

ПОВѢСТИ А. ВЕЛЬТМАНА. *Сиб. 1843.*

Г. Вельтману суждено играть довольно странную роль въ русской литературѣ. Вотъ уже около пятнадцати лѣтъ, какъ всё критики и рецензенты, единодушно признавая въ немъ замѣчательный талантъ, тѣмъ не менѣе остаются положительно недовольными каждымъ его произведеніемъ. По нашему мнѣнію (которое, впрочемъ, принадлежитъ не однимъ намъ) причина этого страннаго явленія заключается въ странности таланта г. Вельтмана. Это талантъ отвлеченный, талантъ фантазіи, безъ всякаго участія другихъ способностей души, и при этомъ еще талантъ причудливый, капризный, любящій странности. Вотъ почему нельзя безъ вниманія и удовольствія прочесть ни одного произведенія г. Вельтмана, и въ то же время нельзя остаться удовлетвореннымъ ни однимъ его произведеніемъ. Встрѣчаете прекрасныя подробности — и не видите цѣлаго; поэтическія мѣста очаровываютъ вашъ умъ — и смѣняются мѣстами, исполненными изысканности,

странности, чуждыми поэзи; а когда дочтете до конца, спрашиваете себя: да что же это такое, и кь чему все это, и зачѣмъ все это? Особенно вредить автору желаніе быть оригинальнымъ: оно заставляетъ его накидывать покровъ загадочности на его и безъ того довольно неопредѣленные и неясныя созданія.

Лежація передъ нами пять повѣстей г. Вельмана такъ же точно оправдываютъ наше мнѣніе о талантѣ этого автора, какъ и всѣ другія его произведенія. Во всѣхъ ихъ много проблесковъ истиннаго таланта, и ни въ одной нельзя видѣть поэтическаго возсозданія дѣйствительности. Первая называется «Пріѣзжіи изъ уѣзда, или суматоха въ столицѣ»; она была первоначально напечатана въ одномъ плохомъ и теперь окончательно падающемъ московскомъ журналѣ. Содержаніе ея можетъ служить доказательствомъ, что авторъ владѣетъ инстинктомъ и тактомъ дѣйствительности. Въ ней описывается страшная суматоха въ Москвѣ отъ появленія въ ней генія: извѣстно, что нигдѣ такъ часто и такъ много не является геніевъ, какъ въ Москвѣ.

«Свѣдѣніе черезъ заборъ дошло и до Филата Кузмича, знатнаго почетнаго гражданина съ золотой медалью на шеѣ. До того Филата Кузмича, что купивъ себѣ *княжескія палаты*, только что не позолоченныя снаружи, сказалъ: что мнѣ до баръ! Я самъ господинъ! и подѣлалъ въ княжескихъ палатахъ лежанки, и живетъ себѣ самъ-шестъ: Анисья Тихоновна, да Федя, да старуха, да дѣвка кухарка, да дворникъ. Бывало, тутъ у неразчетливаго князя сотъ пять гостей въ сутки перебиваются, пудовъ пять восковыхъ свѣчей въ вечеръ сожгутъ, рублей тысячу въ день скушаютъ, да двѣ выпьютъ: а теперь, у разчетливаго Филата Кузмича, ворота на-заперти, въ подворотню собаки на прохожихъ лаютъ, дескать «проваливай мимо! сама голую кость гложу!» Свѣту только божій день, лампадка передъ кивотомъ, да сальная свѣча. Золотая мебель прикрыта чехлами, чтобъ не портилась отъ неупотребленія; пици — щей горшокъ, самъ большой, да мостолыга мяса; за то самоваръ какой знатный! ведра въ три! жаль, чашечки *больно малыньки*, съ глоточекъ. Живетъ себѣ Филать Кузмичъ, словно чужое богатство стережетъ. Садъ былъ слиш-

комъ великъ, такъ онъ повырубилъ его подъ огородъ, да посадилъ капустки и огурчиковъ. Оранжерею такъ таки *ранжерей* и оставилъ, только самъ не съестъ ни грушки, ни сливки, ни лимончика не сорветъ для домашняго обихода—все на откупъ. По парадному крыльцу не ходить; разъ пошелъ было, причудился ему въ дверяхъ офиціантъ княжой, стоитъ себѣ съ булавой, да словно кричить: куда тебя чортъ несетъ!—Съ тѣхъ поръ Филать Кузмичъ заперъ на ключъ парадное крыльцо.

«Слышала, Филать Кузмичъ, что люди говорятъ?—сказала Анисья Тихоновна: — говорятъ тово, явился вишь какой-то Яній, крылатый человекъ».

— Ой-ли?

«Знать тово, что ужъ это чудо какое? Явился въ имѣнь у князя Синегорскаго. Сегодня сюда привезутъ; чай, со всей Москвы съѣжится народъ. Что, кабы ты у дворецкаго мѣстечко добылъ, на хорахъ, что-ль, аль гдѣ у подъезда, смотрѣть маленько».

— А что тово, Федя! сходи, братъ, попроси ко мнѣ дворецкаго, такъ скажи, дѣльце тятенькѣ есть».

Федя побѣжалъ, а Филать Кузмичъ, значительно откашлинувшись, вынулъ бумажникъ съ ассигнаціями и сказалъ: постой, все устроимъ».

Не правда ли, что вѣрно? съ природы? Но только и есть вѣрнаго и естественнаго во всей повѣсти. Все остальное—карикатура. Бываютъ на свѣтѣ такія происшествія, да только не такъ они дѣлаются... Къ слабымъ сторонамъ этой повѣсти принадлежитъ еще изображеніе московскаго высшаго общества: неужели гдѣ-нибудь можетъ быть такое высшее общество? Дуракъ мальчишка читаетъ блистательному сборщику князей, графовъ и разныхъ другихъ знаменитостей преглупые стишонки, и всѣ въ восторгъ и изъявляютъ этотъ восторгъ самыми пошлыми фразами.

Повѣсть «Радой» ужасно запутана, перепутана и нисколько не распутана. Въ ней есть прекрасныя подробности. Особенно прекрасно лицо Серба, съ его восклицаніемъ: «Теперь піе, брате, за здоровье моей сестрицы Лильяны! піе руйно вино! была у меня сестра, да не стало!» и съ его рассказомъ о своей судьбѣ. Прекрасны также подробности объ отношеніяхъ

матери къ дочери, ненавидимой ею за то, что она была плодомъ насильственного брака съ немилымъ: это глубоко и вѣрно воспроизведено авторомъ. Но, несмотря на то, общаго впечатлѣнія повѣсть не производитъ, потому что ужь слишкомъ перехитрена ея оригинальность и отрывчатость. Сверхъ того, она испещрена, безъ всякой нужды, молдаванскими словами, которыя оскорбляютъ и зрѣніе, и слухъ читателя и мѣшаютъ ему свободно слѣдовать за теченіемъ разказа.

Пестрить свои разказы странными словами—это страсть г. Вельтмана. И потому вольтеровскія кресла онъ называетъ «розвальнями», какъ православные мужички называютъ особенный родъ дрянныхъ саней; «патэ» г. Вельтманъ называетъ «лежанкою», а французское выраженіе *l'homme somme il faut* переводить «человѣкомъ какъ быть», забывъ, что оно давно переведено «порядочнымъ человѣкомъ».

«Путевыя Впечатлѣнія, и между прочимъ горшокъ ерани» — очень миленькій юмористическій разказъ, въ которомъ даже много глубокой истины, подмѣченной въ женскомъ сердцѣ.

Прекрасная была бы повѣсть «Ольга»: въ ней такъ много естественности и вѣрности, за исключеніемъ идеальнаго лица садовника; начало ея—лирическая пѣснь, исполненная глубокаго чувства и истины. Но авторъ испортилъ ее счастливою развязкою черезъ посредство *deus ex machina*,—и изъ прекрасной повѣсти вышла пустая мелодрама.

Во всякомъ случаѣ, повѣсти г. Вельтмана, хотя онѣ уже и не новы, могутъ быть перечитаны съ удовольствіемъ. А такъ какъ публикѣ русской теперь рѣшительно нечего читать, то она должна быть рада, что ей хоть есть что-нибудь порядочное перечитать снова.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ (*Ольскій*). *Описатель-
ный романъ XIX вѣка. Соч. Егора Классена. Часть
1. 1841.*

Со времени появленія «Мертвыхъ Душъ» — а этому прошло уже около года съ половиною, — никто не рѣшился издать романа. Даже самаго неустрашимаго барона Брамбеуса одолѣлъ страхъ и трусъ велій, — и обѣщанная имъ, года три назадъ, «Идеальная Красавица» такъ и пропала безъ вѣсти, оставшись въ «Библіотекѣ» и недочитанною, и недописанною. Вотъ отчего столь многіе и такъ сильно сердились и еще сердятся на «Мертвыя Души»! Будь живъ теперь Лермонтовъ, никто бы не осмѣлился печатать своихъ стиховъ, и многіе потеряли бы охоту писать ихъ даже для собственнаго удовольствія. Вообще, надобно замѣтить, что Петербургъ давно уже занимается только приготовленіемъ повѣстей, а о романахъ и не думаетъ, — и только одинъ г. Ф(Ѳ)едоровъ недавно рѣшился проюркнуть съ своимъ «Княземъ Курбскимъ» мимо глазъ публики, въ надеждѣ быть незамѣченнымъ ею, въ чемъ и не ошибся. Но московская литература думаетъ объ этомъ иначе. Москва городъ романовъ по преимуществу. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, что дѣлаютъ, кромѣ этого, московскіе литераторы? Они не пишутъ, а оттого ихъ и не читаютъ и о нихъ не говорятъ; но, впрочемъ, они писатели, у которыхъ или былъ, или предполагается талантъ. Еслибъ они писали, ихъ, можетъ-быть, читали бы, и, вѣроятно, нашлись бы на Руси люди, которые даже и хвалили бы ихъ. Вотъ, напримѣръ, г. Кирѣевскій: онъ уже лѣтъ десять (такъ говорятъ московскіе слухи) собирается издать богатое собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ. Можетъ-быть, онъ и не успѣетъ издать ихъ при жизни своей — что-жь? — онъ издадутся послѣ его смерти, и если не мы, то наши дѣти будутъ читать ихъ. Г. Погодинъ уже около двадцати лѣтъ обѣщаетъ доказать, что Варяги были Скандинавы, и что Каченовскій ввелъ опа-

снѣй расколъ въ ученую литературу русской исторіи,—и будьте увѣрены, что онъ когда-нибудь докажетъ намъ эту интересную истину. А если не успѣетъ—не бѣда: онъ передастъ ее какому-нибудь молодому ученому, и тотъ докажетъ. Г. Шевыревъ давно хлопочетъ объ истребленіи въ русской литературѣ вреднаго духа неуваженія къ писателямъ, съ которыми онъ, г. Шевыревъ, находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ, для этого онъ рѣшился твердо, какими бы то ни было способами, заставить замолчать «литературныхъ бобылей» и безыменныхъ критиковъ», которые, кромѣ критикъ и рецензій, иногда пишутъ и типическіе очерки... Не знаемъ, удастся ли г. Шевыреву его истинно благонамѣренное литературное предпріятіе; но знаемъ, что онъ не отстанетъ отъ него, не употребивъ всѣхъ усилій, не испробовавъ всѣхъ средствъ. Изъ живущихъ въ Москвѣ поэтовъ, всѣхъ даровитѣе г. Фетъ, а всѣхъ знаменитѣе гг. Языковъ и Хомяковъ. Оба они ничего или почти ничего не пишутъ; но за то о нихъ въ Москвѣ много пишутъ и еще больше говорятъ. На г. Хомякова друзья его смотрятъ, какъ на представителя въ поэзіи, славянскаго элемента. Такую странную извѣстность пріобрѣлъ онъ въ Москвѣ двумя стихотвореніями, въ которыхъ доказалъ, что древній Римъ и новая Англія скоро будутъ смѣнены Россією. Стихи г. Хомякова всегда звучны, но ужасно напряженны,—блестящи, но совершенно чужды поэзіи: это единственный ихъ недостатокъ; во всемъ остальномъ они столько хороши, сколько могутъ быть хороши славянскіе стихи. Въ Москвѣ издается даже литературно-ученый журналъ. Вотъ уже третій годъ, онъ обѣщаетъ развить какую-то мысль, но отлагаетъ исполненіе своего обѣщанія на неопредѣленный срокъ. Въ этомъ журналѣ печатаются преимущественно статьи о Славянахъ и славянскихъ литературахъ, стихотворенія г. Михайла Дмитріева, да брань на «Отечественныя Записки»... Кстати о стихотвореніяхъ г. Михайла Дмитріева: сей поэтъ пишетъ стихи уже больше двадцати

лѣтъ, но славою поэта никогда не пользовался даже въ кругу московскихъ своихъ пріятелей, гдѣ такъ легко дается слава поэта даже людямъ, ненаписавшимъ ни одного стиха. Чтобъ добиться этой постоянно убѣгающей его славы, г-нъ Михайло Дмитріевъ вмѣсто дидактическаго рода, въ бесполезномъ упражненіи которымъ онъ убѣдился, изобрѣлъ теперь новый, до него небывалый родъ поэзіи, произведенія котораго можно было бы назвать «рифмованными денонціаціями» на безнравственность критиковъ, не признающихъ въ ихъ сочинителѣ ни искры поэтическаго таланта. Въ рукахъ чловѣка талантливаго и остраго, такія стихотворенія были бы по крайней мѣрѣ опасны для его враговъ; но г. Михайло Дмитріевъ доставляетъ своимъ врагамъ только одно невинное удовольствіе—смѣяться надъ беззубою злостью его странныхъ стихотвореній.

Мы сказали выше, что Москва—по преимуществу городъ романовъ. Это до того справедливо, что Москву не удержало отъ романовъ даже появленіе «Мертвыхъ Душъ». Патріархъ московскихъ романистовъ, г. Загоскинъ, издалъ если не романъ, то фізіологію Москвы въ разсказахъ и сценахъ, подъ названіемъ «Москва и Москвичи», г. Воскресенскій издалъ, кажется, «Сердце Женщины». Романовъ прочихъ московскихъ романистовъ и не перечтешь. «Іоаннъ Грозный и Стефанъ Баторій. Историческій романъ. Сочиненіе А. А. Изданіе второе. Москва». — «Панъ Ягожинскій. Отступникъ и Мститель. Романъ, взятый изъ древнихъ польскихъ преданій А. П-мъ. Изданіе второе. Москва». — Видите ли это: все московскіе романы!

А сколько издали ихъ Касторъ и Поллукъ московскихъ романистовъ—гг. Кузьмичевъ и Славинъ!... И вотъ теперь является умножить собою число сихъ геніяльныхъ романовъ г. Классенъ. Онъ такъ увѣренъ заранѣе въ успѣхъ своего произведенія, что издалъ его только первую часть, предоставивъ себѣ издать вторую когда-нибудь, на досугѣ,

при благоприятныхъ обстоятельствахъ. Романъ его изданъ опрятно, хотя и украшенъ пятью плохими литографіями. Но что же содержаніе этого романа? Вотъ тутъ-то и бѣда, потому что въ романѣ г. Классена нѣтъ никакого содержанія, а есть путаница, въ которой ровно ничего нельзя понять и изъ которой ровно ничего нельзя упомнить. Тутъ есть городничій, который боится жены, потому что она его больно щиплетъ, какъ только онъ скажетъ какую-нибудь глупость, а онъ только затѣмъ и разбѣваетъ ротъ, чтобы говорить глупости. Разъ, будучи на ярмаркѣ, городничій больно вскрикнулъ отъ щипка своей супруги, а одинъ изъ собесѣдниковъ бросился къ мужикамъ, продававшимъ квасъ, вырвалъ у нихъ кувшины, и сталъ лить квасъ на голову городничаго, облилъ всѣхъ дамъ, и, вѣроятно, отъ стыда, что надѣлалъ столько глупостей, упалъ въ рѣку и утонулъ. Все это г. Классенъ почитаетъ юморомъ и вѣрнымъ изображеніемъ провинціальныхъ нравовъ. Хорошъ эпитафій при первой главѣ этого романа:

Писать характеры людей

Есть два манера:

Перомъ Гомера

И ядомъ змѣй.

Такъ пишутъ мужи славы.—

Гдѣ жъ славы взять,

Когда писать

Придется для забавы?

—

Такъ поэтъ на зубъ гнилой

Пробуетъ орѣхи;

Но раскусить лишь пустой—

Полный, для потѣхи,

Смелеть онъ на жернову

И поетъ про скорлупу.

Этотъ эпитафій, смастеренный очевидно самимъ сочинителемъ, можетъ служить образчикомъ и вывѣскою слога, мыс-

лей, понятій и чувствъ, которыми отличается романъ. Это больше, чѣмъ просто бездарность: это явное отсутствіе здраваго смысла. Не только г. Воскресенскій, но даже гг. Кузьмичевъ и Славинъ—геніи первой величины въ сравненіи съ г. Класеномъ.

РАЗНЫЯ ПОВѢСТИ. *Спб. (Года не означено).*

На оборотѣ заглавнаго листка этой сѣренькой книжонки напечатано: «Изъ журнала Маякъ книжки XIX и XX 1841». Стало-быть, эта книжонка есть невинная спекуляція на вниманіе читателей: разныя повѣсти, оставшіе въ этомъ никому неизвѣстномъ «Маякѣ» безъ читателей, хотѣли, во что бы ни стало, быть прочтенными, и для этого заблагоразсудили, черезъ два года, выйдти въ свѣтъ особенною книжкою. «Маякъ» уже не въ первый разъ прибѣгаетъ къ этому средству заставлять хоть кого-нибудь прочитывать нѣкоторыя изъ его статей. Къ несчастію этого темнаго журнала, гдѣ-то издающагося, и еще къ бдльшему нашему несчастію, однимъ только рецензентамъ достанется прочитывать неслыханныя и чрезвычайныя статьи «Маяка», особо издаваемыя. Въ книжкѣ, о которой идетъ рѣчь, три повѣсти: первая изъ нихъ «Царское-Село» писана женщиною, благоразумно скрывшею свое имя; вторая—«Сельская Быль», сочинена какимъ-то г. Веселымъ, а третья, «Закладъ»—написана какимъ-то г. Тихорскимъ. Оба эти господина очень неблагоразумно выставили наружу свои имена Первая повѣсть—пречувствительная; ужъ такъ и видно, что дамской работы! Она начинается фразою: «Вы знаете, что лѣтніе мѣсяцы прожила я въ Царскомъ-селѣ». Не правда ли, что эта фраза очень неосторожно капнула съ пера на бумагу, и что каждый изъ читателей имѣетъ право отвѣтить на нее, бросая книгу подъ столъ: «Не знаю, да и знать не хочу»? Живучи въ Царскомъ-селѣ, сочинительница бродила

по его садамъ съ Виландомъ въ рукахъ. Боже мой! да кто жь теперь читаетъ Виланда и въ самой Германіи? Одинъ разъ сочинительница сѣла въ кусты (стр. 14, строка 19), и вытаскивъ изъ большаго ридикюля толстую не дамскую книгу, не теряя напрасно времени, принялась за чтеніе нѣмецкаго ученаго писателя, Платона, написавшаго «Республику». Право такъ! Любопытные могутъ справиться сами. Это самая достопримѣчательная и характеристическая черта повѣсти «Царское-село»: все остальное въ ней такой вздоръ, что не хочется и говорить о немъ, и нѣтъ силъ его запомнить. — «Сельская Быль» напечатана съ двумя эпитафиями—французскимъ: «C'est quelque chose de moujique?» и русскимъ: «Квасной патріотизмъ?» Мѣстами эта повѣсть довольно удачно передразниваетъ «гуторъ», т. е. «мужицкую рѣчь», или «баить по-мужицки», но въ сюжетѣ, въ мотивахъ, чувствахъ, мысляхъ, она—ложь лжей и нелѣпость нелѣпостей. Въ деревнѣ мота и дурака-помѣщика, между мужиками есть богачи! Между ними одинъ далеко превзошелъ въ добродѣтели и благотворительности Карамзинскаго «Флора Силина». «Кто третьяго года роздалъ на постьвъ почти весь свой анбаръ; кто на свои деньги купилъ лошадь и корову вдовѣ Аксиньѣ; кто помогалъ хлѣбомъ и чѣмъ ни попало, вонъ его (одного парня) матери?» Фантазія! Ребята борятся, а дѣвушки ободряютъ возлюбленныхъ своимъ присутствіемъ, взглядами и улыбками: русская національность въ флоріановскомъ пастушескомъ нарядѣ! У каждого парня есть зазноба, у каждой дѣвушки—любимецъ сердца; ребята всѣ молодцы и комплиментисты, а дѣвушки кокетки:—клевета на лапотную и сермяжную дѣйствительность, которая не влюбляясь женится, а женившись больно дерется! Анюта тоскуетъ по своему возлюбленномъ, а отецъ ее нѣжно спрашиваетъ о причинѣ грусти: тогда она не можетъ говорить отъ рыданій, и только, бросающъ къ отцу на шею, осыпаетъ его поцѣлуями (стр. 102). Къ довершенію всего, эта сермяжно-идеальная дѣва говоритъ своему брада-

тому родителю не ты, а вы, и если называетъ его «батушкою», а не «папашею», то, вѣроятно, только изъ уваженія проповѣдуемой «Маякомъ» народности. На 139 стр. исправникъ краснѣетъ при фразѣ мужика, что съ бѣды да горя взятки гладки: невѣроятность! Г. Веселый (да простить ему Господь его неумѣстную веселость) хотѣлъ въ своей повѣсти изобразить неизреченное счастье быть мужикомъ, — и, самъ того не подозрѣвая, паписалъ презлую карикатуру на это счастье. Соперникъ идеальнаго героя повѣсти убиваетъ проѣзжаго купца и, съ вѣдома земской полиціи, подбрасываетъ окровавленное платье убитаго подъ полъ избы Федора, котораго осуждаютъ на кнутъ и каторгу. Къ счастью, земскаго засѣдателя лошадь разбила на смерть, и онъ, упавъ подлѣ церкви, успѣлъ покаяться въ своемъ злоумышленіи.

Повѣсть «Закладъ» г. Тихорскаго взята изъ малороссійскаго быта. Героиня повѣсти — Галя, въ звательномъ падежѣ Галю. Это напомнило намъ «Вечера на Хуторѣ» Гоголя, и потому мы уже не въ состояніи были дочесть до конца сказки г. Тихорскаго. Охота же этимъ господамъ браться за изображеніе идиллическаго быта сельской Малороссіи послѣ «Сорочинской Ярмарки», «Утопленницы» и «Ночи передъ Рождествомъ»! Охота имъ сталкиваться съ Гоголемъ! Увѣряемъ васъ, господа-сочинители въ родѣ неизвѣстнаго г. Тихорскаго, что это для васъ также невыгодно, какъ для вывѣсочнаго маляра сталкиваться въ сюжетахъ своихъ аляповатыхъ картинъ съ грандіозными созданіями Брюлова, или граціозными твореніями Моллера.

Прочь эту вздорную книжонку!

ГОЛОСЪ ЗА РОДНОЕ. *Повѣсть. Соч. Ф. Фанъ - Димъ.*
Спб. 1843.

Только что одну книжонку прогнали — глядимъ, лѣзеть другая, и все въ томъ же духѣ и въ томъ же тонѣ. Какъ и у первой, на оборотѣ заглавнаго листка безграмотно напечатано: «Изъ журнала Маякъ книжки XIX и XX 1841». Сколько помнится намъ, мы уже когда-то читали это маяковское нѣщечко и уже говорили о немъ въ Библиографической Хроникѣ «Отечественныхъ записокъ». Содержаніе этой книжонки вполнѣ соотвѣтствуетъ ея сѣренькой наружности: оно не то, чтобъ ужъ черезъ чуръ нелѣпо, да и не то, чтобъ и очень отличалась смысломъ, а такъ, середка на половинѣ. Главные элементы этой книжонки крайняя ограниченность взгляда и чрезвычайная бездарность выполненія; а результатъ ихъ—скука смертельная...

РѢЧЬ ОВЪ ИСТИННОМЪ ЗНАЧЕНІИ ПОЭЗІИ, *написанная для произнесенія въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковского университета 30 августа 1843 года адъюнктомъ А. Метлинскимъ. Харьковъ. 1843.*

Въ этой «рѣчи» можно найти все, что угодно, кромѣ истиннаго значенія поэзіи. Авторъ очень ловко маневрируетъ около своего вопроса, но не нападаетъ на него, не хватаетъ его. Оттого, много фразъ и словъ, рѣчь длинна и скучна, а дѣла въ ней нѣтъ. Въ иныхъ мѣстахъ, пустѣйшій наборъ словъ выданъ за краткія многообъемлющія характеристики, напр.:

«Камозенъ, ограничившій свою поэму подвигами отечества, *прозвучалъ тѣсно по бурнымъ океанамъ во слѣдъ мореходцамъ Лузитаніи.* Въ Испаніи, Кальдеронъ раскрывалъ въ тайнахъ религіи мирное просвѣтлѣніе чловѣка, встревоженнаго бурей мятежныхъ страстей; Сер-

вантесъ глубоко - пронизательнымъ взглядомъ обнажилъ двуличность жизни, въ которой нерѣдко суетливое ничтожество таится подъ видомъ торжественной важности мнимыхъ подвиговъ» (стр. 10—11).

Творецъ небесный! чтѣ это такое? Неужели это характеристики Камюэнса, Кальдерона и Сервантеса? И неужели такъ должно понимать великое созданіе Сервантеса — «Донъ Кихотъ?» По всему замѣтно, что авторъ «Рѣчи» много читалъ и много думалъ, но, за отсутствіемъ въ душѣ непосредственнаго созерцанія таинства поэзіи, ничего не вычиталъ, ничего не выдумалъ. Говоря о сущности поэтического выраженія, авторъ «Рѣчи» приводитъ иногда такіе примѣры, въ которыхъ не только поэзіи, но и смысла нѣтъ, напр.:

Бѣжить въ свой путь съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный исполинъ;
Ступаетъ по вершинамъ строгимъ (т. е. острымъ),
Презрѣвъ глубоко дно долинъ.

Знаемъ, что противъ насъ подымутся крики и вопли за рѣзкій приговоръ стихамъ великаго человѣка. Отвѣчаемъ заранѣе этимъ господамъ: великаго человѣка, написавшаго эти стихи, уважаемъ, а въ этихъ стихахъ его все-таки не видимъ ни поэтического, ни другаго какого-либо смысла...

Силясь опредѣлить поэзію и такъ и этакъ, и видя, что такое дѣло рѣшительно не удастся, авторъ «Рѣчи» вздумалъ было противопоставить ее, какъ выраженіе духа, чувственности, забывъ, во-первыхъ, что чувственность есть необходимый моментъ самой поэзіи, что, во-вторыхъ, идеальная сущность поэзіи состоитъ не въ духовности, а въ идеальной всеобщности, дающей себя чувствовать въ индивидуальномъ и частномъ, и что, наконецъ, вслѣдствіе этого, сама чувственность можетъ имѣть всеобщее, идеальное значеніе, какое и имѣла у самаго эстетическаго въ мірѣ народа — древнихъ Грековъ. Все это показываетъ, что или г. Митлинскому надо еще поучиться, отложивъ сочиненіе рѣчей, или что тайнѣ

поэзіи нельзя выучиться, если натурѣ человѣка не присуще откровеніе этой тайны...

**ОСАДА ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВСКОЙ ЛАВРЫ, ИЛИ РУС-
СКІЕ ВЪ 1608 ГОДУ.** *Историческій романъ XVII
вѣка. Три главы. Благотворительность, дума. Чело-
вѣкъ, дума, Александра С*** Спб. 1843.*

За безмысленнымъ заглавіемъ этого «историческаго романа XVII вѣка», слѣдуетъ посвященіе, изъ котораго узнаемъ мы, что сочинитель «преданный сынъ», котораго фамилія—А. С—нъ, посвящаетъ галиматью о XVII вѣкѣ своимъ «достойнымъ родителямъ», Павлу Петровичу и Матронѣ Ивановнѣ, которыхъ фамилія—Прот—вы... Какая странная разница въ фамиліяхъ сына и обоихъ родителей! Но не будемъ останавливаться на этомъ... За посвященіемъ слѣдуетъ «Воззваніе къ публикѣ и рецензентамъ». Какъ оригинально это слово — воззваніе! Совершенно въ тонѣ и вкусѣ Кутейкина, извѣстнаго лица въ комедіи Фонъ - Визина «Недоросль!» Въ «воззваніи» остроумный сочинитель взываетъ, или гласить, что его романъ—не романъ, а только отрывки изъ романа, изданные имъ «для того, чтобъ узнать мнѣніе публики и благонамѣренныхъ рецензентовъ—заслуживаетъ ли, по этимъ главамъ, весь романъ быть напечатаннымъ, или должно оставить его въ портфель?» Что касается до насъ, то, при всей своей благонамѣренности, мы убѣждены, во-первыхъ, въ томъ, что цѣлаго романа у «преданнаго сына» нѣтъ и не будетъ, а эти главы сочинены имъ по случаю насущныхъ потребностей настоящаго дня; во-вторыхъ, что и эти главы, для чести русской словесности и русскаго книгопечатанія, должны были бы остаться въ портфель, или пойти на кухню для разныхъ домашнихъ потребностей, а не появляться въ свѣтъ, въ котормъ и безъ того много разной галиматъи. За «воззваніемъ»

слѣдуютъ три отрывка, которые писаны двумя родами слога—высокимъ, т. е. напыщеннымъ до безсмыслицы, и низкимъ, площаднымъ и тривьяльнымъ. Вотъ образчики того и другого. № 1-й слогъ надутый:

„Случалось ли вамъ послѣ отрадной ночи пить теплоту утренняго августовскаго солнца, когда роса колеблется по вѣточкамъ и блещетъ различными цвѣтами? И если случилось, то вы согласитесь, что эта теплота упоительно-сладостна... воздухъ тогда—поэзія и наслажденіе. Сіяніе роскошнаго дня возбуждаетъ чувство признательности; кровь стремится къ сердцу и удвоюетъ жизнь; въ то время бываетъ какъ-то отрадно-легко: тихій восторгъ оковываетъ душу. Мы *ловимъ отъыски* чувствъ и возносимся выше вещественнаго міра“...

И такъ далѣе, и все такъ же хорошо. Или вотъ еще:

„Въ огромномъ пространствѣ мірозданія, на этомъ *великомыльномъ* днѣ вселенной, *усыпанномъ алмазными огнями*, съ которыми *любитъ шрать* мысль поэта (вѣроятно, *преданнаго сына?*)“.

№ 2-й,— слогъ площадной:

„Слышь ты, и впрямь такъ! не удастся поганымъ смердямъ пощетится монастырскимъ добромъ; отгрянемъ ихъ такъ, что и своихъ не узнають! Экъ они больно *разботвались* съ коврижнымъ царькомъ-то своимъ! Думаютъ, что вотъ мы - де нагрянемъ на монаховъ-то, такъ трусу и спразднуютъ,— *приходитетко!* мы васъ встрѣтимъ, *собачьи дити!* ужъ была не была,— смерть, такъ смерть,— одинъ разъ умирать-то! а кажись, какъ появится подъ стѣнами, такъ вотъ выскочу, да и давай топоромъ мозжить ихъ безмозглыя башки — хорохорясъ проговорилъ молодой дѣтина, дѣтъ 26-ти.— Ну, что говорить съ *вахлакомъ*-то, дѣдушка Фома!“...

И далѣе, все въ такомъ же вахлацкомъ тонѣ и вкусѣ. Да здравствуютъ вахлацкіе романы и вахлацкая литература!

За отрывками изъ вахлацкаго романа XVII вѣка слѣдуютъ, ни съ того, ни съ сего, какъ говорится—ни къ селу, ни къ городу,—двѣ думы: «Благотворительность» и «Человѣкъ». Эти думы писаны особеннымъ слогомъ, именно — галиматейнымъ. Вотъ образчикъ этого новаго слога: «Хороша, дивно,

обольстительно хороша высота поднебесная! какъ роскошна она! какъ великолѣпна она! то свѣтла какъ брильянтъ, то вдругъ пасмурна, какъ чело генія» (вѣроятно «преданнаго сына?»), когда онъ думаетъ о людяхъ; то лазурна, какъ эмаль, то, въ пеленахъ тумана, какъ надежда на будущность!» Въ этихъ думкахъ, глубокомысленный сочинитель разсуждаетъ о неравенствѣ состояній и о торговлѣ, и притомъ такимъ глубокомысленнымъ образомъ, что изъ его разсуждений ровно ничего нельзя понять. Видно, догадавшись объ этомъ самъ, онъ «взываетъ», или «гласить»: «Да не скажетъ кто-нибудь, что это вздорная теорія, заносчивое умозрѣніе!» Слѣшимъ успокоить г. сочинителя увѣрениемъ, что заносчиваго умозрѣнія никто не найдетъ въ его книжкѣ, потому что въ ней нѣтъ никакого умозрѣнія; а вздорную теорію, — хочеть онъ, или не хочеть, — всякій увидитъ въ наборѣ словъ, который ему угодно было такъ не кстати назвать думою.

Замѣчательнень эпиграфъ къ этому вахлацкому роману XVII вѣка — самый вахлацкій эпиграфъ; такъ и видно, что — онъ произведеніе сочинителя отрывковъ изъ вахлацкаго романа:

Земля ходить по землѣ, облаченная въ пурпуръ и злато;
Земля идетъ въ землю прежде нежели хочеть;
Земля строить на землѣ замки и башни;
Земля говорить землѣ: это все наше!...

Очень хорошо! Сколько глубокомыслия и поэзіи! Вахлаки будутъ отъ нихъ въ восторгѣ!

ДЕМОНЪ СТИХОТВОРСТВА. *Комедія, въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. В. Н....го. Спб. 1843.*

Вотъ эта комедія рѣшительно не хочеть быть вахлацкою и претендуеть на порядочный тонъ. Дѣйствующія лица ея — все или «аристократы», или литераторы. Но природы своей никому не побѣдить:

Гони природу въ дверь—она влетитъ въ окно!

Несмотря на всѣ претензіи комедіи, она принадлежит рѣшительно къ вахлацкой литературѣ. Посмотрите, на примѣръ, что за названія дѣйствующихъ лицъ: Добряковъ, Зорской, князь Болтуновъ, Лирова (молодая дѣвица, писательница), Пристрастьевъ, Острословскій, Туманинъ (журналисты), Щеталовъ (книгопродавецъ), Продажный (служащій по министерству и редакторъ періодическаго изданія)... Настоящія куклы, съ надписями на лбу о личныхъ качествахъ, которыя назначено имъ представлять собою! При комедіи есть и предисловіе—нѣчто въ родѣ «воззванія», изъ котораго ясно значится, что 1) сочинитель весь вѣкъ свой прожилъ за 900 верстъ отъ Петербурга и за 700 верстъ отъ Москвы (оно и очень замѣтно какъ изъ тона предисловія, такъ и изъ самой поэзіи); что 2) сочинитель не имѣлъ до сихъ поръ случая видѣть въ лицо ни одного изъ теперешнихъ гг. журналистовъ и литераторовъ, кромѣ одного только, котораго талантъ онъ очень уважаетъ; что 3) въ рукописи его комедіи, тотчасъ по отсылкѣ ея въ Петербургъ, читавшія ее лица увидѣли въ ней пасквиль; но что, 4) въ ней нѣтъ рѣшительно никакого сходства ни съ однимъ журналистомъ, или литераторомъ. (Пред. стр. VІІ).

Публика, вѣроятно, будетъ очень благодарна сочинителю «Демона Стихотворства», что онъ такъ предупредительно поспѣшилъ ей отрекомендоваться и сообщить ей такія интересныя подробности о собственной своей особѣ. Теперь познакомимся съ комедіею. Это не трудно и недолго: таково свойство всѣхъ «вахлацкихъ» произведеній!

Зорскій, отставной корнетъ, бѣднякъ и поэтъ, влюбленъ въ племянницу Добрякова, Ольгу Львовну, которая, въ знакъ любви своей къ нему, находитъ очень острыми его плоскости очень поэтическими его плохіе стихи. Симпатія ея къ Зорскому простирается до того, что она сама безпрестанно гово-

рять плоскости и предурными стихами. Зорскій ужасно глупъ, что можно видѣть изъ того, что онъ говоритъ грубости князю Болтунову и вызываетъ его на дуэль за то только, что тотъ считаетъ поэзію вздоромъ, а людей, занимающихся ею — пустыми людьми. Болтуновъ это сказалъ Ольгѣ Львовнѣ, какъ свое мнѣніе, безъ всякаго намѣренія оскорбить Зорскаго, и тотчасъ же извинился передъ нимъ. Но Зорскій — поэтъ, слѣдовательно, по мнѣнію уѣздныхъ сочинителей, человѣкъ пламенный, грозный и храбрый. Съ Ольгою Львовною Зорскій обращается *en laquais endimanché*, а она съ нимъ *en servante endimanchée*. Надобно сказать, что Зорскій приготовилъ на сцену комедію своего сочиненія, которая потомъ и разыгрывается въ комедіи г. Н. . . го. Зорскій проситъ у Добрякова руки его племянницы; Добряковъ говоритъ, что онъ боится имѣть зятемъ человѣка, освистаннаго въ театрѣ, и потому въ такомъ только случаѣ рѣшится отдать за него свою племянницу, если его комедія будетъ хорошо принята публикою. Завязка — какъ видите — совершенно въ русскихъ нравахъ и обнаруживаетъ въ сочинителѣ большое знаніе русскаго общества и рѣдкую наблюдательность! Піесу Зорскаго даютъ на Александринскомъ театрѣ, и журналисты стараются ее уронить, посредствомъ клакеровъ, а князь Болтуновъ хлопочетъ, тѣмъ же способомъ, поддержать ее. Автора вызываютъ, и онъ женится. Вотъ и вся комедія! Но паюсъ ея составляетъ не это, а портреты журналистовъ. Одною изъ нихъ, Туманина, вотъ какъ заставляеть говорить остроумный сочинитель:

Нашъ юный критицизмъ и наши умозрѣнья
Повергли въ прахъ его творенья!...
А есть комедія у насъ: ея творецъ —
Мой закадычный другъ. — Вотъ это образецъ!
Жизнь улетучилась въ созданьи этомъ дивномъ
Въ какое слитное единство,
И въ духъ творчества субъектно-объективномъ
Искусства видно въ немъ — цвѣтенье, торжество!
Пластичность образовъ и формы просвѣтлѣнье —

Въ ней осизательны. А какъ ужъ соблюденъ
Основной общаго законъ,
Законъ замкнутости и обособленья!!!!—
Но чтобы уяснить мои слова
Хочу я разръшить сперва,
Что есть комедія?...

Г. Не...въ, кажется, въ полной увѣренности, что, заставляя Туманина говорить эту галиматю, онъ очень зло подшутить надъ людьми, употребляющими слова: субъектъ, объектъ, обособленіе, замкнутость и т. д. Слова эти, дѣйствительно, должны казаться очень смѣшными въ глазахъ г. Не...ва и подобныхъ ему сочинителей: живя въ 900 верстахъ отъ Петербурга и въ 700 верстахъ отъ Москвы, онъ, разумѣется, не понимаетъ ихъ значенія, а довольное собою незнаніе всегда находитъ смѣшнымъ то, чего не знаетъ, и, не понявъ дѣла, всегда предается «вахлацкому» юмору. Конечно, можно смѣяться, но не надъ этими словами, а надъ ихъ неумѣстнымъ, или неправильнымъ употребленіемъ; но и тутъ можетъ смѣяться только тотъ, кто самъ понимаетъ ихъ. Не въ примѣръ будь сказано, слуги всегда смѣются надъ образомъ мыслей и выраженія господъ своихъ; но не слугамъ, а все господамъ же удается умно и дѣльно смѣяться надъ этимъ! Въ своемъ предисловіи, г. Н...въ говорить, что въ изображенныхъ имъ журналистахъ онъ «желалъ изобразить три главныя направленія, которымъ (будто бы) слѣдуетъ наша литература: Остро-словскій изображаетъ собою духъ французской словесности, остроумной, легкой, антипоэтической (?!...); Туманинъ долженъ быть выраженіемъ нѣмецкой философіи, которая всегда почти изъясняется языкомъ туманнымъ, неопредѣленнымъ, надутымъ; Пристрастеву назначено быть представителемъ англійской литературы, которая составляетъ нѣчто среднее между двумя первыми». Изъ этого видно, что г. Не...въ глубоко изучилъ французскую, нѣмецкую и англійскую литературы, особенно нѣмецкую философію. Посмотрите, какъ ко-

ротко и ясно отдѣлалъ онъ ихъ! Французская литература— антипоэтическая, нѣмецкая философія—надута и туманна, а литература англійская есть нѣчто среднее между французскою литературою и нѣмецкою философіею! Онъ до того убѣжденъ въ своемъ познаніи этихъ литературъ и достоинствъ своей комедіи, что дѣлаетъ смѣлое предположеніе: «будь эта комедія переведена на иностранные языки, вѣрно нашлись бы въ Германіи и во Франціи добрые люди, которые сейчасъ узнали бы въ Пристрастьевѣ, Острословскомъ и Туманинѣ своихъ знакомыхъ литераторовъ». Совѣтуемъ г. Не...ву заняться переводомъ этой комедіи на нѣмецкій и французскій, да ужь кстати и на средній между этими языками, языкъ англійскій: за успѣхъ ручаемся:

Неужели же, спросятъ насъ, въ этой комедіи нѣтъ ничего хорошаго, и она никуда не годится? Выписавъ образчикъ ея комическаго слога, мы не выписывали изъ нея такихъ стиховъ, какъ эти, которые сочинитель вложилъ въ уста свѣтскаго человѣка и льва, князя Болтунова:

Здѣсь шикають какія-то *ракалы*..
Да нѣтъ! ве *выиграть имъ батальи!*

Кому выписанное нами понравится и найдетъ въ немъ талантъ, съ тѣмъ не будемъ спорить. Чтò касается до насъ, скажемъ, что въ русской литературѣ очень часто появляются произведенія, которыя далеко хуже еще и «Демона Стихотворства»: стало-быть, эта комедія не можетъ быть образцомъ возможной бездарности и нелѣпости. Ея характеръ — посредственность, — и тѣмъ хуже для нея. Намъ понравились въ ней только два стиха:

О, этотъ человѣкъ для остраго слова,
Не пощадить ни мать, ни отца!

Но и эти два стиха не сочинены г. Не...мъ, а вырваны имъ изъ третьей сатиры Милонова (см. «Сатиры, Посланія и другія мелкія стихотворенія Михайла Милонова». 1819, стр. 46).

Бъги его, страшись: для остраго словца
Въ сатирѣ уязвить онъ матеръ и отца.

Ни одинъ родъ поэзіи не труденъ такъ для нашихъ — не только сочинителей, но и литераторовъ, какъ комедія. Это понятно: хорошую трагедію такъ же мудро написать, какъ и хорошую комедію; но легче написать посредственную трагедію, чѣмъ сколько-нибудь сносную комедію. Первая, т. е. посредственная трагедія, требуетъ лишь нѣкотораго жара и хорошаго стиха, а комедія, кромѣ того, еще и наблюдательности, знанія общества, и, главное, юмора, который есть самъ по себѣ талантъ. Наши комики всего менѣе знаютъ нравы даже того круга общества, среди котораго сами живутъ. Оттого, они всегда ищутъ смѣшнаго въ словахъ, а не въ понятіяхъ, въ покроѣ платья, а не въ складѣ ума, въ бородѣ и прическѣ à la gusse, а не въ нравахъ и характерахъ; словомъ, они ищутъ комическаго снаружи, а не изнутри. И потому, самыми смѣшными лицами въ своихъ комедіяхъ являются — они же сами, ихъ сочинители. Сколько у насъ комиковъ и драматурговъ — числа вѣдь нѣтъ! а за исключеніемъ Фонъ-Визина, Грибоѣдова и Гоголя, комедія наша упорно стоитъ на одномъ мѣстѣ, не двигаясь впередъ. Къ ней теперь можно примѣнить слова одного умнаго литератора, сказаннаго имъ за тринадцать лѣтъ предъ симъ *): «Вообще нашъ театръ представляетъ странное противорѣчіе съ самимъ собою: почти весь репертуаръ нашихъ комедій состоитъ изъ подражаній французамъ, и, несмотря на то, именно тѣ качества, которыя отличаютъ комедію французскую отъ всѣхъ другихъ — вкусъ, приличіе, остроуміе, чистота языка, и все, что принадлежитъ къ потребностямъ хорошаго общества, — все это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена, вмѣсто того, чтобъ быть зеркаломъ нашей жизни, служитъ увеличительнымъ зеркаломъ для однѣхъ

*) См. «Днища, альманахъ на 1830 годъ», стр. 64—65.

лакейскихъ нашихъ, далѣе которыхъ не проникаетъ наша комическая муза. Въ лакейской она дома, тамъ ея и гостиная, и кабинетъ, и зала, и уборная; тамъ проводитъ она весь день, когда не ѣздитъ на запяткахъ дѣлать визиты музамъ сосѣднихъ государствъ, и чтобъ русскую талію изобразить похоже, надобно представить ее въ ливреѣ и сапогахъ».

III.

ЖУРНАЛЬНАЯ ВСЯЧИНА.

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЛЬЦОВЪ

(некрологъ).

Еще смерть, еще утрата — еще не стало одного примѣчательнаго человѣка въ русской литературѣ и русскомъ обществѣ, которыя по справедливости могли гордиться имъ: извѣстный поэтъ русский, Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ скончался въ Воронежѣ, прошлаго года, въ октябрѣ мѣсяцѣ, на тридцатьтретьемъ году отъ роду... Тяжела и горька была жизнь этого человѣка, страшна была смерть его... Въ продолженіе почти двухъ лѣтъ, онъ медленно хилѣлъ и таялъ, проводя время въ лѣченіи, то оправляясь, то вновь и еще сильнѣе одолеваясь тяжкимъ внутреннимъ недугомъ... Крѣпкая и сильная натура его могла бы еще преодолѣть болѣзнь тѣла, но семейныя огорченія, совершенное одиночество среди близкихъ ему, но непонимавшихъ его людей, потерянное время въ прошедшемъ и безнадежность въ будущемъ, горькія разочарованія въ томъ, что любилъ и за любовь къ чему встрѣтилъ вражду и ненависть, потрясли въ основаніи этотъ мощный благородный духъ... Пожираемый лютою чахоткою, одинокій и отчаянный, лишенный не только участія — даже пособійъ врачей (ибо ему не на что было покупать лѣкарства), Кольцовъ окончилъ страдальческую жизнь свою 19 октября прошлаго года, въ три часа по-полудни... Кто зналъ этого человѣка лично и умѣлъ понимать и цѣнить его, —

для тѣхъ неожиданное и уже позднее извѣстіе о смерти его было истиннымъ ударомъ...

Кольцовъ родился въ Воронежѣ, 1809 года, октября 2-го дня. Его не совсѣмъ основательно называли поэтомъ-самоучкою, смѣшивая съ простолюдинами, которые, въ зрѣлыхъ лѣтахъ выучившись грамотѣ, сочли это за право кропать стихи. Кольцовъ зналъ грамотѣ съ малолѣтства; по инстинкту, онъ всегда стремился къ сближенію съ людьми, отличенными искрою Божіею—и никогда не обманывался, въ своемъ выборѣ. Рано проснулась въ немъ страсть къ чтенію, и жадно читалъ онъ всякую книгу, какая только попадалась ему подъ руку. Дружба съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Серебрянскимъ, подобнымъ ему горемыкою, котораго также уже нѣтъ на свѣтѣ, имѣла сильное и рѣшительное вліяніе на внутреннюю жизнь Кольцова. Серебрянскій былъ человѣкъ замѣчательный, съ душою, съ умомъ, съ рѣдкими дарованіями,—чему можетъ служить доказательствомъ статья его «Мысли о Музыкѣ». (Въ приложеніи къ Стихотвореніямъ Кольцова). Получивъ образованіе схоластическое, Серебрянскій взялъ отъ него только одни, хотя и скудные, свѣдѣнія, и самъ довершилъ свое воспитаніе чрезъ чтеніе и черезъ суровую школу нужды, бѣдности и тяжелаго опыта, въ борьбѣ съ которыми и палъ, сраженный преждевременною смертію... Потомъ судьба свела Кольцова съ однимъ изъ тѣхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благовѣйная память и таинственные слухи о которыхъ изъ тѣснаго кружка близкихъ имъ людей переходятъ иногда въ общество: мы говоримъ о Станкевичѣ... Черезъ него Кольцовъ вошелъ именно въ такой кругъ людей, котораго всегда жаждала душа его,—и единственными счастливыми эпохами въ его жизни были встрѣчи его съ этими людьми, во время его поѣздокъ, по торговымъ дѣламъ отца, въ Москву и Петербургъ. Небольшая книжка изданныхъ въ свѣтъ его стихотвореній, доставила ему честь личнаго знакомства съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, княземъ

Вяземскимъ, княземъ Одоевскимъ и другими извѣстными литераторами, — и онъ былъ всѣми ими радушно принятъ и обласканъ. Нѣкоторые изъявили ему свое участіе даже оказаніемъ помощи въ дѣлахъ его, — и въ этомъ случаѣ Кольцовъ особенно хранилъ признательную память къ князю Вяземскому. 1836—1840 годы были самые счастливые для его развитія: Кольцовъ тогда былъ необходимъ для дѣлъ отца своего и потому часто бывалъ и долго жила въ Москвѣ и Петербургѣ, приобрѣтая себѣ книги и на собственныя средства и получая ихъ въ подарокъ отъ всѣхъ знакомыхъ ему литераторовъ. Но, несмотря на то, онъ всегда чувствовалъ, что его воспитаніе невосвратимо заключило его въ ограниченный кругъ нравственнаго сущестованія, — и его глубокій, смѣлый, ясный умъ, вѣрный тактъ дѣйствительности, служили ему больше къ горестному сознанію этой истины, чѣмъ къ выходу изъ заколдованной черты, обведенной вокругъ него судьбою. И онъ глубоко страдалъ, видя, что многое для него мудрено и непостижимо, потому только, что ново и непривычно. Съ раннихъ лѣтъ ринутый въ жизнь дѣйствительную, онъ коротко зналъ, глубоко понималъ ее, — и судя по его практическому такту, его иронической улыбкѣ, его осторожному разговору, многіе дивились, какъ онъ въ то же время могъ быть поэтомъ... Есть люди, которые смотрятъ на поэта, какъ на птицу въ клѣткѣ, и заговариваютъ съ нимъ для того только, чтобъ заставить его пѣть: такъ любители соловьевъ труть ножикъ о ножикъ, чтобъ звуками этого тренія вызвать птицу на пѣніе... Зная хорошо дѣйствительную жизнь, участвуя, по неволѣ, въ ея дразгахъ, Кольцовъ не загрязнилъ души своей этими дразгами: его душа всегда оставалась чиста, возвышенна, благородна, хотя ироническая, улыбка никогда не сходила съ устъ его... Противорѣчіе между дѣйствительностію, въ которую бросила его судьба, и между внутренними потребностями души, — вотъ что всегда было причиною его страданій, и вотъ что нако-

нецъ свело его въ раннюю могилу. Одаренный характеромъ сильнымъ, Кольцовъ умѣлъ терпѣть; но всякому терпѣнію бываетъ конецъ: онъ все могъ перенести, только не ядовитую ненависть тѣхъ, кого любилъ и отъ кого оторваться навсегда у него не было внѣшнихъ средствъ...

Какъ поэтъ, Кольцовъ былъ явленіемъ весьма примѣчательнымъ. Онъ обладалъ талантомъ сильнымъ, глубокимъ и энергическимъ, и, несмотря на то, долженъ былъ оставаться въ довольно ограниченной сферѣ искусства — сферѣ поэзіи народной. Въ своихъ «Думахъ», онъ рвался къ другимъ высшимъ мірамъ жизни и мысли, но выражалъ ихъ всегда въ своей однообразной народной формѣ. Если же смотрѣть на стихотворенія Кольцова какъ на произведенія народной поэзіи, которая уже перешла черезъ себя и коснулась высшихъ сферъ жизни и мысли, — то они останутся навсегда однимъ изъ любопытнѣйшихъ явленій русской литературы и поэзіи. О нихъ нельзя судить порознь, но собранныя вмѣстѣ, они представляютъ нѣчто цѣлое — самобытную и интересную въ самой ограниченности своей сферу творчества. Друзья покойнаго поэта, горячо любившіе его и какъ человѣка, желая достойно почтить его память, намѣрены издать въ скоромъ времени избранныя его стихотворенія, съ его портретомъ, fac-simile и біографією.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Новый годъ всегда бываетъ эпохою въ жизни нашей литературы и мгновеннымъ ея пробужденіемъ изъ обычной ея летаргіи. Въ это время только и слышишь о новостяхъ, по большей части интересныхъ лишь до ихъ появленія. Журналы тутъ всё выходятъ въ срокъ: иной за прошлый годъ опоздаетъ нѣсколькими книжками, а съ первою книжкою на новый годъ какъ разъ явится перваго января. По этимъ первымъ книжкамъ можно судить о состояніи журнала: если онъ въ первой книжкѣ не рвется изъ всѣхъ силъ, не старается возбудить вниманія разными шутками (напримѣръ, заставляя новыя книги плясать въ критикѣ, трепака и т. п.), а идетъ ровнымъ шагомъ, нынче, какъ вчера, — вѣрный знакъ, что журналъ чувствуетъ свою силу. Въ противномъ же случаѣ, вѣрный знакъ, что онъ падаетъ и пышными, часто фантастическими обѣщаніями, силится во что бы ни стало поддержать охладѣвшее къ нему вниманіе публики. Въ это же время года являются новыя журналы, прекращаются старыя, выходятъ альманахи, романы, стихотворенія, собранія сочиненій извѣстныхъ писателей... Новый 1843 годъ особенно счастливъ во многихъ изъ этихъ отношеній: онъ ознаменовался выходомъ четырехъ томовъ сочиненій Гоголя, полного собранія стихотвореній Лермонтова, новаго изданія сочиненій Державина. Что касается до романовъ, — они не замедлятъ появиться въ числѣ какого-нибудь бѣднаго, неполнаго десятка. Г. Загоскинъ уже началъ ихъ рядъ своимъ сочиненіемъ «Москва и Москвичи»; теперь очередь за г. Воскресенскимъ, а тамъ, Богъ дастъ, издадутъ по роману гг. Зотовъ и Штевенъ. Сверхъ того, это блистательное собраніе романовъ должно пополниться «Дѣвою Чудною» барона Брамбеуса, обѣщанною еще въ началѣ прош-

лаго года. Новыхъ журналовъ не явилось ни одного; изъ бывшихъ скончался во цвѣтъ лѣтъ «Русскій Вѣстникъ»: смерть присѣкла дни этого недоросля на 5 и 6 книжкахъ (изданныхъ въ одной оберткѣ) за прошлый годъ; съ остальными подписчики увидятся когда-нибудь тамъ, гдѣ назначено свиданіе всѣмъ покойникамъ... Кромѣ «Русскаго Вѣстника», всѣ другіе журналы продолжаются и въ нынѣшнемъ году. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣйствительно произошли бѣльшія или меньшія перемѣны. Взглянемъ на нихъ.

«Библіотека для Чтенія», по обыкновенію своему, перемѣнила цвѣтъ обертки, а въ Литературной Лѣтописи дала своимъ читателямъ спектакль, который мы назвали бы небывалою новостію въ исторіи русской журналистики, еслибъ этотъ спектакль не былъ уже вторымъ по счету. Въ первомъ, «Библіотека для Чтенія» заставила Шехеразату рассказывать султану-публикѣ разныя сказки о новыхъ книгахъ; во второмъ, т. е. нынѣшнемъ, она заставила плясать въ присядку книги «Были и Небылицы» съ «Супружескою Истиною» и «Голосомъ за Родное». Мысль чрезвычайно оригинальная и, вѣрно, многимъ изъ почитателей «Библіотеки для Чтенія» покажется даже остроумною... Теперь надо ожидать, что «Библіотека для Чтенія» когда-нибудь сама пропляшетъ въ присядку хоть съ повѣстями барона Брамбеуса. Замѣчательно однако безпристрастіе «Библіотеки для Чтенія»: въ первый ея книжкѣ за нынѣшній годъ напечатано новое «патріотическое представленіе» г. Полеваго, и въ той же самой книжкѣ препорядочно отдѣланы «Были и Небылицы» того же самаго г. Полеваго. Въ первой же книжкѣ «Библіотека для Чтенія» напечатана повѣсть Фанъ-Дима,—и въ той же книжкѣ «Голосъ за Родное» того же автора обреченъ на пляску въ шутовскомъ дивертисманѣ... Вообще книгамъ, о которыхъ объявляетъ прежде другихъ книжный магазинъ Ольхиной, въ «Библіотекѣ для Чтенія» пришлось играть не слишкомъ веселую, хотя и плясовую ролю. Чтò же такое, спросятъ насъ, новое «представле-

ніе» г. Полеваго?—Да все то же, что и прежнія его «представленія»: чувствительная героиня, на которой хочет насильно жениться жестокой займодавец ея матери, и когда их обѣихъ тащитъ онъ въ тюрьму, является великодушный любовникъ, платитъ деньги, которыя на этотъ разъ ему словно съ неба падаютъ, и женится на «милой воровкѣ своего покая»... Содержаніе повѣсти г. Фанъ-Дима такъ мудрено, что никому не понять его: Герой ея—духъ, а извѣстно, когда духи дѣйствуютъ въ повѣстяхъ вмѣстѣ съ людьми, тогда здравый смыслъ уступаетъ мѣсто «чудесному»...

«Современникъ» выходитъ, въ нынѣшнемъ году, ежемѣсячно, въ числѣ двѣнадцати книжекъ. Отъ этого онъ много выигрываетъ, какъ журналъ. Первая книжка его прелестна по наружности, интересна по содержаію. Долгомъ почитаемъ указать на превосходную статью М. С. Куторги: «Людовикъ XIV» (историческій очеркъ) и просимъ «Современника» почаще дарить публику такими статьями.

«Москвитянинъ» въ первой книжкѣ своей предлагаетъ цѣлыя три переводныя повѣсти. Онѣ очень коротки, но какъ въ то же время онѣ и очень плохи, то эта краткость, стало быть, не вредитъ журналу. Историческихъ матеріаловъ въ немъ, по прежнему, много; также и славянскихъ сказокъ, которыя тоже можно назвать матеріалами для исторіи народной славянской поэзіи. Вообще, эти матеріалы даютъ «Москвитянину» видъ альманаха, содержаніе котораго—матеріалы для исторіи и словесности Славянъ. Изданіе полезное и почетное, но оно не журналъ. Между тѣмъ, «Москвитянинъ», во что бы ни стало, хочетъ быть журналомъ. Для этого онъ изрѣдка разсуждаетъ о современной литературѣ и довольно часто общается поговорить о томъ, о другомъ. Въ первой книжкѣ онъ обозрѣваетъ русскую литературу 1842 года и доказываетъ сродство музы г. Бенедиктова съ музою Шиллера. Замѣчательнѣе всего въ этой статьѣ признаніе «Москвитянина», что онъ «не представилъ еще всего того, что сказать

имѣть», ибо «такое важное дѣло должно быть совершенно вслѣдствіе трудовъ многосложныхъ и новыхъ» (стр. 275). Между прочимъ, тамъ же намекается и прямо говорится, что всѣ журналы издаются съ промышленною цѣлію, и что исключеніе остается за однимъ «Москвитяниномъ»; мы въ этомъ никогда не сомнѣвались...

«Репертуаръ и Пантеонъ», превратившись въ зеркало театровъ русскаго и иностраннаго, сбросили съ себя затѣйливую обертку, на которой было изображено въ лицахъ, какая бываетъ страшная давка при раздачѣ книжекъ этого изданія... Видно, теперь уже давки нѣтъ,—и «Репертуаръ» является въ скромной и пристойной оберткѣ... Не понимаемъ, почему это изданіе носитъ двойное названіе: каковъ бы ни былъ покойникъ «Пантеонъ», въ немъ печатались драмы Шекспира, а въ «Репертуарѣ» печатается только то, что играется на Александринскомъ театрѣ... Въ 1 № напечатаны: «Русская Боярыня XVII столѣтія» г. Ободовскаго, «Школьный Учитель» г. Каратыгина и «Супруги-арестанты» г. Коровкина; изъ нихъ только «Школьнаго Учителя» можно видѣть на сценѣ, но прочесть нѣтъ возможности ни одной пьесы... По обыкновенію, 1-й нумеръ «Репертуара» украшенъ статьею г. Булгарина, въ которой, по обыкновенію же, твердится въ тысячу первый разъ что г-жа Каратыгина выше г-жи Алланъ и знаменитой Марсь. Г-жа Каратыгина дѣйствительно даровитая актриса, въ сравненіи съ прочими актрисами Александринскаго театра; она лучше ихъ держитъ себя, съ бѣльшимъ умомъ и ловкостью играетъ; но между ею и г-жею Алланъ нѣтъ ничего общаго, а знаменитую Марсь еще болѣе слѣдовало бы оставить въ покоѣ... Прошлаго года «Репертуаръ» обѣщавъ много приложеній—и не выполнилъ своего обѣщанія. За это онъ представляетъ теперь довольно большую и довольно плохую литографію—«Разъѣздъ изъ Александринскаго театра», въ которомъ, впрочемъ, есть кой-какія не совсѣмъ дурныя подробности, напримѣръ, купецъ съ женою, зѣвующіе истинно по-купечески!

Изъ газетъ, мы упомянемъ только объ одной, именно «Русскомъ Инвалидѣ», потому что о немъ можно было бы сказать много хорошаго. Съ увеличеніемъ своего формата и расширеніемъ программы, эта газета совершенно переродилась. Въ каждомъ ея номерѣ теперь есть фельетонъ, разсуждающій съ публикою о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ современной русской литературы, объ интереснѣйшихъ новостяхъ русскаго и за-граничнаго міра. И въ вышедшихъ доселѣ номерахъ есть любопытныя статьи въ отдѣленіи, слѣдующемъ за политическими извѣстіями, особенно «Исторія Русскаго Инвалида», составленная его основателемъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ «Инвалидѣ» русская публика имѣетъ теперь газету, во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствующую требованіямъ отъ изданій такого рода. Въ «Инвалидѣ» читатели находятъ все, что можно встрѣтить въ немногихъ только газетахъ; не находятъ въ немъ развѣ одного — полемики, сплетень, несообразныхъ съ достоинствомъ газеты официальной. И старанія редакціи «Инвалида» къ улучшенію этого изданія не остались тщетными: публика замѣтила перемѣну, и число подписчиковъ на «Инвалидъ», какъ слышно, чрезвычайно умножилось; со всѣхъ сторонъ слышны похвалы разнообразію, живости и занимательности фельетона, который умѣетъ быть занимательнымъ безъ брани, безъ торговыхъ криковъ... Пожелаемъ, чтобъ преобразованная въ нынѣшнемъ году газета, поддерживая въ себѣ этотъ характеръ, т. е. соединяя благородство тона и направленія съ занимательностію и разнообразіемъ содержанія, вывела, наконецъ, русскую публику изъ бѣдственной необходимости — довольствоваться жалкими листками печатной бумаги, выдаваемыми ей подъ именемъ газетъ и имѣющими претензіи на характеръ политико-литературнаго изданія.

Говорятъ, г. Вронченко перевелъ первую часть «Фауста». Пріятная новость: можно ожидать, что переводчикъ «Гамлета», «Макбета», «Манфреда» и «Дядювъ» прекрасно пе-

редасть намъ великое твореніе Гёте. Если переводы г-на Вронченко не имѣютъ пока заслуженнаго успѣха въ большинствѣ публики, — этому причиною не слабость, не недостатки, а развѣ высокое достоинство ихъ. Г. Вронченко передасть не букву, а духъ переводимыхъ имъ великихъ твореній, показываетъ Шекспира такимъ, какъ онъ есть, не передѣланнымъ въ миньютюрныя статуйки. А такъ какъ Шекспиръ для большинства не доступенъ, то и переводы г-на Вронченко не всѣмъ нравятся. Въ этомъ отношеніи, г. Полевой, причесывающій и убирающій Шекспира по вкусу публики Александринскаго театра, всегда перебьетъ дорогу у г. Вронченко.

Самую свѣжую и интересную новость въ современной русской литературѣ, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ теперь нѣсколько новыхъ и доселѣ неизвѣстныхъ публикѣ стихотвореній покойнаго Лермонтова. Неожиданный случай доставилъ ихъ намъ въ руки, и мы успѣли поѣлиться съ нашими читателями высокимъ наслажденіемъ этихъ, какъ будто бы замогильныхъ звуковъ столь много общавшей и столь временно замолкнувшей лиры. Нѣтъ нужды говорить и доказывать, что Лермонтовъ былъ великій поэтъ: въ этомъ уже давно и единодушно согласились всѣ, кто только не лишень здраваго смысла и эстетическаго чувства. Блескъ поэтическаго ореола загорѣлся надъ головою молодаго поэта тотчасъ же со времени появленія первыхъ его опытовъ. Немного Лермонтовъ успѣлъ произвести, но это немного тотчасъ же дало ему, во мнѣніи общества, мѣсто подлѣ Пушкина. Мало того: теперь уже спорять не о томъ, можетъ ли имя Лермонтова упоминаться вмѣстѣ съ именемъ Пушкина, но о томъ: кто выше—Пушкинъ, или Лермонтовъ? Подобный вопросъ и подобный споръ могутъ быть плодомъ самаго смѣшнаго дѣтства, если въ нихъ дѣло будетъ идти не объ идеяхъ, а объ именахъ. Вообще, сравненія одного великаго поэта

съ другимъ чрезвычайно трудны; если же въ нихъ видно желаніе возвысить или уронить его на счетъ другаго, то они просто нелѣпы и пошлы. Однакожь, злоупотребленіе какого-нибудь дѣла, не должно унижать самого дѣла, и сравненіе одного писателя съ другимъ, дѣлаемое съ цѣлью оцѣнить вѣрно и безпристрастно достоинства и недостатки каждаго изъ нихъ, съ полнымъ уваженіемъ къ обоимъ, есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ здравой и основательной критики. Результатомъ такого сравненія никогда не можетъ быть пошлое заключеніе, что Пушкинъ никуда не годится, потому что Лермонтовъ, хорошъ, или что Лермонтовъ никуда не годится, потому что Пушкинъ хорошъ. Нѣтъ, результатомъ такого сравненія можетъ быть только объясненіе, въ чемъ именно заключается и великая, и слабая сторона того и другаго поэта, чѣмъ одинъ изъ нихъ и выше, и ниже другаго. Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о такомъ важномъ вопросѣ, какъ сравненіе Пушкина и Лермонтова; но мы считаемъ кстати сказать по этому поводу нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что теперь другіе толкуютъ объ этомъ кстати и не кстати, вкривъ и вкось.

Сравненіе Пушкина съ Лермонтовымъ особенно трудно по тому горестному обстоятельству, которое какъ будто бы сдѣлалось неизбѣжною участію нашихъ великихъ поэтовъ: мы разумѣемъ безвременный конецъ ихъ поприща, вслѣдствіе котораго нельзя судить о нихъ, какъ о поэтахъ вполне развившихся и опредѣлившихся. Это особенно относится къ Лермонтову. Посмертныя сочиненія Пушкина — лучшія, художественнѣйшія его созданія, ясно обнаруживаютъ вполне установившееся направленіе его. Они не совсѣмъ безосновательно были приняты публикою холодно. Въ объясненіи противорѣчія, почему лучшія и художественнѣйшія созданія Пушкина не безосновательно приняты были публикою холодно, заключается объясненіе тайны поэзіи Пушкина и значенія его, какъ поэта. Пушкинъ—это художникъ по преимуществу. Его назначеніе

было—осуществить на Руси идею поэзіи, какъ искусства. Намъ скажутъ: неужели же до Пушкина не было на Руси ни поэзіи, ни поэтовъ, и неужели поэзія Пушкина не имѣетъ никакой связи съ поэзіею предшествовавшихъ ему поэтовъ; неужели она не развилась исторически, а, словно съ неба, спустилась къ намъ? На такой вопросъ, имѣющій всю внѣшность истины и совершенно ложный въ сущности, мы отвѣтимъ вопросомъ же, только истиннымъ и извнѣ, и изнутри: неужели до Грековъ не было на землѣ искусства, и поэзія Индусовъ, изваянія Египтянъ не заслуживаютъ никакого вниманія, какъ произведенія искусства? Нѣтъ, они составляютъ одинъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ изученія для эстетики, археологіи и исторіи изищнаго; а между тѣмъ искусство, какъ искусство, въ полномъ, пышномъ и благоуханномъ цвѣтѣ своего развитія явилось только у Грековъ, и, въ этомъ смыслѣ, послѣ Грековъ, ни одинъ народъ доселѣ не имѣлъ такого искусства. И все-таки это нисколько не противорѣчитъ той исторической истинѣ, что искусство Грековъ было подготовлено искусствомъ другихъ, предшествовавшихъ имъ на поприщѣ развитія народовъ. Такимъ же точно образомъ, не лишая заслуженной славы предшествовавшихъ Пушкину поэтовъ, не отрицая ихъ вліянія на него, вполне признавая, что безъ нихъ не было бы и его, можно утверждать, что поэзія, какъ искусство, какъ это, а не что-нибудь другое, явилась на Руси только съ Пушкинымъ и черезъ Пушкина. Для такого подвига, нужна была натура до того артистическая, до того художественная, что она и могла быть только такою натурою, и ничѣмъ больше. Отсюда проистекаютъ и великія достоинства и великіе недостатки поэзіи Пушкина. И эти недостатки, не случайные, а тѣсно связанные съ достоинствами, необходимо условливаются ими такъ же, какъ лицо необходимо условливаетъ собою затылокъ: потому что у кого есть лицо, у того не можетъ не быть затылка. Скажемъ сперва о достоинствахъ поэзіи Пушкина, а потомъ уже о недостаткахъ, необходимо вытекаю-

щихъ изъ самыхъ этихъ достоинствъ. Пушкинъ первый сдѣлалъ русскій языкъ поэтическимъ, а поэзію русскою. Стихъ его неподражаемо жудожественъ, пластиченъ, рельефенъ, упруго-мягокъ. Въ отношеніи къ художественности и виртуозности поэтическаго стиха и поэтическихъ образовъ, Пушкинъ можетъ быть сравниваемъ съ величайшими европейскими поэтами. Что бы ни говорили о стихѣ Жуковскаго (дѣйствительно превосходномъ), но между имъ и стихомъ Пушкина такое же (если еще не большее) разстояніе, какъ между стихомъ Дмитріева (И. И.) и стихомъ Жуковскаго. Но еще не велика была бы заслуга Пушкина, еслибъ достоинство стиха его было чисто внѣшнее, какъ, на примѣръ, стиха г. Языкова и другихъ; нѣтъ, стихъ Пушкина, полный мелодіи и гармоніи, силы и граціи, упругости и нѣжности, металлической твердости и хрустальной прозрачности, былъ выраженіемъ поэтической его натуры: этотъ дивный человѣкъ былъ художникомъ не только въ стихѣ своемъ, но и въ своемъ чувствѣ. Объяснимся. Чувство свойственно всякому человѣку, но у каждаго человѣка оно имѣетъ свой характеръ. Есть люди, у которыхъ самыя возвышенныя, самыя благородныя чувства имѣютъ въ себѣ что-то тяжелое, грубое; у другихъ самыя глубокія чувства имѣютъ въ себѣ что-то мягкое до слабости, и т. д. Преобладающій характеръ чувства Пушкина—художественная красота, виртуозность, если можно такъ выразиться, при гибкости и силѣ. Чувство Пушкина изящно само по себѣ, взятое отдѣльно отъ его выраженія; и выраженіе его, по одному уже этому, не могло не быть изящно. Каждое стихотвореніе Пушкина можетъ служить доказательствомъ нашихъ словъ; но мы въ особенности укажемъ на «Разлуку» (Для береговъ отчины дальней). Подобно Гёте, Пушкинъ есть поэтъ внутренняго міра души, и можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ Гёте, способенъ воспитать чувство человѣка, разработать и развить его, сдѣлать его эстетически прекраснымъ. Если поэзія, взятая только какъ искус-

ство, даже внѣ ея философскаго или нравственнаго значенія, улучшаетъ душу человѣка, то лучшее доказательство этому можетъ представить собою поэзія Пушкина.—Это только лицевая сторона поэзіи Пушкина: взгляните на нее съ другой стороны, и васъ поразитъ ея объективность—качество, столь превозносимое непонимающими его настоящаго значенія людьми и столь близкое къ нравственному индифферентизму,—отсутствіе одного преобладающаго убѣжденія, а иногда даже устарѣлость во мнѣніяхъ и странныя предрасудки. Таковъ необходимо долженъ быть (особенно въ наше время) всякій художникъ, который только художникъ (т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ не мыслитель, не глашатай какой-нибудь могучей думы времени). Онъ космополитъ въ мірѣ, явленія котораго, въ глазахъ его, всѣ равно прекрасны и равно интересны, какъ явленія природы въ глазахъ естествоиспытателя; онъ все любить и ни къ чему не прилѣпляется; ничего не ненавидитъ, ничего не отрицаетъ. Поэтическая дѣятельность Пушкина удивляетъ своею случайностію въ выборѣ предметовъ. Онъ пытается создать драму изъ русской исторіи до времени Петра Великаго; дѣлаетъ изъ нее все, что можетъ сдѣлать гениальный поэтъ, — и если, при всемъ этомъ, ему удалось сдѣлать не слишкомъ много, то это ужъ не его вина. Поддѣлка двухъ Французовъ заставляетъ его взяться за народныя пѣсни Сербіи, — и онъ создаетъ рядъ пѣсенъ, дышавшихъ всею роскошью дикой поэзіи дикаго народа. Въ то же время, онъ, по свѣдѣму, возсоздаетъ идеаль Донъ-Хуана, — и производитъ драматическую поэму, исполненную первоклассныхъ художественныхъ красотъ. Не спрашивайте: какое отношеніе, какую связь имѣютъ всѣ эти произведенія съ русскимъ обществомъ, съ русскою дѣйствительностію? Несмотря на глубоко національные мотивы поэзіи Пушкина, эта поэзія исполнена духа космополитизма, именно потому, что она сознавала самоё себя только какъ поэзію и чуждалась всякихъ интересовъ внѣ сферы искусства. И вотъ причина, почему русское

общество вдругъ охладѣло къ своему великому, своему до-толѣ любимому поэту, какъ скоро онъ достигъ апогеозы своего художническаго величія. Общество въ этомъ случаѣ и право и неправо—право потому что не всѣмъ же быть дилетантами и знатоками искусства; неправо—потому что Пушкинъ не могъ же въ угоду ему измѣнить своего великаго призванія—водворить поэзію, какъ искусство, въ жизни русской. Призваніе это заключалось въ самой натурѣ Пушкина, и не его вина, если общество, подобно самому поэту, приняло временное броженіе его молодой крови за выраженіе его природы...

Какъ творецъ русской поэзіи, Пушкинъ на вѣчныя времена останется учителемъ (*maestro*) всѣхъ будущихъ поэтовъ; но еслибъ кто-нибудь изъ нихъ, подобно ему, остановился на идеѣ художественности,—это было бы яснымъ доказательствомъ отсутствія гениальности, или великости таланта. Вотъ почему, или Лермонтовъ пошелъ дальше Пушкина, или онъ — талантъ обыкновенный, не стѣяющій тѣхъ разнообразныхъ толковъ и жаркихъ споровъ, предметомъ которыхъ онъ сдѣлался. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, которые считаютъ Лермонтова не болѣе, какъ счастливымъ подражателемъ Пушкина, еще не успѣвшимъ проложить собственной дороги для своего таланта. Это мнѣніе столь мелко, и ошибочно, что не стоить и возраженія. Нѣтъ двухъ поэтовъ столь существенно различныхъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Пушкинъ—поэтъ внутренняго чувства души; Лермонтовъ—поэтъ беспощадной мысли истины. Паѳосъ Пушкина заключается въ сферѣ самого искусства, какъ искусства; паѳосъ поэзіи Лермонтова заключается въ нравственныхъ вопросахъ о судьбѣ и правахъ человѣческой личности. Пушкинъ лелѣялъ всякое чувство, и ему любо было въ теплой сторонѣ преданія; встрѣчи съ демономъ нарушали гармонію духа его, и онъ содрагался этихъ встрѣчъ: поэзія Лермонтова растеть на почвѣ беспощаднаго разума и гордо отри-

цаеть преданіе. Для кого доступна великая мысль лучшей поэмы его «Бояринъ Орша», и особенно мысль сцены суда монаховъ надъ Арсеніемъ, тѣ поймутъ насъ и согласятся съ нами. Демонъ не пугаль Лермонтова: онъ былъ его пѣвцомъ. Послѣ Пушкина ни у кого изъ русскихъ поэтовъ не было такого стиха, какъ у Лермонтова и конечно Лермонтовъ обязанъ имъ Пушкину; но тѣмъ не менѣе у Лермонтова свой стихъ. Въ «Сказкѣ для Дѣтей» этотъ стихъ возвышается до удивительной художественности; но въ большей части стихотвореній Лермонтова онъ отличается какою-то стальной прозаичностію и простотою выраженія. Очевидно, что для Лермонтова стихъ былъ только средствомъ для выраженія его идей, глубокихъ и вмѣстѣ простыхъ своею безпощадною истиною, и онъ не слишкомъ дорожилъ имъ. Какъ у Пушкина грація и задушевность, такъ у Лермонтова жгучая и острая сила составляетъ преобладающее свойство стиха: это трескъ грома, блескъ молніи, взмахъ меча, визгъ пули. Нѣкоторые критики находятъ очень смѣшнымъ, что Лермонтова называютъ русскимъ Байрономъ: это дѣйствительно смѣшно уже по одному сравненію трехъ тощенькихъ книжекъ безвременно погибшаго поэта русскаго съ огромною книгою компактной печати британскаго поэта, и это еще смѣшнѣе по сравненію колоссальной и всемірной славы европейскаго гѣнія съ яркою извѣстностію въ своемъ отечествѣ быстро промелькнувшаго поэта русскаго. Еще разъ повторяемъ: это и смѣшно и нелѣпо. Но находить сродство въ духѣ Лермонтова съ духомъ Байрона (сродство, которое можетъ быть и не у поэта, какъ было оно у друга Байрона, Шеллея), и, при условіи полнаго развитія Лермонтова, провидѣть въ немъ не такое же точно (что невозможно), но соотвѣтственное Байрону явленіе: это, по нашему мнѣнію, нисколько не смѣшно, тѣмъ болѣе, что близко къ истинѣ. Есть еще третій родъ критикановъ (самый смѣшной и жалкій), которые увѣряютъ всѣхъ въ великомъ уваженіи, питаемомъ ими къ необыкновенному

таланту Лермонтова, и въ то же время говорятъ, что «въ стихахъ Лермонтова отзывается явно отголосокъ лиры другого». Не знаемъ, что означаетъ подобное мнѣніе — ограниченность и слабость ума, совершенное отсутствіе эстетическаго чувства, или (говоря печатными словами одного критикана) «гадную, притаенную мысль», которая, еслибъ могла дойти до Лермонтова, такъ же бы точно посмѣшила и потѣшила его, какъ, помнимъ мы, смѣшили и тѣшили его критики одного журнала объ его стихотвореніяхъ и «Героѣ Нашего Времени»... Мы убѣждены, что совершенно ничтоженъ будетъ тотъ, на кого подѣйствуетъ, хотя немного нелѣпое внушеніе, что поэзія русская въ лицѣ Лермонтова не сдѣлала ни шагу впередъ противъ Пушкина... Кстати замѣтимъ, что едва ли какой-нибудь классъ людей представляетъ столько аномалій, какъ классъ «критикановъ»: изъ нихъ есть такіе, которые, изъ зависти къ вашему успѣху и вашей извѣстности на поприщѣ недоступной имъ критики, готовы перевернуть ваши слова и съ умысломъ (если поймутъ ихъ) и безъ умысла (если не поймутъ). За послѣднее да простить имъ Богъ, ради ихъ умственной слабости! но за первое да накажетъ ихъ общественное мнѣніе... Вы сказали, напри- мѣръ, что Лермонтовъ пошелъ далѣе Пушкина, а они кричатъ, что вы употребляете Лермонтова какъ средство для того, чтобъ расторгнуть черезъ него союзъ молодаго поколѣнія съ Пушкинымъ и нарушить связь преданій. Это обвиненіе, достойное завистливаго педанта, очень похоже на знаменитый силлогизмъ? на дворѣ дождь идетъ, слѣдовательно, въ углу столъ стоять... Но оставимъ педантовъ, критикановъ, ихъ ограниченность и ихъ мелкую зависть, обратимся къ Лермонтову и скажемъ, что восемь новооткрытыхъ стихотвореній его принадлежать къ замѣчательнѣйшимъ его произведеніямъ, особенно: «Сонъ», «Тамара», «Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю» и «Выхожу одинъ я на дорогу». Въ нихъ нѣтъ ничего Пушкинскаго, но все Лермонтовское, —

разумѣтся, для тѣхъ только, кто умѣетъ вникать не въ одну букву, но и въ духъ, и кто не можетъ видѣть въ Лермонтовѣ подражателя не только Пушкина и Жуковского, но даже и г. Бенедиктова...

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Представленіе «Женитьбы» на сценѣ Александринскаго театра снова оживило фельетонъ «Сѣверной Пчелы». «Накоонецъ (восклицаетъ эта газета въ № 279 прошлаго года), въ бенефисъ г. Сосницкаго, мы видѣли ту знаменитую комедію Гоголя, о которой уже нѣсколько лѣтъ трубятъ его пріатели!»—Что за странная манера, въ дѣлѣ чисто литературномъ, говорить о «пріателяхъ»? Почему фельетонисту знать, кто пріатель Гоголю и кому Гоголь пріатель? Пушкинъ печатно называлъ Дельвига и другихъ своими друзьями и пріателями: стало-быть, другіе могли, не нарушая приличія, говорить, что такой-то и такой-то—друзья Пушкина; но никто не имѣлъ права называть печатно друзьями и пріателями Пушкина тѣхъ, которыхъ онъ самъ не называлъ этимъ именемъ тоже печатно. Гоголь ни одною строкою и никого не объявлялъ ни другомъ своимъ, ни пріателемъ и, сколько намъ извѣстно, еще никто не называлъ себя печатно ни другомъ, ни пріателемъ Гоголя. Слѣдовательно, «Сѣверная Пчела» самоуправно присвоила себѣ право навязывать Гоголю пріателей, изъ которыхъ онъ иныхъ и въ глаза не видывалъ. И послѣ этого фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» еще позволяетъ себѣ пускаться въ разглагольствованіе о хорошемъ литературномъ тонѣ, о приличіи, образованности!... у таланта Гоголя дѣйствительно много въ Россіи и друзей и пріателей, такъ же какъ и враговъ и недруговъ: это общая судьба всѣхъ высокихъ талантовъ; и вотъ объ этихъ-то друзьяхъ и пріателяхъ, врагахъ и недругахъ, позволительно разсуждать въ печати, невыходя изъ предѣловъ литературнаго вопроса. Взгляните на дальнѣйшіе подвиги фельетониста «Сѣверной Пчелы» касательно этого недающаго ей покою, хотя и не знающаго о ея существованіи Гоголя. За выписаннымъ нами воскли-

цаніемъ, слѣдуетъ изложеніе содержанія комедіи, для доказательства, что она никуда не годится, такъ что читатель можетъ подумать, будто «Женитьба» Гоголя хуже какой-нибудь «Шкуны Ньюкарлеби» г. Булгарина. Далѣе слѣдуютъ радостныя, исполненные торжественности извѣстія о паденіи пьесы, о единодушномъ шиканьи, похвалы тонкому, изящному вкусу и свѣтской разборчивости публики Александринскаго театра... Старыя шутки, господа! На сценѣ давались и пьесы Пушкина: «Русалка», «Моцартъ и Сальери», «Скупой Рыцарь» отрывки изъ «Цыганъ» — и все это не имѣло ни малѣйшаго успѣха, слѣдовательно, испытало паденіе... За то, на сценѣ же давались въ старину «Филатка и Мирошка», а теперь дается «Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами», съ одобреніемъ принятая публикою. Чтò это значить — предоставляемъ рѣшить г. фельетонисту...

Между прочимъ, фельетонистъ распространяется о какихъ-то партіяхъ, изъ которыхъ одну называетъ «здѣшнею», а другую «московскою», и послѣднюю заставляеть прославлять Гоголя, чтобъ черезъ это «заставить публику отвернуться отъ другихъ сатирическихъ и юмористическихъ писателей и романистовъ»... Ну, есть же изъ чего и хлопотать! Не зная никакой московской партіи, тѣмъ не менѣе жалѣемъ о ней, что она занимается такими мелочами, хваля и превознося Гоголя не за его прекрасныя созданія, а изъ желанія ронять то, чтò и само собою давно уже внѣ всякой опасности упасть, по смыслу русской пословицы: «лежачого не бьютъ»... И что за смѣшная мысль, будто возможно возносить недостойное, или уронить достойное! Кто наши юмористическіе писатели, кромѣ Гоголя?—Фонъ-Визинъ, Крыловъ (баснописецъ), Нарѣжный (романистъ), Грибоѣдовъ. Кто же не отдавалъ имъ должнаго, кто ронялъ ихъ?... «Пусть бы (воскликаетъ фельетонистъ) г. Гоголь выступилъ на журнальное поприще и сдѣлался критикомъ... тогда бы мы увидѣли какъ тѣ же самыя лица, которыя созидаютъ ему пьедесталь, чтобъ

поставить его рядомъ съ Гомеромъ, стали бы разбивать изъ всёхъ силъ этотъ пьедесталъ!...» А! вотъ что? теперь мы понимаемъ, куда клонятся намеки фэльтониста: г. Булгаринъ почитаетъ себя и сатирикомъ, и юмористомъ, и романистомъ, и критикомъ,—и по его мнѣнію, люди безпристрастные потому не соглашаются съ нимъ въ его лестныхъ отзывахъ о самомъ себѣ, что онъ—критикъ!!... Иначе, его признавали бы чѣмъ-то не меньше даже Гоголя!... Г. Булгаринъ и Гоголь — да это еще оригинальнѣе, чѣмъ Гоголь и — Гомеръ!...

А между тѣмъ, Гоголь выступилъ на журнальное поприще и былъ критикомъ: въ «Арабескахъ» напечатаны его превосходныя критическія статьи о Пушкинѣ, о Брюловѣ, о Шлёцерѣ, Миллерѣ и Гердерѣ, а въ 1 номерѣ «Современника» 1836 года, есть статья его «О движеніи журнальной литературы», въ которой съ неподражаемымъ юморомъ характеризуется «Сѣверная Пчела» и разные критики!... Ужь не оттого ли въ «Сѣверной Пчелѣ» и понынѣ не отдается Гоголю должной справедливости?... По теоріи самой «Сѣверной Пчелы» выходитъ такъ...

Кстати о Гомерѣ и Гоголѣ: та же газета продолжаетъ увѣрять (см. № 285), будто «Отечественныя Записки» величаютъ Гоголя Гомеромъ... Просимъ покорнѣйше указать хоть одну страницу въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ была бы хоть одна строка, доказывающая справедливость такого обвинения. Въ «Отечественныхъ Запискахъ», напротивъ, нѣсколько разъ было писано противъ тѣхъ господъ, которые сочинили небывалое сходство Гоголя съ Гомеромъ, и разъ была напечатана большая статья въ опроверженіе этихъ странностей (Соч. Бѣлинскаго. Ч. VI, стр. 523). Какъ же назвать эту неприличную выходку «Сѣверной Пчелы» противъ «Отечественныхъ Записокъ»?

Изъ журнальныхъ новостей самая свѣжія — слѣдующія: «Сынъ Отечества» за 1842-й не додалъ только четырехъ книжекъ; «Русскій Вѣстникъ», опоздавшій въ 1841 году двумя книжками, въ нынѣшнемъ опоздалъ шестью книжками (т. е. цѣлымъ пулугодомъ), а «Москвитянинъ» — только одною книжкою.

Журнальный мирлифлёръ и Жоржъ Зандъ. — Какой-то господинъ (мы забыли его имя) издаетъ въ Парижѣ модный листокъ въ родѣ *Follet*. Тутъ еще нѣтъ ничего удивительнаго. Но удивительно то, что этотъ господинъ, говорятъ, съ презрѣнiемъ смотритъ на всѣхъ своихъ собратьевъ (т. е. издателей модныхъ журналовъ, которыхъ, какъ извѣстно, въ Парижѣ очень много). Ему, во что бы ни стало, хочется прослыть знаменитымъ литераторомъ. Онъ, бѣдный, совершенно помѣшался на литературной славѣ, и статьи свои (которыя почитаетъ, разумѣется, великими произведенiями) еще въ рукописи читаетъ не только своимъ прiателямъ, но всѣмъ наборщикамъ типографiи, въ которой печатается его листокъ, своему лакею и даже привратнику. Недавно онъ напечаталъ объ одномъ знаменитомъ скрипачѣ, талантъ котораго восхищалъ въ прошлую зиму весь Парижъ — слѣдующія замѣчательныя строки:

„Прелестныя и милыя мои соотечественницы, о вы, богини красоты и моды! вы, восхищавшiяся дивнымъ упоительнымъ смычкомъ г. NN, истаявавшiи отъ нѣги и блаженства при роскошныхъ, неземныхъ, чародѣйственныхъ звукахъ этого смычка, вы, вѣрно, изумитесь, если я буду имѣть честь доложить вамъ, что г. NN нисколько не виновенъ въ наслажденiи, которое доставлялъ вамъ: я вамъ объявляю за тайну (будьте только скромны, прелестныя мои читательницы!): въ скрипкѣ г. NN заключена душа одной восхитительной дѣвушки, которая, увы! вслѣдствiе безнадежной любви похищена смертiю (не дай вамъ Богъ такой смерти!)... И эти звуки, пополамъ раздиравшiе ваше сердце, сжатое безъ сомнѣнiя корсетомъ превосходной работы г. F*** (Rue Richelieu, № 27), эти звуки, извлекавшiе изъ побѣдительныхъ и молниеносныхъ очей вашихъ жемчужины чистѣйшей грусти (жем-

чугъ снова входитъ въ моду: превосходные жемчужные уборы мы видѣли въ магазинѣ *Casal, rue Montmartre, № 21* и эти звуки... повторяю я—о, это стонъ души страдальцы, „ея молитвы и жалобы, ея вздохи и рыданія“... и прочее.

Но этотъ удивительный любезникъ журнальный мпрли-флёръ, издатель моднаго листка, такъ галантерейно обращающийся съ дамами, которыя представляются ему, кажется, въ видѣ розанчиковъ, какъ Жевакину въ комедіи Гоголя «Женитьба»,—питааетъ страшную ненависть только къ одной изъ всего прекраснаго пола, а именно къ баронессѣ Дюдеванъ (Жоржъ Зандъ). Однажды въ своемъ модномъ и галантерейномъ листкѣ послѣ краснорѣчиваго описанія модныхъ кружевныхъ блондовыхъ чепцовъ и послѣ разныхъ презамысловатыхъ комплиментовъ «очаровательнымъ брюнеткамъ и воздушнымъ блондинкамъ», онъ вдругъ обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью:

«Я надѣюсь, мои восхитительныя читательницы, что вы не читаете Жоржа Занда? (которую, не понимаемъ, на какомъ основаніи именуютъ въ цѣлой Европѣ гениальною, великою писательницею)... Сохрани васъ Боже отъ этого! Она все кричитъ противъ брака, *mesdames!* Не слушайте ее... Я увѣренъ, что вы въ приданое мужу своему принесете чистѣйшее, возвышеннѣйшее счастье, а онъ—вашъ супругъ, коленнопреклоненный, броситъ къ ногамъ вашимъ свое сердце, которое вы, натурально, поднимите, расцѣлуете и запрете въ шкатулочку, отличной работы г. *Vertana jeune (rue des Lombards, 46 au fond de la cour)*, а ключикъ отъ этой шкатулочки будете носить у своего сердца!... Повѣрьте мнѣ, эта препрославленная, пресловутая Жоржъ Зандъ сама не понимаетъ, что проповѣдуетъ въ неистовыхъ *Индіанахъ, Валентинахъ, Лемяхъ* и еще въ другихъ своихъ нелѣпыхъ романахъ... Бойтесь, какъ чумы, этихъ романовъ, *mesdames!* Она хочетъ растлить эстетическій дамскій вкусъ... и васъ—воздушныхъ, прозрачныхъ, роскошныхъ, газовыхъ, эфирныхъ радужныхъ созданій нарядить въ мужскіе реденготы и въ ваши розовыя губки (о! *quelle horreur!*) вложить сигару... Васъ, мои читательницы, одѣтъ въ мужскіе реденготы?... Нелѣпая мысль! да что же тогда останется дѣлать нашимъ несравненнымъ артисткамъ *m-me Pollet* и *m-me Charbon*, и прочимъ, которыя съ такимъ неземнымъ

совершенствомъ украшаютъ теперь цвѣтами и блондами ваши вдохновенныя головки и такъ ловко стягиваютъ ваши соблазнительныя ни съ чѣмъ несравненныя талии и облакаютъ васъ въ такія роскошныя платья изъ popeline или gros de Naples?

Говорятъ, Парижане очень смѣялись надъ этою выходкою журнальнаго мирлифлёра, издателя моднаго листка, который не шутя вообразилъ, что Жоржъ Зандъ хлопочетъ въ своихъ романахъ о томъ только, чтобъ отбить хлѣбъ у парижскихъ модистокъ!... Вотъ совершенно новый взглядъ на сочиненія Жоржъ Занда!... Журнальный мирлифлёръ, глупый любезникъ, выступающій противъ знаменитой писательницы!... Не правда ли, это очень смѣшно? Жаль, что у насъ нѣкоторые, по справедливости уважаемые образованною публикою журналисты почти съ такой же точки смотрятъ на Жоржъ Занда, какъ вышеприведенный журнальный мирлифлёръ, издатель моднаго листка. Увѣряютъ также, что у насъ есть такіе писатели, которые нисколько не хуже французскаго журнальнаго мирлифлёра изъясняются съ прекраснымъ поломъ.

Старинная пріятельница наша «Сѣверная Пчела» покончила старый годъ и начала новый достойнымъ ея образомъ: всѣмъ извѣстно, что эта газета отличается безпристрастіемъ, хорошимъ тономъ и безкорыстною любовію къ литературѣ, что она хвалить только хорошее и порицаетъ только дурное, смотритъ на дѣло, а не на лица, превозноситъ, когда этого требуетъ справедливость, своихъ враговъ, и говоритъ горькую правду своимъ друзьямъ. Все это такъ же извѣстно публикѣ, какъ и намъ: — полюбуемся же послѣдними подвигами этой газеты, въ назиданіе ближнимъ, въ поучительный примѣръ для литературной братіи, и въ собственное утѣшеніе... Особенную честь дѣлаетъ «Сѣверной Пчелѣ» то, что она не любитъ полемики, не любитъ журнальныхъ браней, и если презираетъ кого-нибудь, такъ молча, съ достоинствомъ. Всѣмъ извѣстно, что эта газета почитаетъ «Отечественныя Запи-

ски» журналомъ самымъ плохимъ, недостойнымъ никакого вниманія,—и вотъ то «презрительное молчаніе», которымъ наказываетъ она несчастныя «Отечественныя Записки». Въ послѣднемъ (295) номерѣ за прошлый годъ, «Сѣверная Пчела» извѣщаетъ своихъ читателей, что она «изъ любопытства (страсть кумушекъ!) заходила по нѣскольгу разъ въ книжныя лавки передъ праздникомъ, особенно въ новый магазинъ г-жи Ольхиной, и видитъ, что публика, какъ бы нарочно, покупаетъ тѣ книги, которыя болѣе порицаются въ «Отечественныхъ Запискахъ et Compagnie (?)»,—а порицанія этого журнала, по увѣренію «Сѣверной Пчелы», «сдѣлались нынѣ указателемъ (index) того, что надобно покупать: это такъ вѣрно, какъ то, что послѣ ночи наступаетъ день». Какая твердая, непоколебимая увѣренность! Благодаря «Сѣверную Пчелу» за это любопытное извѣстіе и не желая за него остаться въ долгу, спѣшимъ, съ своей стороны, тоже порадовать ее извѣстіемъ, которое не менѣе утѣшительно и болѣе достоверно, ибо подкрѣпляется фактами, всему свѣту извѣстными. По книжнымъ лавкамъ мы не ходимъ, ни въ будни, ни въ праздники, зная, что тамъ ничего не услышишь, кромѣ вздорныхъ сплетень, до которыхъ мы смертельные неохотники; такая неохота, конечно, можетъ показаться странною «Сѣверной Пчелѣ», но что же дѣлать, когда это такъ? Иногда только бываемъ мы въ книжномъ магазинѣ г. Иванова, гдѣ находится и контора «Отечественныхъ Записокъ»; тамъ слышали мы, что расходятся именно тѣ книги, которыя хвалятся «Отечественными Записками», а плохо идутъ именно тѣ книги, о которыхъ «Отечественныя Записки», по совѣсти, не могутъ отзываться, какъ о литературныхъ произведеніяхъ. Извѣстно всѣмъ и каждому, что «Отечественныя Записки» высоко цѣнятъ талантъ Гоголя и видятъ великое произведеніе въ его «Мертвыхъ Душахъ»: судя по словамъ «Сѣверной Пчелы», этого было достаточно, чтобъ «Мертвыя Души» залежались въ лавкахъ; но, увы! всѣмъ и каждому извѣстно,

что «Мертвые Души», напечатанные въ числѣ около 3000 экземпляровъ, почти совсѣмъ раскуплены съ небольшимъ въ полгода!... Конечно, «Мертвые Души» обязаны этимъ совсѣмъ не «Отечественнымъ Запискамъ», а собственно своему высокому достоинству; но ихъ чрезвычайный успѣхъ доказываетъ, вопреки увѣреніямъ «Сѣверной Пчелы», что «Отечественныя Записки» хвалятъ только достойное хвалы. Не прошло еще двухъ недѣль послѣ выхода четырехъ томовъ «Сочиненій Николая Гоголя», и уже нѣсколько сотъ экземпляровъ раскуплено нетерпѣливою публикою; эти сочиненія уже столько лѣтъ постоянно хвалятся «Отечественными Записками», и публика, несмотря на то, раскупаетъ ихъ... Какъ теперь согласить эти факты съ упомянутымъ извѣстіемъ «Сѣверной Пчелы»?... Сочиненія Гоголя постоянно унижаются и преслѣдуются бранью и выдумками въ «Сѣверной Пчелѣ», — и, несмотря на то, публика все-таки раскупаетъ ихъ... Кто же теперь index для публики — «Сѣверная Пчела» или «Отечественныя Записки»?...

Затѣмъ, «Сѣверная Пчела» жалуется, что «Отечественныя Записки» несправедливы къ ея издателямъ и сотрудникамъ... Странная жалоба! Это значить жаловаться на то, что «Отечественныя Записки» имѣютъ свой образъ мыслей, свои убѣжденія, свой вкусъ: да кто-жь не имѣетъ права имѣть ихъ? Конечно, жаль, что не всѣ журналы и, особенно, не всѣ газеты имѣютъ мнѣніе, убѣжденіе и вкусъ; но какъ же и ихъ винить за это: чѣмъ виноватъ слѣпорожденный, что родился безъ зрѣнія?... Что «Отечественныя Записки» не могутъ, по совѣсти, хвалить устарѣлыхъ и забытыхъ сочиненій издателей «Сѣверной Пчелы», это очень понятно, это вытекаетъ изъ той же самой причины, по которой «Отечественныя Записки» не могутъ не хвалить, напр., Крылова, Пушкина, Жуковскаго, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова... Мы даже не удивляемся и тому, что «Сѣверная Пчела» не жалуется «Отечественныхъ Записокъ»; этому должно

такъ быть, и это выходитъ изъ той же причины, по которой «Сѣверная Пчела» бранить Пушкина и Гоголя и восхищается сочиненіями своихъ издателей, драмами гг. Полеваго и Ободовскаго, компиляціею Ламбина, романами и повѣстями Фанъ-Дима и проч. Да, это такъ должно быть, и намъ было бы очень прискорбно, еслибы «Сѣверная Пчела» хвалила журналъ нашъ... Мы понимаемъ, что для этой газеты было бы очень пріятно и выгодно, еслибъ «Отечественныя Записки» хвалили сочиненія ея издателей; да для «Отечественныхъ Записокъ»-то это было бы и непріятно и невыгодно: ибо «Отечественныя Записки» пользуются и гордятся репутаціею добросовѣстнаго журнала въ глазахъ образованнѣйшей части читающей русской публики... «А между тѣмъ (продолжаетъ эта газета) сами издатели «Сѣверной Пчелы» и ихъ сотрудники должны терпѣливо сносить всѣ несправедливости, потому что имъ нельзя печатать ничего похвальнаго о собственныхъ трудахъ»--И вслѣдъ за этими строками «Сѣверная Пчела» говоритъ:

«Теперь, напримѣръ, какъ поступили журналы съ новымъ сочиненіемъ Н. И. Греча: *Письма съ дороги?* Сказали ли гг. критики, что *по-русски нѣтъ и не бывало такого основательнаго*, хотя и краткаго описанія Италіи вообще и главныхъ столицъ ея, древняго и новаго Рима, Неаполя и подземной Помпеи съ планами и видами! Сказали ли критики, что ни при одномъ роскошномъ альманахѣ не было такихъ прелестныхъ гравюръ и притомъ двѣнадцать, какъ при этомъ сочиненіи, и что никогда еще за *четыре рубля серебромъ* не предлагали публикѣ столько картинокъ и политипажей!»

Вотъ и неопровержимое доказательство, что «Сѣверная Пчела», по свойственной ей скромности, никогда не хвалитъ сочиненій своихъ издателей!!... Неужели публика «Сѣверной Пчелы» добродушно вѣритъ такимъ увѣреніямъ, не принимая ихъ въ превратномъ видѣ?... Если такъ, то поздравляемъ «Сѣверную Пчелу»,--у ней добрая публика...

Въ томъ же номерѣ той же газеты находится странная

выходка противъ редактора «Нашихъ» за обѣщаніе его въ скоромъ времени напечатать статью: «Русскій фельетонистъ»... Фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» рѣшительно въ ужасѣ отъ обѣщанія редактора «Нашихъ»... Подумаешь, право, что дѣло идетъ о чьей-нибудь жизни и смерти... Да много ли у насъ фельетонистовъ, да они люди отличнѣйшіе, да они не сословіе—взываетъ растерявшаяся «Пчела»...

Есть отъ чего въ отчаяніе придти!

А дѣло очень просто, редакторъ «Нашихъ» хотѣлъ перепечатать изъ «Отечественныхъ Записокъ» (1841 г., Т. XV, отд. «Смѣси») прекрасную статью г. Панаева «Русскій Фельетонистъ» съ политипажами; но г. Панаевъ, не совѣмъ довольный малымъ объемомъ своей статьи, написалъ для «Нашихъ» новую, которая отличается отъ прежней болѣею общностию и вѣрно представляетъ разныхъ русскихъ фельетонистовъ. О чемъ же тутъ вопіять?... изъ чего хлопоты?

Въ 1-мъ № «Сѣверной Пчелы» новаго, 1843 года, помѣщена статейка «Обозрѣніе журналовъ», въ которой опытные знатоки газетной психологіи провидятъ весьма сомнительное состояніе газеты... Въ этой статьѣ, «Сѣверная Пчела» извѣщаетъ, будто-бы «лестная довѣренность къ Сѣверной Пчелѣ побудила многихъ изъ ея постоянныхъ читателей отнести въ ея редакцію письменно, чтобъ редакція извѣстила: на какіе журналы должно подписываться въ наступающемъ 1843 году; но (будто-бы) къ сожалѣнію, редакція не можетъ исполнить этого!!»... Вотъ здѣсь «Сѣверная Пчела» рѣшительно побѣдила насъ: между постоянными читателями «Отечественныхъ Записокъ» нѣтъ ни одного, который бы такъ мало довѣрялъ своему уму и вкусу, чтобы сталъ просить у насъ совѣта, на какіе ему журналы подписываться и на какіе не подписываться... И вотъ «Сѣверная Пчела» начинаетъ совѣтовать «своимъ постояннымъ читателямъ», до небесъ пре-

вознося миѡы русской журналистики — «Сынъ Отечества» и «Русскій Вѣстникъ», находя въ нихъ идеалы всевозможнаго совершенства и только одинъ недостатокъ — неаккуратность въ выходѣ книжекъ (или совершенное прекращеніе выдачи книжекъ, какъ сдѣлалось съ «Русскимъ Вѣстникомъ»). Затѣмъ слѣдуютъ похвалы «Библіотекѣ для Чтенія» и ея редактору, который, по словамъ «Сѣверной Пчелы», «уважаетъ талантъ и заслугу, но если кого не любить, то умалчиваетъ вовсе о его сочиненіи» — вѣроятно, для изъясненія своего уваженія къ таланту и заслугѣ!!... Далѣе расхваленъ «Репертуаръ», а за нимъ — «Экономъ», и вотъ какъ: «Эконома нельзя хвалить Сѣверной Пчелѣ, потому что онъ принадлежитъ одному изъ издателей этой газеты, но публика доказала, что она благосклонна къ Эконому, который такъ усердно печется о хозяйствѣ своихъ читателей, и о кухнѣ ихъ, и о туалетѣ ихъ женъ и дѣтей, и наконецъ о ихъ здоровьѣ, и потому Эконому остается только благодарить публику за вниманіе»... Вотъ скромность, такъ скромность — тутъ уже самохвальства ни на волосъ!... Затѣмъ «Сѣверная Пчела» проситъ публику, подпискою на журналы, «поддержать существованіе», по крайней мѣрѣ, «четырехъ-сотъ семействъ, отъ ветошника до бумажнаго фабриканта, отъ типографскаго наборщика и переписчика до литератора»... Помилуйте, господа! да съ чего вы взяли, что публика обязана пецись о поддержаніи ветошниковъ, бумажныхъ фабрикантовъ, наборщиковъ и переписчиковъ? Публика покупаетъ книги и журналы для собственной пользы и удовольствія, и въ выборѣ книгъ и журналовъ руководствуется своимъ смысломъ и вкусомъ, имѣя въ виду лучшіе, т. е. способнѣйшіе доставить ей пользу и удовольствіе книги и журналы, а совѣмъ не поддержку разнаго рабочаго народа!... Этакъ вы ставите ей въ обязанность покупать всякую печатную дрянъ — отъ книжекъ объ истребленіи клоповъ до спекуляцій на Исторію Россіи и Суворова и до залежалыхъ нравоописательныхъ рома-

новъ выписавшихся старыхъ сочинителей... Въ заключеніе этой курьёзной статейки, «Сѣверная Пчела» проситъ не подписываться на тѣ журналы, о которыхъ въ статейкѣ не упомянуто; а не упомянуто въ ней объ «Отечественныхъ Запискахъ», «Современникѣ» и «Москвитянинѣ» (котораго еще недавно «Сѣверная Пчела» такъ перевозносила). Очевидно, вся эта буря въ стаканѣ воды устремлена на «Отечественныя Записки»,—и если въ этой статейкѣ «Сѣверная Пчела» скрѣпилась и умолчала о нихъ, за то тѣмъ шибче проговорила о нихъ черезъ четыре нумера, какъ о томъ показано ниже.

Фѣльетонъ 6-го № «Сѣверной Пчелы» начинается похвалою первой книжки «Библиотекѣ для Чтенія», которая будто бы «появилась въ свѣтъ въ щегольскомъ розовомъ робронѣ» (вѣроятно оберткѣ), «съ богатымъ ожерельемъ, въ которомъ мы» (т. е. «Сѣверная Пчела») «замѣтили три дорогія отечественныя жемчужины: Пирь—Бенедиктова, Хозяйка, повѣсть Фанъ-Дима и Ломоносовъ, драматическую повѣсть Н. А. Полеваго»... Каковъ восточный слогъ,— право, не хуже «отечественныхъ жемчужинъ», т. е. плохаго на погрешкахъ изысканныхъ фразъ основаннаго стихотворенія, плохой, на бессмысленномъ явленіи безплотнаго духа основанной повѣсти, и плохой, на общихъ избитыхъ мѣстахъ и фразахъ основанной драмы, гдѣ низкій заимодавецъ-старикъ хочетъ насильно жениться на дѣвушкѣ, а Ломоносовъ, ея великодушный женихъ, кстати уплачиваетъ долгъ и кстати женится... За тѣмъ слѣдуютъ подобострасныя похвалы и робкіе упреки «мелкому жемчугу» и алмазамъ «Библиотеки», которая заставила, въ своей «Лѣтописи», плясать Балакирева въ присядку съ «Супружескою Истиною» и о «Письмахъ съ Дороги» г. Греча сказала, что они не новость, потому что были уже напечатаны въ «Сѣверной Пчелѣ». Потомъ идутъ мелкія придирки къ одной ежедневной газетѣ, которая, къ досадѣ «Сѣверной Пчелы», стала несравненно

лучше и интереснѣе ея, преобразовавшись съ новаго года... Послѣ того «Сѣверная Пчела» приступаетъ уже къ главному предмету своей статьи—къ «Отечественнымъ Запискамъ»:

«Чтобъ корабль Р(р)усской Ж(ж)урналистики шелъ плавно по прѣсному морю Р(р)усской С(с)ловесности, на дно корабля, т. е. въ трюмъ, положены тяжелыя Отечественныя Записки. Поль-книги набито мелкимъ шрифтомъ и мелочными сужденіями — ни вѣсть о чемъ! Все *сбито, перемѣшано, надуто и раздута*... и всегдашнее *блюдо*, которымъ въ каждой книжкѣ Отечественныхъ Записокъ подчиваютъ своихъ читателей, *шпикованный*, Θ . Булгаринъ, подъ кисло-горькимъ соусомъ—тутъ какъ тутъ! Но только не тотъ Θ . Булгаринъ, который написалъ до *сорока томовъ* повѣстей, романовъ и отдѣльныхъ статей *), и который издаетъ, вмѣстѣ съ Н. И. Гречемъ, Сѣверную Пчелу, въ теченіе девятнадцати лѣтъ сряду! Нѣтъ, этотъ Θ . Булгаринъ, какъ *ежъ* (?), не дается въ руки встрѣчному и поперечному. У Отечественныхъ Записокъ есть *свой* Θ . Булгаринъ. ихъ собственнаго сочиненія. созданный ими по ихъ духу и разуму» (помилуйте! развѣ по духу и разуму «Эконома», потому что шпиговать зайцевъ и тетеревовъ ёго дѣло), «и этого-то *несчастнаго истукана* Отечественныя Записки ставить ниже г. Кони, Кузьмичева, Орлова, и въ каждой книжкѣ *варятъ, жарятъ, шпикуютъ* — а настоящій Θ . Булгаринъ *и въ усъ себѣ не дуется*... потому что это до него *не касается и не прикасается*».

Остановимся на этомъ. Не понимаемъ, съ чего взяла «Сѣверная Пчела», что «Отечественныя Записки» считаютъ г. Θ . Булгарина однимъ изъ тѣхъ мясныхъ припасовъ, которые и шпикуются, и употребляются на шпигъ?... Не знаемъ также, за что г. Булгаринъ называетъ себя ежомъ, несчастнымъ истуканомъ, варенымъ, жаренымъ, и пр. Еще менѣе понимаемъ, почему «Сѣверная Пчела» думаетъ, что «Отечественныя Записки» занимаютъ поварскимъ дѣломъ, неотъемлемо принадлежащимъ «Эконому», который издается г. Θ . Булгаринымъ!... Не вѣдаемъ, наконецъ, какую разницу находить она между шпигованнымъ, говоря ея словами, г. Θ . Булга-

*) Что превосходить объемомъ труды А. А. Орлова и г. Кузьмичева, вмѣстѣ взятыхъ.

ринимъ и настоящимъ г. Θ. Булгаринымъ: въ 1 № «Отечественныхъ Записокъ» г. Θ. Булгаринъ представленъ такъ, какъ онъ есть—литераторомъ, который дружески хотѣлъ показать г. Полевому, какъ должно пускать въ ходъ книги о Суворовѣ, и литераторомъ, который «уже не воинъ, а писатель»... Все это сказано было «Отечественными Записками» на основаніи собственной статьи г. Θ. Булгарина, помѣщенной въ фельетонѣ 285 № «Сѣверной Пчелы» прошлаго года... Неужели повторить, со всею вѣрностію, чи-нибудь напечатанные уже слова, значить варить, жарить, шпиковать?...

Далѣе фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» (т. е. Булгаринъ же), увѣряя, что онъ не читаетъ «Отечественныхъ Записокъ» (и, полноте шутить!—читаете, да еще какъ!...), заставляетъ своего сотрудника вырвать разныя фразы изъ разныхъ годовъ «Отечественныхъ Записокъ»—фразы дѣйствительно непостижимыя уму ученыхъ издателей «Сѣверной Пчелы». Болѣе всего пострадала отъ ихъ остроумія выписка изъ 2-й части «Фауста» Гёте (Соч. Бѣлинскаго. Ч. V, стр. 37), которую «Сѣверная Пчела», въ простотѣ невѣдѣнія, вѣрно приняла за сочиненіе редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Бѣдный Гёте, досталось же ему! Хорошая газета даже исказила его слова, нападая на какія-то матеріи, тогда какъ у Гёте дѣло идетъ о матеряхъ; но это искаженіе сдѣлано безъ всякаго умысла: «Сѣверная Пчела» просто не поняла въ чемъ дѣло, и по своему обыкновенію называть безсмыслицею и галиматьею все, чтó превышаетъ ея фельетонныя понятія, въ грязь втоптала бѣднаго Гёте. А все оттого, что въ торопяхъ не разсмотрѣла въ нашей статьѣ не однажды повтореннаго имени Гёте и указанія на «Фауста», изъ котораго взято это мѣсто о «царственныхъ матеряхъ», превращенныхъ «Сѣверною Пчелою» въ «царственные матеріи». Она такъ обрадовалась своей неспособности понимать глубокой смыслъ Гёте, или своей способности видѣть безсмыслицу въ идеяхъ Гёте, чтó начала издавать звуки, смыслъ которыхъ дѣйствительно

непостижимъ ни чьему уму, какъ, напримѣръ: «Ай, вай!» и пр. (см. 6 № «Пчелы» 1843). Зачѣмъ бы, кажется, нападать на то, чего разумѣть не дано свыше! Какъ, зачѣмъ? затѣмъ, чтобъ показать свое презрѣніе къ такому плохому журналу, какъ «Отечественныя Записки»! Это стѣдло того, чтобъ перечитывать его за всѣ годы, и въ 1843 году выписывать фразы изъ 1841 года! Право, господа, не мѣшало бы вамъ или лучше скрывать свои настоящія чувства, или ужь не противорѣчить себѣ, увѣряя публику, что вы не читаете «Отечественныхъ Записокъ»! Да не мѣшало бы также вамъ быть поосторожнѣе въ своихъ нападкахъ на нашъ журналъ: вѣдь «Отечественныя Записки» не «Сѣверная Пчела» и не «Экономъ»: находить ошибки въ нихъ можно, но тѣмъ только, кто учился чему-нибудь, знаетъ что-нибудь, кромѣ теоріи шпигованія тетерекъ свинымъ саломъ...

Въ этомъ же фельетонѣ «Сѣверная Пчела» повторила въ тысячу первый разъ, что г. Краевскій «неизвѣстенъ вовсе въ исторіи русской литературы, потому что онъ не написалъ ни одного сочиненія». И это тоже не мѣшало бы оставить, изъ уваженія къ здравому смыслу: кто же повѣритъ вамъ, чтобы въ русской литературѣ былъ неизвѣстенъ человѣкъ, уже седьмой годъ сряду дѣйствующій на поприщѣ русской журналистики и пятый годъ редижирующий такой журналъ, какъ «Отечественныя Записки»?... Правда, онъ не писалъ ни романовъ, ни повѣстей, ни драмъ; но это доказываетъ только, что онъ ни романистъ, ни повѣствователь, ни драматургъ, а совсѣмъ не то, чтобъ онъ не былъ журналистомъ и, слѣдственно, литераторомъ. Всѣ очень видятъ, что вы это хорошо знаете; такъ же, какъ всѣ очень хорошо понимаютъ и ваше равнодушіе, и ваше презрѣніе къ «Отечественнымъ Запискамъ», и то, что вы ихъ совсѣмъ не читаете, хотя и знаете наизусть цѣлыя статьи изъ нихъ; всѣ знаютъ, что вы и вѣдать не хотите о существованіи «Отечественныхъ Записокъ», хотя только объ нихъ и жужжите, и хотя бы-

ваете долго не въ духѣ послѣ выхода каждой книжки этого журнала, безъ умолку толкуете о немъ по выходѣ каждой его книжки и почему-то умолкаете передъ выходомъ слѣдующей...

Въ 5 № «Сѣверной Пчелы» находится блистательное свидѣтельство скромности этой газеты, т. е. того, что она никогда не прославляетъ своихъ издателей. Вотъ чтò, между прочимъ, сказано въ ней при разборѣ «Записокъ артиллеріи майора Михаила Васильевича Данилова»:

«Въ особенности мило описаны дѣтскія лѣта автора; характеристика перваго его учителя, пономаря Брудастаго, экзекуція сѣрой кошки и тетушкинъ объѣмъ съчь дворню за шалости своего племянника — описаны превосходно (*характеристика учителя описана превосходно* — по каковски это?)... Эти страницы живо напоминаютъ намъ *Ивана Выжигина*, который двинулъ всю литературную Русь на поприщѣ (*е*) *романовъ*. Браги Булгарина могутъ его осыпать всѣми возможными субъективными стрѣлами міровой своей критики, но заслугъ его никогда не отнимуть, не помрачатъ. Полемика исчезнетъ, факты останутся. *Иванъ Выжигинъ* былъ первый (*послѣ «Бурсака» и «Двухъ Ивановъ» Нарѣжнаго*, — прибавимъ мы отъ себя) нашъ *Р(р)усскій романъ*, и дай Богъ, чтобъ послѣдователи Булгарина писали такіе же романы (вотъ ужъ это бесполезное во всѣхъ отношеніяхъ желаніе!). Вотъ новое доказательство всей естественности, всей истины разсказа Булгарина (гдѣ же доказательство? — въ «Сѣверной Пчелѣ»!!!)... Дѣтство маіора Данилова описано съ тѣмъ же простодушіемъ, чистосердечіемъ и увлекательностію (должно быть съ *тѣмъ же*, если сама «Сѣверная Пчела» увѣряетъ: ей лучше знать все, чтò касается до ея издателя). Авторъ Выжигина не могъ знать Записокъ Данилова, а одинаковыя положенія должны были родить одинаковыя идеи».

Но чтò же общаго между забытымъ сатирическимъ романомъ и «Записками Данилова», кромѣ того, что то и другое писано русскими, а не греческими буквами? Если съ чѣмъ-нибудь есть общее у «Ивана Выжигина», такъ это съ сатирическимъ же романомъ А. Измайлова: «Евгеній или Пагубныя Слѣдствія дурнаго воспитанія и общества». Хотя этотъ

романъ напечатанъ въ 1799 году, но по сатирическому направлению и таланту сочинителя, онъ какъ разъ приходится въ родные батюшки «Ивану Выжигину», и надо сказать, что сыночекъ уродился въ отца, а не въ проѣзжаго молодца, хотя и воспитанъ въ собачьей конурѣ.

Преобразование одной ежедневной политической газеты, совершившееся въ нынѣшнемъ году и много улучшившее эту газету, пробудило спящее соревнованіе «Сѣверной Пчелы»: она призвала къ себѣ на помощь, по части театальной критики, одного знатнаго сочинителя, написавшаго до сотни томовъ романовъ для публики толкучаго рынка, а по части критики литературной, одного пережившаго свою славу литератора, который только и дѣлаетъ, что хоронитъ одинъ журналъ за другимъ, стараясь поднять ихъ на ноги. Этотъ вольнопрактикующій журнальный врачъ дебютировалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 2) слѣдующею многозначительною фразою: «Содержаніе (повѣсти графа Соллогуба) взято изъ большаго свѣта. Зная область его (т. е. большаго свѣта) только по наслышкѣ, мы готовы спросить: неужели такъ бываетъ въ большомъ свѣтѣ?» Слава Богу! Давно бы такъ пора! Послѣ этого добровольнаго признанія, которое, паче всякаго свидѣтельства, есть надежда, что «Пчела» перестанетъ толковать о дурномъ и вышемъ тонѣ и нападать, за сальности и неприличіе, на Гоголя, котораго читаетъ большой свѣтъ, не види въ немъ ни сальностей, ни неприличія ..

Въ 1 № «Москвитянина» за 1843 годъ, въ статьѣ «Критическій перечень произведеній Р(р)усской С(с)ловесности за 1842 годъ», находится слѣдующее оригинальное сужденіе о г. Бенедиктовѣ, достойное быть сохраненнымъ для потомства:

«Несмотря на своихъ враговъ, онъ (г. Бенедиктовъ) остается всегда отмѣченъ (?) своею яркою особенностію въ Р(р)усской лирической П(п)оэзіи. Главная черта его лиры (черта лиры...) *по нашему мнѣнію*

есть мысль, глубоко лежащая въ каждомъ изъ лучшихъ его произведеній, и растворенная часто, особенно прежде, теплотою душевною, въ отношеніи къ сліянію мысли и чувства (?!), М(м)уза Бенедиктова имѣеть большое родство съ М(м)узою Шиллера, которая произвела на нее сильное вліяніе. Справедливо упрекали Бенедиктова въ изысканности выраженія, въ чемъ можно упрекнуть и славнаго Н(н)ѣмецкаго лирика; но никто не отниметь у него особенности его стиха и звука, которыхъ онъ ни у кого не занялъ».

И такъ, дѣло рѣшено: г. Бенедиктовъ—Шиллеръ, г. Ленскій — Беранже и проч... Послѣ этого, сравненіе Гоголя съ Гомеромъ ужь не должно казаться нелѣпостію...

Въ какомъ-то миѳическомъ петербургскомъ журналѣ была, сказывали намъ, напечатана басня «Крысы»; къ удивленію нашему, эта же басня перепечатана въ № XII «Москвитянина» за 1842 годъ. Изъ этого мы заключили, что какъ остроумный сочинитель, такъ и редакторы обоихъ журналовъ, придають большое значеніе этой баснѣ. Чтобъ доставить вѣщнее наслажденіе всѣмъ имъ, перепечатываемъ басню и для нашихъ читателей:

Въ книгопродавческой обширной кладовой,
Среди печатныхъ книгъ, уложенныхъ стѣной,
Прогрызли какъ-то изъ подполья
Лазейку крысы для себя,
И поживиться всѣмъ любя,

Нашли довольно тутъ и пища, и приволья.

Не знаю, какъ печать,
Учились крысы разбирать;
Но дѣло въ томъ, онѣ, какъ знали,
Стихотворенія читали,
Поэзію зубами рвали,
И начали судить, рядить,
Поэтовъ, какъ котовъ бранить,
И на Державина напали.

Одна безхвостая на полку взобралась:

Давно у этой забіяки
Отгрызли хвостъ *собаки*,
Но крысъ учить она взялась.

«Державинъ былъ талантъ для всѣхъ временъ великій!
«Великій онъ поэтъ лишь для своей норы,
 «А не для нашей онъ норы;
 «Для насъ пѣвецъ онъ полудикій!
 «Для насъ — поэзіи въ немъ нѣтъ;
 «Для насъ едва ли онъ какой-нибудь поэтъ;
 «Для насъ все мертво въ немъ, скажу чистосердечно.
 «Не наша то вина, и не его, конечно,
 «Мы не винимъ его, а судимъ лишь о немъ;
 «Пусть судятъ же и насъ путемъ!...»

Такую крыса рѣчь и долго-бъ продолжала,
Но гряда книгъ, свалясь, безхвостую прижала;
Она пищить, скребеть... котъ Васька близко былъ
 И судъ по формъ совершилъ.
Литературныхъ крысъ я наглости дивился;
Знать Васька котъ запропастился.

Въ 35 № «Сѣверной Пчелы» превозносится до небесъ плохая драма г. Полеваго «Ломоносовъ», и, по обыкновенію, съ ожесточеніемъ порицаются «Отечественныя Записки» за то, что онѣ говорятъ правду о новомъ драматическомъ издѣліи г. Полеваго. «Не знаемъ, чему дивиться (восклицаетъ «Сѣверная Пчела»), храбрости ли Отечественныхъ Записокъ, которыя, вопреки истинѣ и общему мнѣнію, стремятся унижать достоинства писателей, не принадлежащихъ къ ихъ партіи, или терпѣнію публики!» Въ самомъ дѣлѣ, нужна особенная храбрость, чтобъ смѣть сказать правду о такомъ великомъ національномъ геніи, какъ г. Полевой! По нашему мнѣнію, гораздо больше нужно было храбрости разругать седьмую главу «Онѣгина», превознося до небесъ первыя шесть главъ его; но «Сѣверная Пчела» и это сдѣлала. Нужно было также довольно смѣлости, чтобъ разругать и лучшее произведеніе г. Загоскина «Юрій Милославскій», а потомъ хвалить слѣдовавшіе за нимъ посредственные его романы; но «Сѣверная Пчела» и это сдѣлала. Еще больше нужно смѣлости, чтобъ въ одномъ номерѣ газеты назвать «Уголино» г. Полеваго

пiесой равною по достоинству съ драмами Шиллера, а через три дня, въ той же газетѣ, поставить ее хуже всего худаго, оправдываясь передъ публикою въ первомъ отзывѣ кумовствомъ, samaraderie?... Но чтобъ сказать правду о какомъ-нибудь поставщикѣ дюжинныхъ драмъ—для этого не нужно никакой храбрости, и какъ не хлопочетъ «Сѣверная Пчела», а изъ нашихъ отзывовъ объ издѣліяхъ драматической «тли» никогда не удастся ей сдѣлать страшнаго литературнаго преступленія...

—

Въ фѣльтонѣ того же знаменитаго нумера (35) «Сѣверной Пчелы», оканчивающагося апоѳозозю блиновъ въ екатерингофскомъ воксалѣ и въ кафе-ресторанѣ Беранжѣ, есть еще двѣ прекуръзныя диковинки. Фѣльтонистъ, превознося до небесъ, вмѣстѣ съ блинами, и «Ломоносова» г. Полеваго, упрекаетъ его только за характеръ Тредьяковскаго, и на какомъ бы—думали вы—основаніи? Послушайте самого фѣльтониста: «Точно ли былъ таковъ Тредьяковскій? Правда ли, что писалъ о немъ Ломоносовъ и другіе враги? Чтѣ бы было, еслибы потомство стало судить объ авторахъ (не сочинителяхъ ли?), напримѣръ, по сужденіямъ «Отечественныхъ Записокъ». — Вотъ, по истинѣ, странное описаніе! Ужъ не боится ли г. фѣльтонистъ, чтобы его нѣкогда не вывели въ какой-нибудь «драматической повѣсти»? Или, не думаетъ ли онъ, что кто-нибудь можетъ замаскироваться отъ потомства, когда онъ знаетъ, что и для современниковъ не такъ-то легко ходить долго подъ маскою? Державинъ сказалъ великую истину и высокую мысль въ этихъ стихахъ:

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться!

Вторую куръзную вещь въ этомъ фѣльтонѣ тоже выпи-
сываемъ цѣликомъ:

«Пропала русская пословица: «по платью встрѣчаютъ, по уму проважаютъ!» Теперь ни до платья, ни до чужаго ума никому нѣтъ дѣла, если вашъ умъ не нуженъ другимъ для спекуляцій! Теперь собесѣдниковъ выбираютъ по адресъ-календарю или по биржевымъ извѣстіямъ, а не по уму и любезности. А то ли было въ XVIII вѣкъ? *Что было бы съ авторомъ, котораго піеса имѣла бы такой блистательный успѣхъ, какъ Ломоносовъ Н. А. Полевого!* Вспомнимъ о Сумароковѣ, Фонѣ-Визинѣ, Аблесимовѣ и многихъ другихъ».

Объ Аблесимовѣ, на этотъ счетъ, мы ничего не помнимъ; а о Сумароковѣ хорошо помнимъ, что онъ, по своему раздражительному сочинительскому самолюбію, былъ въ обществахъ не очень лестно принятъ. Фонѣ-Визинъ—совсѣмъ другое дѣло: это былъ не только умный, острый и образованный человѣкъ, но и литераторъ честный...

Давно уже слышимъ мы, что въ «Петербургѣ» издается какой-то журналъ подъ именемъ «Маяка», и желали, изъ любопытства, видѣть его: по справкамъ оказалось, что это чрезвычайно трудно, и мы принуждены были отказаться отъ своего желанія,—какъ вдругъ 24-й номеръ «Сѣверной Пчелы» снова возбудилъ въ насъ желаніе удостовѣриться въ существованіи миѳическаго журнала. На этотъ разъ, случай помогъ намъ неожиданно достать январскую книжку «Маяка» на 1843 годъ,—и при всей нашей недовѣрчивости къ «Сѣверной Пчелѣ», мы увидѣли, что все, сказанное въ ней (№ 24) о «Маякѣ»—сухая правда, не выдумка. Перелистовавъ эту книжку, мы тотчасъ увидѣли, что это журналъ «для немногихъ», и тотчасъ поняли, почему не могли такъ долго убѣдиться собственными глазами въ его существованіи. Между прочими диковинками—представьте себѣ, какой-то г. Мартыновъ общается Степану Онисимовичу, издателю «Маяка», подробный обзоръ стихотвореній А. С. Пушкина. Предвидя удивленіе многихъ, что какой-то господинъ Мартыновъ общается лучше всѣхъ бывшихъ и настоящихъ критиковъ оцѣнить Пушкина, онъ (т. е. г. Мартыновъ) говоритъ:

„Лѣтописи грамотности или словесности, по вашему—литературы, представляютъ каждому изъ насъ убѣдительныя доказательства того, что самыя извѣстныя и знаменитыя цѣнители чужихъ произведеній часто впадаютъ въ непростительныя промахи: или слишкомъ заговариваются, или многое не договариваютъ, или многое переговариваютъ; между тѣмъ какъ люди, дотолѣ неизвѣстные, являются на сцену письменности съ ясными, прямыми и вѣрными взглядами на вещи этого рода, безъ малѣйшаго посягательства на *высшія точки зрѣнія*, и прославленный отъ современниковъ писатель предстаетъ передъ *потомство съ оцѣнанными мѣрами*“ (Крит., стр. 24).

По мнѣнію г. Мартынова, всѣ критики, хвалившіе Пушкина, и пристрастны, и поверхностны; судя по этому и по другимъ фразамъ статейки г. Мартынова, видно, что онъ рѣшился общипать Пушкина не на шутку. Г. Мартыновъ говоритъ правду, что нѣтъ дѣла до извѣстности или неизвѣстности критика, лишь бы онъ дѣльно критиковалъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы какой-нибудь господинъ, хотя бы то былъ самъ г. Мартыновъ, не сдѣлавъ дѣла, а только посуливъ его, уже имѣлъ право расхвастаться имъ, какъ великимъ подвигомъ, и утверждать храбро, что всѣ критики заблуждались, а одинъ онъ попалъ на истину. Но въ «Маякѣ» этотъ тонъ принять, какъ видно, за основаніе изданія: имъ такъ и дышать всѣ статьи его. Г. издатель «Маяка» (если не ошибаемся, г. Бурачекъ) въ отвѣтъ на литературное хвостовство г. Мартынова, говоритъ, что для нашей литературы насталъ вѣкъ мишурности, что Батюшковъ былъ предвѣстникомъ, а Пушкинъ основателемъ и утвердителемъ этой мишурности; что противъ нея теперь ратуютъ, елико силъ хватаетъ «Маякъ», «Сынъ Отечества» и «Москвитянинъ», а прочіе журналы горой стоятъ за нее!... Боже великій, чтѣ это такое?... Но погодите—то ли еще впереди! «Сыну Отечества» «Маякъ» воздаетъ полную похвалу, какъ достойному его сподвижнику; но «Москвитяниномъ» онъ только вполонину доволенъ. «Москвитянинъ»—видите ли—противорѣчить самому себѣ, съ одной стороны утверждая, что рус-

ская литература должна свергнуть съ себя вліяніе лукаваго и буйствомъ разума омраченнаго Запада и быть самобытною и оригинальною; а съ другой стороны, утверждаетъ, что «Мертвыя Души» Гоголя — великое произведеніе, что Пушкинъ—великій поэтъ, и что Западъ образованнѣ насъ.

«Въ чемъ (воскликаетъ въ рыцарскомъ негодованіи нашъ восточный витязь)? въ вязкѣ блондовъ (блондъ?), въ развлеченіяхъ и услажденіяхъ жизни, въ желѣзныхъ дорогахъ, операхъ — въ роскоши—*пожалуй*; но въ любви къ Богу, въ добродѣтели, въ семейности, въ сердечной, духовной образованности, что безконечно важнѣе и труднѣе—Русскіе всегда были и есть выше Запада» (стр. 30).

Далѣе, издатель «Маяка» восклицаетъ: «Добрые Русскіе! вы всѣ согласны, что пора намъ бросить чужое и возвратиться къ своему?» и такъ заставляетъ добрыхъ Русскихъ отвѣчать ему: «Да, да, мы всѣ согласны. Это хорошо. Давайте свое, свое, русское, родное! ура!» (стр. 31). «Стало быть, и Пушкинъ мишурникъ?» спрашиваютъ хоромъ добрые Русскіе г. издателя «Маяка»: «Какъ смѣть! мировой поэтъ! народный гений! краса и столбъ нашей литературы!»... Но издателя «Маяка» нельзя сбить съ толку цѣлому хору добрыхъ Русскихъ, — и онъ, ни мало не запинаясь, отвѣчаетъ такъ:

— «Добрые Русскіе! вѣдь это все пока *порожнія* рѣчи, слова — слова — слова! взгляды въ дѣло: разберемте Пушкина: вотъ г. Мартыновъ предлагаетъ вамъ свой исполнскій трудъ: выслушаемте его спокойно, не горячася, посудимъ, потолкуемъ, — убѣдимся и положимъ: «быть тому такъ»; всѣ заблуждались въ словесности, *всѣ поголовно*, и производители, и потребители. Кого же винить?—ложный духъ времени! Кому краснѣть — никому или всѣмъ: а на *модяхъ* не только смерть, и *стыдъ красенъ*. Смиримъ же свою неумѣстную гордость, отринемъ свою мнимую непогрѣшительность, падшими челоуѣками и, подъ такимъ назидательнымъ урокомъ милующей разъ и навсегда перестанемъ повторять *порожнія* рѣчи!» (стр. 32).

Вотъ ужъ подлинно порожнія рѣчи! Какъ бы хорошо было, для чести здраваго смысла и русской литературы, еслибы онъ

перестали повторяться! И что за милый, наивный и патриархальный тонъ, что за короткость съ добрыми Русскими? Хорошо еще, что эти «добрые Русскіе» не слышатъ такихъ «порожнихъ» рѣчей! Видите ли: соберемтесь-ка вкупѣ и влюбѣ, сядемъ кругомъ г. Мартынова, читающаго намъ свой исполнскій трудъ, состоящій изъ порожнихъ рѣчей,— да не горячася, спокойно,— и сознаемся въ ничтожествѣ, или, нѣтъ бишь—въ мишурности нашего великаго поэта и въ собственной глупости, да, по старинному обычаю, и ударимъ челомъ, не боясь запачкать его въ грязи, премудрому г. Мартынову, наведему насъ такъ легко и скоро на умъ-разумъ... Встати ужъ за-одно въ смиреніи сердца повалается въ ногахъ и у новаго великаго муфтія російской словесности, г. издателя «Маяка», что онъ растолковалъ намъ, невѣждамъ, что Пушкинъ не болѣе, какъ флигельманъ русской литературы, которая доселѣ повторяетъ его «мишурные артикулы» (стр. 32),—и только попросимъ, чтобы онъ, нашъ литературный муфтіи, смиловался, удержалъ порывъ своего мусульманскаго фанатизма, помня пословицу: гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость!... Ну, добрые Русскіе! гаркнемъ же дружно и велегласно: помилуй, отецъ и командиръ, впередъ, право, не будемъ! Убѣдимся, вразумимся и дружно примемся лѣчиться!...

И это литература?... Но что жъ тутъ огорчаться: вѣдь это литература подземная,—задній дворъ литературы... Однакожъ, интересно знать, что разумѣютъ эти господа подъ «народностию» русской литературы и какія средства почитаютъ они необходимыми для того, чтобы наша литература сдѣлалась народною. Скучно выписывать, а дѣлать нечего, если ужъ начали. И такъ, слушайте «добрые Русскіе»:

«Давайте выражать русское горячее *чувство*, мудрое *знаніе* и *силу* богатырскую души, — живымъ, кипучимъ, роднымъ, народнымъ, маленько мужицкимъ словомъ... Что же, господа (надобно бы ребята или братцы)?... Да гдѣ же вы?... Куда жъ вы разбѣжались?..»

Надобно сказать, что вся эта галиматья изложена въ видѣ

спора между «Маякомъ» и «Москвитяниномъ». Изъ чего же спорятъ сіи достойные сподвижники? За что вооружился «Маякъ» на «Москвитянина»? Имъ-то ужь совсѣмъ бы не слѣдовало ссориться. По таковы люди! Это еще только перемолвочка— милые бранятся, только тѣшутся; а то бываютъ какія страшныя ссоры между (выражаясь маленько мужицкимъ слогомъ) закадышными друзьями!... Гоголь превосходно изобразилъ примѣръ такихъ разрывовъ самой пламенной дружбы въ лицѣ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича... Главная разница въ характерахъ сихъ достойныхъ друзей состояла въ томъ, что Иванъ Ивановичъ былъ чрезвычайно тонкій и разборчивый на слова человѣкъ; а Иванъ Никифоровичъ любилъ иногда вернуть въ разговоръ маленько мужицкое словцо... Это и было причиною вражды, смѣнившей ихъ дружбу...

Любопытно и поучительно слѣдить за процессомъ возрстанія какой бы ни было большой славы. Никакая слава не дается даромъ: ее надо взять съ бою. Люди не охотно признаютъ превосходство надъ собою одного человѣка, и готовы ревновать даже такому успѣху, который, собственно для нихъ, не имѣетъ никакой цѣны. Вотъ почему иногда глупецъ, незнающій грамотѣ, громче другихъ кричитъ противъ литературной славы, потому только, что она—слава. Но кромѣ безсознательной толпы есть еще особенный родъ непримиримыхъ враговъ литературной славы, которыхъ обязанность и назначеніе именно въ томъ и состоитъ, чтобы сдѣлать цѣннѣе вѣнокъ ея: сюда принадлежатъ маленькіе таланты съ большимъ самолюбіемъ, разная посредственность, для мелкаго эгоизма, которой всякій успѣхъ есть личная, кровная обида. Эта моль и тля враждебная всякой знаменитости, вѣчно воюетъ и грызется между собою; но при видѣ знаменитости, словно по инстинкту, дѣйствуетъ согласно и дружно. Взаимное истребленіе у нея идетъ довольно успѣшно: поле битвы покрывается трупами,—и изъ этихъ гнѣющихся труповъ возникаетъ новая

моль, новая тля, и эта исторія повторяется безконечно. Но истребленіе истинной славы никогда не удастся этой завистливой породѣ насѣкомыхъ: мухи на время могутъ запачкать картину генія;

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Но моли, тлѣ, мухамъ и подобнымъ тому дряннымъ насѣкомымъ довольно и того, если имъ удастся хоть на минуту затемнить славу и на время помѣшать ея успѣхамъ, чтобы между тѣмъ, подъ-шумокъ, пока общественное мнѣніе еще не установилось отъ своего нерѣшительнаго колебанія, воспользоваться крохами отъ убогой трапезы своей бѣдной извѣстности. Забавно смотрѣть, когда эта тля, видя, что дѣло славы уже совершилось, теряется въ отчаяніи, сбивается съ плана своей атаки: то, желая казаться безпристрастною въ глазахъ толпы, уже не позволяющей ей обманывать себя, лукаво хвалить знаменитость, то, вновь приходя въ безсильную ярость отъ глубоко уязвленнаго самолюбія, изступленно бранью изобличаетъ притворство своихъ предательскихъ похвалъ. Это часто случается во всякой литературѣ, гдѣ есть дюжинные таланты, есть посредственность, и гдѣ, между ними, возникаетъ иногда могучій талантъ...

—

Кстати: чтò дѣлается въ нашей литературѣ? Увы, она предчувствуетъ весну, несмотря на зимній холодъ и снѣгъ, которые такъ некстати превратили весну въ зиму, — предчувствуетъ весну—и начинаетъ погружаться въ свою обычную летаргію, которая продолжится до послѣднихъ дней осени. И такъ, остаются одни журналы, которые, такъ и сякъ, но все же бодрствуютъ въ продолженіе цѣлаго года. Чтò же новаго въ журналахъ? — Самая послѣдняя и самая забавная новость въ нихъ—это рецензія «Библіотеки для Чтенія» на

изданіе сочиненій Гоголя, въ четырехъ томахъ. Эта рецензія особенно замѣчательна тѣмъ, что, за исключеніемъ немногихъ умышленно и неумышленно - ложныхъ взглядовъ, выраженныхъ неприлично бранчивыми фразами; о самихъ сочиненіяхъ почти ничего не сказано, а между тѣмъ, рецензія довольно длинна. О чемъ же говорится въ ней? О томъ, что Гоголь зазнался, подчиняясь прискорбному ослѣпленію самолюбія; что его понятія о своемъ значеніи въ искусствѣ «раздувались» болѣе и болѣе; что надобно же будетъ, рано или поздно, его «колоссальному тщеславію» подать въ отставку отъ «потѣшнаго» званія «перваго поэта нашего времени» за «неспособностью къ этому званію» и за «ранами, нанесенными самолюбію» (чьему?—не сказано въ рецензіи, но должно думать, что самолюбію рецензента «Библиотеки»); что ему, рецензенту, иногда становится страшно, чтобы, для большаго эффекта, Гомеръ Второй (т. е. Гоголь) не закололся, и тому подобное... Все это не выдуманно и нисколько не преувеличено нами: все это напечатано въ «Литературной Лѣтописи» «Библиотеки для Чтенія» за мартъ нынѣшняго года. Мы сочли необходимымъ подобное увѣреніе съ нашей стороны, что фразы «Библиотеки» переданы нами вѣрно, безъ искаженія и безъ преувеличенія: читая ихъ, мы не вѣрили собственнымъ глазамъ, а когда убѣдились, что наши глаза, не обманываютъ насъ, то не шутя стали бояться, чтобы «почтеннѣшій» рецензентъ, для большаго эффекта, не закололся: ибо подобныя фразы явно обнаруживаютъ разстройство, вслѣдствіе сильнаго припадку отчаянія. Къ какой стати, мѣсто разбора сочиненій автора, толковать о его самолюбіи, дѣйствительности котораго, къ довершенію всего, еще и доказать нечѣмъ? «Вечера на Хуторѣ» Гоголю кажутся менѣе заслуживающими вниманія публики, чѣмъ позднѣйшія его произведенія: если и допустить, что онъ ошибается, то гдѣ же тутъ самолюбіе? Развѣ смотрѣть ошибочно на свои произведенія— все равно, что увлекаться тщеславіемъ? Да и кто далъ право

рецензенту «Библиотеки» на цензорство нравовъ писателей? Если онъ видитъ въ себѣ идеальскія скромности, при огромномъ талантѣ — передъ нимъ: онъ можетъ, сколько ему угодно, любоваться своими нравственными совершенствами, одному ему извѣстными; но пусть удержится отъ «скромнаго» стремленія называть печатно извѣстнаго писателя зазнайкою, хвастуномъ, помѣшаннымъ отъ самолюбія, и т. п. Такія замашки обнаруживаютъ явно безпокойство и смущеніе духа! Мы знаемъ, что рецензентъ «Библиотеки» никогда не отличался эстетическимъ вкусомъ, мы помнимъ, что онъ бранилъ Пушкина и превозносилъ г. Тимофеева, поставилъ ѳи во что лучшее произведеніе Лажечникова—«Ледяной Домъ» и превозносилъ до небесъ плохой романъ г. Степанова—«Постоялый Дворъ»; съ презрѣніемъ отзывался объ историческихъ романахъ Вальтеръ-Скотта—и провозгласилъ г. Кукольника великимъ гениемъ... И такъ, нисколько не удивительно, что сочиненія Гоголя недоступны, по своей высотѣ, для вкуса и разумнѣя рецензента «Библиотеки», и еслибы его сужденія о нихъ происходили только изъ безвкусіи и незнанія въ дѣлѣ изящнаго, то мы и не обратили бы на нихъ никакого вниманія, снисходительно позволяя ему судить и рядить по крайнему его разумѣнію. Но нѣтъ! Въ его бранчивыхъ приговорахъ, кромѣ безвкусіи и невѣдѣнія, выказывается еще и худо скрываема враждебность, какое-то ожесточеніе противъ таланта Гоголя. Люди неимѣющіе эстетическаго вкуса и эстетическаго образованія, могутъ находить, на примѣръ, комедію Гоголя «Женидьба» слабою, неудачною, если хотите; но никто изъ людей грамотныхъ не скажетъ, чтобы въ ней не было смысла. Что касается до «Разъѣзда», это превосходное произведеніе обратило на себя общее вниманіе и общія похвалы и друзей и недруговъ таланта Гоголя; а рецензентъ «Библиотеки» смѣло утверждаетъ, что нелѣпѣ этой піесы міръ ничего не производилъ... Нѣтъ! какъ бы ни старался рецензентъ увѣрять насъ въ своемъ безвкусіи и невѣдѣніи, — мы повѣримъ ему

только на половину, а другую отнесемъ къ раздражительности глубоко оскорбленнаго самолюбія, которое сознало наконецъ бѣдность своего авторскаго дарованія. И, конечно, Гоголь былъ виною этого сознанія, равно какъ и того, что «Дѣва Чудная», которую сочинитель обѣщалъ, болѣе года назадъ тому, кончить и издать особою книгою, не являлось въ свѣтъ... Послѣ Гоголевскаго юмора, трудно имѣть свой юморъ, а послѣ «Миргорода», повѣстей въ родѣ «Шинели», романа въ родѣ «Мертвыхъ Душъ», кто же улыбнется при чтеніи «Фантастическихъ Путешествій» барона Брамбеуса и его повѣстей, гдѣ мандаринши ищутъ у себя блохъ и подробныя тому грубыя сальности издають отъ себя свой особенный запахъ?... Нѣтъ, прошла, давно прошла пора авторскаго и юмористическаго гарцованія для сочинителей въ родѣ барона Брамбеуса! Конечно, въ этомъ, опять-таки, виноватъ Гоголь же, но, какъ говорить пословица, безъ вины виновать. Забавнѣе всего нападки рецензента «Библиотеки» на грязныя картины въ сочиненіяхъ Гоголя: подумаешь, дѣло идетъ о повѣстяхъ барона Брамбеуса... Особенно возмущаетъ нашего благовоспитаннаго рецензента то, что герои Гоголя «сморкаются, чихаютъ» и «падаютъ», и что они ругаются «канальями, подлецами, мошенниками, свиньями, свинтусами и оетюками»... Все это кажется ему особенно несомвѣстнымъ съ идеею поэмы: видно, что эту идею онъ вычиталъ изъ пѣніи г. Толмачева или г. Георгіевскаго, гдѣ поэмы предписано сочинять непременно стихами и непременно «высокимъ слогомъ». Должно быть, ученому рецензенту не извѣстно, какъ въ поэмѣ поэмъ—«Илліадѣ» не только люди, но и боги ругаются другъ съ другомъ не лучше героевъ повѣстей Гоголя: такъ; напримѣръ, въ XXI пѣсни, Арей называетъ Палладу «наглою мухою», а Гера-богиня Артемиду-богиню—«безыдною псицею», или, говоря проще—«сукою». Скажутъ: это недостатки поэзіи грубыхъ временъ: старыя пѣсни! не недостатки, а вѣрное изображеніе современной дѣйствительности, съ ея

бытомъ и ея понятіями! Г. Полевой выдумалъ съ горя называть юморъ Гоголя «малороссійскимъ жартомъ»; рецензентъ «Библиотеки», во всемъ другомъ несогласный съ г. Полевымъ, съ радостію подхватилъ это слово «жартъ», — и вышла нелѣпость; ибо малороссійскій глаголь «жартовать» значитъ — любезничать съ женщинами, слѣдовательно, слово «жартъ» не имѣетъ никакого соотношенія съ понятіемъ о какомъ бы то ни было юморѣ — малороссійскомъ, или великороссійскомъ... Очень забавно также видѣть, какъ старается рецензентъ прикрыть неблаговидныя чувства свои къ таланту Гоголя противорѣчащими брани похвалами: изъ Поль-де-Коковъ онъ уже произвелъ его въ Диккенса, «Вечера на Хуторѣ» похваливаетъ, «Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ» находитъ художественнымъ созданіемъ, съ похвалою отзывается о «Тарасѣ Бульбѣ», въ его первобытномъ видѣ, но для того, чтобы тѣмъ больше унизить это произведеніе, вновь передѣланное авторомъ. И въ то же время, всѣ эти повѣсти, въ глазахъ нашего рецензента не болѣе, какъ анекдоты!... Какъ все это мелко и ничтожно!

—

Новое доказательство старой истины—что худо рассчитанные удары бьютъ по воздуху, или задѣваютъ самого же бойца,—представляетъ собою и наша журнальная кумушка «Сѣверная Пчела». Мы думали, что послѣ выхода 3-й книжки «Отечественныхъ Записокъ» она догадается, что пора ей замолчать, и мысленно уже прощались съ нею. Но привычка къ брани и мелочнымъ придирамъ—вторая природа для этой достолюбезной газеты,—и вотъ она снова придирается къ «Отечественнымъ Запискамъ». Заговаривать съ нею мы никогда не были и не будемъ намѣрены; но отвѣчать ей положили себѣ за неизмѣнное правило. Въ 52 № своемъ, умолчавъ о томъ, что разсердило ее въ 3-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», «Сѣверная Пчела», ни съ того, ни съ сего, какъ муха вокругъ огня, засуетилась около нашей статьи о

Державинъ и... опалила себѣ крылья. Выдергивая тамъ и сямъ отдѣльныя фразы изъ нашей статьи, «Сѣверная Пчела» прибавляетъ къ нимъ остроумныя восклицанія собственнаго изобрѣтенія, и думаетъ, что она говоритъ дѣльно, остро и доказательно. Давно ли она говорила, что Державинъ перейдетъ къ потомству съ слишкомъ легкою ношею? а теперь, чтобы только противорѣчить «Отечественнымъ Запискамъ», рассуждаетъ о Державинѣ уже совершенно другимъ тономъ—именно тономъ піитикъ гг. Толмачева, Греча, Плаксина, Георгіевскаго и подныхъ имъ. Державина идеи, говоритъ она, не для своего только времени, но всегда хороши, ибо онъ воспѣвалъ добродѣтель и истину. Прекрасно; но вопросъ заключается не въ одномъ томъ, что воспѣвалъ, но еще и какъ воспѣвалъ. Лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить стихи Державина же о безсмертіи души, выписанные въ статьѣ «Сѣверной Пчелы»: мысль стиховъ прекрасна и истинна, а стихи изъ рукъ вонъ—плохи. И потому стиховъ читать теперь никто не станетъ; слѣдственно, и мысли ихъ не узнаетъ. Надергавъ нѣсколько фразъ изъ разныхъ мѣстъ большой статьи, не мудрено найти между ними противорѣчіе, особенно при явномъ желаніи найти его во что бы ни стало: поэтому, мы не будемъ спорить съ «Сѣвальною Пчелою» объ этомъ предметѣ. Какъ понимаетъ, или какъ хочетъ понимать она все, касающееся до «Отечественныхъ Записокъ»,—видно изъ того, что смѣшную пародію на пьяно-студентскіе стихи, напечатанную въ Смѣси «Отечественныхъ Записокъ», приняла она за настоящіе стихи!... Впрочемъ, можетъ быть, она сдѣлала это и безъ умысла, въ простотѣ ума и сердца: вѣдь не всякому же дано понимать иронию, и есть много людей, которые все понимаютъ только въ буквальномъ смыслѣ, даже если ихъ увѣряютъ, что они необыкновенно умны... Наконецъ «Сѣверная Пчела» всѣ эти мелкія придирки повершаетъ формальною выдумкою, какъ доказательствомъ своего безсилія. Въ «Отечественныхъ Запи-

скахъ» 1840 года (т. X, отд. V, стр. 29—30) было сказано, что послѣ Лермонтова, изъ современныхъ живыхъ поэтовъ (гг. Кукольника, Бенедиктова, Бернета, Красова и проч.) «поэзія Кольцова есть не современно важное, но безотносительно примѣчательное явленіе» и что «никого изъ явившихся вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него нельзя поставить съ нимъ на ряду». И что же? «Сѣверная Пчела» увѣряетъ, будто мы Кольцова поставили выше Гомера, Данта, Шекспира, Пушкина, Гоголя!... Вотъ до чего дошла эта жалкая газета: она перечитываетъ старые годы «Отечественныхъ Записокъ», чтобы переиначивать изъ нихъ фразы и навязывать имъ нелѣпости, которыхъ онѣ и не думали говорить!...

Въ 57 № той же газеты г. Булгаринъ сравниваетъ себя съ Сократомъ, въ котораго одинъ Аѳинянинъ бросилъ грязью, а «Отечественныя Записки», «Литературную Газету» и «Москвитянина» сравниваетъ съ этимъ Аѳиняниномъ! Вотъ по истинѣ забавное сравненіе! Г. Булгаринъ—и Сократъ! . Сократъ—и г. Булгаринъ!... Удивительное сближеніе! Дѣйствительно, въ жизни сихъ двухъ великихъ людей очень много сходнаго, хотя они раздѣлены тысячелѣтіями!...

—

Въ прошлой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» мы представили публикѣ интересный по своей странности и дикости фактъ современной русской литературы: доказательства «Маяка», что русскіе литераторы должны выражаться «маленько мужицкими» словами. «Маякъ», въ отношеніи къ странности мнѣній и языка, можно назвать «Петербургскимъ Москвитяниномъ»; теперъ мы представимъ не менѣ любопытный фактъ суждений и тона «Московского Маяка». Разбирая въ мартовской своей книжкѣ «Утреннюю Зарю», альманахъ г. Владиславлева, вышедшій еще въ концѣ ноября прошлаго года, рецензентъ распространился, между прочимъ, о «Медвѣдѣ», повѣсти графа Соллогуба, и, по поводу этой повѣ-

сти, повѣдалъ смиренной братіи мудрость велію въ сицевыхъ словесахъ:

«Знающіе наизусть всѣ подробности П(п)етербургскаго свѣта говорятъ, что для нихъ повѣсть еще занимательнѣе, потому что они могутъ вѣрнѣе судить о сходствѣ копіи съ оригиналомъ самой жизни. Такое удовольствіе не касается искусства, но подаетъ намъ поводъ къ наблюденію надъ странною переимчивостію нашей сѣверной С(с)толицы и надъ нѣкоторыми особенностями ея нравовъ. Въ своенравномъ до безумія Парижѣ, явилась у людей странная охота титуловать себя именами животныхъ, называться львами, львицами, тиграми и проч. Если вникнуть въ дѣло, такъ вѣдь оно очень *задко*: эти(и) имена не признакъ ли какого то матеріальнаго пресыщенія жизнію въ тѣхъ людяхъ, которые удалились отъ христіанства? Страннымъ покажется въ наше время такое возвращеніе ко временамъ языческимъ, а оно до того вѣрно, что слѣдующія слова Іоанна Златоуста, какъ будто, сегодня написаны: «Какое можетъ представить благовидное извиненіе въ томъ, что *изъ льва дѣлаешь человека, а о себѣ* не заботишься, когда *изъ человека дѣлаешься львомъ*»... Неидетъ ли это къ нашему времени, когда человѣкъ постигъ чудное искусство доводить звѣрство львиное до кротости и общенія человѣческаго, а самъ вздумалъ называться именами самыхъ хищныхъ животныхъ. какъ будто хвастаясь своею животною натурою...

И проч. Всего не выписываемъ: довольно и этого; судить объ этомъ фактѣ не хотимъ: онъ говоритъ самъ за себя...

Недавно въ одномъ изъ листковъ «Сѣверной Пчелы» прочли мы извѣстіе, что г. Булгаринъ—Сократъ; теперь, изъ 86 № этой же газеты, узнаемъ, что г. Булгаринъ—Вальтеръ-Скоттъ! Въ смѣси этого нумера «Сѣверной Пчелы» находится статья «Журнальная всякая всячина. Письмо въ Дерптъ къ Ѳ. Б.», а въ статьѣ изъясняется искреннее сожалѣніе, что некому описывать въ «Пчелѣ» балагановъ и другихъ праздничныхъ увеселеній, за отсутствіемъ г. Булгарина. Замѣчательны послѣднія строки этой примѣчательной статьи.

«Вотъ очеркъ того, что служило бы вамъ канвою для нынѣшняго фельетона. Мы не коснулись неистощимаго предмета—Адмиралтей-

ской площади, съ удивительными представленіями Легата и Сулье, качелями, каруселями и желѣзными дорогами, не коснулись общаго характера нынѣшняго гулянья. *которыя бы вы передали намъ въ живомъ разсказѣ, въ полупластическомъ (?!) изображеніи, если бы теперь не расхаживали въ помѣщицкѣй фуражкѣ и въ длинномъ деревенскомъ сертукѣ по полямъ и садамъ вашего Абботсфорта*».

Если сходство г. Булгарина съ Сократомъ не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, то еще менѣе можно сомнѣваться въ сходствѣ мызы Карлово съ Абботсфортомъ, а г. Булгарина съ Вальтеромъ-Скоттомъ: извѣстное дѣло, что когда великій романистъ шотландскій уѣзжаетъ на лѣто въ свое помѣстье, то въ мелкихъ газетахъ Эдинбурга не кому было описывать «полупластически» балагановъ и ихъ комедій, и тогда за это благородное занятіе, по необходимости, принималась разная литературная тля.

Въ 84 № «Сѣверной Пчелы», издаваемой гг. Булгаринымъ и Гречемъ, напечатанъ самый лестный отзывъ о плохомъ книжномъ издѣліи г. Булгарина— «Очерки русскіихъ нравовъ, или лицевая сторона и изнанка рода человѣческаго». Тутъ, конечно, нѣтъ дива: «Сѣверная Пчела», безпристрастная и строгая, всегда отдаетъ справедливость всему хорошему, если только это хорошее сочинено или составлено гг. Булгаринымъ и Гречемъ, или ихъ почитателями. Не удивительно также и то, что эта газета смѣется надъ Жуи и разными пустышками, которыхъ повторяетъ и копируетъ г. Булгаринъ въ своихъ нравоописательныхъ статьяхъ... Еще менѣе удивительнымъ покажется вамъ, если въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ «Сѣверной Пчелы» вы прочтете столь же обязательную и любезную статью о вновь вышедшей «Исторіи Петра Великаго», соч. г. Полеваго. Это будетъ не первымъ и не послѣднимъ примѣромъ трогательной дружбы и свѣтской любезности, какими отличается наша литература, несмотря на всѣ «кочерыжныя» исторіи, которыя такъ нерѣдко случаются съ нею.

Нѣсколько словъ «Москвитянину». Въ 6-й книжкѣ медленно выходящаго «Москвитянина» помѣщено окончаніе разбора «Полной Русской Хрестоматіи» г. Галахова. Всѣмъ извѣстно, какъ косо смотритъ аристархъ московскаго журнала на эту книгу. Предоставляя самому г. Галахову раздѣляться съ его раздражительнымъ противникомъ, мы сами не можемъ не сдѣлать замѣтокъ на нѣкоторыя выходки г. Шевырева, устремленныя прямо на нашъ журналъ. У сего почтеннаго и достойнаго аристарха московскаго есть странная привычка: о чемъ бы ни говорилъ онъ,—придирчиво касаться «Отечественныхъ Записокъ». Это, можно сказать, его манія, его болѣзнь. А что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить. Изъ состраданія къ такому состоянію души почтеннаго критика московскаго, мы хотимъ откровеннымъ объясненіемъ способствовать къ проясненію его сознанія, нѣсколько затемненнаго, можетъ быть, раздражительностію и пристрастіемъ.

Г. Шевыревъ находитъ страннымъ, что г. Галаховъ ставитъ имя Лермонтова не только вмѣстѣ съ именами Карамзина, Крылова, Жуковскаго и Пушкина, но даже Шиллера и Гёте. По нашему мнѣнію, если можно съ именами Шиллера и Гёте ставить не только Пушкина, но и Жуковскаго, и Крылова, и Карамзина,—то г. Галаховъ правъ, поставивъ вмѣстѣ съ ними имя Лермонтова. И ужъ конечно, имя поэта Лермонтова скорѣе можетъ быть поставлено съ именами поэтовъ—Шиллера и Гёте, чѣмъ имя Карамзина, отличнаго литератора, извѣстнаго историка, но ни сколько не поэта. Неужели это не извѣстно г. Шевыреву?...

Вслѣдъ за этимъ страннымъ упрекомъ, г. Шевыревъ начинаетъ оправдываться передъ своими читателями (вѣроятно, предполагая, что у «Москвитянина» есть читатели) въ посягательствѣ на славу молодаго поэта, т. е. Лермонтова. «Мы», говоритъ онъ, «знаемъ, что Россія лишилась въ немъ одной изъ лучшихъ надеждъ молодаго поколѣнія. Мы съ радостью привѣтствовали прекрасное его дарованіе; не признавали

только направленія въ нѣкоторыхъ піесахъ, но увѣрены были, что оно измѣнилось бы впоследствии, потому что не представляло ничего оригинальнаго, отзывалось очевиднымъ подражаніемъ, свойственнымъ всякому молодому таланту при началѣ его поприща». Всѣмъ извѣстно, что въ свое время г. Шевыревъ даже взялъ на себя трудъ показать, кому именно подражалъ Лермонтовъ, и открылъ, съ свойственною ему критическою проницательностію, что Лермонтовъ подражалъ не только Пушкину и Жуковскому, но даже и господину Бенедиктову!... Въ доказательство удивительной способности г. Шевырева открывать духъ подражательности тамъ, гдѣ нѣтъ его и тѣни, указываемъ кстати на высказанное имъ въ этой же статьѣ мнѣніе, будто бы Лермонтовъ въ «Мцыри» подражалъ Жуковскому!... Любопытно бы знать, какая изъ піесъ Жуковскаго послужила Лермонтову образцомъ для его «Мцыри»? Жаль, что г. Шевыревъ оставилъ насъ въ недоумѣніи касательно этого любопытнаго вопроса...

Почему же особенно негодуетъ г. Шевыревъ на упоминеніе имени Лермонтова вмѣстѣ съ именами нѣкоторыхъ нашихъ писателей старой школы?—потому что Лермонтовъ рано умеръ, а тѣ довольно пожили на свѣтѣ и успѣли написать и напечатать все, что могли и хотѣли. Вотъ по истинѣ странный критеріумъ для измѣненія достоинства писателей относительно другъ къ другу! Помилуйте: Грибоѣдовъ написалъ одну только комедію, да и ту несовершенную, какъ первый опытъ его самобытнаго творчества: неужели же Грибоѣдовъ, какъ поэтъ, не выше, напримѣръ, Озерова, написавшаго пять трагедій и нѣсколько мелкихъ піесъ? Безъ сомнѣнія, неизмѣримо выше, потому что, судя по пяти трагедіямъ, можно знать, что Озеровъ ничего не написалъ бы великаго, тогда какъ, судя по «Горе отъ Ума», нельзя ни опредѣлить, ни измѣрить высоты, на которую могъ бы подняться огромный талантъ (мы не побоимся сказать — даже гений) Грибоѣдова. Лермонтовъ написалъ немного, но въ этомъ немногомъ видно очень многое.

Если г. Шевыревъ не видитъ этого, — мы не споримъ съ нимъ, ибо въ дѣлѣ личнаго вкуса спора быть не можетъ; но зачѣмъ же г. Шевыревъ непремѣнно хочетъ, чтобъ его личный вкусъ былъ нормою для вкуса всѣхъ и каждаго, и зачѣмъ же онъ смотритъ чуть-чуть не какъ на уголовного преступника—на всякаго, кто хочетъ имѣть свой вкусъ, независимо отъ личнаго вкуса его, г. Шевырева? Всякое достоинство, всякая сила спокойны, именно потому, что увѣрены въ самихъ себѣ: они никому не навязываются, никому не напрашиваются; но идя своимъ ровнымъ шагомъ, не оборачиваются назадъ, чтобъ видѣть, кланяются ли имъ другіе. Только раздражительное литературное самолюбіе раздувается и пыхтитъ, чтобъ его слушали и съ нимъ соображались, а видя, что его не замѣчаютъ и идутъ своею дорогою, кричить «слово и дѣло?». Это не сила, а безсиліе,—не достоинство, а мелочность... Здѣсь кстати замѣтить, въ какомъ еще дѣтскомъ состояніи находится русская литература и критика: спорятъ и кричатъ о томъ, зачѣмъ такъ, а не иначе размѣщены имена писателей, а не разсуждаютъ объ истинномъ значеніи этихъ именъ. Слѣдя за рядомъ мыслей г. Шевырева, мы должны поблагодарить его за повтореніе нѣкоторыхъ мыслей, впервые высказанныхъ по-русски въ нашемъ журналѣ, каковы слѣдующія: что Жуковскій внесъ романтическую стихію въ нашу поэзію; что Пушкинъ воспринялъ въ себя все приготовленное предшественниками и творчески внесъ полное сознаніе народнаго духа въ поэзію. Правда, эти наши мысли не далеко разнесутся столь мало читаемымъ журналомъ, каковъ «Москвитяинъ»; но все же мы благодарны г. Шевыреву и за внимательное изученіе критическихъ страницъ нашего журнала, и за совѣстливое повтореніе ихъ, безъ всякаго искаженія. Однакожь, мы еще были бы благодарны г. Шевыреву, еслибъ онъ указывалъ на источники, которыми иногда пользуется въ своихъ статьяхъ, и которымъ онъ обязанъ хорошими мѣстами и мыслями своихъ статей.

Г. Шевыревъ настаиваетъ на томъ, что въ Лермонтовѣ не было ничего оригинальнаго: дѣло его личнаго вкуса и мы опять не споримъ! Но не можемъ не замѣтить снова, что напрасно г. Шевыревъ симптомы своего личнаго вкуса хочетъ выдать, во чтѣ бы то ни стало, за норму общаго здороваго вкуса. Онъ называетъ «Пѣсню про Царя Ивана Васильевича, Молодаго Опричника и Удалаго Купца Калашникова» лучшимъ произведеніемъ Лермонтова, а характеры Мцыри и Печорина призраками. Можетъ-быть, г. Шевыревъ и правъ, думая такъ; но, можетъ-быть, правы и другіе, думая не такъ. Вотъ, на-примѣръ, мы осмѣливаемся думать, что піеса эта есть юношеское произведеніе Лермонтова, что никогда бы онъ не обратилъ болѣе къ піесамъ такого содержанія. Кто читалъ Кошкина, тотъ не повѣритъ исторической правдоподобности «Пѣсни», особенно, если сличить ее съ тою пѣсню въ сборникѣ Кириши Данилова, которая подала Лермонтову поводъ написать его «Пѣсню» и которая называется «Мастрюкъ Темрюковичъ»... Говоря о «Пѣснѣ» Лермонтова, г. Шевыревъ видитъ въ ней, между прочимъ, выраженіе «ироніи власти, какъ исторической черты въ характерѣ Іоанна Грознаго»: эта мысль намъ кажется справедливою; но хвалить ее не смѣемъ, ибо впервые она была высказана въ «Отечественныхъ Запискахъ».

До сихъ поръ г. Шевыревъ только излагалъ свои мысли, выдавая ихъ, съ нѣсколько раздражительною настойчивостью, за несомнѣнно истинныя; но теперь онъ начинаетъ сердиться и браниться. Ни съ того, ни съ сего, переходитъ онъ вдругъ къ какимъ-то «литературнымъ промышленникамъ, которые, имѣя въ рукахъ своихъ нѣкоторыя стихотворенія Лермонтова, подъ именемъ его же (подъ его же именемъ?) печатаютъ множество пустыхъ стиховъ». Обвиненіе немножко рѣзкое и несовсѣмъ вѣжливо и прилично выраженное! Слѣдовало бы доказать его фактами, перечисливъ по-именно это «множество пустыхъ стихотвореній, подъ именемъ Лермонтова печатае-

мыхъ». Недавно въ «Отечественныхъ Запискахъ» напечатано было девять стихотвореній, изъ которыхъ восемь до того превосходны, что и безъ подписи имени автора всѣ люди съ эстетическимъ вкусомъ признали бы ихъ за стихотворенія Лермонтова. Неужели же г. Шевыревъ судить о достоинствѣ стихотвореній и узнаётъ, кѣмъ они написаны, только по подписи имени?... Нѣтъ, это что-то не такъ! А вотъ и доказательство: вслѣдъ же за тѣмъ, г. Шевыревъ увѣряетъ, будто бы «одинъ журналъ, обанкрутившійся стихотворцами, обѣщаетъ намъ продолженіе стихотвореній Лермонтовыхъ безконечное» (надобно было бы правильнѣе сказать по-русски: обѣщаетъ намъ безконечное продолженіе Лермонтовскихъ стихотвореній) «до тѣхъ поръ, пока не создастъ себѣ живаго поэта на прокатъ, для подкраски своей нескончаемой французско-русской прозы (?)». Какой же это журналъ, г. Шевыревъ?—Но вы не можете отвѣтить на нашъ вопросъ, ибо вы сочинили, выдумали этотъ журналъ... Выдумывать неправду—не значить ли сердиться? Сердиться — не значить ли сознавать себя неправымъ и, за свою вину, бранить другихъ?... Не хорошо!... Но это не все: гнѣвное вдохновеніе раздраженнаго московскаго критика создаетъ новые призраки, чтобъ было ему надъ кѣмъ показать свою храбрость, достойную манчскаго витязя... Этотъ же журналъ, по словамъ г. Шевырева, «самоу позорною клеветою чернить совѣсть покойнаго поэта передъ глазами всей русской публики и не въ шутку увѣряетъ ее, что русская поэзія, въ лицѣ Лермонтова, въ первый разъ вступила въ самую тѣсную дружбу, съ кѣмъ бы вы думали?... съ чертомъ!» — «Такой чертовщины (прибавляетъ г. Шевыревъ) еще никогда не бывало ни въ русской литературѣ, ни въ русской критикѣ»!... Это уже слишкомъ! Подумалъ ли г. Шевыревъ объ этихъ словахъ, прежде чѣмъ сорвались они съ его пера, вѣроятно, «въ минуту жизни трудную» для него?... Какъ! неужели плоская шутка, или умышленное непониманіе чужихъ словъ—тоже считаетъ онъ

въ числѣ оружія противъ своихъ противниковъ? Дѣлая такую важную денонсіацію на нихъ, почему не почелъ онъ за нужное, и даже необходимое, выписать ихъ собственныя слова, какъ это дѣлаютъ всѣ добросовѣстные критики?... «Наконецъ (говорить еще г. Шевыревъ) промышленники-книгопродавцы, вслѣдъ за промышленниками-журналистами, издають три тома стихотвореній Лермонтова и, въ числѣ ихъ, всѣ школьныя тетради покойнаго, всѣ тѣ поэмы и драмы, отъ которыхъ онъ со стыдомъ отрекся бы, еслибы былъ живъ, — и все это дѣлается подъ личиною уваженія къ поэту, а на самомъ дѣлѣ изъ однихъ корыстныхъ и низкихъ цѣлей, чтобы только именемъ Лермонтова привлечь невѣжественныхъ подписчиковъ и читателей». Подобныя обвиненія читали уже мы въ «Библіотекѣ для Чтенія», — и вотъ ихъ повторяетъ знаменитый критикъ, какъ будто въ оправданіе французской пословицы: *les beaux esprits se rencontrent*. Но основательны ли эти обвиненія? Не внушены ли они какимъ-нибудь другимъ чувствомъ — на примѣръ, завистью видѣть стихотворенія Лермонтова сперва въ непріязненномъ журналѣ, а потомъ отдѣльно изданными, стало-быть, никогда не видѣть ихъ въ своемъ журналѣ!... Какъ! неужели Лермонтовъ могъ написать что-нибудь такое, что не стоило бы печати, или могло оскорбить вкусъ публики, явившись въ печати? Кромѣ одного или, много, двухъ мелкихъ стихотвореній, по нашему убѣжденію, въ этихъ трехъ томахъ не найдется ни одного, которое было бы незначительно и не было бы въ тысячу разъ лучше лучшихъ стихотвореній, на примѣръ, гг. Языкова, Хомякова и Бенедиктова и *tutti quanti* — этихъ вѣчныхъ предметовъ критическаго удивленія г. Шевырева, который когда-то самъ писалъ стишонки немногимъ развѣ хуже ихъ... Такая поэма, какъ «Бояринъ Орша», неужели не болѣе, какъ школьная тетрадь? И притомъ, по какому праву, на какомъ основаніи настаиваетъ г. Шевыревъ, чтобъ желаніе почитателей таланта Лермонтова имѣть у себя каждую строку его — было преступно,

равно какъ и желаніе издателей Лермонтова удовлетворить этому желанію большей части русской публики? Мало ли чего не напечаталъ бы самъ Лермонтовъ: вѣдь и Пушкинъ не напечаталъ бы, при жизни своей, лицейскихъ стихотвореній; но кто же не благодаренъ издателямъ за помѣщеніе ихъ въ полномъ собраніи его сочиненій? Г. Шевыревъ говорить: «Любопытна для исторіи военная школа Наполеона, но не имѣетъ она значенія въ жизни молодаго генерала, сраженнаго почти на первомъ шагу своего военного поприща». Но еслибъ этотъ генералъ былъ Наполеонъ послѣ итальянской кампаніи? Для г. Шевырева сдѣланное Лермонтовымъ кажется только замѣчательнымъ, а намъ оно кажется великимъ; г. Шевыреву кажется, что мы ошибаемся, а намъ кажется, что онъ ошибается: изъ чего жъ тутъ браниться, и неужели безъ брани нельзя оставаться той и другой сторонѣ при своихъ убѣжденіяхъ? Мало того, что г. Шевыревъ печатно называетъ журналиста, печатавшаго въ своемъ журналѣ стихи Лермонтова, и при жизни и по смерти поэта, — журналистомъ - промышленникомъ, но даже позволяетъ себѣ сомнѣваться въ его уваженіи къ поэту и приписывать ему низкія и корыстныя цѣли... И противъ кого же онъ пишетъ это?—противъ журнала, который о немъ не позволитъ себѣ такъ писать, хотя бы высказать ему много жесткихъ истинъ, не совсѣмъ-то здоровыхъ для литературной репутаціи г. Шевырева. Далѣе, г. Шевыревъ видитъ какихъ-то необыкновенныхъ поэтовъ въ гг. Языковѣ, Бенедиктовѣ и Хомяковѣ, особенно въ послѣднемъ; наше мнѣніе о сихъ господахъ діаметрально противоположно его мнѣнію: мы не видимъ въ нихъ никакихъ поэтовъ, особенно въ послѣднемъ; но тѣмъ не менѣе вѣримъ, что г. Шевыревъ восхищается ими gratis, не изъ какихъ-нибудь корыстныхъ и низкихъ цѣлей... Г. Шевыревъ видѣлъ въ Лермонтовѣ подражателя г. Бенедиктову; г. Павлова ставитъ онъ выше Гоголя; у поэзіи Жуковскаго и Пушкина отнималъ честь мысли и приписывалъ

ее, на ихъ счетъ, г. Бенедиктову,— и мы вѣримъ, что все это дѣлалъ онъ безъ всякаго злостнаго умысла, а такъ, отъ доброты сердца, и съ самымъ простодушнымъ убѣжденіемъ...

Въ доказательство, какъ иногда опасно свой личный вкусъ выдавать за общій, и какъ, въ этомъ отношеніи, не всякому слѣдуетъ быть слишкомъ смѣлымъ, — обращаемъ вниманіе читателей на то, что г. Шевыревъ находитъ дурными эти превосходные стихи Лермонтова, представляющіе въ себѣ живую и роскошную картину Кавказа.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ;
И, глубоко внизу червѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Видя излучистый Дарьялъ;
И Терекъ, прыгая, какъ львица,
Съ косматою гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ, и *хищный звѣрь и птица*,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимами;
И золотыя облака,
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни зѣмковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны?

Г. Шевыревъ видитъ тутъ подражаніе Марлинскому, и ужасно радъ грамматической неловкости, вслѣдствіе которой безграмотному читателю,—но только безграмотному,—можетъ показаться, что хищный звѣрь кружится вмѣстѣ съ птицею въ

лазурной высотѣ... Г. Шевыревъ видитъ отсутствіе полного грамматическаго смысла въ этихъ чудныхъ стихахъ Лермонтова:

А мой отецъ? Онъ какъ живой
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и помнилъ я:
*Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый, непреклонный взоръ,
И молодыхъ моихъ сестеръ...*

Съ грамматическою указкою не мудрено доказать ничтожество стиховъ не только Державина, но и Жуковскаго, и Пушкина, что и дѣлали, бывало, педанты добраго стараго времени.

Въ числѣ важныхъ обвиненій на издателя «Новой Хрестоматіи», г. Шевыревъ приводитъ его предпочтеніе Кольцову «передъ лучшими (?) нашими лириками современными—Языковымъ и Хомяковымъ». Это несправедливо: гг. Языковъ и Хомяковъ давно уже не лучшіе и не современные лирики, оба они пишутъ теперь мало и рѣдко, и оба пишутъ, какъ писали назадъ тому около двадцати лѣтъ. Кольцовъ, безъ всякаго сомнѣнія, неизмѣримо выше ихъ уже и потому только, что онъ былъ истинный поэтъ по призванію, между тѣмъ, какъ они только, звучные версификаторы, особенно послѣдній. Г. Шевыревъ говорить: «Въ Кольцовѣ весьма замѣчательна была наклонность къ философско-религіозной думѣ, которая таится въ простонародіи русскомъ». Не правда; гдѣ доказательство этого элемента въ нашемъ простонародіи? Ужь не въ народной ли русской поэзій, гдѣ его нѣтъ ни слѣда, ни признака? Кольцовъ потому и имѣлъ наклонность къ философско-религіозной думѣ, что самобытнымъ стремленіемъ своей мощной природы совершенно оторвался отъ всякой нравственной связи съ простонародьемъ, среди котораго возросъ. Г. Шевыревъ, считая по пальцамъ слоги и ударенія въ стихахъ Кольцова, не замѣтилъ, что ихъ метръ совершенно

особенный, образованный по метру народных пѣсень, но принадлежавшій собственно Кольцову. Пропускаемъ безъ вниманія бранчивыя выраженія г. Шевырева, излившіяся изъ досады, что Кольцовъ выбиралъ себѣ знакомства не по рекомендаціи г-на Шевырева и держался не его литературной партіи.

Говоря о помѣщеніи въ «Хрестоматію» переводныхъ піесъ г. Струговщикова, г. Шевыревъ вспоминаетъ, что въ «Римскихъ Элегіяхъ» Гёте, переведенныхъ г. Струговщиковымъ, не было правильнаго пентаметра. Положимъ, что и такъ: но развѣ въ этомъ дѣло, а не въ вѣрной поэтической передачѣ подлинника? Мы уже не говоримъ о томъ, что г. Струговщиковъ не хуже г. Шевырева знаетъ метрику; но какъ же начинать свои привязки съ метра! Г. Шевыреву кажется, что покойный И. И. Дмитріевъ лучше г. Струговщикова передалъ піесу Гёте, названную имъ «Размышленіемъ по случаю грома»,—и потомъ самъ же прибавляетъ, что Дмитріевъ далъ піесѣ другое значеніе, уклонясь отъ панѳеистической мысли Гёте... Шутка! Послѣ этого, переводъ Дмитріева, разумѣется, болѣе есть искаженіе, чѣмъ переводъ.

Г. Шевыревъ ниже всего низкаго поставилъ прекрасную піесу г. Огарева «Ноктурно»,—и по дѣломъ: зачѣмъ г. Огаревъ печатаетъ свои стихотворенія въ «Отечественныхъ Запискахъ», а не въ «Москвитинѣ»? Г. Шевыревъ называетъ повѣсти г. Панаева—«Дочь Чиновнаго Человѣка» и «Бѣлую Горячку»—дюжинными повѣстями, годными только на пустыя страницы журналовъ: опять та же причина дурнаго расположенія московскаго критика и его пристрастнаго сужденія о повѣстяхъ г. Панаева—та же причина, т. е. «Отечественныя Записки!» И за чтó бы такъ почтенному критику сердиться на нашъ журналъ, столь изобильный хорошими и даже типическими произведеніями по части повѣствовательной?...

Далѣе, опять встрѣчаемъ негодованіе московскаго критика за предпочтеніе, отданное г. Галаховымъ Кольцову передъ

гг. Языковымъ и Хомяковымъ. Мы тоже съ этой стороны не совсѣмъ довольны издателемъ «Хрестоматіи»: ему бы совсѣмъ не слѣдовало помѣщать піесы гг. Языкова и Хомякова, особенно послѣдняго: зачѣмъ пріучать мальчиковъ къ фразёрству и пустотѣ мыслей въ гладкихъ стихахъ? Г. Шевыревъ удивляется, что г. Галаховъ русскимъ пѣснямъ Кольцова отдаетъ преимущество предъ русскими пѣснями Дельвига; странное удивленіе! Да кто же не чувствуетъ и не знаетъ, что русская пѣсня забытаго Дельвига столько же русская, сколько, напр., идилліи г-жи Дезульеръ Теокритовскія; тогда какъ пѣсни Кольцова горять и трепещуть, насквозь проникнутыя русскимъ чувствомъ, русскою душою?...

Заклучимъ наши замѣтки указаніемъ на странную выходку г. Шевырева противъ «Похвальнаго слова Петру Великому» почтеннаго профессора А. В. Никитенко, этого образцоваго произведенія, полнаго здравыхъ мыслей, краснорѣчія и отличающагося изящнымъ языкомъ. Московскаго критика возмутила слѣдующая мысль въ «Словѣ» г. Никитенко: «Но еслибъ и самый утонченный, расчетливый эгоизмъ вздумалъ спросить, что каждый изъ насъ почерпнулъ на свою долю въ новомъ порядкѣ вещей? мы отвѣчали бы: честь существовать по-человѣчески и облагодтворять свое существованіе всѣми нашими силами матеріальными и нравственными». Г. Шевыревъ испещряетъ эти строки г. Никитенко и курсивомъ, и вопросительными знаками въ скобкахъ, а потомъ доноситъ... читателю, что «это неприлично и безнравственно въ смыслѣ и религіозномъ, и патріотическомъ, и исторически ложно!». Это, извольте видѣть, называется критикою у г. Шевырева... А между тѣмъ, онъ же, г. Шевыревъ, очень наивно находитъ сравненіе Петра съ Богомъ, сдѣланное Ломоносовымъ, нисколько не гиперболическимъ!... «Неужели же Русскій народъ до Петра Великаго не имѣлъ чести существовать по-человѣчески?» вопіетъ г. Шевыревъ. Если человѣческое существованіе народа заключается въ жизни ума, науки, искус-

ства, цивилизаци, общественности, гуманности въ нравахъ и обычаяхъ, то существованіе это для Россіи начинается съ Петра Великаго, — смѣло и утвердительно отвѣчаемъ мы г. Шевыреву. Да и кто въ этомъ не увѣренъ, вмѣстѣ съ ораторомъ, который во всей рѣчи имѣлъ одну цѣль—показать, чѣмъ мы обязаны Петру, какъ просвѣтителю своему. Въ справедливости нашей мысли ссылаемся на любимые авторитеты г. Шевырева, и на Карамзина въ особенности. Петръ Великій—это новый Моисей, воздвигнутый Богомъ для изведенія русскаго народа изъ душнаго и темнаго плѣна азіятизма... Петръ Великій — это путеводная звѣзда Россіи, вѣчно долженствующая указывать ей путь къ преуспѣянію и славѣ... Петръ Великій—это колоссальный образъ самой Руси, представитель ея нравственныхъ и физическихъ силъ... Нѣтъ похвалы, которая была бы преувеличена для Петра Великаго, ибо онъ далъ Россіи свѣтъ и сдѣлалъ Русскихъ людьми... Г. Никитенко развиваетъ въ своей рѣчи эти же самыя мысли—и за одинъ-то изъ самыхъ простыхъ логическихъ изъ нихъ выводовъ г. Шевыревъ дѣлаетъ ему упреки, которые не знаемъ какъ и назвать; знаемъ только, что они въ высшей степени неприличны и нелѣпы. Пусть читатели сами разсудятъ, какое можно имѣть довѣріе къ критику, который такъ понимаетъ и толкуетъ разбираемыхъ имъ писателей...

Скажемъ въ заключеніе, что грустное зрѣлище представляетъ собою литература и критика, гдѣ считающіе себя представителями науки и просвѣщенія—или занимаются мелкими и пустыми вопросами, или на важные вопросы набрасываютъ тѣнь подозрительныхъ и двусмысленныхъ намековъ, готовые каждаго, кто не раздѣляетъ ихъ мнѣній, выставить какимъ-то противосмысленнымъ общему порядку явленіемъ... И между тѣмъ они-то первые и кричатъ противъ дурнаго тона, неприличной брани, грубаго неуваженія къ чужимъ мнѣніямъ, необразованной нетерпимости къ чужому убѣжденію, о безыменныхъ рыцаряхъ, о желтыхъ перчаткахъ... Милостивые

государи! хотѣли бы мы сказать имъ: передъ вами ваши громкія имена, гражданскія и литературныя: умѣйте же поддерживать предполагаемый вами блескъ, умѣйте заставить уважать свое достоинство, уважая сами достоинство другихъ; передъ вами ваши жолтыя перчатки — не марайте же ихъ грязью мелкой журнальной брани и неприличныхъ выходокъ мелкаго и раздражительнаго самолюбія...

Въ № 129-мъ «Сѣверной Пчелы», одинъ изъ ея фѣльетонистовъ объявилъ важную истину по вопросу, почему нынче не пишутъ болѣе сказокъ въ родѣ «Модной Жены» Дмитріева?—Вы вѣрно скажете: потому же, почему нынче не пудрятъ волосъ, не носятъ фижмъ и мушекъ, не танцуютъ мишута и не поютъ:

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь:
Его миленькій дружокъ
Отлетѣлъ далеко прочь!

и прочая. Извините! Г. фѣльетонистъ увѣряетъ, что не пишутъ потому, что не умѣютъ писать такихъ сказокъ. А не умѣютъ, разумѣется, потому, что нынче нѣтъ талантовъ, равныхъ таланту Дмитріева. Ну, посудите сами, хорошо-ли это? Что Дмитріевъ былъ стихотворецъ съ большимъ талантомъ и даже поэтъ не безъ дарованія, — въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. А съ котораго времени перестали писать на Руси сказки въ родѣ «Модной Жены» Дмитріева, и вообще всякія сказки въ духъ XVIII вѣка? Сколько мы помнимъ, давно! Послѣ Дмитріева, явился на Руси поэтъ неизмѣримо выше его — Жуковскій: онъ не написалъ ни одной сказки, и ужъ вѣрно не по недостатку таланта. Правда, поэтъ, бывший послѣ Дмитріева и тоже стоящій неизмѣримо выше его, Батюшковъ, написалъ одну сказку; но его «Странствователь и Домосѣдъ» былъ послѣд-

нею сказкою въ этомъ родѣ, появленіе которой, несмотря на достоинства языка и разсказа, уже не произвело никакого особеннаго впечатлѣнія на современниковъ. А сказка эта напечатана въ первый разъ въ «Амфіонъ» Мерзлякова, въ 1815 году, слѣдовательно, около двадцати восьми лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ уже не было на русскомъ языкѣ ни одной сказки въ такомъ родѣ. Неужели же Батюшковъ былъ послѣдній даровитый поэтъ на Руси, и послѣ него не было ни одного поэта съ равнымъ ему талантомъ? Не знаемъ, право; но послѣ Батюшкова былъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ... Неужели у этихъ поэтовъ не стало бы таланта для того, чтобы написать бездѣлку въ родѣ «Модной Жены»?...

Все это г. Булгаринъ, можетъ быть, понимаетъ и самъ какъ слѣдуетъ, да ему надобно, ему нужно понимать все это не такъ, какъ слѣдуетъ... Доказательство тому—въ слѣдующихъ словахъ того же фельетона: «Читайте даже по-русски, хотя бы изъ національной гордости. Скучно повторять старое, но я увѣренъ, что еще много есть людей, которымъ Карамзинъ, И. И. Дмитріевъ, Богдановичъ, Батюшковъ извѣстны или по отрывкамъ, или по слуху... обратитесь къ нимъ, и вамъ не будетъ стыдно за русскую литературу! Теперь новые журналисты, которые сами не пишутъ вовсе ничего (?!), а только читаютъ корректуры своихъ сотрудниковъ, и насъ, учениковъ Карамзина и Дмитріева, называютъ уже старыми»!!! А, вотъ что—можемъ мы воскликнуть. Вотъ откуда оно, благоговѣніе къ Карамзину и Дмитріеву! Ученикъ хвалитъ учителя, по простому разсчету: если-де не будутъ читать моего учителя, который въ тысячу тысячъ разъ выше меня, то ужъ станутъ ли читать меня, который въ тысячу тысячъ разъ хуже моего учителя?... Это напоминаетъ намъ, между прочимъ, и басню Крылова «Орелъ и Паукъ»... Положимъ, что Карамзинъ и Дмитріевъ такъ хорошо писали, что ихъ и теперь еще слѣдовало бы читать; да васъ-то, господа, за что читать?—Мы ихъ ученики, вос-

кликните вы. — Прекрасно, но вѣдь это напоминаетъ стихъ: «да наши предки Римъ спасли!» Притомъ же, мало ли у инаго и дѣйствительно великаго мастера безтаданныхъ учениковъ: мастеру честь по заслугамъ, а до учениковъ кому какое дѣло?...

Въ этомъ же фельетонѣ находится забавная апологія Эжену Сю. Фельетонистъ видитъ генія въ этомъ блестящемъ, не бездарномъ, но поверхностномъ, пустомъ беллетристѣ французской литературы Защищая его отъ нападковъ за безнравственность, фельетонистъ говоритъ въ заключеніе: «По моему мнѣнію, только Жоржъ Зандъ, т. е., г-жа Дюдеванъ, написала безнравственныя вещи, но и она теперь опомнилась, удостовѣрясь, что слава безнравственнаго писателя — жалкая слава!» За тѣмъ слѣдуетъ апологія книжному магазину г. Ольхина и клятвенныя увѣренія, что нѣтъ возможности перечислить и переименовать всѣ хорошія новыя русскія книги, которыя продаются въ этомъ магазинѣ. Право, чѣмъ толковать о Жоржъ Зандѣ, лучше бы вамъ, господа, ограничиться разсужденіями о Эженѣ Сю, да диоирамбами разнымъ магазинамъ... Кстати о безнравственности Жоржъ Занда. О нравственности Гёте также много было толковъ и за и противъ; о ней спорятъ и теперь, соглашаясь однакожь въ томъ, что Гёте былъ великій писатель. Но кто же и когда сомнѣвался въ нравственности Шиллера? Теперь не думаютъ этого даже люди, которые глупѣе самого Николаи, нападавшаго на Шиллера и Гёте. Однакожь, въ первыя минуты появленія своего, яркая звѣзда генія Шиллера не могла не показаться многимъ безнравственною, пока эти многіе не приглядѣлись и не попривыкли къ ея нестерпимому блеску. На Байрона смотрѣли, какъ на чудовище нечестія; теперь на него смотрятъ какъ на страдальца. Было время, когда у насъ Пушкина считали безнравственнымъ писателемъ, и боялись

давать его читать дѣвушкамъ и молодымъ людямъ; теперь никто не побоятся дать его въ руки даже дѣтямъ.

Фельетонъ 135 № «Сѣверной Пчелы» наполненъ льстивыми разглагольствованіями о провинціи. Тамъ-то — видите ли — процвѣтають и просвѣщеніе, и добродѣтель, и счастье, и вкусъ изящный, и образованность, и начитанность, и патриотизмъ, и всѣ благородныя чувства, все великое, святое и прекрасное жизни; а отчего? — оттого, что оттуда присылаются требованія за пятью печатями на книги, журналы, газеты... Льстивыя разглагольствованія оканчиваются гимнами и диоирамбами въ честь книжнаго магазина г. Ольхина и во славу издаваемыхъ имъ книжныхъ издѣлій... О tempora, о mores! Мимоходомъ разруганы «Мертвыя Души» и «Ревизоръ», какъ клевета на провинцію и каррикатуры на провинціальные нравы. Жаль, что при этомъ удобномъ случаѣ не объявлено, почему же провинція съ такою жадностію захватала «Мертвыя Души» и «Ревизора»: объясненіе было бы очень интересно... Между прочимъ, вотъ что еще сказано въ этой любопытной статьѣ: «Не многимъ изъ городскихъ жителей извѣстно, что нѣкоторые изъ господъ журналистовъ и книгопродавцевъ печатають особыя объявленія для провинцій, и что въ этихъ объявленіяхъ они говорятъ о себѣ и о своихъ журналахъ и лавкахъ такія вещи, которыя возбуждали бы общій хохоть въ столицѣ, гдѣ на людей и на дѣла смотрять вблизи! Эти несчастные спекуляторы думаютъ, что они ловятъ на удочку простодушныхъ провинціаловъ, а въ провинціяхъ, напротивъ, платятъ имъ деньги изъ состраданія, изъ жалости — руководствуясь однимъ патриотизмомъ». О какихъ объявленіяхъ, секретно разсылаемыхъ въ провинціи, говорится здѣсь? Правда, было нѣкогда разослано въ провинціи печатное объявленіе о публичныхъ чтеніяхъ г-на Греча, очень ловко написанное, и оно было, въ свое время, перепечатано въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому

Инвалиду» (1840). Оно случайно попало въ редакцію этой газеты, будучи прислано изъ провинціи; иначе, Петербургъ и не увидѣлъ бы его. Что же касается до спекулянтскихъ книгопродавческихъ объявленій, — они безпрестанно попадаютъ даже въ фѣльетонахъ иныхъ газетъ, гдѣ изданія разныхъ вздоръ, въ родѣ «Супружеской Истины» и перепечатку залежалыхъ издѣлій выписавшихся и вышедшихъ изъ моды старыхъ писакъ — величаютъ оживленіемъ русской литературы!

Въ этомъ же фѣльетонѣ замѣчено, что «есть и теперь въ провинціяхъ свое смѣшное и кое-что такое, что бѣ надлежало истреблять орудіемъ благонамѣренной сатиры, но до этого именно еще не коснулись нынѣшніе комики и сатирики». Такъ кто же, по вашему мнѣнію, коснулся этого? Ужь не старые ли сатирики, ученики Карамзина и Дмитріева? Гдѣ имъ! Понятіе о сатирѣ далеко ушло впередъ со временъ Карамзина и Дмитріева. Теперь сатириками поставляютъ за честь называть себя только выписавшіеся старые писакъ—ученики, въ сатирѣ, Сумарокова. Сатиру замѣнили теперь художественныя созданія—романъ и комедія, какъ выраженія общественной жизни, и такой романъ имѣемъ мы въ «Мертвыхъ Душахъ», и такую комедію—въ «Ревизорѣ». — Тутъ же разсказанъ чувствительнымъ слогомъ учениковъ Карамзина трогательный примѣръ душевной болѣзни, которую Нѣмцы называютъ *Heimweh*, а русскіе—тоскою по родинѣ. Кто-то до того близкій г. фѣльетонисту (собственныя слова его), что его можно счесть за самого г. фѣльетониста, стосковался на чужбинѣ—по чемъ бы вы думали?—по какой-то рыбѣ (должно-быть, соленой севрюжинѣ—самая національная рыба!) и гнилыхъ дикихъ грушахъ... Человѣкъ этотъ началъ худѣть и впалъ было въ меланхолію, да, къ счастью, послѣшилъ воротиться на родину... Нѣтъ, господа ученики Карамзина! вы отстали даже и отъ Карамзина, который никогда не поставлялъ любви къ родинѣ въ любви къ рыбѣ и гнилымъ гру-

шамъ. А еще хотите, чтобъ васъ читали, и берете смѣлость восклицать къ людямъ, которые боятся скуки деревенской жизни: «А мы-то на чтѣ!» Такого рода деликатное восклицаніе могло сорваться только съ пера какого-нибудь дюжиннаго писаки...

Весь фѣльетонъ 140 № «Сѣверной Пчелы» наполненъ нападками на совмѣстничество, которымъ съ умыслу неправильно переводится слово «сопситгеисе», означающее не совмѣстничество, а соревнованіе. «Сѣверная Пчела» — отъявленный врагъ всякаго соревнованія и страстная поклонница и любительница монополіи! Гдѣ теперь старинные гродетуръ и гроденапли, кожаные венеціанскіе золоченые и росписные обои, гобелены, обои шолковые, севрскій и майенскій фарфоръ, богемское стекло, брабантскія кружева, филиграновая работа? — восклицаетъ онъ. Всѣ эти вещи безспорно были очень хороши, но такъ дороги, что ими пользовалась только небольшая часть привилегированныхъ людей. Благодаря дешевизнѣ, свободному производству и индустріи XIX вѣка, теперь несравненно большее противъ прошлаго вѣка число людей пользуется благодѣяніями цивилизаціи и образованности; можно надѣяться, что со временемъ, благодаря имъ же, и еще несравненно большее число людей начнетъ жить по-человѣчески, т. е., съ удобствомъ, опрятностію и даже изяществомъ. И такъ, хвала соревнованію, свободному производству, индустріи и въ особенности благодѣтельной дешевизнѣ — этому новому покровительному генію нашего времени! Ими спасется бѣдное, страждущее отъ разныхъ монополій челоуѣчество! «Сѣверную Пчелу» приводитъ въ негодованіе дешевизна поѣздокъ за-границу. Другое дѣло, говоритъ она, когда ѣдетъ ученый, артистъ, фабрикантъ, мастеровой; а то праздношатающіеся, которые не читаютъ даже сочиненій учениковъ Карамзина и Дмитріева!... Но еслибы послѣдніе не могли ѣздить дешево, то и первые принуждены были бы сидѣть

дома. По мнѣнію «Сѣверной Пчелы», соревнованіе, ошибочно называемое ею совмѣстничествомъ, погубило литературу и въ Европѣ, и у насъ въ Россіи... Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ, на примѣръ, «Сѣверная Пчела» одна пользовалась литературною монополіею, т. е., единоторжіемъ, мы увѣрены, русская литература разцвѣла бы въ одинъ годъ... Кто же усомнится въ этомъ!...

Въ слѣдующей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», между прочимъ, познакомимъ мы читателей съ другимъ фельетонистомъ «Сѣверной Пчелы». Подобно первому, онъ «знаменитый», хотя и не разъ немилосердо обруганный въ «Сѣверной Пчелѣ» романистъ; подобно первому, онъ написалъ въ жизнь свою томовъ семьдесятъ и намѣренъ еще столько же написать; сверхъ того, онъ еще и драматургъ не послѣдній... Имя его... но мы скажемъ вамъ знаменитое его имя въ слѣдующій разъ; а пока заключимъ наши «Замѣтки» курьезнымъ, но нисколько не вымышленнымъ извѣстіемъ, что одинъ журналъ, издающійся въ монгольско-китайскомъ духѣ, находя языкъ Пушкина не русскимъ, вознамѣрился перевести всего Пушкина по-русски!!!... Для этого прискалъ онъ себѣ какого-то дешеваго горемычнаго пѣту, существованіе котораго «мистеріозно», т. е., покрыто тайною... Вотъ какія чудныя дѣла готовы совершиться въ русской литературѣ!...

Въ предыдущей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» мы остановились на обѣщаніи познакомить читателей со вторымъ фельетонистомъ «Сѣверной Пчелы». Къ сожалѣнію, не можемъ теперь выполнить нашего обѣщанія: второй фельетонистъ такъ замѣчательнъ и оригиналенъ, что если знакомить его съ нашими читателями, такъ ужъ не черезъ легкій силуэтъ, не черезъ очеркъ, а черезъ портретъ—и не грудной портретъ, а портретъ во весь ростъ. Это требуетъ много времени и мѣста, а у насъ теперь не много и того и другаго, почему и принуждены мы исполненіе нашего обѣщанія

отложить до слѣдующей книжки «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ кстати ужъ познакомимъ читателей и съ третьимъ фельетонистомъ «Сѣверной Пчелы», г. Z. Z., мужемъ ума глубокаго и превыспренняго, котораго эта газета выставяетъ вперёдъ только въ торжественныхъ случаяхъ. Теперь же поговоримъ о «Письмѣ г-на О. Б. г-ну Гречу, за-границу», напечатанномъ въ 150 и 151 №№ «Сѣверной Пчелы», и еще кое о чемъ.

Не знаемъ достовѣрно, кто этотъ таинственный г. О. Б., но по всему видно—онъ человѣкъ старый. «Я (говоритъ онъ) долго жилъ въ чужихъ краяхъ, въ Наполеоновской Франціи и въ исторической Германіи, въ эпоху ея сладкихъ надеждъ и мечтательности, видѣлъ героическую Испанію во время борьбы ея за честь и правду». Слышите ли: былъ и въ Испаніи! Вотъ истинно всемірный путешественникъ! За этимъ объясненіемъ слѣдуютъ похвалы тогдашней Германіи и, въ особенности, ея филистерской семейственности, ея гофратской патріархальности, и въ этихъ похвалахъ встрѣчается фраза: «потому что для того, чтобъ спѣть» и пр. Эта фраза свидѣтельствуетъ, что почтенный старичокъ, авторъ ея, вѣроятно, плохой ученикъ Карамзина, подобно другимъ сотрудникамъ «Сѣверной Пчелы», пишетъ дѣйствительно лучше насъ, которыхъ эта газета упрекаетъ въ незнаніи и искаженіи русскаго языка. Но это пока въ сторону. Лучше всего, что нашъ старичокъ-весельчакъ, потѣшающій публику забавными разсказами, ставитъ тогдашней Германіи въ заслугу, что у нея «не было ни такой обширной, или правильнѣе, такой всеобщей торговли, ни столько фабрикъ и мануфактуръ, какъ теперь»!... За то, говоритъ онъ, вовсе не было ропота, и роскошь состояла въ семейномъ счастіи. Знаемъ мы это нѣмецкое семейное счастіе — возьмите его себѣ даромъ и восхищайтесь имъ сами! Затѣмъ, восторженные похвалы Нѣмкамъ: увы, и это теперь ужъ устарѣлая пѣсня, которой никто не слушаетъ и надъ которою всѣ смѣются!...

Сколько ни высчитывайте сортовъ картофеля — все будетъ картофель!...

Послѣ Германіи, слѣдуютъ похвалы Наполеоновской Франціи, которую г. *Т. Б.*, по собственнымъ словамъ его, «прошелъ нѣсколько разъ вдоль и поперекъ». Военный терроризмъ Наполеона приводитъ его въ восторгъ; онъ восхищается даже конскрипціею, которая лишила Францію цвѣта молодого народонаселенія, принесеннаго въ жертву Молоху ненасытнаго честолюбія... Жаль, что эта статья не переведена на французскій языкъ: ходившіе по бѣлому свѣту подъ орлами Наполеона солдаты пришли бы отъ нея въ неописанное восхищеніе... Прежніе веселые и легкіе Французы удостоились всей похвалы г. *Т. Б.*; за то нынѣшніе, угрюмые, страждущіе общественными недугами, измученные общественными вопросами, подверглись всей его немилости. А за что, главное? Тѣ были весельчаки, кутилы... Чтобы убѣдить всѣхъ въ истинѣ своей идеи, г. *Т. Б.* выдумалъ, будто бы теперешняя французская литература снова возвращается къ вкусу бесплоднаго и безвкуснаго, въ литературномъ отношеніи, Наполеоновскаго времени, будто является Жуи въ тысячѣ новыхъ видахъ и будто бы Скрибъ пишетъ комедіи въ родѣ Мариво!.. Что за дребедень! А если Парижъ ходитъ смотрѣть Рашель, такъ ужь давнымъ давно доказано, что въ этомъ нѣтъ никакого возвращенія къ старинѣ: смотрятъ Рашель, а не Корнеля и Расина; не будетъ Рашели — и Корнеля и Расина некому будетъ смотрѣть.

Далѣе, узнаёмъ мы, что тотъ же г. *Т. Б.* не любитъ ни дилижансовъ, ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни оставовъ въ трактирахъ: не мудрено — старость!

Книга г. Вольфсона о русской литературѣ не понравилась г. *Т. Б.* еще больше желѣзныхъ дорогъ; начавъ ее бранить, онъ опять высказалъ все свое умѣніе писать, какъ онъ претендуетъ, Карамзинскимъ языкомъ: «Эти люди (пишетъ онъ) даже поверхностно не знаютъ Россіи, наполненной чужестран-

цами, которые находятъ у насъ помощь, гостепрѣимство, ласку и всякую — помощь!» Пламенная фантазія г. Θ . Б. сперва уноситъ его въ объятія достойнаго его друга, Менцеля, и потомъ къ западнымъ Славянамъ. Эти послѣдніе спрашиваютъ его, что дѣлается въ русской литературѣ, и онъ, слогомъ Хераскова, повѣствуетъ имъ о войнѣ московскихъ литераторовъ съ петербургскими, и какъ нѣсколько истыхъ богатырей изъ московскихъ литераторовъ побратались (собственное выраженіе г. Θ . Б.) съ воинами петербургскими: вѣроятно, тонкій намекъ на дружбу г. Полеваго съ прежними его литературными противниками, гг. Гречемъ и Булгаринымъ!... Говоря о драмѣ г. Полеваго «Ломоносовъ», въ которой пляшетъ Тредьяковскій, г. Θ . Б. глубокомысленно замѣчаетъ: «Теперь, конечно, ни одинъ литераторъ не станетъ плясать за деньги, но изъ чести мало ли что дѣлается!» Не споримъ противъ этого...

Это длинное письмо г-на Θ . Б., напечатанное въ двухъ №№ «Сѣверной Пчелы» оканчивается торжественнымъ диоирамбомъ, въ прозѣ, въ честь новаго книгопродавца, г. Ольхина, и его книжнаго магазина... И такъ, все это путешествіе по Франціи, Испаніи и Германіи сдѣлано было для того, чтобъ подѣхать къ книжному магазину и воспѣть ему въ прозѣ оду громкую, какъ пѣвали ее своимъ милостивцамъ российскіе пѣнты прошлаго вѣка?... было изъ чего хлопотать! Г. Θ . Б., въ своемъ пѣтическомъ (выражаясь его же словомъ) жару, приписываетъ г. Ольхину даже гражданскіе подвиги... Прислушайтесь сами: «Но вотъ, рядомъ съ Смирдинымъ, возсталъ новый дѣятель (какой высокій слогъ!), М. Д. Ольхинъ, и съ любовью къ русской литературѣ, съ Смирдинскимъ добродушіемъ, сложилъ на алтарѣ русскаго просвѣщенія значительный денежный капиталъ, безъ котораго, при лучшихъ намѣреніяхъ и желаніяхъ, литература невольно отодвигается въ предгуттенберговскую эпоху, когда умственная дѣятельность сжималась въ тѣсныхъ манускриптахъ. Посмотрите

на великолѣпное изданіе г. Ольхина Полной Анатоміи геніальнаго Пирогова! Какой книгопродавецъ, безъ чистой любви къ общему благу, рѣшился бы на этотъ подвигъ? Г. Ольхину природа дала то, чѣмъ прославились баронъ Котта, Брокгаузъ, Дидотъ, Лавока и другіе двигатели литературы; онъ умѣетъ цѣнить трудъ и людей—и, нѣтъ никакого сомнѣнія, что и русская публика его оцѣнитъ! Я слышалъ (слышалъ?), что у г. Ольхина изготавливается изданій болѣе, чѣмъ на 280,000 рублей ассигнаціями. Вотъ это такъ книгопродавецъ! Дай Богъ ему и писателей по этому размѣру!»

Вотъ это ѳиміамъ, такъ ужъ ѳиміамъ! скажемъ мы отъ себя. И греческіе боги такого не нюхивали!... А между тѣмъ любопытно было бы знать, не этимъ ли 280,000, потраченнымъ г. Ольхинымъ на рукописи, обязаны своимъ существованіемъ: «Супружеская Истина», «Голосъ за Родное», «Полныя Сочиненія Ѳ. Булгарина» и многія другія въ этомъ же родѣ произведенія?... И изданіе ихъ не есть ли лепта на алтарь просвѣщенія?

Мы какъ-то разъ обѣщали читателямъ познакомить ихъ съ однимъ изъ фѣльетонистовъ «Сѣверной Пчелы», — и что же? наше обѣщаніе многими было растолковано въ дурную сторону. Говорили, что мы хотимъ написать типъ, составленный изъ чертъ частной жизни почтеннаго фѣльетониста... Что за смѣшные люди! Неужели не знаютъ они, что, во-первыхъ, личности не могутъ быть печатаемы, и, во-вторыхъ, что мы не любимъ ихъ и пишемъ всегда такъ, чтобъ читатель могъ сказать:

Тутъ не лицо, а только литераторъ!

Давно уже въ «Сѣверной Пчелѣ» печатаются фѣльетоны, подписываемые завѣтными и таинственными буквами Р. З. Эти буквы многихъ приводили въ крайнее изумленіе, и никто не

хотѣлъ вѣрить, чтобъ онѣ означали г. Рафаила Зотова, о которомъ порядочная читающая публика узнала изъ перваго тома «Ста Русскихъ Литератовъ».

Для насъ нисколько не было удивительно ни то, что г. Рафаиль Зотовъ захотѣлъ быть фѣльетонистомъ «Сѣверной Пчелы», ни то, что «Пчела» рѣшилась г. Рафаила Зотова взять къ себѣ въ фѣльетонисты. Однакожь мы думали, что это дѣло, для пользы и чести обѣихъ сторонъ, останется въ секретѣ. Оно и было въ секретѣ довольно долго. Надъ фѣльетонами г. Рафаила Зотова читатели сперва смѣялись, потомъ зѣвали за ними, а наконецъ вовсе перестали ихъ читать, — какъ вдругъ, въ 155 № «Сѣверной Пчелы» нынѣшняго года, великій незнакомецъ, подобно Вальтеръ-Скотту, снялъ съ себя маску и, къ удивленію публики, рѣшился назваться собственнымъ своимъ именемъ. «Вы уже читали мой фѣльетонъ о нѣмецкой пѣвицѣ Валькеръ», говоритъ онъ, давая тѣмъ знать, что онъ фѣльетонистъ «Сѣверной Пчелы» и что его фѣльетоны даже находятъ себѣ читателей. «Достается мнѣ, какъ фѣльетонисту Сѣверной Пчелы», — восклицаетъ онъ далѣе, давая тѣмъ знать, что у него есть даже враги, и что его фѣльетоны надѣлали ему враговъ... Не довольствуясь этими небылицами, онъ начинаетъ увѣрять, что «пишетъ по внутреннему убѣжденію и съ чистою благонамѣренностію». — «Я (говоритъ онъ) ищу лучшаго въ области искусствъ, хочу содѣйствовать къ усовершенствованію отечественныхъ дарованій, и самымъ скромнымъ образомъ представляю къ этому (?) мои мнѣнія. Опытности моей—увы!—(именно, увy!) въ театральномъ дѣлѣ, вѣрно, у меня не отнимуть и жесточайшіе враги мои. Давъ на сцену болѣе девяноста піесъ (въ томъ числѣ болѣе двадцати оперъ), я, кажется, могу знать и сцену и музыку». Каковъ тонъ! Не правда ли, что и приличный и скромный?

Этого бы довольно для знакомства съ фѣльетонистомъ «Сѣверной Пчелы», но мы прибавимъ еще нѣсколько «нѣкото-

рыхъ чертъ». Въ 209 № той же газеты, г. Рафаиль Зотовъ принялся разсуждать о новостяхъ французской литературы. Вотъ неоспоримыя доказательства: говоря о «Консюэло» Жоржъ Занда, г. Р. З. Пѳрпору вездѣ называетъ Порпозою, графъ Альбертъ Рудольштадтъ названъ у него Фридрихомъ; Консюэло, у нашего фѣльетониста, является къ графу Рудольштадту съ рекомендательнымъ письмомъ отъ графа Джустиніани, — тогда какъ у Жоржъ Занда онъ является къ нему съ письмомъ отъ Порпоры; наконецъ, у фѣльетониста, Пѳрпора не позволяетъ Консюэлъ отвѣчать на письма Альберта, — тогда какъ, у Жоржъ Занда, Пѳрпора, не имѣвшій никакого права что-либо запрещать Консюэлъ, крадетъ у нея, изъ корыстныхъ разсчетовъ, ея письмо къ Альберту... Изъ этого видно, что г. Рафаиль Зотовъ разсказалъ не содержаніе «Консюэлы», а пародію на содержаніе этого превосходнаго произведенія.— Говоря о романѣ Дюма «Жоржъ», фѣльетонистъ пускается въ любезности, напоминающія собою любезности князя Шаликова. «Много (говоритъ онъ) есть неправдоподобнаго, но милыя читательницы вѣрно этого не замѣтятъ: сквозь слезы этого не видать». Какъ это остро и мило!..

Забавнѣе всего, что г. Рафаиль Зотовъ, въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ (№ 268) «Сѣверной Пчелы», не вытерпѣлъ и разразился такимъ гнѣвомъ на «Отечественныя Записки», что невозможно безъ улыбки состраданія читать его филиппики. Г. Р. Зотовъ кричитъ въ ужасѣ, что «критики Отечественныхъ Записокъ съ фанатическою яростію возстаютъ на всякое произведеніе не изъ ихъ литературной касты», объщаетъ критикамъ «Отечественныхъ Записокъ» «участъ лаятеля Зоила» и съ сокрушеннымъ сердцемъ старается убѣдить насъ, что «литературный приговоръ дѣло великое», что «онъ долженъ быть произносимъ съ осторожностью, потому что можетъ ободрить и убить дарованіе», что наконецъ «приговоръ Отечественныхъ Записокъ не можетъ оскорбить писателя», и пр. и пр. Но да успокоится почтенный фѣльето-

нисть: никакая критика не убьетъ его «дарованія», по самой простой причинѣ.

—

Но довольно о г. Рафаилѣ Зотовѣ, фельетонистѣ «Сѣверной Пчелы» и авторѣ девяти драматическихъ пьесъ и полусотни невѣдомыхъ міру романовъ. Поговоримъ о третьемъ фельетонистѣ той же газеты.

Еще въ концѣ прошлаго года, «Сѣверная Пчела» возвѣстила, что съ будущаго 1843 года въ ней участвуетъ какой-то знаменитый русскій литераторъ; впрочемъ, рѣшающійся появляться въ ней не иначе, какъ инкогнито, подъ буквами Z. Z. Въ 197 № «Сѣверной Пчелы» напечатана статья этого втораго великаго незнакомца, г. Z. Z., о новомъ изданіи сочиненій Державина. Между прочими нескладами, выданными, однакоже, за «вышіе взгляды», таинственный г. Z. Z. сильно нападаетъ на какого-то «журнальнаго смѣльчака», который будто-бы неуважительно отзывался о Державинѣ, и котораго отзывъ будто-бы встрѣченъ былъ всѣми съ должнымъ негодованіемъ. Разумѣется, тутъ дѣлаются, кстати, намеки на «заносчивую полуученость», на «удивительную дерзость» и подобные пороки, въ которыхъ, бывало, старики упрекали г. Полеваго даже за дѣльные и здравыя его сужденія о Сумароковѣ, Херасковѣ и другихъ старыхъ и новыхъ знаменитостяхъ. Помнимъ, что его называли также и «смѣльчакомъ», и притомъ за такія мнѣнія, въ которыхъ теперь никто не видитъ ни малѣйшей смѣлости. Времена переходчивы, и жизнь страшно играетъ людьми: смѣлыхъ она лишаетъ смѣлости, «вышіе взгляды» превращаетъ въ плоскія общія мѣста, людей, которые думали, что за ними не поспѣваетъ время, превращаетъ въ отсталыхъ и ворчуновъ, для которыхъ каждая новая мысль есть преступленіе,—и... мало ли, какъ еще смѣется жизнь надъ людьми! Но, во всякомъ случаѣ, смѣлость—не порокъ, а достоинство, ибо она выходитъ изъ любви къ истинѣ и есть свойство души благородной и пыл-

кой; тогда какъ робость—признакъ бѣдности духа и мелкости ума. Смѣлостью доходятъ люди до сознанія новыхъ истинъ; смѣлостью движется общество. Тѣ, которые чувствуютъ въ себѣ свѣжую силу дѣятельности и священннй огонь истины—неужели должны смущаться криками и клеветою какихъ-нибудь заживо-умершихъ quasi-знаменитостей?... О, нѣтъ! впередъ и впередъ! Ограниченность и зависть забудутся, а благая дѣятельность и любовь къ истинѣ всегда будутъ замѣчены и дадутъ плодъ свой во время свое...

«Сѣверная Пчела», которая, какъ извѣстно, состоитъ по особымъ порученіямъ при «Отечественныхъ Запискахъ», хлопочетъ объ извѣстности ихъ, и умышенно, но съ добрымъ намѣреніемъ говорить о нихъ разными нелѣпостями. Въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ отдѣлѣ Критики, печатались въ нынѣшнемъ году, по поводу «Сочиненій Пушкина» большія статьи, по части исторіи русской литературы; эти статьи имѣютъ связь между собою, и часто одна статья есть развитіе мыслей, едва обозначенныхъ въ предыдущей, или, напротивъ, повтореніе въ краткихъ словахъ того, что было прежде въ подробности изложено *). «Сѣверная Пчела», ревнуя къ пользамъ «Отечественныхъ Записокъ», догадалась, что имъ бы весьма хотѣлось обратить на эти историческія статьи вниманіе публики, и, въ порывѣ своей ревности, принялась за дѣло весьма ловко: она знаетъ, что въ предметъ столь щекотливомъ, какъ исторія литературы, особенно современной, значеніе каждаго слова измѣняется, смотря по тому, гдѣ оно поставлено, что ему предшествуетъ и что за нимъ слѣдуетъ, а наконецъ потому, какой смыслъ данъ этому слову предшествовавшимъ изложеніемъ. По причинѣ этой умышенной и весьма благонамѣренной разсѣянности, «Сѣверная Пчела»,

*) Поэтому мы соединимъ все эти статьи, печатавшіяся четыре года—въ отдѣлѣ критики 1844 года.

выписавъ наудачу нѣсколько словъ о Карамзинѣ, Державинѣ, Жуковскомъ и другихъ,—такъ сводить ихъ вмѣстѣ, что нечитавшіе «Отечественныхъ Записокъ» могутъ подумать, будто онѣ питаютъ величайшую злобу противъ всѣхъ именъ, которыми русская литература обязана своею славою. Вотъ чтò значить усердіе, руководимое опытною журнальною тактикою! «Сѣверная Пчела» вырываетъ клочками фразы изъ длинныхъ статей и приписываетъ имъ такой смыслъ, какого они не имѣли. Она знаетъ, что есть люди, которыхъ никакъ не убѣдишь, что, напримѣръ, слова: «Г-нъ А. болѣе замѣчателенъ по мыслямъ» отнюдь не значать, что у г. А. нѣтъ чувства, или: «г. Б. болѣе замѣчателенъ по блестящему стиху» отнюдь не значить, что у г. Б. отсутствіе мыслей. Чтò дѣлать! есть на семь свѣтѣ такіе господа Половинкины, которые читаютъ только половину книги, половину страницы, половину фразы, едва ли не половину слова,—и изъ этихъ половинокъ сшиваютъ себѣ цѣлое мнѣніе. Вотъ такихъ-то людей и имѣетъ въ виду добрая и услужливая газета: она знаетъ, что эти люди, прочитавъ вырванные ею строки, разсердятся и бросятся читать «Отечественныя Записки»; тутъ-то они и пойманы: прочитавъ, они найдутъ совсѣмъ другое, примирятся съ журналомъ и сдѣлаются постоянными его читателями. Такъ и слѣдуетъ поступать, если хочешь услужить! Вотъ примѣръ недавній: въ 256 № «Сѣверная Пчела» производитъ фальшивую атаку на статью «Отечественныхъ Записокъ» о Жуковскомъ. Она вырываетъ изъ статьи разныя фразы, которыя, безъ связи съ цѣлымъ, дѣйствительно могутъ имѣть призракъ того смысла, который какъ-будто хочется найти въ нихъ феллетонисту. Вслѣдствіе этихъ вырванныхъ тамъ и сямъ короткихъ фразъ изъ огромной статьи, «Отечественныя Записки» дѣйствительно могутъ сдѣлаться въ глазахъ поверхностныхъ читателей, такимъ журналомъ, который не умѣетъ отдавать должной справедливости Карамзину, Жуковскому и другимъ знаменитымъ и заслуженнымъ дѣятелямъ русской литературы. Не видно ли

въ этомъ горячаго усердія доброй газеты къ пользамъ «Отечественныхъ Записокъ»; такой способъ нападенія былъ бы уже слишкомъ неловокъ, еслибъ онъ былъ внушенъ враждебностію и желаніемъ вредить. Всякій основательный читатель, развернувъ «Отеч. Записки» и вникнувъ въ смыслъ цѣлой статьи, увидѣлъ бы тотчасъ, что «Сѣв. Пчела» съ дурнымъ умысломъ искажила содержаніе статьи и доноситъ... читателямъ не то, что сказано «Отечественными Записками». Конечно, всякій основательный читатель и теперь можетъ это сдѣлать, но теперь онъ увидитъ, что «Сѣверная Пчела» сдѣлала это съ добрымъ намѣреніемъ и похвалитъ ея умѣнье достигать доброй цѣли, т. е. какъ можно чаще заставлять своихъ читателей заглядывать въ «Отечественныя Записки». Дѣлая видъ: будто заступаетъ за Жуковскаго противъ «Отечественныхъ Записокъ», «Сѣверная Пчела» спрашиваетъ: «Кто ввелъ романтизмъ въ русскую поэзію?» А о чемъ же и говорится, что же и доказывается въ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ», какъ не то именно, что Жуковскій ввелъ романтизмъ въ русскую литературу? Эта почтенная газета увѣряетъ еще, будто Лермонтова мы считаемъ равнымъ Карамзину писателемъ... Какое противорѣчіе! Мы превозносимъ Лермонтова, равняя его съ унижаемымъ нами Карамзинымъ!!!... Воля ваша, а это — верхъ усердія въ желаніи услужить намъ! Правда, излишество этого усердія довело почтеннаго фельетониста до нелѣпости и бессмыслицы; но благое намѣреніе чего не оправдываетъ! Правда, мы никогда не равняли Лермонтова съ Карамзинымъ, потому что было бы нелѣпо сравнивать великаго поэта съ знаменитымъ литераторомъ и историкомъ, и Лермонтова если можно съ кѣмъ сравнивать, такъ развѣ съ Жуковскимъ, съ Пушкинымъ, а ужъ отнюдь не съ Карамзинымъ; но вѣдь «Сѣверной Пчелѣ» до этого что за дѣло? Ей нужно заставить, какими бы то ни было средствами, всѣхъ и каждого читать «Отечественныя Записки», а до смысла и правды нѣтъ надобности... Она говоритъ, что мы

называемъ Жуковскаго изряднымъ переводчикомъ: кто читалъ нашу статью, тотъ помнить, что мы вездѣ называемъ Жуковскаго то превосходнымъ, то безпримѣрнымъ переводчикомъ. Чтѣ же причиною этого «изряднаго» искаженія нашихъ словъ, если не излишество усердія къ нашимъ пользамъ? «Сѣверная Пчела» ставитъ намъ (разумѣется, приторно) въ великую вину нашъ отзывъ о забытыхъ теперь балладахъ Жуковскаго «Людмилѣ» и «Свѣтланѣ»; но кто изъ людей, имѣющихъ хоть сколько нибудь смысла и вкуса, не согласится безусловно съ нашимъ мнѣніемъ объ этихъ незрѣлыхъ, юношескихъ произведеніяхъ поэта, столь богатаго другими произведеніями великаго достоинства? Вѣрно, чувствуя, что эта нападка на насъ уже черезчуръ усердна, «Сѣверная Пчела» придирается къ языку и восклицаетъ: «Зачѣмъ же вы, великіе мужи нашего времени, пишете, какъ писали подъячіе прошлаго времени? Стихи, которыми она, т. е. баллада написана! Такъ не напишеть ни одинъ посредственный литераторъ!»... Часъ отъ часу лучше! Вѣдь можно сказать— и всѣ Русскіе всегда говорили, говорятъ и будутъ говорить: такая-то поэма писана гекзаметрами, а такая-то шестистопными ямбическими стихами, а нельзя, видите, сказать: стихи, которыми писана баллада... «Сѣверная Пчела» говоритъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» грамматики нѣтъ ни капли; чувствуете ли гиперболу? Чувствуете ли, что самъ фельетонистъ совсѣмъ этого не думаетъ и напередъ убѣжденъ, что никто ему не повѣритъ? «Сѣверная Пчела» какъ бы издѣвается надъ нашею фразою: «почувствуете себя скучающими и утомленными»; можетъ-быть, такъ нельзя сказать по-русски, но по-русски это можно и очень можно сказать.— «Сѣверная Пчела» дѣлаетъ видъ, будто ее страшитъ то, что «Отечественныя Записки» овладѣваютъ безпрекословно литературнымъ поприщемъ и утверждаютъ на немъ свое мнѣніе. Тонкій намекъ, тонкая похвала, которую тотчасъ можно замѣтить подъ покровомъ умышленной боязни! Разумѣется, «Сѣверная

Пчела» очень хорошо понимает, что достичь этой цѣли журналъ можетъ только своимъ внутреннимъ достоинствомъ, силою своего мнѣнія, а не фѣльтонными продѣлками, т. е. криками о своихъ мнимыхъ заслугахъ, бранью на все талантливое и даровитое и т. п.—Добрая газета говорить, что «Отечественныя Записки лъстятъ юношеству и дѣтей называютъ умнѣе отцовъ. Опять тонкая штука! Кто же повѣритъ, будто «Сѣв. Пчела» такъ ужъ недальновидна, будто не понимает, что процессъ совершенствованія общества производится именно черезъ умственный и нравственный успѣхъ юныхъ поколѣній? Было время, когда жгли колдуновъ и пытали не однихъ обвиненныхъ, но и подозрѣваемыхъ въ преступленіи; теперь этого нѣтъ вовсе: не выше ли же, не умнѣе ли люди нашего времени людей тѣхъ варварскихъ и невѣжественныхъ временъ? А какимъ образомъ люди нашего времени стали такъ выше и такъ умнѣе людей того времени?—разумѣется, не вдругъ, а черезъ постепенное улучшеніе каждаго новаго поколѣнія передъ старымъ. Разумѣется, наши понятія свѣжѣе, шире и глубже понятій отцовъ нашихъ—такъ же, какъ понятія дѣтей нашихъ будутъ свѣжѣе, шире и глубже нашихъ понятій. Иначе, дѣти наши были бы жалкимъ поколѣніемъ, недостойнымъ дышать воздухомъ и видѣть свѣтъ Божій.—Дальше, «Сѣверная Пчела» совѣтуетъ своимъ читателямъ внимательнѣе прочесть, въ нашей статьѣ о Жуковскомъ, мѣсто отъ словъ: «гораздо выше романтизмъ греческій» до словъ: «въ честь обоихъ погибшихъ и была воздвигнута статуя Антѣросъ», и убѣждаетъ при этомъ отцовъ и матерей не давать въ руки своимъ дѣтямъ «Отечественныхъ Записокъ». Ловкій оборотъ, раздражающій любопытство тѣхъ, которые не читали нашей статьи о Жуковскомъ! Извѣстно, что все таинственное, воспрещаемое, только привлекаетъ къ себѣ, а не отталкиваетъ. И потому, избави васъ Богъ подозрѣвать въ этихъ словахъ «Сѣверной Пчелы» злой умыселъ или черную клевету. Ничего этого нѣтъ. Все это не

болѣе, какъ журнальная штука. Во-первыхъ, «Сѣверная Пчела» знаетъ, что указываемое ею мѣсто заключаетъ въ себѣ такіе факты о древнемъ мірѣ, которые изучаются юношествомъ какъ предметъ искусства древностей и исторіи, и которые могутъ казаться неприличными только чопорному жеманству мѣщанъ во дворянствѣ. Во-вторыхъ, какіе же родители позволятъ малолѣтнымъ дѣтямъ читать журналы, издаваемые для взрослыхъ людей? Вѣроятно, если отецъ находитъ въ журналѣ что-нибудь интересное и полезное для дѣтей, самъ читаетъ имъ это, выпуская при чтеніи все, чего не слѣдуетъ дѣтямъ знать. Такъ, напримѣръ, что интереснаго и поучительнаго для дѣтей узнать изъ 170 № «Сѣверной Пчелы», что г. Гречъ, разсерженный голландскою медленностію, «не могъ удержаться отъ древняго восклицанія, которымъ на Руси выражаются всякія движенія душевныя», и которое заставило его просить у двухъ Нѣмцевъ извиненія въ томъ, что онъ Русскій («Сѣверная Пчела», № 170)?... Что полезнаго увидятъ они въ разсказахъ того же г. Греча (присылаемыхъ изъ Парижа) о подвигахъ парижскихъ воровъ и мошенниковъ, или о похожденияхъ французскихъ актрисъ, напримѣръ, о болѣзни дѣвицы Рашель, которая избавится отъ этой болѣзни черезъ шесть недѣль? Что наставительнаго прочтутъ они въ «юмористическихъ» статейкахъ г. Булгарина, гдѣ говорится о взяточникахъ, подъячихъ, и проч., и проч. Дѣтямъ тутъ нечего читать, старики же посмѣиваются, поморщиваются, а все-таки читаютъ... «Сѣверная Пчела» знаетъ это очень хорошо, и потому-то такъ смѣло нападаетъ на «Отечественныя Записки». Чтобъ не пропустить времени подписки на журналы, она теперь удваиваетъ свое усердіе и нарочно громоздитъ нелѣпость на нелѣпости, чтобъ только выказать намъ свою службу, за что мы и благодаримъ ее всепокорно. Она ужъ прямо говорить, что всѣ наши сужденія о литературѣ (№ 256) «сущая нелѣпица и одинъ разсчетъ». Такъ и надо! она, вѣдь,

знать, что никто не повторить этого о журналѣ, который давно уже пользуется извѣстностью, какъ лучшій русскій журналъ, и который приобрѣлъ уже огромный успѣхъ и довѣріе въ публикѣ. Этого мало: она теперь, кажется, въ сотый разъ увѣряетъ, будто «Отечественныя Записки» издаются для какого-то бѣднаго семейства, тогда какъ давно уже доказано, что «Отечественныя Записки» никогда не издавались, не издаются и не будутъ издаваться въ пользу какого бы то ни было бѣднаго семейства, и что онѣ составляютъ собственность издателя ихъ, ни съ кѣмъ имъ не раздѣляемую. Такое усердіе къ нашимъ пользамъ намъ даже кажется немножко излишнимъ. Зачѣмъ прибѣгать къ подобнымъ ухищреніямъ для привлеченія намъ подписчиковъ, которыхъ и безъ того много? «Сѣверная Пчела» можетъ доставлять, какъ доставляла и до сихъ поръ, намъ читателей простыми средствами, т. е. браня насъ ежедневно.—Вотъ что касается до извѣщенія ея (№ 256), будто бы «Отечественныя Записки» обязаны своимъ существованіемъ (!?) великодушному самоотверженію бумажнаго фабриканта, бумагопродавца и типографщика г. Жернакова (!!!!!),—это другое дѣло: она, во-первыхъ, хотѣла риторическимъ языкомъ сказать простую истину—что «Отечественныя Записки» печатаются въ типографіи г. Жернакова, которая дѣйствительно работаетъ очень усердно, хотя и не самоотверженно, потому что весьма исправно получаетъ за это довольно значительную плату; во-вторыхъ, ей хотѣлось намекнуть, что «Отечественныя Записки» съ будущаго года не будутъ уже печататься въ типографіи г. Жернакова, а перенесутся въ другую типографію; но остерегалась это сдѣлать, дожидаясь нашего о томъ извѣщенія; мы же, съ своей стороны, не считали за нужное извѣщать о такой бездѣлицѣ. Но теперь, чтобъ выручить изъ бѣды «Сѣверную Пчелу», желавшую подать намъ случай опровергнуть объявленія ея, будто журналъ нашъ не могъ и не можетъ существовать безъ типографіи г. Жернакова,—вынуждены сказать, что, дѣйствительно, съ будущаго

года «Отечественныя Записки» будутъ печататься въ типографіи г. Глазунова и К^о, гдѣ уже, нарочно для нихъ, куплена большая скоропечатная машина, могущая отпечатывать до 1000 листовъ въ часъ, и приготовленъ новый шрифтъ изъ знаменитой словолитни г. Ревильйона. Первая книжка «Отечественныхъ записокъ» 1844 года будетъ уже набрана этимъ шрифтомъ и отпечатана на этой машинѣ. Скорость печатанія доставитъ намъ возможность ранѣе разсылать книжки для иногородныхъ читателей, нежели какъ было дѣлаемо это до сихъ поръ. Довольно ли?

Но напрасно, намъ кажется, «Сѣверная Пчела» жалуется, будто мы обижаемъ ее за ея похвалы г. Ольхину. Опять не то, и вѣроятно опять изъ усердія къ намъ! Мы смѣемъ только надъ гимнази и дирирабами ея г. Ольхину, о которомъ она говоритъ, что—не то воздвигся, не возсталъ новый дѣятель, котораго природа одарила дивными качествами ума и сердца, потому что онъ издаетъ сочиненія г. Θ. Булгарина, ничего ему за нихъ незаплативши (№ 256 «Сѣверной Пчелы») Дѣйствительно, со стороны г. Ольхина очень великодушно употребить значительную сумму на изданіе стараго литературнаго хлама, котораго, конечно, у него никто покупать не будетъ; но чтѣ же въ этомъ пользы для русской литературы? По нашему мнѣнію, это даже и совсѣмъ не литературное дѣло. Въ томъ же номерѣ «Сѣверной Пчелы» говорится, что «иностранные журналы берутъ деньги съ актѣровъ, авторовъ и книгопродавцевъ за похвалы» и къ этому прибавляетъ элегическимъ тономъ: «Быть можетъ: но у насъ нѣ(е)кому дать и нѣ(е)кому взять! Какой актѣръ, какой авторъ, какой книгопродавецъ у насъ дастъ деньги?» Въ самомъ дѣлѣ, должно быть прискорбно,—и мы не можемъ не уважать этого унынія нашей доброй газеты, хотя, право, никакъ не въ силахъ раздѣлять его, потому что ничего не понимаемъ по этой части... Но это эпизодъ, вставка: обратимся къ главному.

«Сѣверная Пчела» служить намъ не только тогда, когда

бранить «Отечественныя Записки», вызывая этимъ насъ на побѣдоносное опроверженіе, но и тогда, когда восхваляетъ такіе журналы, похвалу которымъ всякій прійметъ не иначе, какъ за иронію. Прежде всего она преусердно хвалитъ самое себя: къ этому уже всѣ привыкли, и всякій знаетъ этому цѣну. Потомъ она увѣряетъ публику, что «Сынъ Отечества», подъ редакцію г. Масальскаго, сдѣлался «прекраснымъ, прелюбопытнымъ, справедливымъ и безпристрастнымъ въ своихъ сужденіяхъ журналомъ», и что будто бы сей г. Масальскій «трудами своими заслужилъ почетное имя въ литературѣ, а благонамѣренностію своихъ критикъ пріобрѣлъ уваженіе даже своихъ противниковъ», и что, «къ совершенству издаваемаго имъ «Сына Отечества» не достаетъ только аккуратности въ выходѣ книжекъ... Какъ непримѣтно и больно уколоть этимъ несчастный «Сынъ Отечества *)»!

Вотъ также черта услужливости «Сѣверной Пчелы» въ отношеніи къ намъ. Ей (№ 232) не понравилось сужденіе наше объ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, и она начинаетъ разсуждать, какое имѣетъ право судить объ исторіи Карамзина издатель «Отечественныхъ Записокъ»? и рѣшаетъ, что онъ не имѣетъ никакого права, ибо не написалъ нѣсколькихъ сочиненій, удовлетворяющихъ потребностямъ современнаго общества. Какъ, спросите вы: неужели для того, чтобы имѣть право критиковать, напримѣръ, «Иліаду» критикъ сперва самъ долженъ написать поэму не хуже Гомеровою? Неужели критика не есть самостоятельный талантъ, который выказывается не въ своемъ призваніи, въ своемъ дѣлѣ, т. е. въ критикѣ, а въ поэзій, въ исторіи и т. д?... Да послѣ этого, не только поэты и историки лишаютъ критиковъ права судить о поэтическихъ и историческихъ сочиненіяхъ, но нельзя бу-

*) А «Сына Отечества» до сихъ поръ вышло только пять книжекъ, т. е. послѣдняя книжка его была за май, тогда какъ у насъ теперь декабрьскіе морозы!

детъ сказать и портному, зачѣмъ онъ испортилъ фракъ, не опасаясь услышать отъ него въ оправданіе: а вы развѣ умѣете спать фракъ лучше моего, что беретесь критиковать мою работу? — Еще образчикъ: «Сѣверная Пчела» выдумываетъ (№ 250), будто мы упрекаемъ г. Ө. Булгарина въ старости, словно въ порокъ какомъ - нибудь, тогда какъ мы говорили не о старости его, а о томъ, что онъ выдаетъ за новостъ понятія и идеи, которыя были новы, интересны и основательны назадъ тому лѣтъ тридцать съ небольшимъ, и о томъ еще, что г. Ө. Булгаринъ давно уже весь выписался... Чтѣ же дѣлаетъ «Сѣверная Пчела»? Она, примѣромъ Вальтеръ-Скотта, Вольтера, Гёте, Шарля Нодье, Ламартина, Кузена, Вильмена, Гизо, Баранта, Шатобриана, Карамзина и Жуковскаго начала доказывать, что г. Ө. Булгаринъ и въ преклонныхъ лѣтахъ можетъ быть отличнымъ прозаикомъ, критикомъ, историкомъ и романистомъ!!!... Скажите, пожалуйста, можно ли такъ шутить!

Лестное вниманіе къ намъ со стороны «Сѣверной Пчелы» и вѣрная долговременная служба ея «Отечественнымъ Запискамъ» трогаетъ насъ до глубины души, и мы, въ концѣ года, обязанностью считаемъ свидѣтельствовать ей нашу искреннюю благодарность. Почти не бываетъ нумера этой газеты, въ которомъ не говорилось бы, прямо, или косвенно, объ «Отечественныхъ Запискахъ», особенно въ субботнихъ фельетонахъ, которые пишутся исключительно для однѣхъ «Отечественныхъ Записокъ». «Сѣверная Пчела» учитъ наизусть и знаетъ всѣ статьи наши, особенно критическія, библиографическія и журнальныя замѣтки, въ то же время притворно увѣряя публику, будто издатели и сотрудники и въ руки не берутъ «Отечественныхъ Записокъ», почитая для себя униженнымъ читать ихъ, и еще болѣе - писать о нихъ. Намъ не для чего притворяться, и потому мы можемъ прямо и открыто сказать, что читаемъ въ «Сѣверной Пчелѣ» аккуратно всѣ статьи и статейки, въ которыхъ упоминается что - либо

объ «Отечественныхъ Запискахъ». Благодарность — чувство невольное, а мы такъ одолжены «Съверною Пчелою»! Будемъ надѣяться, что въ слѣдующемъ году усердіе «Съверной Пчелы» не ослабнетъ, и она не разъ подастъ намъ поводъ поговорить о самихъ себѣ публикѣ: она знаетъ, что безъ этого повода мы никогда не говоримъ о себѣ. И такъ, добрая сотрудница наша, до новаго года!...

IV.

Т Е А Т Р Ъ.

РУССКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ЖЕНИТЬБА. *Оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Н. В. Гоголя (автора „Ревизора“).*

Въ ожиданіи выхода полного собранія сочиненій Гоголя скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о характерахъ въ новой комедіи его «Женитьба». Подколесинъ — не просто вялый и нерѣшительный человѣкъ съ слабою волею, которымъ можетъ всякій управлять: его нерѣшительность преимущественно выказывается въ вопросѣ о женитьбѣ. Ему страхъ какъ хочется жениться, но приступить къ дѣлу онъ не въ силахъ. Пока вопросъ идетъ о намѣреніи, Подколесинъ рѣшительнѣе до героизма; но чуть коснулось исполненія — онъ труситъ. Это недугъ, который знакомъ слишкомъ многимъ людямъ, поумнѣе и пообразованнѣе Подколесина. Въ характерѣ Подколесина авторъ подмѣтилъ и выразилъ черту общую, слѣдовательно, идею. Подколесинъ покоряется одному Кочкареву, потому что тотъ нахаль, которому не уступить — значитъ рѣшиться на исторію, конечно, не опасную, но за то неприличную, а одно стоитъ другаго, Кочкаревъ — добрый и пустой малый, нахаль и разбитная голова. Онъ скоро знакомится, скоро дружится и сейчасъ на *ты*. Горе тому, кто удостоится его дружбы! Кочкаревъ переставитъ у него по своему мебель въ комнатѣ, да еще будетъ ругать, если тотъ не усердно будетъ помогать ему распоряжаться въ своемъ домѣ, Кочкаревъ навяжетъ другу своего портнаго, своего са-

пожника не потому, чтобъ убѣжденъ былъ въ ихъ превосходствѣ, а для того только, чтобъ сказать: «я рекомендовалъ». Кочкаревъ хочетъ, чтобъ все шло и дѣлалось черезъ него, и чтобъ всѣ говорили: «этотъ человѣкъ на всѣ руки». Для этого онъ готовъ хлопотать, биться до пота лица, перенести что угодно. Другъ его собирается купить домъ: у Кочкарева ужь есть на примѣтѣ домъ—отличнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ, именно такой, какой нуженъ его другу; онъ самъ, правду сказать, и не былъ въ этомъ домѣ, но готовъ сейчасъ же расписать расположеніе его комнатъ, доказать его удобство, выгодность, побожиться за достоинство каждой половицы, каждаго стропила. Если другъ не захочетъ смотрѣть этого дома, онъ потащитъ его, будетъ упрашивать, умолять, а въ случаѣ рѣшительнаго отказа, разсорится съ другомъ по своему: назоветъ его и «свиньей» и «подлецомъ». Первые слова его свахѣ, которую засталъ онъ у Подколесина, были: «Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?» Изъ этого видно уже, что женитьба не очень осчастливила его, и что не ему бы хлопотать о женитьбѣ другихъ. Но не тутъ-то было: провѣдавъ о чужомъ дѣлѣ, онъ уже похожъ на гончую собаку, почуявшую зайца; чтобъ похлопотать, онъ описываетъ женитьбу самыми обольстительными красками, какія только можетъ ему дать его грубая фантазія. И потому, если актёръ, выполняющій роль Кочкарева, услышавъ о намѣреніи Подколесина жениться, сдѣлаетъ значительную мину, какъ человѣкъ, у котораго есть какая-то цѣль,—то онъ испортитъ всю роль съ самаго начала. Въ концѣ пьесы, Кочкаревъ, взбѣсившись на Подколесина, самъ говоритъ: «Да если ужь пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите, пожалуйста, вотъ я на всѣхъ сошлюсь: ну не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что онъ мнѣ? родня что ли? И что я ему такое — нянька, тетка, свекруха, кума что ли? Изъ какого же дьявола, изъ чего, изъ чего, я хлопочу о немъ, не знаю себѣ покою, не-

легкая прибрала бы его совсѣмъ? — А просто чортъ знаетъ изъ чего! поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ!» Въ этихъ словахъ — вся тайна характера Кочкарева. Жевакинъ — не кривляка, не шутъ: это старый селадонъ, а потому и щеголь, несмотря на свой старинный мундиръ. Куда бы ни занесла его судьба — хоть въ Китай, не только въ Сицилію — онъ вездѣ замѣтитъ одно только «розанчики этакіе». Кромѣ «розанчиковъ» для него ничто на свѣтѣ не существуетъ. — Анучкинъ — человѣкъ, живущій и бредящій однимъ — высшимъ обществомъ, котораго онъ никогда и во снѣ не видывалъ и съ которымъ у него цѣтъ ничего общаго. Онъ почитаетъ себя образованнымъ человѣкомъ, и, услышавъ о Сициліи, сейчасъ захотѣлъ узнать, говорятъ ли тамъ «барышни» по-французски. Барышни, французскій языкъ и обхожденіе вышшаго общества — въ этомъ для него и смыслъ жизни и цѣль жизни, и кромѣ этого, для него ничто не существуетъ. Много попадается Анучкиныхъ на бѣломъ свѣтѣ: они-то громче всѣхъ хлопаютъ актѣрамъ и вызываютъ ихъ; они-то восхищаются всякимъ плоскимъ и грубымъ двусмысліемъ въ водевилѣ, и осуждаютъ піесы за неприличный тонъ: они-то не любятъ ни на сценѣ, ни въ книгахъ людей низкаго званія и грубыхъ выраженій. Анучкинъ — въ высшей степени типическое лицо, для представленія котораго на театрѣ нужно много ума и таланта. — Пятое дѣйствующее лицо — Яичница (экзекуторъ). Это человѣкъ грубый, матеріальный; но онъ живетъ и служитъ въ Петербургѣ — стало-быть не похожъ на провинціального медвѣдя. Вообще, для хорошаго выполненія ролей, созданныхъ Гоголемъ, актѣрамъ всего нужнѣе — наивность, отсутствіе всякаго желанія и усилія смѣшить. Если человѣкъ имѣетъ смѣшную или слабую сторону, онъ тѣмъ и возбуждаетъ смѣхъ, что не предполагаетъ въ себѣ ничего смѣшнаго или страннаго. Въ обществѣ, никто не станетъ стараться смѣшить другихъ на свой счетъ, а сцена должна быть зеркаломъ общества...

Лицо Свахи въ «Женитьбѣ» — одно изъ самыхъ живыхъ и типическихъ созданий Гоголя. Бойкость, яркость движеній, трещоточный разговоръ, должны быть прежде всего схвачены актрисою, выполняющею эту роль; малѣйшая вялость, тяжеловатость сейчасъ испортятъ дѣло. Это баба, наметавшаяся въ своемъ ремеслѣ; ея не разстроитъ никакое обстоятельство, не смутитъ никакое возраженіе; у нея готовъ отвѣтъ на всякій вопросъ. Невѣста спрашиваетъ сваху про одного изъ жениховъ, не пьетъ ли онъ. «А пьетъ, не прекословлю, пьетъ! Что же дѣлать? ужъ онъ титулярный совѣтникъ, за то такой тихій, какъ шолкъ», отвѣчаетъ сваха и, въ утѣшеніе, прибавляетъ: «Впрочемъ, что жъ такого, что иной разъ выпьетъ лишнее? Вѣдь не всю же недѣлю бываетъ пьянъ — иной день выберется и трезвый». Про другаго она говоритъ: «Немножко заикается, за то ужъ такой скромный».

Сколько юмора, какой языкъ, какіе характеры, какая типическая вѣрность натурѣ! Но, увы, словно нетопыри прекраснымъ зданіемъ овладѣли нашею сценою пошлыя комедіи съ пряничною любовью и неизбѣжною свадьбою! Это называется у насъ «сюжетомъ». Смотри на наши комедіи и водевили и принимая ихъ за выраженіе дѣйствительности, вы подумаете, что наше общество только и занимается, что любовью, только и живетъ и дышитъ, что ею! И какую любовь — безкорыстною, безъ всякаго разчета на приданое, на связи и покровительство!...

РУССКАЯ ВОЯРЫНЯ XVII СТОЛѢТІЯ. *Драматическое представленіе въ одномъ дѣйствіи, съ свадебными пѣснями и пляской, соч. П. Г. Ободовскаго.*

Трагедія, водевиль и балетъ, вмѣстѣ взятые, составляютъ «драматическое представленіе», по мнѣнію знаменитыхъ дра-

матурговъ Александринскаго театра—гг. Полеваго и Ободовскаго.

У нихъ, какъ у истинныхъ геніевъ, своя логика и своя эстетика! Собственно «драматизмъ» по этой оригинальной логикѣ и глубокомысленной эстетикѣ, долженъ заключаться въ внезапныхъ встрѣчахъ отцовъ съ дѣтьми, мужей съ женами, любовниковъ съ любовницами. Окончаніе всегда должно быть счастливое — торжество добродѣтели, наказаніе порока: это ужъ для нравственности. Сочинивъ такой замысловатый рецетъ изъ такихъ простыхъ и дешевыхъ снадобій, сіи достойные драматурги много уже составили по немъ прекраснѣйшихъ «драматическихъ представлений», которыя достойно удивили и восхитили публику Александринскаго театра. Не станеть ни чьей памяти сосчитать, въ который уже разъ г. Ободовскій удостоился лавроваго вѣнка Софокла, когда восхищенная и до глубины тронутая публика Александринскаго театра такъ единодушно хлопала, слушая восхитительное пѣніе г-жи Гусевой и смотря на очаровательную пляску г-жи Каратыгиной. Содержаніе «Боярыни XVII Столѣтія» состоитъ въ томъ, что въ деревню и домъ жены псковскаго воеводы Морозова пожаловалъ невзначай отрядъ Шведовъ, которые напились пьяны, заставили Морозову (названную женою дворецкаго) плясать, и предводитель ихъ клялся, если найдетъ семейство Морозовыхъ, отомстить ему за смерть своего отца; а Морозова призрѣла у себя взятаго вмѣстѣ съ мертвыми съ поля битвы старика-Шведа; и вотъ, какъ предводитель отряда наконецъ узналъ, что онъ въ домѣ у Морозовой и что она его одурачила, то и началъ «клятися и ратитися», махать руками и кричать, да и схватился было за мечъ; тогда Морозова бросается съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ въ комнату, гдѣ стоялъ бочонокъ съ порохомъ, и въ великолѣпномъ монологѣ, не жалѣя груди, грозитъ поднести свѣчу къ бочонку; но какъ въ такомъ случаѣ погибла бы добродѣтель и восторжествовалъ бы порокъ, а сверхъ того и взрывъ

большой избы, набитой народомъ, неудобисполнителенъ на сценѣ, то по всѣмъ симъ причинамъ, вдругъ выздоравливаетъ старикъ Шведъ и, съ крикомъ: «сынъ!» бросается къ начальнику шведскаго отряда, а тотъ кричитъ: «родитель мой!» и бросается къ старикъ, а раѣкъ хлопаеть...

Очевидно, что содержаніе новаго «драматическаго представленія» г. Ободовскаго есть не что иное, какъ переложеніе русской исторіи на римскіе нравы, по незнанію русскихъ нравовъ... Сочинители извѣстнаго разряда не понимаютъ, что каждый народъ доблестенъ по своему, въ своихъ формахъ — Русскіе по-русски, Римляне по-римски, что Пожарскій, Мининъ и Сусанинъ совершили свои великія дѣла безъ монологовъ изъ Расиновскихъ трагедій, не рисуясь по театральному. Но угадывать форму идеи есть дѣло таланта: посредственность все представляетъ въ одинаковыхъ риторическихъ формахъ. Впрочемъ, какъ пѣніе г-жи Гусевой и пляска г-жи Каратыгиной, такъ и «драматическое представленіе» г. Ободовскаго совершенно пришлись по вкусу нѣкоторой части публики: авторъ былъ вызванъ, и мы сами слышали, какъ многие, даже весьма почтенные люди, т. е. люди въ лѣтахъ и съ вѣсомъ, говорили: «Вотъ это — піеса; это не то, что какая-нибудь Женитьба!» Именно, совсѣмъ не то — мы согласны съ этимъ...

БРАТЬЯ КУЩЫ, ИЛИ ИГРА СЧАСТІЯ. *Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, переведенная съ нѣмецкаго П. Г. Ободовскимъ.*

РУВЕНСЪ ВЪ МАДРИТѢ. *Историческая драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, передѣланная съ нѣмецкаго. Дѣйствіе 1-е: ЧЕСТЬ ТАЛАНТУ; дѣйствіе 2-е: ВРАЖДА И НУЖДА; дѣйствіе 3-е: ЛЮБОВЬ И ДОЛГЪ; дѣйствіе 4-е: КАРТИНА СМЕРТИ.*

Поэзія каждаго народа тѣсно сопряжена съ его жизнію и исторіею. Отсюда изъясняются успѣхи извѣстнаго народа въ одномъ родѣ поэзіи и неуспѣхи его въ другомъ. Какъ нація, отличающаяся внутреннею, субъективною настроенностію духа, Германія вся высказалась и вылилась въ лирической поэзіи. Ни одинъ народъ въ Европѣ не имѣетъ столько замѣчательныхъ лириковъ, какъ Нѣмцы, и ни въ одной европейской литературѣ лирическая поэзія не развилась до такой степени, какъ въ нѣмецкой литературѣ. Созерцательность, какъ начало внутреннее и спокойное, противоположное дѣятельному началу, составляетъ отличительную черту мыслительно-идеальнаго характера Нѣмцевъ, — и ей-то обязаны они своею музыкальнію и своимъ лиризмомъ. За то, какъ у народа болѣе семейственнаго, чѣмъ общественнаго, болѣе созерцающаго, чѣмъ дѣйствующаго, у Нѣмцевъ нѣтъ ни драмы, ни романа. Всѣ попытки ихъ въ этихъ родахъ ознаменованы печатію особеннаго ничтожества, жалкаго безсилія и смѣшнаго уродства. Въ этомъ случаѣ, должно исключить одного Шиллера. Но этотъ великій поэтъ въ драмахъ своихъ остался вѣренъ національному духу: преобладающій характеръ его драмъ—чисто лирической, и онѣ ничего общаго не имѣютъ съ прототипомъ драмы, изображающей дѣйствительность—съ драмою Шекспира. Въ своей сферѣ, драмы Шиллера—великія, вѣковыя созданія; но ихъ не должно смѣшивать съ настоящею драмою новаго міра, и онѣ гораздо больше имѣ-

ють общего съ греческою трагедією, чѣмъ съ Шекспировскою драмою. Для бѣльшого поясненія нашей мысли скажемъ, что къ такому роду драмъ, какъ Шиллеровскія, относится и «Манфредъ» Байрона. Надо быть слишкомъ великимъ лирикомъ, чтобы свободно ходить на котурнѣ Шиллеровской драмы: простой талантъ, взобравшійся на ея котурнѣ, непременно падаетъ съ него — прямо въ грязь. Вотъ отчего всѣ подражатели Шиллера такъ приторны, пошлы и несносны. «Фаустъ» и «Прометей» Гёте — тоже національныя нѣмецкія драмы, ибо глубокое философское содержаніе высказалось въ нихъ бурнымъ потокомъ лирическаго пафоса, а драматизмъ ихъ одна внѣшняя форма; отъ драматизма онѣ взяли только діалогъ. За то, всѣ прочія драмы Гёте, кромѣ одного «Гетца», представляющаго собою какое-то странное исключеніе изъ общего правила, — живыя свидѣтельства неспособности Нѣмцевъ къ драмѣ, какъ выраженію дѣйствительности. Не говоря уже о такихъ жалкихъ созданіяхъ, какъ «Клавиго», «Стелло», «Братъ и Сестра», — самымъ «Эгмонтомъ» Гёте можетъ, какъ драмою, очароваться только неопытное эстетическое чувство, не умѣющее отличать поддѣлки и ложныхъ усилій отъ свободного творчества. Изъ романа Нѣмцы сдѣлали какой-то свой особенный родъ поэзіи; они въ немъ то сантиментальничали съ Августомъ Лафонтеномъ, то тѣшились фантасмагорическими аллегоріями съ Шписомъ, то превращали дѣйствительность въ фантасмагорію съ гениальнымъ сумасбродомъ Гофманомъ, котораго гений задохся въ тѣснотѣ идеальной и гофратской дѣйствительности. Отъ этого въ литературномъ мірѣ нѣтъ ничего хуже нѣмецкихъ романовъ, повѣстей и, въ особенности, драмъ. Къ несчастію, число послѣднихъ безконечно велико и со дня на день все пребываетъ, какъ полая вода весною, грозя затопить театръ. Но Англичанъ и Французовъ, имѣющихъ свою національную и истинную драму, не легко обморочить сладкими супами нѣмецкой драматической кухни: они на нихъ не смотрятъ. Благодаря досужеству

и бездарности нѣкоторыхъ російскихъ сочинителей и переводчиковъ, намъ, Русскимъ, досталось на долю, зѣвая и морщась, лакомиться приторными отъ сладости драматическими супами Нѣмцевъ. Въ XVII № «Репертуара» за прошлый годъ, напечатана драма Гуцкова «Вернеръ, или Сердце и Свѣтъ». Боже великій, что это за дивная галиматья, что за гениальность бездарности? Не знаешь, чему болѣе дивиться въ ней: незнанію ли сердца человѣческаго, или незнанію свѣта! Нѣтъ, не далась Нѣмцамъ драма, не дался имъ театр: въ послѣднемъ, у нихъ много изученія, ума, даже учености, но нѣтъ жизни и натуры, — натянутасть въ позахъ, въ манерахъ, въ дикціи, бюргерство и честность, гофратство и аккуратность, но не сценическое искусство, не поэзія...

«Братья Купцы» и «Рубенсъ въ Мадритѣ» принадлежать къ самымъ образцовымъ уродамъ драматической нѣмецкой кунстамеры. Скучно, тяжело, и для насъ, и для читателей, было бы пересказыванье этой путаницы приключеній и походовъ, лишенныхъ всякой правдоподобности и естественности, — путаницы, которая составляетъ содержаніе этихъ двухъ приторныхъ драмъ. Жили да были, — изволите видѣть — два брата въ Лондонѣ: одинъ изъ нихъ бѣднякъ и гуляка, а другой человѣкъ тверезый, какъ говорятъ у насъ на Руси, и богачъ; бѣднякъ совсѣмъ проигрался и, попавъ въ тюрьму, просить брата помочь ему, но тотъ и слышать не хочетъ; вотъ Нѣмцу и стало досадно на жестокосердіе брата богача; черкнулъ перомъ Нѣмецъ — и богачъ сталъ бѣденъ и попалъ въ тюрьму, а бѣднякъ разбогатѣлъ, и бывший богачъ просить милостыни у бывшего бѣдняка, бывший бѣднякъ заупрямился было, но авторъ-Нѣмецъ, видя, что это безнравственно, заставилъ братьевъ помириться, они обнимаются и плачутъ, какъ два подгулявшіе бюргера; раѣкъ хлопаешь, и занавѣсъ опускается. Этотъ вздоръ переведенъ, достойными его стихами, тщаніемъ и усердіемъ извѣстнаго драматурга Александринскаго театра. — Рубенса не любитъ испанскій грандъ, г. Тол-

ченовъ 1-й; за то его любить грандесса, которую онъ тоже обожаетъ. Грандъ, чтобъ уронить Рубенса при испанскомъ дворѣ, выписываетъ изъ Голландіи учителя его, старика фанъ-Орста; но Рубенсъ посылаетъ тому вдвое больше денегъ, входитъ переряженный подъ именемъ фанъ-Орста въ домъ гранда и пишетъ портретъ съ его жены. Тутъ, разумѣется, нѣжныя и патетическія сцены любви въ нѣмецкомъ вкусѣ, ахи, страхи, охи, вздохи, слезы, фразы; обманъ открывается; грандъ такъ и лѣзетъ на стѣну—хочетъ Рубенса весьма живота лишить; а тотъ, махая мечомъ картоннымъ, пугаетъ и гранда и слугъ его, идетъ во дворецъ — и навлекаетъ на себя гнѣвъ короля; но королева спасаетъ Рубенса, приходитъ въ его мастерскую, заставляетъ соперниковъ помириться и объявляетъ имъ, что оба они назначены послами—одинъ въ Римъ, другой въ Лондонъ. Рубенсъ выставленъ въ этой драматической шумихѣ шутомъ, фарсѣромъ и фразеромъ; великаго человѣка и художника нѣтъ и тѣни.

ЛОМОНОСОВЪ, ИЛИ ЖИЗНЬ И ПОЭЗІЯ. *Драматическая повесть въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ и стихахъ, соч. Н. А. Полеваго. Дѣйствіе первое: рыбакъ; дѣйствіе второе: поэтъ; дѣйствіе третье: цѣпи жизни; дѣйствіе четвертое: поэтъ и люди; дѣйствіе пятое: великій человѣкъ.*

Г. Полевой и г. Ободовскій завладѣли сценою Александринскаго театра, вниманіемъ и восторгомъ его публики. И если нельзя не завидовать лаврамъ сихъ достойныхъ драматурговъ, то нельзя не завидовать и счастью публики Александринскаго театра; она счастливѣе и англійской публики, которая имѣла одного только Шекспира, и германской, которая имѣла одного только Шиллера: она, въ лицѣ гг. Полеваго и Ободовскаго,

имѣть вдругъ и Шекспира, и Шиллера! Г. Полевой — это Шекспиръ публики Александринскаго театра; г. Ободовскій — это ея Шиллеръ. Первый отличается разнообразіемъ своего генія и глубокимъ знаніемъ сердца человѣческаго; второй избыткомъ лирическаго чувства, которое такъ и хлещетъ у него черезъ край, потокомъ огнедышущей лавы. Тамъ, гдѣ у г. Полеваго не хватаетъ генія, или оказывается недостатокъ въ сердцеѣдѣніи, онъ обыкновенно прибѣгаетъ къ балетнымъ сценамъ и, подъ звуки жалобно протяжной музыки, устраиваетъ патетическія сцены разставанія нѣжныхъ дѣтей съ дражайшими родителями, или вѣрнаго супруга съ обожаемою супругою. Тамъ, гдѣ у г. Ободовскаго изсякаетъ на минуту самородный источникъ бурно-пламеннаго чувства, онъ прибѣгаетъ къ пляскѣ, заставляя героя (а иногда и героиню) патетически-патріотической драмы отхватывать въ присядку какой-нибудь національный танецъ. Обвиняютъ г. Ободовскаго въ подражаніи г. Полевому; но вѣдь и Шиллеръ подражалъ Шекспиру! Обвиняютъ г. Полеваго въ похищеніяхъ у Шекспира, Шиллера, Гёте, Мольера, Гюго, Дюма и прочихъ; но это не только не похищенія—даже не заимствованія; извѣстно, что Шекспиръ бралъ свое, гдѣ ни находилъ его: то же дѣлаетъ и г. Полевой, въ качествѣ Шекспира Александринскаго театра. Г. Полевой пишетъ и драмы, и комедіи, и водевили; Шекспиръ писалъ только драмы и комедіи: стало-быть, геній г. Полеваго еще разнообразнѣе, чѣмъ геній Шекспира. Шиллеръ писалъ однѣ драмы и не писалъ комедій: г. Ободовскій тоже пишетъ однѣ драмы и не пишетъ комедій. Г. Полевой началъ свое драматическое поприще подражаніемъ «Гамлету» Шекспира; г. Ободовскій началъ свое драматическое поприще переводомъ «Дона Карлоса» Шиллера. Подобно Шекспиру, г. Полевой началъ свое драматическое поприще уже въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, а до тѣхъ поръ, подобно Шекспиру, съ успѣхомъ упражнялся въ разныхъ родахъ искусства, свойственныхъ незрѣлой юности, и, подобно Шекспиру, началъ

свое литературное поприще нѣсколькими лирическими піесами, о которыхъ, въ свое время, извѣстилъ россійскую публику г. Свиньинъ. Г. Ободовскій, подобно Шиллеру, началъ свое драматическое поприще въ лѣта пылкой юности. Намъ возразять, можетъ - быть, что Шекспиръ не прибѣгалъ къ балетнымъ сценамъ, и Шиллеръ не заставлялъ плясать своихъ героевъ; такъ: но вѣдь нельзя же ни въ чемъ найти совершеннаго сходства; притомъ же, балетныя сцены и пляски можно отнести скорѣе къ усовершенствованію новѣйшаго драматическаго искусства на сценѣ Александринскаго театра, чѣмъ къ недостаткамъ его. Послѣ Шекспира и Шиллера, драматическое искусство должно же было подвинуться впередъ, — и оно подвинулось: въ драмахъ г. Полеваго, съ приличною важностію минуэтной выступки, а въ драмахъ г. Ободовскаго, съ дробною быстротою малороссійскаго трепака, — въ чемъ, сверхъ того, выразились и степенныя лѣта перваго сочинителя, и порывистая юность втораго. Чтò же касается до несходствъ, — ихъ можно найти и еще нѣсколько. Шекспиръ началъ свое поприще несчастно: г. Полевой счастливо; Шекспиръ не обольщался своею славою и смотрѣлъ на нее съ улыбкою горькаго британскаго юмора: г. Полевой вполне умѣетъ цѣнить пожатые имъ на сценѣ Александринскаго театра лавры. Шиллеръ былъ гонимъ въ юности и уважаемъ въ лѣта мужества: г. Ободовскій былъ ласкаемъ и уважаемъ со дня вступленія своего на драматическое поприще, и т. д.

Еслибы не усердіе и трудолюбіе сихъ достойныхъ драматурговъ, — русская сцена пала бы совершенно, за неизмѣнимъ драматической литературы. Теперь она только и держится, что гг-ми Полевымъ и Ободовскимъ, которыхъ, поэтому, можно назвать русскими драматическими Атлантами. Обыкновенно, они дѣйствуютъ такъ: когда сцена истощится, они пишутъ новую піесу, и піеса эта дается разъ пятьдесятъ сряду, а потомъ уже совсѣмъ не дается. Такъ недавно тѣшилъ г. Ободовскій публику Александринскаго театра своею безподобною

драмою «Русская Боярыня XVII столѣтія»; такъ недавно тѣшилъ г. Полевой публику Александринскаго театра «Еленою Глинскою», а на прошлой масляницѣ потѣшалъ ее «Ломоносовымъ», который былъ данъ ровно девятнадцать разъ, и который уже едва ли данъ будетъ въ двадцатый разъ. Сама «Сѣверная Пчела» (зри 35 №) выразилась объ этомъ такъ: Дайте десять разъ сряду піесу, и она уже старая! Всѣ ее видѣли, всѣ наслаждались ею, и занимательность пропала. А пусть бы играли ту же піесу два раза въ недѣлю, она была бы свѣжа въ теченіе года. Вотъ придетъ масляница, и къ посту піеса превратится въ Демьянову уху». Полно, правда ли это? Намъ кажется, что для такой піесы, какъ «Ломоносовъ», очень выгодно быть представленной девятнадцать разъ въ продолженіе двадцати дней, по пословицѣ: куй же-лѣзо, пока горячо. Чтѣ изящно, то всегда интересно, и занимательность хорошей піесы не можетъ пропасть ни съ того, ни съ сего. «Горе отъ ума» и «Ревизоръ» и теперь даются и всегда будутъ даваться. А «Ломоносовъ» и К^о пошумятъ, пошумятъ недѣли двѣ-три, да и умрутъ скоропостижно, пропадутъ безъ вѣсти.

Г. Ксенофонтъ Полевой сдѣлалъ изъ жизни Ломоносова нѣчто среднее между повѣстью и біографіею. Онъ вѣрно придерживался тѣхъ немногихъ и главныхъ фактовъ жизни Ломоносова, которые дошли до нашего времени, вѣрно держался духа, разлитаго въ твореніяхъ Ломоносова, и очень искусно замѣстилъ пробѣлы въ жизни Ломоносова возможными и вѣроятными распространеніями и вымыслами, которые не противорѣчатъ ни извѣстнымъ фактамъ жизни, ни духу твореній Ломоносова. Такимъ образомъ, у г. К. Полеваго вышла книга искусно изложенная. Г. Н. Полевой, соревнующій всѣмъ прошедшимъ успѣхамъ, отъ водевиля Аблесимова, драмъ Иванова и Ильина, до многочисленныхъ драматическихъ опытовъ князя Шаховскаго, поревновалъ и успѣху брата своего, г. К. Полеваго, — и изъ хорошей книги выкроилъ плохую драму,

въ которой, ради драматической шумихи дурнаго тона и трескучихъ эффектовъ, нарушилъ историческую истину и изъ характера отца русской учености и литературы сдѣлалъ жалкую карриатуру. Жизнь Ломоносова нисколько не драматическая, и г. К. Полевой очень хорошо поступилъ, сдѣлавъ изъ нея нѣчто среднее между біографіею и повѣстью. Ломоносовъ былъ человѣкъ съ душою поэтической; мы охотно допускаемъ въ немъ и талантъ поэтической; но кому же неизвѣстно, что наука была преобладающею страстью его, и что заслуги его въ области науки несравненно значительнѣе и выше, чѣмъ въ области поэзіи и краснорѣчія? Г. Полевой, не разъ печатно говорившій, что Ломоносовъ не поэтъ, сдѣлалъ въ своей драмѣ Ломоносова по преимуществу поэтомъ и на его поэтическомъ стремленіи основалъ паюосъ своей драмы. Какъ вамъ покажется это противорѣчіе критика съ поэтомъ (ибо г. Полевой не шутя считаетъ себя поэтомъ)? Но это противорѣчіе не единственное: г. Полевой, въ продолженіе почти десятилѣтняго изданія своего «Телеграфа», постоянно и съ какимъ-то ожесточеніемъ преслѣдовалъ драматическіе труды князя Шаховскаго, а теперь самъ неутомимо подвизается на его поприщѣ, и притомъ въ томъ же духѣ, въ тѣхъ же понятіяхъ объ искусствѣ, только съ меньшимъ талантомъ, нежели князь Шаховской. И такихъ противорѣчій между г. Полевымъ, какъ бывшимъ критикомъ, и между г. Полевымъ, какъ теперешнимъ дѣйствителемъ на поприщѣ изящной словесности, можно найти много. Откуда же происходятъ эти противорѣчія, въ чемъ ихъ источникъ, гдѣ ихъ причина? По нашему мнѣнію, эти противорѣчія суть нѣчто кажущееся, въ самомъ же дѣлѣ ихъ нѣтъ. Какъ критикъ, г. Полевой не выше г. Полеваго романиста и драматурга. Критика г. Полеваго отличалась вкусомъ, остроуміемъ, здравымъ смысломъ, когда въ нее не вмѣшивались пристрастіе и оскорбленное сочинительское самолюбіе; но законы изящнаго, глубокаго смысла искусства всегда были и навсегда

Остались тайною для критики г. Полеваго. Вотъ почему теперь пріятнѣе перечитывать его рецензіи, чѣмъ его критики, и вотъ почему въ его критикахъ теперь уже не находятъ мыслей и даже не могутъ понять, о чемъ въ нихъ толкуется, и видятъ въ нихъ одни фразы и слова. Кто глубоко понимаетъ сущность искусства, тотъ благоговѣнно чтить искусство и никогда не рѣшится унижать его литературною дѣятельностію безъ призванія, безъ таланта. Но положимъ, что могутъ иногда быть подобныя нравственныя аномаліи, и что человѣкъ, глубоко понимающій искусство, можетъ имѣть иногда слабость чувствовать въ себѣ призваніе, котораго ему не дано, и видѣть въ себѣ талантъ, котораго въ немъ нѣтъ, все же въ его произведеніяхъ, какъ бы ни были они холодны, сухи и скучны, будутъ видны его понятія объ искусствѣ. Но драмы г. Полеваго—живое опроверженіе того, что онъ писывалъ, бывало, о чужихъ драмахъ, а критика его—рѣшительное ауто-да-фе для его драмъ. Нѣтъ, поверхностная критика г. Полеваго была зерномъ его теперешнихъ драмъ, и между ею и ими нѣтъ большаго противорѣчія. Критикъ г. Полевой былъ моложе, слѣдовательно, живѣе и сильнѣе нравственно; драматургъ г. Полевой — уже сочинитель, который все для себя рѣшилъ и опредѣлилъ, которому нечего больше узнавать, нечему больше учиться; вотъ и вся разнища....

И, однакожъ, основать драму жизни Ломоносова на исключительномъ стремленіи къ поэзіи, понимая Ломоносова совсѣмъ не какъ поэта,—это противорѣчіе уже не эстетикъ, а развѣ здравому смыслу. Но что г. Полевой человѣкъ умный, въ этомъ никто не сомнѣвается, и мы увѣрены, что онъ самъ прежде другихъ видѣлъ несообразность въ основной идеѣ своей «драматической повѣсти». Зачѣмъ же допустилъ онъ эту несообразность? Очевидно, что здѣсь увлекла его непреодолимая охота быть драматургомъ вопреки призванію и способностямъ. Какъ умный человѣкъ, онъ понималъ очень хо-

рошо, что нѣтъ никакой возможности заинтересовать толпу идею стремленія къ наукѣ, и что стремленіемъ къ поэзіи можно заинтересовать толпу, хотя она и не понимаетъ, чтò такое поэзія. Конечно, это показываетъ въ сочинителѣ легкость и неглубокость эстетическихъ, ученыхъ и литературныхъ убѣжденій. Чтò за любовь, чтò за уваженіе къ искусству, если хлопанье, крики и вызовы толпы могутъ ихъ ослаблять и уничтожать?

Когда идея, взятая въ основаніе произведенія, ложна сама въ себѣ, то и при талантѣ автора произведеніе не можетъ быть удачно; если же тутъ дѣло идетъ о сочинителѣ безъ призванія и способности, то изъ произведенія выходитъ нелѣпость. Если эта нелѣпость исполнена трескучихъ и грубыхъ эффектовъ и выставляется на удивленіе толпы, то она можетъ имѣть сильный, хотя и мгновенный успѣхъ...

Но мы отдалились отъ предмета статьи — «драматической повѣсти» г. Полеваго; обратимся къ ней. Рассказывать ея содержанія не будемъ, потому что это содержаніе — повтореніе тѣхъ изношенныхъ эффектовъ и истертыхъ общихъ мѣстъ, изъ которыхъ уже сто разъ клеилъ г. Полевой свои «драматическія представленія». Первый актъ вертится весь на любви—не Ломоносова, слава Богу, а Вавилы къ Настѣ, на которой отецъ хочетъ заставить Ломоносова жениться. Любовь—самый ложный мотивъ въ русской драмѣ, когда дѣло идетъ о женитьбѣ. Въ мужицкомъ быту не бываетъ французскихъ водевилей. Это ложь! Второй актъ опять состоитъ изъ любви—Ломоносова къ дочери его хозяйки, Христинѣ. Скрыга и ростовщикъ Кляузъ далъ матери Христины денегъ взаймы и, зная, что ей нечѣмъ заплатить, хочетъ заставить ее выдать за него дочь свою, или пойти въ тюрьму. Когда уже старуху ташутъ въ тюрьму, Ломоносовъ кстати является съ деньгами, платитъ долгъ, выгоняетъ Кляуза, признается г-жѣ Энслебенъ въ любви къ ея дочери, проситъ ея руки. Какъ все это старо, пошло и приторно! Въ третьемъ актѣ,

Ломоносовъ презираетъ Вольфа, не ходитъ къ нему на лекціи, терпитъ нужду и говоритъ фразы. Пришедши разъ домой, онъ видитъ, что жена его спитъ у колыбели дочери, горестно задумывается, цѣлуетъ дочь, становится на колѣни, читаетъ молитву и, разыгравъ эту минуэтную сцену, уходитъ въ Россію. Эпизодъ завербованія, въ третьемъ актѣ, лишень всякой правдоподобности, всякой исторической истины и всякаго смысла. Въ четвертомъ актѣ, г. Полевой хотѣлъ изобразить въ лицѣ Ломоносова отношеніе поэта къ людямъ; людей онъ дѣйствительно представилъ довольно полными, но въ Ломоносовѣ показалъ не поэта, не ученаго, а какого-то брюзгу, который на словахъ города беретъ, а на дѣлѣ малодушенъ и слабохарактеренъ, какъ плаксивый ребенокъ. Въ пятомъ актѣ, г. Полевой показываетъ намъ большой свѣтъ; вотъ это ужъ совѣмъ напрасно! Его большой свѣтъ похожъ на пирушку подгулявшихъ сочинителей средней руки, которые подъ хмѣлькомъ, мирятся послѣ своихъ грязныхъ ссоръ, обнимаются, цѣлуются, называютъ другъ друга «почтѣннѣйшими» и даже пляшутъ въ присядку, подогнувъ свои мелодраматическія колѣни. Кстати; на вельможескомъ балѣ, изображенномъ чудною кистию г. Полеваго, пляшетъ Тредьяковскій, подъ напѣвъ глупыхъ стиховъ своихъ. Что даже и вельможи стараго времени любили иногда потѣшиться ученымъ народомъ, который по большей части былъ горькимъ пьяницей и добровольнымъ шутомъ,—это фактъ; но чтобъ у вельможи на балѣ могъ плясать въ присядку Тредьяковскій,—это, вѣроятно, принадлежитъ къ поэтическому вымыслу г. Полеваго. Но нападки на г. Полеваго нѣкоторыхъ литераторовъ за Тредьяковскаго совершенно несправедливы. Мы помнимъ, что за это нападали на г. Лажечникова и «Библіотека для Чтенія», а въ драмѣ г. Полеваго, характеръ Тредьяковскаго есть повтореніе созданнаго г. Лажечниковымъ характера Тредьяковскаго въ «Ледяномъ домѣ». Говорятъ, что Тредьяковскій могъ писать плохіе стихи и, все-таки, быть порядочнымъ

человѣкомъ. Не знаемъ, такъ ли это, но вотъ анекдотъ о Тредьяковскомъ, изъ записокъ Пушкина:

Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. „Ваше высокопревосходительство! Меня Александръ Петровичъ такъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ“. - Какъ же, братецъ? отвѣчалъ ему Шуваловъ: у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую? — „Ахъ, В. В., вы имѣете резонъ“, отвѣчалъ Тредьяковскій, и перенесъ руку на другую сторону. Тредьяковскому не разъ случалось быть битымъ Въ дѣлѣ Волынскаго сказапо, что сей однажды въ какой-то праздникъ потребовалъ оду у придворнаго пѣвца Василія Тредьяковскаго; но ода была не готова и пылкій статсъ-секретарь наказалъ тростію оплошнаго стихотворца.

Хорошъ порядочный человѣкъ! Скажутъ: то было такое время! Однакожь, въ такое же время Ломоносовъ писалъ къ Шувалову, хотѣвшему помирить его съ Сумароковымъ: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу».

ИГРОКИ. *Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи. Соч. Гоголя.*

Драматическіе опыты Гоголя представляютъ собою какое-то исключительное явленіе въ русской литературѣ. Если не принимать въ соображеніе комедіи Фонъ - Визина, бывшія въ свое время исключительнымъ явленіемъ и «Горе отъ Ума», тоже бывшее исключительнымъ явленіемъ, въ свое время, — драматическіе опыты Гоголя среди драматической русской поэзіи съ 1835 года до настоящей минуты—это Чимборазо среди низменныхъ, болотистыхъ мѣстъ, зеленый и роскошный оазисъ среди песчаныхъ степей Африки. Послѣ повѣстей Гоголя, съ удовольствіемъ читаются повѣсти и нѣкоторыхъ другихъ писателей; но послѣ драматическихъ шіесъ Гоголя, ничего нельзя ни читать, ни смотрѣть на театрѣ. И между

тѣмъ, только одинъ «Ревизоръ» имѣлъ огромный успѣхъ, а «Женитьба» и «Игроки» были приняты или холодно, или даже съ непріязнію. Не трудно угадать причину этого явленія: литература наша хотя и медленно, но все же идетъ впередъ, а театръ давно уже остановился на одномъ мѣстѣ. Публика читающая и публика театральная—это двѣ совершенно различныя публики; ибо театръ посѣщаютъ и такіе люди, которые ничего не читаютъ и лишены всякаго образованія. У Александринскаго театра своя публика, съ собственною фізіономією, съ особенными понятіями, требованіями, взглядомъ на вещи. Успѣхъ піесы состоитъ въ вызовѣ автора, и, въ этомъ отношеніи, не успѣваютъ только или ужь черезчуръ безмысленныя и скучныя піесы, или ужь слишкомъ высокія созданія искусства. Слѣдовательно, ничего нѣтъ легче, какъ быть вызваннымъ въ Александринскомъ театрѣ,—и дѣйствительно, тамъ вызовы и громки, и многократны: почти каждое представленіе вызываютъ автора, а инаго по два, по три, по пяти и по десяти разъ. Изъ этого видно, какіе патріархальные нравы царствуютъ въ бѣльшой части публики Александринскаго театра! За-границею вызовъ бываетъ наградою подвига и признакомъ неожиданно великаго успѣха,—то же, что триумфъ для римскаго полководца. Въ Александринскомъ театрѣ вызовъ означаетъ страсть пошумѣть и покричать на свои деньги—чтобъ не даромъ онѣ пропадали; къ этому надо еще прибавить способность восхищаться всякимъ вздоромъ и простодушное неумѣніе сортировать по степени достоинства однородныя вещи. Отсюда происходитъ и страсть вызывать актѣровъ. Инаго вызовутъ десять разъ, и ужь рѣдкаго не вызовутъ ни разу. Вызываютъ актѣровъ не по одному разу и въ Михайловскомъ театрѣ, но очень рѣдко, какъ и слѣдуетъ,—именно въ тѣхъ только случаяхъ, когда артистъ, какъ говорится, превзойдетъ самого себя. Въ Михайловскомъ театрѣ тоже апплодируютъ, кричатъ «браво», и въ остроумныхъ піесахъ выражаютъ свой восторгъ смѣхомъ; но все бываетъ тамъ

кстати, именно тогда только, когда нужно, и во всемъ присутствуетъ благородная умѣренность—признакъ образованности и уваженія къ собственному достоинству человѣка. Кого легко разсмѣшить, тому непонятна истинная острота, истинный комизмъ. Пьесы, восхищающія бѣльшую часть публики Александринскаго театра, раздѣляются на поэтическія и комическія. Первые изъ нихъ—или переводы чудовищныхъ нѣмецкихъ драмъ, составленныхъ изъ сантиментальности, пошлыхъ эффектовъ и ложныхъ положеній,—или самородныя произведенія, въ которыхъ, надутую фразеологію и бездушными возгласами, унижаются почтенныя историческія имена: пѣсни и пляски кстати и некстати доставляющія случай любимой актрисѣ пропѣть или проплясать, и сцены сумасшествія составляютъ необходимое условіе драмъ этого рода, возбуждаютъ крики восторга, бѣшенство рукоплесканій. Пьесы комическія всегда—или переводы, или передѣлки французскихъ водевилей. Эти пьесы совершенно убили на русскомъ театрѣ и сценическое искусство и драматическій вкусъ. Водевиль есть легкое, граціозное дитя общественной жизни во Франціи: тамъ онъ имѣетъ смыслъ и достоинство; тамъ онъ видитъ для себя богатые матеріалы въ ежедневной жизни, въ домашнемъ быту. Къ нашей русской жизни, къ нашему русскому быту, водевиль идетъ, какъ санная ѣзда и овчинныя шубы къ жителямъ Неаполя. И потому переводный водевиль еще имѣетъ смыслъ на русской сценѣ, какъ любопытное зрѣлище домашней жизни чужаго народа; но передѣланный, переложенный на русскіе нравы, или, лучше сказать, на русскія имена, водевиль есть чудовище безсмыслицы и нелѣпости. Содержаніе его, завязка и развязка, словомъ—баснь (*fable*), взяты изъ чуждой намъ жизни, а между тѣмъ большая часть публики Александринскаго театра увѣрена, что дѣйствіе происходитъ въ Россіи, потому что дѣйствующія лица называются Иванами Кузьмичами и Степанидами Ильинишнами. Грубый каламбуръ, плоская острота, плохой куплетъ—дополняютъ

очарованіе. Какое же тутъ можетъ быть драматическое искусство? Оно можетъ развиваться только на почвѣ роднаго быта, служа зеркаломъ дѣйствительности своего народа. Но эти незаконные водевили не требуютъ ни естественности, ни характеровъ, ни истины; а между тѣмъ они служатъ прототипомъ и нормою драматической литературы для публики Александринскаго театра. Артисты его (между которыми есть люди съ яркими дарованіями и замѣчательными способностями), не имѣя ролей, выражающихъ взятые изъ дѣйствительности и творчески обработанные характеры, не имѣютъ нужды изучать ни окружающей ихъ дѣйствительности, которую они призваны воспроизводить, ни своего искусства, которому они призваны служить. Не играя піесъ, проникнутыхъ внутреннимъ единствомъ, они не могутъ сдѣлать привычки къ единству и цѣлостности (*ensemble*) хода представленія, и каждый изъ нихъ старается фигурировать передъ толпою отъ своего лица, не думая о піесѣ и о своихъ товарищахъ. Мы несправедливы были бы по крайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, еслибъ стали отрицать въ нихъ всякій порывъ къ истинному искусству; но противъ теченія плыть нельзя, и, видя холодность и скуку толпы, они по неволѣ принимаются за ложную манеру, ради рукоплесканій и вызововъ. И вотъ, когда имъ случится играть піесу, созданную высокимъ талантомъ изъ элементовъ чисто русской жизни,—они дѣлаются похожими на иностранцевъ, которые хорошо изучили нравы и языкъ чуждаго имъ народа, но которые все-таки не въ своей сферѣ и не могутъ скрыть поддѣлки. Такова участь піесъ Гоголя. Чтобъ наслаждаться ими, надо сперва понимать ихъ, а чтобъ понимать ихъ, нужны вкусъ, образованность, эстетическій тактъ, вѣрный и тонкій слухъ, который уловитъ всякое характеристическое слово, поймаетъ на лету всякій намекъ автора. Одно уже то, что лица въ піесахъ Гоголя—люди, а не маріонетки, характеры, выхваченные изъ тайника русской жизни,—одно уже это дѣлаетъ ихъ скучными для бдльшей части публики

Александринскаго театра. Сверхъ того, въ піесахъ Гоголя нѣтъ этого пошлаго, избитаго содержанія, которое начинается пряничною любовью, а оканчивается законнымъ бракомъ; но вмѣсто этого, въ нихъ развиваются такія событія, которыя могутъ быть, а не такія, какихъ не бываетъ и какія не могутъ быть. Простота и естественность недоступны для толпы.

«Игроки» Гоголя давно уже напечатаны; слѣдовательно, нѣтъ никакой нужды рассказывать ихъ содержаніе. Скажемъ только, что это произведеніе, по своей глубокой истинѣ, по творческой концепціи, художественной отдѣлкѣ характеровъ, по выдержанности въ цѣломъ и въ подробностяхъ, не могло имѣть никакого смысла и интереса для большей части публики Александринскаго театра, которая, къ довершенію всего, — по тому случаю, что въ тотъ же вечеръ Рубини игралъ на Большомъ театрѣ, — была и очень немногочисленна и ужъ слишкомъ неразборчиво составлена. Изъ ролей особенно хорошо были выполнены роль Швохнева (г. Самойловымъ) и Замухрышкина (г. Каратыгинымъ 2-мъ).

Кстати: въ 18 № «Московскихъ Вѣдомостей» пишутъ о бенефисѣ Щепкина, въ которомъ давались «Женитьба» и «Игроки» Гоголя. Изъ статьи этой видно, что обѣ піесы были разыграны прекрасно. Кто знаетъ московскій театръ, тотъ повѣритъ, что піесы Гоголя были представлены достойнымъ образомъ, достойнымъ и ихъ и громкаго имени творца ихъ. Всѣ русскія піесы, т. е. хорошія русскія піесы, а не «Боярыня XVII вѣка» и «Елена Глинская», идутъ на московскомъ театрѣ гораздо лучше, чѣмъ переводныя. «Горе отъ Ума» играется тамъ прекрасно; «Ревизоръ» тоже (за исключеніемъ роли Хлестакова, для которой не нашлось актѣра въ обѣихъ столицахъ нашихъ). Жаль, что въ статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей» ничего не говорится о приѣмѣ, какой публика сдѣлала піесамъ Гоголя, превосходнымъ по себѣ и прекрасно разыграннымъ. На Александринскомъ театрѣ «Же-

нитьба» была принята очень дурно, — и не мудрено: вкусъ нѣкоторыхъ посѣтителей Александринскаго театра избалованъ такими высокими созданіями, каковы: «Федосья Сидоровна, или Война съ Китайцами», «Русская Боярыня XVII вѣка» и «еще Русланъ и Людмила».

ВОЛШЕВНЫЙ ВОЧЕНОКЪ, ИЛИ СОНЪ НА ЯВУ.

*Старинная нѣмецкая сказка, въ двухъ дѣйствіяхъ,
соч. Н. А. Полеваго.*

Это новое «драматическое представленіе» нашего знаменитаго драматурга все составлено или изъ сантиментально мѣщанскихъ, или изъ юмористическихъ сценъ. Сынъ знатнаго барона живетъ у бочара въ подмастерьяхъ, изъ любви къ дочери его, Гретхенъ; любовники воркуютъ, цѣлуются и говорятъ другъ другу сладенькія пошлости. Губертъ, другой подмастерье бочара Ганца, ревнуетъ къ Фрицу Гретхенъ, подсматриваетъ за ними и рассказываетъ все Кунигундѣ, злой и бранчивой женѣ бочара. Кунигунда кричитъ, бранится, выходитъ изъ себя; ее никто не слушаетъ. Является Юганъ Пумпанкикокъ, управитель барона Гохвольшпицвица, отца мнимаго Фрица; потомъ самъ баронъ — и уводитъ силою подмастерья-самозванца. Во второмъ актѣ, Илья Бушъ, старый пьяница, рассказываетъ Ганцу о какомъ-то кладѣ, который можетъ дасться только тому бочару, въ дочь котораго влюбился бы баронъ, и такъ далѣе. Ганцъ исчезаетъ съ Бушемъ, и въ его отсутствіе домъ его описывается за долги, а жена съ дочерью выгоняются изъ описаннаго дома. Наконецъ, является Ганцъ; онъ везетъ на тачкѣ боченокъ, и кто ни заглянетъ въ этотъ боченокъ — даже самъ бургмейстеръ — всѣ кланяются Ганцу; Ганцъ велитъ бургмейстеру проплясать съ однимъ изъ почетныхъ жителей городка, — и г. Толченевъ 1-й (бургмейстеръ) пускается съ г. Дранше (Кюндрадъ Шварцъ)

въ плясъ. Разумѣется, публика Александринскаго театра, при сей вѣрной оказіи, предается громкому хохоту, а раёкъ, какъ говорится въ простонародіи, животики надрываетъ со смѣху. Тогда актёръ, игравшій бочара Ганца (г. Сосницкій), обращается къ зрителямъ, говоря имъ что-то въ родѣ слѣдующаго: «Что-де вы такъ смѣтесъ, какъ будто бы между вами есть хоть одинъ, который не проплясалъ бы ради этого боченка?» Черта знанія человѣческаго сердца истинно-Шекспировская! Изъ нея видно, что сочинитель долго и основательно изучалъ науку сердца человѣческаго... Надо сказать, что въ это время Ганць успѣлъ уже купить себѣ баронскій замокъ и слѣдовательно, баронское званіе. Затѣмъ, является баронъ Гохвольшпицивицъ и униженно соглашается на бракъ своего сына съ баронессою Гретхенъ. Ганць ломается, дѣлаетъ язвительныя выходки на счетъ волшебнаго всемогущества золота надъ душою человѣка, и т. п. Піеса оканчивается, какъ водится, яркими восторгами жениха съ невѣстою. Чтобъ дополнить характеристику этого новаго «драматическаго представленія знаменитаго нашего «драматическаго представителя», г. Николая Полеваго, мы должны прибавить еще, что оное «драматическое представленіе» во многихъ мѣстахъ, для услажденія вкуса почтеннѣйшей публики Александринскаго театра, съ избыткомъ сдобрено и начинено знатнымъ количествомъ оплеухъ, тумачковъ, паденій вверхъ ногами и тому подобными драматическими эффектами... За то вѣдь ужъ и смѣху-то что было! Любо-дорого послушать!

ПОЛЧАСА ЗА КУЛИСАМИ. *Комедія въ одномъ дѣйствіи,*
соч. Н. А. Полеваго.

О, неутомимый нашъ «драматическій представитель»! когда находите вы время писать такое множество «драматическихъ представленій»? О вы, который написали намъ неконченную

«Исторію Русскаго Народа» для взрослыхъ людей, и потомъ, тоже неконченную, исторію Россіи для малолѣтнихъ читателей; оставшуюся въ рукописи «Исторію Петра Великаго» — вѣроятно для взрослыхъ людей, и потомъ напечатанную «Исторію Петра Великаго» — кажется, для малолѣтнихъ читателей; вы, который обѣщали издать многое множество до сихъ поръ неизданныхъ книгъ; вы, который написали нѣсколько романовъ, много повѣстей, издали нѣсколько томовъ юмористическихкихъ статей, нѣсколько томовъ переводныхъ повѣстей и всякой всячины, помѣщавшейся въ вашемъ журналѣ; вы, который писали о философіи, объ исторіи, о политической экономіи, о невещественномъ капиталѣ, о политикѣ, объ агрономіи и сельскомъ хозяйствѣ, о санскритской и китайской грамматикахъ, о лингвистикѣ, о литературахъ и языкахъ всего земнаго шара, объ эстетикѣ, и проч. и проч., гдѣ же и перечесть намъ все, что вы знаете, и о чемъ вы писали на вѣку своемъ! Скажите намъ, о, нашъ Вольтеръ и Гёте по всеобъемлемости свѣдѣній, многосторонности генія и разнообразію произведеній! скажите намъ, когда успѣли вы написать столько «драматическихкихъ представленій»? Они рождаются у васъ, какъ грибы послѣ дождя; вы производите ихъ дожинами! Не изобрѣли ли вы паровой машины для изготовленія этого товара, — машины, въ которой перемалываются Шекспиръ, Шиллеръ, Вальтеръ-Скоттъ, Коцебу, князь Шаховской, г. Б. Ф(Ѳ)едоровъ и вашъ собственный геній, и изъ смѣси всего этого выходятъ «драматическія представленія»? Вотъ сейчасъ любовались мы вашимъ «Волшебнымъ Боченкомъ», до краевъ наполненнымъ чистымъ золотомъ истинно-Шекспировской фантазіи, истинно-Шекспировскаго юмора, — и не успѣли мы отдохнуть отъ могущественныхъ и сладостныхъ впечатлѣній вашей бочарной піесы, какъ вы, неутомимый чародѣй, ведете насъ въ новой піесѣ на полчаса за кулисы, гдѣ, вѣроятно, увидимъ мы чудеса...

Такъ думали мы про себя въ антрактѣ между «Разсказомъ

г-жи Курдюковой» и піесою г. Полеваго «Полчаса за Кулисами»... Взвившійся занавѣсъ прервалъ наши думы. Вглядываемся, вслушиваемся... ба! да это что-то знакомое! гдѣ-то мы читали это... А! да это старая піеса «Утро въ кабинетѣ знатнаго барина», изъ «Новаго Живописца Общества и Литературы», издававшася при «Московскомъ Телеграфѣ». Любопытные могутъ найти ее въ тридцать третьей части «Московского Телеграфа» (1830): въ отдѣльно изданномъ, въ 1832 году, «Новомъ Живописцѣ Общества и Литературы» ея почему-то нѣтъ... «Полчаса за Кулисами» отличается отъ «Утра въ Кабинетѣ Знатнаго барина» только собственными именами дѣйствующихъ лицъ: г. Беззубовъ послѣдняго названъ въ первомъ дюкомъ де-Шапюи; остальное также немножко офранцужено. И такъ, новому «драматическому представленію» г. Полеваго тринадцать лѣтъ. Порадовавшись неожиданному свиданію съ старымъ знакомымъ, мы подивились экономіи сочинителя, у котораго всякая дрянь идетъ въ дѣло.

РАЗСКАЗЪ Г-ЖИ КУРДЮКОВОЙ ОВЪ ОТЪВЗДѢ ЕЯ ЗА ГРАНИЦУ.

Не понимаемъ, какимъ образомъ этотъ разговоръ попалъ въ число «драматическихъ представленій», но онъ дѣйствительно былъ представленъ на сценѣ Александринскаго театра, въ бенефисъ г-жи Сосницкой. Впрочемъ, мы уже слышали его на сценѣ Александринскаго театра: тогда онъ доставилъ намъ гораздо больше удовольствія, потому, во-первыхъ, что мы слушали его въ первый разъ, и потому, во-вторыхъ, что тогда онъ былъ гораздо короче... Для всякой шутки есть свое время, и повтореніе сегодня того, что, можетъ - быть, смѣшило вчера, наводитъ скуку и возбуждаетъ досаду. Мы думаемъ, что русское общество теперь уже далеко впереди

г-жи Курдюковой... Впрочемъ, и то сказать: публика Александринскаго театра крѣпко и громко хлопала сенсациямъ г-жи Курдюковой: видно, онѣ для нея и новы и забавны...

РЕЦЕПТЪ ДЛЯ ИСПРАВЛЕНІЯ МУЖЕЙ. *Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, взятая съ французскаго Н. А. Коровкина.*

На этотъ разъ, драматическій геній г. Коровкина едва ли не одержалъ блистательной побѣды надъ драматическимъ геніемъ г-на Полеваго: по крайней мѣрѣ, во время этой пьесы всѣ казались какъ-то оживленнѣе, какъ люди, очнувшіеся послѣ приема дурмана. Содержаніе этой пьесы состоитъ въ томъ, что одна молодая женщина, по совѣту доктора, исправляетъ мужа повѣсу, начавъ сама рыскать по баламъ и давать балы. Пьеса недурна и разыграна была хорошо.

СПИСОКЪ КНИГЪ, ОТЗЫЗЫ О КОТОРЫХЪ, ПО НЕЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ СВОЕЙ, НЕ ВОШЛИ ВЪ СЕДЬМУЮ ЧАСТЬ ЭТОГО СОБРАНІЯ.

1843 г. *Отечественныя Записки. Кн. 2.* Сказка за сказкой. Т. III.— Мысли Русскаго вслухъ на новый годъ.—*Кн. 3.* Повѣсти и Разказы, Н. Кукольника. Т. I.—Статейки въ стихахъ. Т. I.—*Кн. 4.* Записки покойнаго Колечкина.—*Кн. 5.* Книга судьбы или чародѣй въ гостиныхъ. — Петербургскій театраль.— *Кн. 7.* На сонъ грядущій, соч. Сологуба.—Статейки въ стихахъ. Т. II.— Мысли Паскаля.—*Кн. 8.* Странствователь по сушѣ и морямъ. *Кн. 1.* Драгоценный подарокъ дѣтямъ, или русская азбука.—Разказъ П. М.—Средство выдавать дочерей замужъ.—*Кн. 9.* Исповѣдь.—Исторія похода 1815 г., соч. Фонъ-Дамница. — Библіотека хозяйственныхъ и коммерческихъ зданій. — *Кн. 10.* Сочиненіе Зенеиды Р-вой.—Памятная книжка для молодыхъ людей. — Притчи и повѣсти, выбранныя изъ Крумахера. — *Кн. 11.* Повѣсти и разказы Кукольника. Т. II.—Картины русскихъ нравовъ.— Странствователь по сушѣ и морямъ. Кн II.—Разказъ П. М.—Памятникъ искусствъ.—*Кн. 12.* Молодикъ на 1843 годъ.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

1843.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1.

Критика.

	Стр.
Русская литература въ 1842 г.	9
Сочиненія Державина	58
Сочиненія Эспенды Р—ой	152

2.

Вибліографія.

Стихотворенія Лермонтова.	197
Сочиненія Державина	198
Сказка за сказкой. Т. П.	205
Были и небылицы	206
Исторія Суворова	209
Супружеская истина	213
Сочиненія Н. Гоголя	216
Божественная комедія Данте, пер. Фангъ-Дима	223
Драматическія сочиненія и переводы Н. Полеваго. Т. III	224
Переводчикъ или сто одна повѣсть	232
Аристократка, былъ, разсказанная Л. Брапомъ	234
Сельское чтеніе	241
Драматическія сочиненія и переводы Н. Полеваго. Т. IV	245
Физиологія женатаго человѣка	247
Путевыя записки по Россіи	248
Параша, разсказъ въ стихахъ. Т. Л.	256
Физиологія театровъ въ Парижѣ и въ провинціяхъ -- Физиологія Винера	276

	Стр.
Молодикъ украинскій литературный сборникъ	278
Казакъ, повѣсть Александра Кузьмича	280
Повѣсти Ивана Гудошника	286
Князь Курбскій, соч. Б. Федорова	289
Исторія государства Россійскаго, соч. Карамзина	302
Стихотворенія Милькѣва	305
Русская грамматика для русскихъ, соч. Половцова	317
Сказка о мельникѣ колдупѣ и проч., соч. Алипапова	319
Повѣсти А. Вельтмана	321
Провинціальная жизнь, соч. Егора Классена	325
Разныя повѣсти	329
Голось за родное, повѣсть Фанъ-Дима	332
Рѣчь объ истинномъ значеніи поэзіи, Метлицкаго	—
Осада Троице-Сергіевской Лавры, историческій романъ	334
Демонъ стихотворства, комедія	336

3.

Журнальная всячина.

Алексей Васильевичъ Кольцовъ (некрологъ)	345
Библиографическія и журнальныя извѣстія	349
Литературныя и журнальныя замѣтки	363

4.

Т е а т р ъ.

Русскій театръ въ Петербургѣ	437
--	-----

—

Списокъ книгъ, отзывы о которыхъ, по незначительности своей, не вошли въ седьмую часть	464
---	-----

